

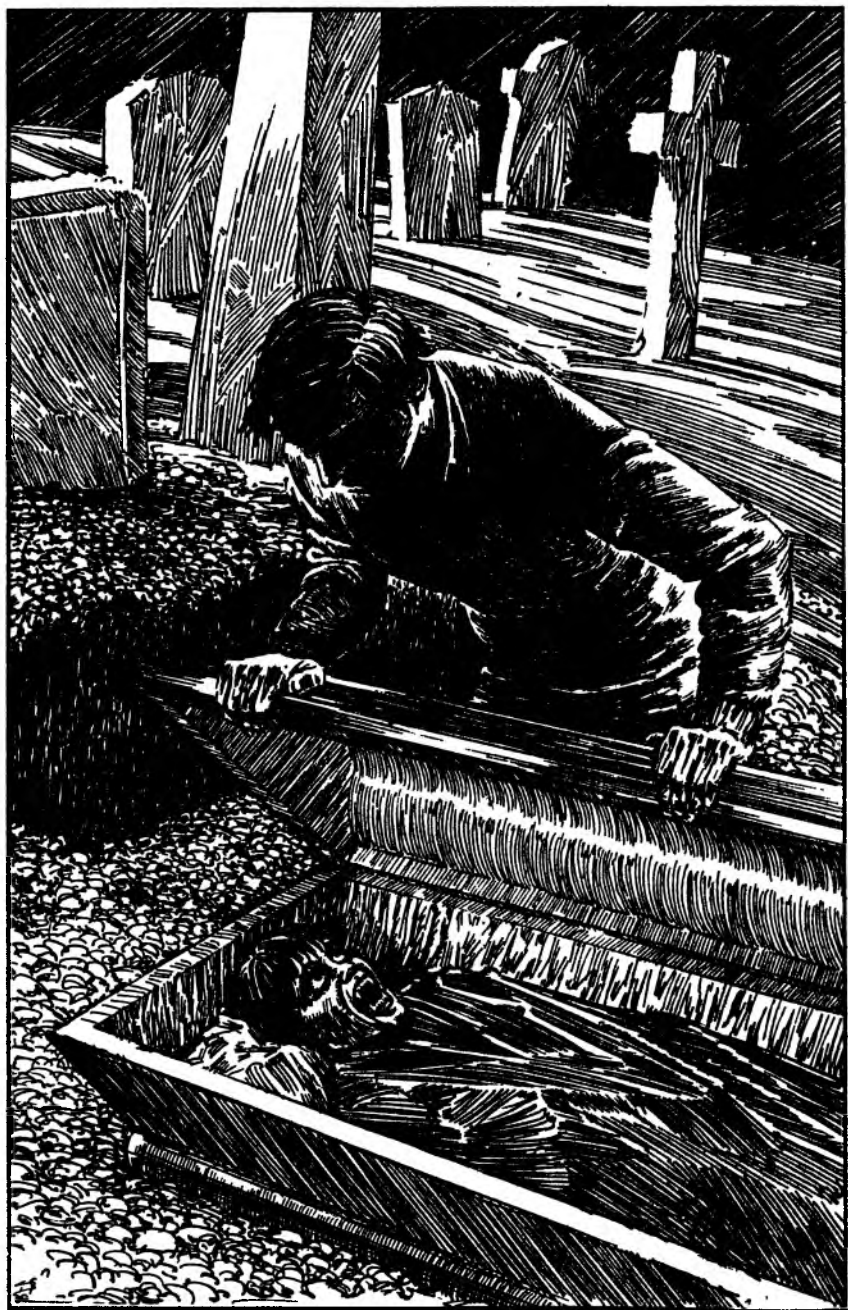
СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

СУДЬБА
ИЕРУСАЛИМА

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

СУДЬБА ИЕРУСАЛИМА

Санкт-Петербург
ТАТЬЯНА
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 5

Художник В.А.Кормин

Судьба Иерусалима: роман, рассказы.

ISBN 5-85743-005-4

- © Издательство АОЗТ «Кэдмэн». 1993, составление, перевод, иллюстрации, оформление
- © Издательство «Татьяна» оформление суперобложки

СУДЬБА ИЕРУСАЛИМА

ПРОЛОГ

*«Что видишь ты здесь, старый друг?
Вернулся ты домой из долгих странствий
и многое забыл под чуждым небом,
далеко от своей родной страны».*
(Георгиос Сеферис).

1

Почти все думали, что мужчина и мальчик были отцом и сыном.

Они бесцельно двигались по стране на юго-запад, выбирая окольные дороги. Прежде чем достигнуть конечного пункта своего путешествия, они останавливались трижды: сперва в Род-Айленде, где высокий темноволосый мужчина работал на текстильной фабрике, потом в Янгстауне, штат Огайо, где он три месяца проработал на конвейере, собирая трактора, и, наконец, в маленьком калифорнийском городке близ границы с Мексикой, где он взялся чинить маленькие импортные автомобили с неожиданным для себя самого успехом.

Везде, где они останавливались, он покупал газету «Пресс-Геральд», издающуюся в Портленде, штат Мэн, мэнского городка под названием Джерусалемс-Лот. Иногда в газете появлялась интересующая его информация.

В мотеле у Сентрал-Фоллс, штат Род-Айленд, где они остановились, он набросал план романа и отправил его по почте своему литературному агенту. Когда-то, миллион лет назад, он был популярным молодым писателем — тогда тьма еще не нависла над ним. Агент показал план

издателю, который выказал вежливый интерес, но без всякого желания выплатить аванс. Ему оставалось только сказать «благодарю вас» рассильному, принесшему ответ агента. Это не оставило особенного следа в его душе, и он продолжал работать над романом.

Мальчик говорил мало. На лице его задержалось настороженное выражение, а глаза были темными, как будто устремленными внутрь себя, в какую-то мрачную глубину. В закусочных и на бензоколонках, где они останавливались, он был неизменно вежлив. Казалось, что он боится упустить из виду своего спутника и нервничает, даже когда тот выходит в туалет. Он не хотел говорить о городке Джерусалемс-Лот, хотя мужчина пытался время от времени завести разговор на эту тему, и не заглядывал в портлендские газеты, которые тот покупал.

Когда роман был закончен, они жили на тихоокеанском пляже, в маленьком коттедже недалеко от дороги и почти не вылазили из океана. Он был теплее Атлантики, дружелюбнее и не таил в себе тяжелых воспоминаний. Кожа мальчика постепенно делалась коричневой.

Хотя они могли позволить себе есть трижды в день и имели крышу над головой, мужчину начали одолевать хандра и сомнения. Он считал себя ответственным за мальчика, и, хотя тот учился легко и был достаточно развит для своих лет, одолевая все книги, которые мужчина читал сам, ему казалось, что воспоминания о Джерусалемс-Лот все еще мучают его. Иногда ночью мальчик кричал во сне и сбрасывал одеяло на пол.

В это время пришло письмо из Нью-Йорка. Агент сообщал, что «Рэндом-хаус» предлагает за Роман аванс в 12 тысяч долларов, и успех его почти гарантирован. Согласен ли он?

Он был согласен.

Мужчина оставил свою работу, и они с мальчиком пересекли границу.

Лос-Сапатос, что означает «Башмаки» (это название и привлекло мужчину) был маленьким городком неподалеку от океана, свободным от туристов. Там не было хороших дорог, морских пляжей (море находилось в четырех милях к западу) и никаких достопримечательностей. В местной гостинице кишмя кишели тараканы, а единственной шляхе было уже за пятьдесят.

Жизнь там, в непосредственной близости от Штатов, была немыслимо спокойной. Ни уличного движения, ни самолетов, ни одной газонокосилки в радиусе сотни миль. У них было радио, но они мало что понимали, поскольку новости шли на испанском — мальчик уже начал его понимать, но для мужчины этот язык оставался ничего не значащим шумом. Из музыки передавали только оперные арии. Иногда они ловили музыкальную программу из Монтеррея с каким-нибудь древним джазом, но она то и дело пропадала. Единственным механизмом, работающим в пределах их слышимости, был ветхий дизель местного фермера, захлебывающийся звук которого едва слышался из-за шума ветра. Воду они носили из колодца.

Один или два раза в месяц (не всегда вместе) они посещали мессу в маленькой городской церкви. Они не понимали слов службы, но выстаивали ее до конца, хотя мужчину иногда клонило в сон от монотонных голосов молящихся. В одно из воскресений мальчик подошел к крыльцу, где мужчина работал над своим романом, и сказал ему, что он попросил священника разрешить ему исповедаться. Мужчина только кивнул и спросил, хватит ли для этого его знания испанского. Мальчик ответил, что вряд ли это будет проблемой.

Раз в неделю мужчина отправлялся за сорок миль, чтобы получить портлендскую газету, которая всегда была недельной давности и иногда перепачкана собачьей мочой. Через две недели после того, как мальчик сообщил ему о своем намерении, он обнаружил в газете статью о Джерусалемс-Лот и о Вермонтском городе по имени Момсон. В связи с первым в статье упоминалось и его имя.

Он отложил газету, не особенно надеясь, что мальчик прочтет ее. Статья оставила у него тяжелое впечатление. Оказывается, не все в Салемс-Лот закончилось с их отъездом.

На следующий день мальчик подошел к нему с газетой в руках, раскрытой на заголовке: «Город-призрак в штате Мэн?»

— Я боюсь, — сказал он.

— Я тоже, — ответил мужчина.

3

Город-призрак в штате Мэн?

Джон Льюис,
редактор отдела статей
«Пресс-Геральд».

Джерусалемс-Лот — маленький городок к востоку от Камберленда и в двадцати милях севернее Портленда. Это не первый заброшенный город в истории Америки и, по всей видимости, не последний, но один из самых необычных. Такие «города-призраки» обычны на юго-западе страны, где города возникали за одну ночь вокруг золотых и серебряных приисков и так же быстро исчезали, когда золотые жилы иссякали, оставляя после себя пустые и молчаливые магазины, гостиницы и салуны.

В Новой Англии же сравнить с Джерусалемс-Лот (или Салемс-Лот, как его обычно называли местные жители) можно, пожалуй, только маленький Город Момсон в Вермонте. Летом 1923 года Момсон внезапно опустел, и все его 312 жителей пропали неведомо куда. В центре города еще сохранились дома и деловые здания, но все пятьдесят два года, прошедшие с тех пор, они оставались необитаемыми. Кое-где жители успели вывезти вещи, но в большинстве домов уцелела мебель и вся обстановка, как будто среди бела дня какой-то ураган сдул всех, кто там находился. В одном доме стол все еще накрыт к ужину и украшен вазой с засохшими цветами. В другом — постели в спальне аккуратно расправлены перед сном. В местном магазине на прилавке остался полуистлевший рулон материи, а в кассе — 122 доллара выручки. В ящике под кассой были обнаружены нетронутыми почти 50 тысяч долларов.

Население округа любит рассказывать эту историю туристам, добавляя при этом, что город населяют призраки — вот почему он так долго остается заброшенным. Однако более вероятной причиной кажется то, что Момсон расположен в дальнем конце штата, вдалеке

от основных магистралей. Там нет ничего, что не повторялось бы в сотне таких же городишек — кроме загадочного, как история «Марии Целесты», исчезновения его жителей.

Нечто похожее можно сказать и о Джерусалемс-Лот. По переписи 1970 года его население составляли 1319 человек — на 67 человек меньше, чем по предыдущей переписи. Это уютный маленький городок, называемый его прежними обитателями просто Лот или же Салемс-Лот, где никогда ничего не случилось. Единственным событием, о котором часто вспоминали старожилы, сидя у камина, был пожар 51-го, когда от оброченной спички вспыхнул один из крупнейших в истории штата лесных пожаров.

Для тех, кто мечтал поселиться в тихом месте, где каждый занят собственным делом, кроме кумушек, собирающих городские сплетни, Лот был идеальным выбором. Перепись 1970-го показала то, что хорошо известно демографам сельских районов и обитателям многих маленьких городов в штате Мэн: много пожилых людей, мало бедняков и приличное число молодежи, покидающей город со школьными аттестатами, чтобы никогда в него не возвращаться.

Но чуть больше года назад начали твориться необычные вещи. Люди стали пропадать. Большая часть их, впрочем, не пропала в обычном смысле слова. Бывший констебль Лота, Перкинс Гиллспай, живет со своей сестрой в Киттери. Чарльз Джеймс, владелец бензоколонки напротив аптеки, ныне держит ремонтную мастерскую в соседнем Камберленде. Полина Диккенс переехала в Лос-Анджелес, а Рода Кэрлесс работает в миссии святого Матфея в Портленде. Список таких «пропавших» можно продолжать еще долго.

Удивляет в этих обнаруженных нами людях их откровенное нежелание — или неспособность — говорить о Джерусалемс-Лот и о том, что там случилось. Перкинс Гиллспай просто посмотрел на репортера, закурил и сказал: «Я решил уехать, ну и что?» Чарльз Джеймс заявил, что он уехал потому, что дела его шли неважно. Полина Диккенс, много лет работавшая официанткой в кафе «Экселент», не ответила на наше письмо, а Мисс Кэрлесс вовсе отказалась говорить о Джерусалемс-Лот.

У некоторых из исчезнувших действительно могли быть для этого причины. Лоуренс Крокетт, местный агент по продаже недвижимости, пропавший неведомо куда вместе с женой и дочерью, оставил после себя ряд сомнительных сделок, включая спекуляцию землей, на которой размещаются Портлендский парк и торговый центр. Также пропавшие Макдугаллы потеряли некогда ранее малолетнего сына, и ничто не удерживало их в этом городе. Нечто подобное могло случиться и с другими. Как заявил начальник полиции штата Питер Макфи: «Мы потеряли следы многих жителей Джерусалемс-Лот, но это не единственный город в Мэне, где такое происходит. Рой Макдугалл, например, задолжал деньги одному банку и двум финансовым компаниям — по-моему, он решил просто смыться от креди-

торов. Вот когда он воспользуется где-нибудь своей кредитной картой, они его и поймают. Поймите, что исчезновение людей в Америке так же обычно, как пирог с вишнями. Мы живем в стране автомобилей. Люди каждые два-три года собирают вещи и переезжают за полстраны, и порой забывают сообщить свой новый адрес. Особенно преступники».

При всей справедливости этих слов капитана Макфи, в судьбе Джерусалемс-Лот, остается много неясностей. Пропал Генри Петри с женой и сыном, а его, сотрудника крупной страховой компании, вряд ли можно причислить к антисоциальным элементам. В этом списке значатся также местные гробовщик, библиотекарь и косметолог, и весь список чрезвычайно длинен.

В окружающих городах уже поползли слухи, знаменующие начало легенды. Салемс-Лот прослыл проклятым городом. Над ним многие видели разноцветные огни, и если сказать, что жителей Лота похитили инопланетяне, никто в округе не улыбнется. Ходят слухи о черных мессах, совершаемых там, что и навлекло гнев Божий на город, названный в честь самого святого из городов Святой земли. Другие, настроенные более реалистически, вспоминают о молодых людях, исчезнувших несколько лет назад в Хьюстоне, штат Техас, и найденных затем изуродованными в братской могиле.

Посещение Салемс-Лот не смягчает впечатление от этих разговоров. Вся деловая жизнь здесь замерла. Последним закрыл свои двери в январе хозяйственный магазин Спенсера. Не работают овощной магазин Кроссена, мебельный магазин Барлоу и Стрэйкера, кафе «Экселент», заперто даже муниципальное здание. Новая начальная школа пуста, и так же выглядит высшая школа, построенная только в 1967 году. Мебель и учебники оттуда перевезены в Камберленд и распределены между школами района, поскольку в Салем-Лот, по-видимому, не осталось детей, которым они бы требовались. Детей нет; только заброшенные магазины и лавки, опустевшие дома, запущенные газоны и пустые улицы.

Среди людей, которых полиция штата хотела бы отыскать, числятся также Джон Гроггинс, пастор методистской церкви Лота; отец Дональд Каллагэн, католический священник церкви святого Андрея; Мэйбл Вертс, вдова, занимавшаяся церковными делами и благотворительностью; Лестер и Хэрриет Дарэм, работавшие на ткацкой фабрике, Ева Миллер, владелица местного пансиона...

4

Через два месяца после появления этой статьи, мальчика пригласили в церковь. Он в первый раз пошел на исповедь — и рассказал все.

Священник был стариком с белыми волосами и лицом, состоящим из одних морщин. Глаза его на выдубленном солнцем лице удивляли блеском и быстротой. Они были голубыми, очень ирландскими. Когда мужчина зашел к нему во двор, священник сидел на веранде и пил чай. Рядом с ним стоял человек в костюме, прическа которого, разделенная пробором, напомнила мужчине фотографии 1890-х годов.

Человек сказал:

— Я Хесус де ла Рей Муньос. Отец Гракон просил меня переводить, поскольку он не знает английского. Отец Гракон оказал моей семье услугу, которую я не вправе забывать, поэтому будьте уверены, что сказанное вами умрет во мне. Приемлемо ли это для вас?

— Да. — Он пожал руку Муньосу, а потом священнику. Тот спросил что-то по-испански и улыбнулся. Слева у него во рту оставалось только пять зубов, но улыбка была открытой и радостной.

— Он спрашивает, не хотите ли вы чаю? Это зеленый чай. Хорошо утоляет жажду.

— С удовольствием.

Благословив их, священник спросил:

— Это не ваш сын?

— Нет.

— Его исповедь была очень странной. Фактически я не слышал ничего подобного за все время, что я служу.

— Это меня не удивляет.

— Он плакал, — сказал отец Гракон, отпивая чай. — Страшный плач. Он исходил из самой глубины души. Могу я задать вам вопрос, который вызвала в моем сердце его исповедь?

— Нет, — сказал спокойно мужчина. — Не спрашивайте. Он говорил правду.

Гракон кивнул еще до того, как Муньос перевел эти слова, и лицо его словно окаменело. Он наклонился вперед, зажав ладони между колен, и долго что-то говорил. Муньос внимательно слушал и, когда священник закончил, сказал:

— Он говорит, что в мире много странных вещей. Сорок лет назад крестьянин принес ему ящерицу, кричавшую женским голосом. Видел он и человека со стигматами, следами мучений Господа нашего, которые кровоточили в Страстную пятницу. Он говорит, что это, то, о чем он узнал, ужасно. Что это очень опасно для вас и для мальчика. Особенно для мальчика. Это просто гложет его. Он говорит...

Гракон опять сказал что-то.

— Он спрашивает, понимаете ли вы, что случилось в этом вашем Новом Иерусалиме?

— Джерусалемс-Лот, — поправил мужчина. — Да. Я понимаю.

Гракон снова спросил.

— Он спрашивает, что вы собираетесь делать дальше? Мужчина медленно покачал головой.

— Я не знаю.

Гракон еще что-то сказал.

— Он говорит, что будет молиться за вас.

6

Через неделю он проснулся в поту от ночного кошмара и позвал мальчика.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

Мальчик побледнел под слоем загара.

— Поедешь со мной? — спросил мужчина.

— Ты меня любишь?

— О Господи, конечно да!

Мальчик заплакал, и мужчина обнял его за плечи.

7

Он не мог больше спать. Из темноты на него глядели лица, неясные, будто припорошенные снегом, и когда ветки деревьев задевали крышу, он подскакивал.

Джерусалемс-Лот.

Он прикрывал глаза рукой и все вернулось опять. Он почти видел прошлое сквозь ту же снежную пелену.

Салемс-Лот...

Часть первая

ДОМ МАРСТЕНОВ

«Ни один живой организм не в состоянии долго выносить абсолютную реальность и оставаться здоровым; даже птицы и кузнечики, по-видимому, иногда грезят. И Хилл-Хаус не был здоров, угрюмо возвышаясь на холме, от которого получил свое имя, темный и пустой, он стоял так восемьдесят лет и мог простоять еще восемьдесят. Стены его оставались прямыми, кладка — прочной, полы — крепкими, и двери были плотно закрыты; тишина стояла над его деревом и камнем, и то, что двигалось там, двигалось бесшумно».

*(Ширли Джексон.
Призраки Хилл-Хауса).*

Глава первая

БЕН (1)

1

К тому времени, как Бен Мейрс добрался до Портленда, следуя по магистрали на север, он начал чувствовать не очень приятное волнение. Это было 5-го сентября 1975 года, при последнем параде уходящего лета. Деревья ярко зеленели, небо было высоким и чистым, и сразу за Фалмутом он встретил двух ребяташек, идущих по обочине с рыбацкими удочками на плечах.

Он свернул с магистрали, сбавив скорость до положенного предела и попытался рассмотреть что-нибудь, запечатлевшееся в его памяти. Сперва ничего не было видно, и он попытался объяснить это себе: «Тебе же было всего семь лет. Двадцать пять лет уткло с тех пор. Места изменились. Как и люди».

Тогда дороги 295 еще не было. Если вы хотели добраться до Портленда из Лота, нужно было ехать по дороге 12 до Фалмута и там свернуть на первое шоссе. Времени уходило куда больше.

«Прекрати эту чепуху».

Но прекратить было трудно. Трудно прекратить, когда...

Большой мотоцикл БСА заревел сзади и промчался совсем рядом. На нем сидели парень и девушка в красном жакете и громадных зеркальных очках, обнявшая его сзади. Бен инстинктивно надавил на тормоз и нажал обеими руками гудок. Мотоцикл унесся вперед в облаке сизого дыма, а девица, обернувшись, показала ему средний палец.

Он сбавил скорость, чтобы закурить. Руки заметно тряслись. Мотоцикл уже почти скрылся из виду. Дети. Чертовы дети. Опять начали приходить в память какие-то воспоминания, но он отогнал их прочь. Уже два года он не садился на мотоцикл, и не желал когда-нибудь еще делать это.

Слева в глаза ему полыхнуло чем-то ярко-красным, и, повернув голову, он почувствовал радость узнавания. На холме посреди поля клевера и тимофеевки, возвышался большой красный сарай под белой крышей — даже с такого расстояния он мог видеть на ней солнечные блики. Он был здесь тогда и все еще стоял. Точно такой же. Может, это было к лучшему. Скоро сарай скрылся за деревьями.

Когда он доехал до Камберленда, знакомых вещей стало появляться все больше. Он переехал через Ройял-ривер, где они мальчишками удили шук. Между деревьев промелькнул городок Камберленд с его приземистой водонапорной башней, на которой было выведено краской: «Сохраним Мэн зеленым!» Тетя Синди всегда говорила, что ниже стоило подписать: «Гони монету!»

Чувство узнавания росло, и он стал озиаться, ища знак. Он отсвечивал зеленым уже через пять миль:

ДОРОГА 12 ДЖЕРУСАЛЕМС-ЛОТ КАМБЕРЛЕНД КАМБЕРЛЕНД ЦЕНТР

Внезапная темнота навалилась на его сознание, гася радостные мысли, словно огонь — песком. Это не раз приходило к нему с тех пор, как (тут в мыслях всплыло имя Миранды, но он отогнал его прочь) случилась беда, и он не позволял себе думать об этом, но оно приходило снова и снова, вторгаясь с пугающей силой.

Зачем все-таки он возвращался в город, где провел четыре года своего детства, пытаясь вернуть что-то, ушедшее безвозвратно? Какого волшебства он ожидал от тропок, по которым ходил мальчишкой, и которые теперь, наверное, были заасфальтированы, выпрямлены и заброшены туристскими жестянками из-под пива? Магия кончи-

лась, и черная, и белая. Все кончилось в тот вечер, когда мотоцикл потерял управление и врезался в желтый фургон, и были скрежет и крик Миранды, внезапно оборвавшийся, когда...

Он проехал правый поворот и в какой-то миг едва не свернул направо, чтобы доехать до Чемберлена или Люистона, пообедать там, а потом развернуться и поехать назад. Но куда «назад»? Домой? Смешно. Если у него и был дом, то он был здесь. Хотя он был здесь всего четыре года, но это был он.

Он просигналил и притормозил у ограждения. За поворотом, там, где он соединялся с дорогой 12 (которая ближе к городу переходила в Джойнтнер-авеню), он что-то увидел на горизонте; что-то, заставившее его обеими ногами надавить на тормоз. «Ситроен» вздрогнул и остановился.

Деревья, в основном сосны и ели, подымались к востоку на холм, почти заслоняя обзор. Города отсюда не было видно. Одни деревья и там, где они расступались, — высокая двускатная крыша дома Марстенов.

Он смотрел на нее, зачарованный. На его лице отразился целый калейдоскоп сменяющихся чувств.

— Все еще стоит, — пробормотал он. — О Господи!

Он взглянул на свои руки. Они покрылись гусиной кожей.

2

Он проехал мимо Камберленда и приблизился к Салемс-Лот с запада, по Бернс-роуд. Его удивило, как мало в этих местах изменилось. Построили несколько новых домов, у самой окраины появилась таверна «У Делла», вырыли пару карьеров по добыче гравия. Лес заметно поредел. Но у поворота на городскую свалку висела та же жестяная табличка, и сама дорога была такой же, вся в ямах и выбоинах. Между деревьев он видел Школьный холм, по которому с севера на юг тянулись опоры Центральной Мэнской линии электропередач. Ферма Гриффенов тоже была на месте, хотя коровник заметно увели-

чился. Он не знал, разливают ли они все еще и продают свое молоко, на котором изображалась ухмыляющаяся корова под фирменной маркой: «Солнечное молоко с фермы Гриффенов». Он улыбнулся. В доме тети Синди он попил немало этого молока с кукурузными хлопьями.

Он свернул налево, на Брукс-роуд, проехал мимо железных ворот и низкой каменной ограды кладбища Хармони-Хилл и спустился к подножию холма, известного как Марстен-Хилл.

Здесь деревья расступались по обеим сторонам дороги. Справа можно было видеть сам город — Бен впервые смотрел на него вновь. Слева был дом Марстенов. Он остановил машину и вылез.

Дом остался таким же. Никаких отличий. Он словно видел его еще вчера.

У Фронтонa буйно разрослись сорняки, скрывая старую каменную дорожку, ведущую к крыльцу. В траве скрипели кузнечики, и он видел, как они описывают в воздухе причудливые параболы.

Дом стоял в стороне от города. Он был громадным, неуклюжим и обветшавшим, и ставни закрывали окна, придавая ему зловещий вид всех старых домов, долго стоящих пустыми. Краска давно облупилась, окрасив весь дом в однообразный серый оттенок. Ветры ободрали крышу, а ее западный угол обвалился под тяжестью снега.

Он вдруг почувствовал сильное желание пройти сквозь эти травяные джунгли, мимо стрекочущих кузнечиков, подняться на крыльцо и войти в холл. Может быть, даже попробовать открыть дверь в комнату.

Он стоял и смотрел на дом, почти загипнотизированный. Дом смотрел на него в ответ с безразличием идиота.

Ты войдешь в холл, где пахнет отсыревшей штукатуркой и сгнившими обоями, а под полами скребутся мыши. Там все еще валяется много разных безделушек, и ты можешь подобрать что-нибудь, например, пресс-папье, и положить в карман. А в конце холла, вместо того, чтобы идти на кухню, можно свернуть налево и подняться вверх по лестнице, поднимая пыль от упавшей с потолка за много лет штукатурки. Там было четырнадцать ступенек,

да-да, четырнадцать. Но самая верхняя была совсем маленькой, словно для того, чтобы избежать несчастливой цифры. Наверху можно было увидеть холл перед закрытой дверью. И если пройти через холл, то можно протянуть руку и взяться за серебристую прохладную дверную ручку...

Он отвернулся от дома, чувствуя, что во рту у него пересохло. Нет еще. Потом, может быть, но не сейчас. Пока ему достаточно просто знать, что все здесь осталось, как было. Ожидало его. Он мог отыскать тех, кто распоряжался сейчас этим домом, и может даже арендовать его. Из кухни вышел бы неплохой кабинет, а спать он мог в прихожей. Но вряд ли он заставит себя подняться наверх.

Но об этом было еще рано думать.

Он сел в машину, завел ее и направился в Джерусалемс-Лот.

Глава вторая СЬЮЗЕН (1)

1

Он сидел на скамейке в парке, когда заметил девушку, глядящую на него. Хорошенькую, в шелковой косынке на светлых волосах. Она держала в руках книгу, а рядом еще лежал альбом для рисунков с торчащим из него карандашом. Это был вторник, 16 сентября, первый учебный день, и из парка, как по волшебству, исчезли все школьники. Остались мамы с детьми, несколько стариков, сидящих у памятника героям войны, и эта вот девушка, глядящая в его сторону из тени старого корявого вяза.

Она смотрела прямо на него, и на лице ее читалось изумление. Она бросила взгляд на свою книжку, опять посмотрела на него и хотела уже встать, подумав, села, опять привстала и снова села.

Он сам встал и пошел к ней, держа в руке свою книжку — вестерн в мягкой обложке.

— Добрый день, — сказал он. — Мы что, знакомы?

— Нет, — ответила она. — Но... вы Бенджамин Мейрс, так ведь?

— Ну, — он удивленно поднял брови.

Она нервно рассмеялась, бросив на него короткий испытующий взгляд, словно пытаясь угадать его намерения. Было ясно, что она не их тех девушек, которые позволяют себе говорить с незнакомыми людьми в парке.

— Я подумала сперва, что вы мне привиделись, — книга лежала у нее на коленях, и он увидел оттиснутый на ней штамп: «Публичная библиотека Джерусалемс-Лот».

Это оказался «Воздушный танец», второй его роман. Она показала ему его фотографию четырехлетней давности на задней стороне обложки. Там его лицо выглядело мальчишеским и до испуга серьезным, глаза блестели, как черные алмазы.

— Что ж, это хороший повод для знакомства, — заметил он, и эта фраза, хоть и совершенно обычная, странно повисла в воздухе, как некое пророчество. Рядом с ними в песочнице возились малыши, и голос матери умолял Родди не качать сестру так сильно. Но сестра взлетала выше и выше, прямо в небо, цепляясь за качели в своем развевающемся платице. Эту картину он вспоминал многие годы спустя, как тоненький ломтик, отрезанный от пирога времени. Если бы за этим ничего не последовало, все так и потонуло бы в сумраке памяти.

Потом она засмеялась и подала ему книгу:

— Можно попросить автограф?

— Книга же библиотечная.

— А я куплю ее у них или обменяю.

Он вынул из кармана ручку, открыл книгу на чистой первой странице и спросил:

— Как вас зовут?

— Сьюзен Нортон.

Он быстро, механически вывел: «Сьюзен Нортон, самой милой девушке в парке. С наилучшими пожеланиями. Бен Мейрс». Под росписью он поставил дату.

— Теперь вам придется ее украсть, — сказал он. — Она ведь уже распродана.

— Я закажу в Нью-Йорке, — возразила она, поглядев ему в глаза чуточку пристальнее. — Это ужасно хорошая книга.

— Благодарю. Когда я ее закончил и посмотрел на то, что вышло, я боялся, что ее вообще не напечатают.

Она улыбнулась, и он тоже, что сделало разговор менее принужденным. Позже он удивлялся, что все это произошло так легко и быстро. Эта мысль не была безоблачной, поскольку происшедшее казалось ему знаком судьбы, вовсе не слепой, вооруженной мощным биноклем и уже готовой схватить беспомощных смертных и смолоть их

меж жерновов мироздания в какую-то только ей известную муку.

— Я и «Дочь Конвея» читала. Мне тоже понравилось. Как, наверное, и всем.

— Да нет, очень немногим, — признался он честно. Миранде тоже нравилась «Дочь Конвея», но большинство из его приятелей поругивали эту вещь, а критики просто смешали ее с грязью. Ну, на то они и критики.

— Тогда только мне.

— А новый вы читали?

— «Билли сказал уезжай»? Нет еще. Миссис Кугэн из аптеки говорила, что он очень неприличный.

— Черт, да он почти пуританский! — возмутился Бен. — Язык грубоват, но когда ты пишешь о необразованных парнях из деревни, нельзя же... слушайте, хотите мороженого или еще чего? Мне хочется вас угостить.

Она в третий раз посмотрела ему в глаза, потом с благодарностью улыбнулась.

— Спасибо, с удовольствием. У Спенсера чудесное мороженое.

Так все и началось.

2

— Это и есть миссис Кугэн? — спросил Бен, понизив голос.

Он смотрел на высокую худую женщину в красном нейлоновом плаще поверх белого форменного халата. Ее подсиненные волосы, были завиты.

— Да. Она каждый вторник приходит в библиотеку с тележкой и набивает ее доверху. Мисс Стэрчер просто с ума сходит.

Они сидели на красных кожаных стульях в кафе. Он потягивал шоколадную воду, она — клубничную. У Спенсера находилась и местная автобусная станция, и они могли видеть через старомодный дверной проем зал ожидания, где одиноко сидел молодой летчик в синем мундире, печально глядя на свой чемодан.

— Похоже, ему не очень хочется ехать туда, куда он едет, — заметила она, проследив его взгляд.

— Отпуск кончился, наверно, — сказал он. Теперь, подумал он, она спросит, служил ли я в армии.

Но вместо этого она сказала:

— Скоро и я так же поеду. Прощай, Салемс-Лот. Наверное, буду так же тосковать, как это парень.

— Куда, если не секрет?

— В Нью-Йорк. Проверить, могу ли я жить самостоятельно.

— А почему бы не попробовать сделать это здесь?

— В Лоте? Мне здесь нравится. Но вот родители... вы понимаете. Они всегда словно подглядывают за мной. К тому же в Лоте девушке почти негде работать, — она потупилась, глядя в свой стакан. Шея у нее была крепкой и загорелой, как, наверно и вся ее фигура, вырисовывавшаяся под простым легким платьицем.

— А кем вы хотите работать?

Она пожала плечами.

— У меня заочный диплом Бостонского университета. Искусство и английский. Выбирай любое. Но оформлять офисы я не умею. Кое-кто из девочек, с которыми я училась, сейчас работают секретаршами, но я печатаю довольно плохо, не говоря уж о компьютере.

— Тогда что же остается?

— Ну... может быть, какое-нибудь издательство, — сказала она с сомнением в голосе, — или магазин... что-нибудь по части рекламы. В таких местах всегда нужно что-то рисовать, а я это умею.

— У вас есть предложения? — спросил он.

— Нет... нет. Но...

— Вам нечего делать в Нью-Йорке без предложений. Поверьте мне. Вы собьете все каблуки в поисках работы.

Она невесело улыбнулась.

— Конечно, вам лучше знать.

— Вы уже работали где-нибудь?

— Да, конечно. Удачнее всего в корпорации «Синекс». Они открывали новый кинотеатр в Портленде и заказали

мне двенадцать картин в фойе. Заплатили семьсот долларов. Этого мне хватило, чтобы выкупить машину.

— Что ж, вы можете поехать в Нью-Йорк и снять там комнату на недельку, — сказал он, — и обойти все магазины и издательства с вашим дипломом. Только требуйте договора сразу на полгода, чтобы вас не надули. И не дайте этому городу завладеть вами.

— А вы? — спросила она, погружая ложку в мороженое. — Что вы делаете в этой глуши с населением тысяча триста человек?

Он пожал плечами.

— Пытаюсь написать роман.

Она была явно удивлена.

— Здесь, в Лоте? Но почему? И о чем?

— Вы пролили.

— Что?.. Ах, извините, — и она вытерла свой стакан салфеткой. — И вообще, вы не подумайте, что я такая уж болтушка. Обычно я не люблю говорить.

— Не извиняйтесь, — сказал он. — Все писатели любят говорить о своих книгах. Иногда перед сном я читаю, что пишут про меня в «Плейбое». Очень интересно.

Летчик встал. К кафе подкатил автобус, проскрипев тормозами.

— Я четыре года прожил в Салемс-Лот мальчишкой на Бернс-роуд.

— На Бернс-роуд? Там же ничего теперь нет, кроме болота и маленького кладбища. Они называют его Хармони-Хилл.

— Я там жил с тетей Синди. Синтия Стоуэнс. Мой отец умер, и с матерью случилось... ну, что-то вроде нервного срыва. Поэтому она на время отправила меня к тете Синди. Та отослала меня обратно на Лонг-Айленд через месяц после большого пожара, — он смотрел на ее лицо в зеркале над автоматом с газировкой. — Я плакал, когда уезжал от матери, и плакал, когда уезжал от тети Синди и Джерусалемс-Лот.

— Я родилась как раз в год пожара, — сказала Сьюзен. — Это было крупнейшее событие в нашем городе, и я его проспала.

Бен рассмеялся:

— Значит, вы на семь лет старше, чем я подумал в парке.

— Да? — она выглядела польщенной. — Спасибо. А дом вашей тети, что, сгорел?

— Да, — сказал он. — Я хорошо помню ту ночь. Какие-то люди с ручными насосами пришли и сказали, что нам придется уйти. Мы очень испугались. Тетя Синди стала метаться, собирая вещи и запихивая их в машину. Кошмарная была ночь.

— А дом был застрахован?

— Нет, но мы успели вынести почти все, кроме телевизора. Его мы не смогли оторвать от пола. Это был старый «Видео-Кинг» с семидюймовым экраном и толстым стеклом. Очень было жаль.

— И вот вы вернулись писать книгу, — подвела она итог рассказу.

Бен не ответил. Мисс Кугэн открыла блок сигарет и высыпала пачки на стол. За прилавком с лекарствами, как седой призрак, возник мистер Лабри, местный аптекарь. Летчик стоял у входа в автобус, дожидаясь, пока водитель вернется из уборной.

— Да, — сказал, наконец, Бен. Он повернулся и посмотрел на нее, впервые открыто, глаза в глаза. Лицо ее, с искренними голубыми глазами и высоким чистым лбом, было очень привлекательным.

— А вы родились здесь? — спросил он.

— Да.

Он кивнул.

— Тогда вы должны меня понять. Я жил здесь ребенком, и Салемс-Лот меня очаровал. Теперь, когда я вернулся, я боюсь, что все изменилось.

— Да нет. Здесь ничего не меняется, — сказала она. — Почти ничего.

— Я когда-то играл в войну с детьми Гарденеров на болоте. Мы были пиратами, а в парке устраивали прятки и штурм крепости. После того, как я отсюда уехал, нам с матерью приходилось туго. Она покончила с собой, когда мне было четырнадцать, но еще до того мое детство

кончилось. А все хорошее, что в нем было, осталось здесь. И оно все еще здесь — так мне кажется... Город ведь совсем не изменился. Смотреть на Джойнтнер-авеню — все равно, что смотреть на свое детство через тонкий слой льда, какой бывает в ноябре на замерзшей воде. Оно такое неясное, и некоторых вещей уже не разглядеть, но оно все еще здесь.

Он остановился в удивлении. Что-то он разговорился.

— Вы говорите, как по-писаному, — сказала она с благоговейным удивлением.

Он рассмеялся.

— Раньше я никогда не говорил ничего подобного.

— А что вы делали, когда ваша мать... когда она умерла?

— Пробивал лед, — кратко сказал он. — Ешьте мороженое.

Она послушно взяла ложку.

— Что-то все же изменилось, — сказала она через некоторое время. — Мистер Спенсер умер. Вы его помните?

— Конечно. Каждую среду тетя Синди ходила со мной за покупками к Кроссену и отпускала меня сюда попить имбирного пива — настоящего, рочестерского. Она всякий раз давала мне пятицентовик, завернутый в платок.

— А при мне оно стоило уже десять. А помните, что он всегда говорил?

Бен согнулся, скрючил руку в артритическую клешню и скривил угол рта.

— Пузырь, — прошептал он зловеще. — Ты загубил себе пузырь этим пивом, приятель.

Ее смех взлетел к медленно вращающемуся над их головами вентилятору. Мисс Кугэн посмотрела на них с неудовольствием.

— Как похоже! Только меня он называл «красотка».

Они с восторгом глядели друг на друга.

— Не хотите ли сходить вечером в кино? — спросил он.

— С удовольствием.

— А где ближайший кинотеатр?

Она фыркнула.

— Конечно, в Портленде. Там, где фойе украшено бессмертными полотнами Сьюзен Нортон.

— А какие фильмы вы любите?

— Захватывающие, с погонями.

— Чудесно. Вы помните «Нордику»? Она была прямо в городе.

— Конечно, но ее закрыли в 68-м. Я туда ходила в школе. Когда фильмы были плохими, мы бросали в экран бумажки от поп-корна, а они почти всегда были плохими, — она опять фыркнула.

— Они всегда крутили старые сериалы, — сказал он. — «Человек-ракета», «Возвращение Человека-ракеты», «Крэш Каллагэн и бог смерти».

— При мне показывали то же самое.

— А что случилось потом?

— Теперь там офис Ларри Крокетта, — сказала она. — Я думаю, это из-за нового кинотеатра в Камберленде и еще из-за телевидения.

Они немного помолчали, думая о своем. Часы на стене показывали 10.45.

Они хором произнесли: «А помните...», посмотрели друг на друга, и на этот раз на звук их смеха обернулись не только мисс Кугэн, но и мистер Лабри.

Они говорили еще минут пятнадцать, пока Сьюзен не сказала с сожалением, что ей пора, но, конечно же, она к семи тридцати соберется в кино. Расставаясь, они оба думали о невероятных совпадениях в их жизни.

Бен побрел по Джойнтнер-авеню, остановившись на углу Брок-стрит, чтобы взглянуть еще раз на дом Марстенов. Он снова вспомнил пожар 51-го и подумал: «Может, было бы лучше, если бы он сгорел».

3

Нолли Гарденер вышел из муниципального здания и стал рядом с Перкинсом Гиллспаем как раз в тот момент, когда Бен и Сьюзен зашли к Спенсеру. Перкинс курил «Пелл-Мелл» и чистил свои желтые ногти складным ножом.

— Это тот писатель, да? — спросил Нолли.

— Ну.

— А с ним кто, Сьюзи Нортон?

— Ну.

— Хм, интересно, — сказал Нолли, поправляя ремень. На груди его горделиво блестела полицейская звезда. Он специально заказывал ее по почте, поскольку город не мог обеспечить свою полицию знаками отличия. У Перкинса тоже была звезда, но он держал ее в сумке, чего Нолли никогда не понимал. Конечно, все в Лоте знали констебля в лицо, но была и такая вещь, как традиции. Была такая вещь, как ответственность. Об этих вещах представитель власти обязан думать. Нолли, например, о них думал, хоть и был только младшим полицейским на полставки.

Нож Перкинса соскользнул и порезал ему палец.

— Дерьмо, — беззлобно выругался констебль.

— Как ты думаешь, он правда писатель?

— Конечно. У нас в библиотеке есть три его книги.

— Документальные или художественные?

— Художественные, — Перкинс сложил нож и вздохнул.

— Флойду Тиббитсу не понравится, что кто-то гуляет с его девчонкой.

— Они же не женаты, — сказал Перкинс. — И ей уже больше восемнадцати.

— Флойду все равно не понравится.

— Флойд может насрать себе в шляпу, — сказал Перкинс, туша окурки о ступеньку. После этого он достал из кармана спичечный коробок, спрятал туда окурки и убрал коробок назад.

— А где этот писатель живет?

— У Евы, — сказал Перкинс, изучая порезанный палец. — Он каждый день ходит смотреть на дом Марстенов. С очень странным лицом.

— Странным? Что это значит?

— Ничего, просто странным, — Перкинс достал из кармана сигареты. — Еще он был у Ларри Крокетта. Хотел снять это место.

— Дом Марстенов?

— Ну.
— Он что, спятил?
— Должно быть, — Перкинс согнал муху со своей правой штанины и смотрел, как она летает вокруг. — Ларри сейчас чем-то занят. Я слышал, он продает кому-то прачечную.
— Старую?
— Ну.
— А кому она понадобилась?
— Не знаю.
— Ну ладно, — Нолли встал и опять подтянул ремень. — Пойду проеду по городу.
— Давай, — сказал Перкинс, закуривая.
— Ты не поедешь?
— Нет, посижу тут еще немного.
— Ну, тогда до скорого.

Нолли спустился вниз, думая (уже не в первый раз), когда же Перкинс уйдет и уступит ему свое место. Какое же преступление можно раскрыть, посидев на ступеньках муниципалитета?

Перкинс смотрел ему вслед с легким чувством облегчения. Нолли хороший парень, но чересчур деятельный. Он опять достал свой нож, раскрыл его и принялся чистить ногти.

4

Джерусалемс-Лот (Судьба Иерусалима) был основан в 1765 году, за 55 лет до того, как Мэн по Миссурийскому компромиссу сделался штатом. Через двести лет годовщина этого события была отмечена фейерверком и гуляньями в городском парке; индейский костюм Дебби Форрестер загорелся от случайной искры, а шестерых парней Перкинс Гиллспай отправил в холодную за появление на людях в нетрезвом виде.

Город получил свое имя по совершенно прозаическому поводу. Одним из первых обитателей этих мест был долговязый суровый фермер по имени Чарльз Белнэп Тэннер. Он держал свиней, и одного из хрюков назвал

Иерусалимом. Как-то злосчастный хряк вырвался из свиарника и убежал в лес. После этого еще долгие годы Тэннер зловещим тоном предостерегал детей, когда они выходили за околицу: «Будьте осторожны! Помните о судьбе Иерусалима!». Память об этом сохранилась и дала городу название, которое не означало, по существу, ничего, кроме того, что в Америке и свинья может попасть в историю.

Главная улица, сначала именовавшаяся Портленд-Пост-роуд, была в 1896-м переименована в честь Элиаса Джойнтнера. Он шесть лет избирался в палату представителей (до самой смерти, последовавшей от сифилиса в возрасте пятидесяти восьми лет) и был единственным историческим деятелем в городе, если не считать хряка Иерусалима и Пэрл Энн Баттс, которая в 1907-м сбежала в Нью-Йорк, чтобы стать актрисой.

Брок-стрит пересекала Джойнтнер-авеню в самом центре, и город на карте походил на мишень, почти круглый, кроме небольшого выступа на востоке, где граница доходила до Ройял-ривер.

Северо-западная часть была самой лесистой и возвышенной в городе. Древние пологие холмы спускались к самому городу, и на одном из них как раз и стоял дом Марстенов.

Большую часть северо-восточной стороны занимали луга — люцерна, тимофеевка и клевер. Здесь протекала Ройял-ривер, ленивая речушка, почти сравнивавшаяся со своими берегами. Она текла под деревянным мостом на Брок-стрит и уходила на север, где за миллионы лет прорезала в толще гранита русло в пятьдесят футов глубиной. Дети называли это место Прыжок пьяницы из-за того, что несколько лет назад Томми Рэтбун, сводный брат Вирджа Рэтбуна, разбился там, пытаясь в пьяном виде пройти в город. Речка впадала в сильно загрязненный Андроскогтин, но сама не была грязной: единственным промышленным предприятием в Лоте была давно закрытая лесопилка. Летом часто можно было видеть рыбаков на мосту у Брок-стрит, и в Ройял никогда не переводилась рыба.

Юго-восточная часть считалась самой красивой. Во время пожара она выгорела, но там не осталось пепелищ или уродливых развалин. По обеим сторонам Гриффен-роуд земля принадлежала Чарльзу Гриффену, крупнейшему фермеру района, и со Школьного холма можно было видеть сияющую на солнце алюминиевую крышу его сарая. Вокруг были и другие фермы, но в большинстве домов жили рабочие, едущие на работу в Портленд или Льюистон. Иногда, осенью, можно было стоять на вершине Школьного холма, вздыхать запах гари и видеть разъезжающий там и сям фургон Добровольной пожарной охраны, кажущийся сверху игрушечным. Урок 52-го не прошел для города даром.

На юго-западе находились трейлеры и все, что окружало их, словно пояс астероидов: старые, полуразбитые машины; пивные банки, груды наваленные вдоль дорог; мусорные баки, оттуда тянуло зловонием. Дома здесь больше походили на сараи, но почти у каждого в окне торчала телевизионная антенна. Телевизоры были цветными, купленными в кредит у Гранта или Сейрса. Дворики всех этих лачуг и трейлеров были заполнены детьми, игрушками, разбитыми грузовиками, снегоходами и мотоциклами. Иногда трейлеры содержались в хорошем виде, но зачастую мало напоминали жилье, заросшие до колес одуванчиками и лебедой. У границ города, где Брок-стрит становилась Брок-роуд, находилось заведение Делла, где по пятницам играл рок-н-ролл, а по субботам устраивались танцы. Оно сгорело в 71-м, но было вскоре отстроено. Для городских ковбоев и их подружек это было любимое место, где можно посидеть, выпить пива и подраться.

Телефоны имели двух-, четырех- и шестистороннюю линии связи, поэтому люди всегда знали, откуда им звонят. Скандалы, как и во всех маленьких городках, распространялись от окраин к центру, и большинство их происходило на юго-западе, хотя и другие части спешили добавить что-нибудь в общий котел.

Город управлялся городским собранием, хотя еще с 65-го года шли споры о его замене на городской совет, переизбираемый каждый год. Но город рос слишком

медленно для того, чтобы старые формы утратили дееспособность, хотя у любого приезжего, их архаичность вызвала недоумение. Среди должностных лиц числились трое членов управления, констебль, попечитель по делам бедных, городской клерк, (который мог зарегистрировать вашу машину, если бы вы пожелали зайти к нему в контору на Таггарт-Стрим-роуд) и школьный смотритель. На Добровольную пожарную охрану выделялось триста долларов каждый год. Но она, скорее всего, была клубом старых приятелей-пенсионеров. Осенью, когда жгли траву, они проявляли какие-то признаки активности, а в остальное время года предавались воспоминаниям. Департамент общественных работ отсутствовал из-за того, что в городе не было централизованной сети водоснабжения, канализации или электричества. Опоры Центральной Мэнской линии электропередач пересекали город по диагонали, уходя на север по широкой просеке в лесу. Одна из опор нависала прямо над домом Марстенов, как одинокий часовой.

Салемс-Лот узнавал о войнах, стихийных бедствиях и разногласиях в правительстве из теленовостей Уолтера Кронкайта. Парень Роттеров погиб во Вьетнаме, а сын Клода Боуи вернулся оттуда с протезом — подорвался на mine — но ему дали работу на почте, и все устроилось. Волосы у молодежи стали длиннее, одежда тоже изменилась, но никто не обратил на это особого внимания. Когда в высшей школе отменили форму, Эджи Корлисс написала возмущенное письмо в камберлендский «Леджер», но она писала тогда письма каждый месяц — о вреде алкоголя и о необходимости уверовать в Христа всем сердцем.

Кое-кто из молодежи употреблял наркотики, но большей проблемой был алкоголь. Когда возраст его употребления был уменьшен до восемнадцати лет, многие парни просиживали вечера у Делла. Часто это кончалось плохо; например, когда Билли Смит врезался на мотоцикле в дерево и разбился вместе со своей подружкой Лаверн Дьюб.

Но не считая всего этого, бури в жизни страны обходили Лот стороной. Время шло здесь по иным законам. В

таким чудном городке не могло случиться ничего. Совсем ничего.

5

Энн Нортон только усмехнулась, когда ее дочь ворвалась в дом с книжкой, на обложке которой был изображен какой-то тощий юнец, и что-то возбужденно зататорила.

— Погоди, — сказала она. — Выключи телевизор и расскажи все по порядку.

Сьюзен прервала Питера Маршалла, раздававшего призы в «Голливудском квадрате», и рассказала матери о знакомстве с Беном Мейрсом. Миссис Нортон выслушала эту новость спокойно, хотя в сознании ее зажглись предупредительные огни, как после каждого знакомства дочери с парнем — а теперь вот с мужчиной. Трудно было поверить, что ее Сьюзи уже достаточно взрослая для мужчины. В этот раз огни горели чуть-чуть ярче...

— Это интересно, — заметила она, разглаживая уютном очередную рубашку мужа.

— Он очень приятный, — сказала Сьюзен. — Какой-то естественный.

— Уфф, устала, — сказала миссис Нортон, опуская уют на подставку, отчего тот недовольно зашипел. Она опустила в качалку у окна, достала из столика сигареты и закурила. — А ты уверена, что он нормальный, Сьюзи?

Сьюзен улыбнулась с легкой тревогой.

— Конечно. Он похож... но, я не знаю... на учителя в колледже.

— Тот ненормальный, который кидал бомбы, тоже был похож на учителя.

— Плевать, — беззлобно отозвалась Сьюзен, и это выражение в устах дочки не очень понравилось миссис Нортон.

— Дай-ка книгу, — сказала она.

Сьюзен дала, вспомнив внезапно про сцену гомосексуального насилия в тюрьме.

— «Воздушный танец», — медленно прочла мать и начала перелистывать страницы. Сьюзен ждала. Вот сейчас она наткнется на что-нибудь такое.

Окна были открыты, и легкий ветерок шевелил желтые занавески на кухне, которую мать предпочитала называть буфетной, словно они жили в особняке с десятком комнат. Дом их был кирпичным и хорошо прогревался зимой, но осенью был прохладным, как грот. Он располагался на легком подъеме по Брок-стрит, и из окошка, возле которого сидела миссис Нортон, можно было видеть улицу. Зимой это зрелище преображалось сверкающей гладью снега, на котором мерцали желтые блики света от стоящих поодаль домов.

— Кажется, я читала про эту книгу в портлендской газете. Там о ней отзывались не очень-то хорошо.

— А мне понравилось, — упрямо сказала Сьюзен. — И он мне тоже понравился.

— Может, он и Флойду понравится, — небрежно сказала миссис Нортон. — Познакомь их как-нибудь.

Сьюзен почувствовала приступ гнева, который ей с трудом удалось подавить. Она подумала, что их отношения с матерью благополучно преодолели все боли переходного возраста, но теперь подошли к критической точке. Здесь уже были бессильны и ее почтение к жизненному опыту матери, и сила родственных чувств.

— Мама, мы уже говорили про Флойда. Ты знаешь, что я об этом думаю.

— В статье писали, что тут есть какая-то мерзкая сцена в тюрьме. Как парни спят с парнями.

— Ох, мама, перестань пожалуйста, — она взяла одну из сигарет матери.

— Нет, погоди, — сказала миссис Нортон невозмутимо, отдавая ей книгу и стряхивая длинный столбик пепла в керамическую пепельницу в форме рыбы, которую ей преподнесли коллеги по женскому клубу, и которая всегда возмущала Сьюзен — было что-то дикое в стряхивании пепла в рот окуня.

— Я отнесу покупки, — сказала она, вставая.

Миссис Нортон спокойно продолжала:

— Я только хочу сказать, что если вы с Флойдом собираетесь пожениться...

Тут Сьюзен взорвалась:

— Да откуда ты это взяла, позволь спросить? Разве я тебе хоть раз про это говорила?

— Я думала...

— Неправильно думала, — оборвала она горячо и не совсем справедливо. Но она действительно давно уже охладела к Флойду Тиббитсу.

— Я думала, что если ты встречаешься с парнем уже полтора года, — продолжала мать все так же спокойно, — то это означает что-то больше, чем просто дружба.

— Мы с Флойдом больше, чем друзья, — согласилась Сьюзен. — Ну и что с того?

Между ними происходил безмолвный диалог:

«Так ты спала с Флойдом?»

«Не твое дело».

«А что тебе до этого Бена Мейрса?»

«Не твое дело».

«Уж не втрескалась ли ты в него? Смотри, не выкини какую-нибудь глупость?»

«Не твое дело».

«Я люблю тебя, Сьюзен. Мы с отцом тебя любим».

На это ответа не последовало. Вот почему Нью-Йорк или любое другое место — так ее притягивал. Она всегда натывалась на эту молчаливую преграду их любви, которая делала любые споры невозможными и ничего не значащими.

— Ладно, — тихо сказала миссис Нортон. Она сунула окурок в рот рыбы и протолкнула его ей в брюхо.

— Я пойду наверх, — сказала Сьюзен.

— Хорошо. Можно мне почитать эту книжку после тебя?

— Если хочешь.

— Я бы хотела с ним познакомиться.

Сьюзен пожала плечами.

— Ты поздно вернешься?

— Не знаю.

— Что мне сказать Флойду, если он позвонит?

Гнев снова вспыхнул:

— Говори, что хочешь, — пауза. — Ты ведь все равно это скажешь.

— Сьюзен!

Но она убежала наверх, не оглянувшись.

Миссис Нортон осталась на месте, глядя в окно на город невидящими глазами. Над головой она слышала шаги Сьюзен и стук, когда она поставила сумку.

Она поднялась и снова принялась гладить. Когда она решила, что Сьюзен уже достаточно занята своей работой (хотя эта идея пришла к ней сама собой, подсознательно), она подошла к телефону и набрала номер Мейбл Вертс. Как бы невзначай в разговоре она упомянула, что Сьюзи познакомилась с известным писателем, и Мэйбл спросила, тот ли это писатель, что написал «Дочь Конвея», и миссис Нортон ответила утвердительно, и Мэйбл воскликнула, что это не роман, а откровенная порнография; тогда миссис Нортон спросила, где он остановился, в мотеле или...

Узнав, что он остановился у Евы, в единственном в городе пансионе, миссис Нортон почувствовала облегчение. Ева Миллер была вдовой строгих правил. Женщин в своих владениях она не терпела, кроме матерей и сестер. Если вы не мать или сестра — не смейте заходить дальше кухни. Никаких исключений.

Через пятнадцать минут, искусно скрыв цель своего звонка, миссис Нортон повесила трубку.

«Ох, Сьюзен, — подумала она, возвращаясь к утюгу. — Ох, Сьюзен, я ведь хочу тебе только добра. Как ты этого не видишь?»

6

Они возвращались из Портленда по дороге 295 еще не очень поздно — около одиннадцати. Предел скорости на выезде из Портленда был пятьдесят пять, и этого было вполне достаточно. Фары «ситроена» разгоняли тьму впереди.

Кино им обоим понравилось, но говорили они о нем осторожно, как бы нащупывая границы вкусов друг друга. Ей вспомнился вопрос матери, и она спросила:

— Где вы остановились? Снимаете дом?

— Я живу на третьем этаже в пансионе Евы на Рэйл-роуд-стрит.

— Но это же ужасно! Там сейчас, наверное, сто градусов!

— Я люблю тепло, — ответил он. — Мне там хорошо работается. Разденусь до пояса, включаю радио, выпиваю галлон пива — и за дело. Я пишу сейчас по десять страниц в день. Кроме того, там есть очень занятные старики. А когда выходишь вечером на крыльцо и подставляешь лицо ветру... просто чудо.

— Ну да, — сказала она с сомнением.

— Я подумал снять дом Марстенов, — продолжал он, — даже начал переговоры. Но оказалось, что его уже купили.

— Дом Марстенов? — она улыбнулась. — Что за идея!

— Он самый. Вон там, на холме. На Брукс-роуд.

— Купили? Кому, ради всего святого....

— Меня это тоже заинтересовало. Я пытался это узнать, но агент так и не сказал мне. Словно это какая-то страшная тайна.

— Может какие-нибудь бандиты хотят устроить там резиденцию, — предположила она. — Но кто бы это ни был, они не в своем уме. Старые дома — это хорошо, я сама их люблю, но это не то место. Оно считалось проклятым, еще когда я была ребенком. Бен, а почему вы хотели там поселиться?

— Вы были там внутри?

— Нет, только заглядывала в окно. А вы?

— Да. Один раз.

— Жуткое место, правда?

Они помолчали, думая о доме Марстенов. У обоих воспоминания были неприятными, хотя и по-разному. Трагедия, связанная с домом, произошла еще до их рождения, но у маленьких городов долгая память, и они передают свои страхи из поколения в поколение.

История Хьюберта Марстена и его супруги Берди была самой близкой по времени тайной в истории города.

Хьюби в 1920-х был президентом крупной транспортной компании в Новой Англии, которая, как утверждали, по ночам занималась более прибыльным бизнесом, тайно перевоза канадское виски в Массачусетс.

Они с женой переехали в Салемс-Лот весьма обеспеченными в 1928 году и потеряли большую часть своего состояния (а размеров его, по словам Мэйбл Вертс, не знал никто) во время биржевого краха 29-го.

Последующие десять лет Марстены прожили в своем доме, как отшельники. Видели их только по четвергам, когда они выходили в город за покупками. Тогдашний почтальон, Ларри Маклеод, говорил, что Марстен выписывал четыре газеты, «Сэтердей Ивнинг пост», «Ньюйоркер» и фантастический журнал «Занимательные истории». Он также получал каждый месяц чеки от своей компании, обосновавшейся в Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Ларри утверждал, что он опускал всю почту в ящик, ни разу не общаясь с хозяевами.

Ларри и нашел их однажды летом, в 1939-м. Он обнаружил, что уже пять дней никто не забирает из ящика почту, и решил сложить ее на крыльце.

Это было в августе, и трава у дома Марстенов была высокой и сочной. На западной стороне буйно разрослась жимолость, и пчелы деловито жужжали над ее тяжелыми белыми цветами. Тогда дом выглядел еще довольно приятно, несмотря на некошеную траву, и все считали, что Хьюби отхватил себе лучшее гнездышко в Салемс-Лот.

Ближе к крыльцу, как рассказывал почти шепотом каждой новой участнице Женского клуба, Ларри почуял что-то нехорошее, похожее на тухлое мясо. Он постучал в дверь. Ответа не было. Заглянув внутрь, он не смог ничего разглядеть из-за полумрака. Тогда он обошел дом сзади. Там запах был еще сильнее. Ларри толкнул дверь, обнаружил, что она не заперта, и вошел в кухню. Там лежала, раскинув босые ноги, Берди Марстен. Полголовы у нее было снесено выстрелом.

(«Мухи, — всегда вставляла в этом месте Одри Херси. — Ларри говорил, что на кухне они прямо кишели. Жужжали, летели туда... вы понимаете. Мухи»).

Ларри Маклеод повернулся и побежал в город. Он поднял Норриса Вэрни, тогдашнего констебля, и трех или четырех посетителей магазина Кроссена — тогда отец Милта уже обосновался в городе. Среди них был старший брат Одри, Джексон Херси. Они залезли в «шевроле» Норриса и почтовый фургон Ларри.

Кроме них, никто в дом не входил, и на десять дней в городе воцарилось возбуждение. Как только оно начало стихать, масла в огонь подлила статья в портлендском «Телеграфе». Там были помещены и рассказы участников операции. Дом Хьюберта Марстена оказался лабиринтом, крысиным логовом узких коридоров, окруженных пожелтевшими грудками старых газет и пирамидами старых книг. Собрания сочинений Диккенса, Скотта и Мариэтта, списанные из городской библиотеки предшественницей Лоретты Стэрчер, так и остались в связках.

Джексон Херси поднял одну из газет, начал перелистывать и застыл. К каждой странице была аккуратно приклеена долларовая бумажка.

Норрис Вэрни обнаружил, что Ларри поступил очень мудро, не войдя в дом через переднюю дверь. К столу напротив нее была привязана винтовка, курок которой, в свою очередь, оказался соединенным с ручкой двери. Дуло смертоносного оружия было нацелено в дверь на уровне сердца.

(«Ружье было заряжено, понимаете, — говорила здесь Одри. — Ларри или любой другой, вошедший туда, попал бы прямо к райским вратам».)

Были там и другие странные вещи, менее мрачные. Сорокафутовая связка газет заслоняла дверь в столовую. Одна из ступенек лестницы, ведущей наверх, провалилась и легко могла сломать кому-нибудь ногу. Скоро стало понятно, что Хьюби Марстен был не просто странным, а совершенно ненормальным.

Его нашли в спальне за верхним холлом, свисающего с балки.

(Сьюзен и ее подружки пугали друг друга рассказами, услышанными от взрослых. У Эми Роуклифф во дворе стоял маленький сарайчик, и они залезали туда и, умирая от страха, рассказывали о доме Марстенов, изобретая самые жуткие детали, до которых только могли додуматься. Даже теперь, через одиннадцать лет, мысль об этом неизменно воскрешала в ее памяти образ маленьких девочек, сбившихся в кружок в тесном сарае Эми, и саму Эми, рассказывающую с выражением жути: «А лицо его все распухло, и язык почернел и вывалился, а мухи так и вились вокруг. Это моя мама говорила миссис Вертс».)

— ...место.

— Что? Извините, — она вернулась к реальности. Бен уже подъезжал к повороту на Салемс-Лот.

— Я говорю, это было очень мрачное место.

— Расскажите мне, как вы побывали там.

Он невесело усмехнулся и включил верхние фары. На миг среди сосен мелькнула темная двухскатная крыша, и все исчезло.

— Началось это, как детская игра. А, может, так и было. Помнится, случилось это в 52-м. Дети всегда любят залезать во всякие заброшенные места... Я много играл с мальчишками с окраины; теперь многие из них, должно быть, уехали. Помню Дэви Беркли, Чарльза Джеймса — его мы звали Сонни, — Гарольда Рауберсона, Флойда Тиббитса...

— Флойда? — переспросила она с удивлением.

— Да. Вы что его знаете?

— Знаю, — ответила она и, боясь, что ее голос звучит странно, поспешила сказать, — и Сонни Джеймс тоже здесь. Он держит заправку на Джойнтнер-авеню. Гарольд Рауберсон умер. От лейкемии.

— Они все были старше меня, на год или два. У них было что-то вроде клуба, понимаете? Принимаются только Самые Страшные Пираты, — он пытался придать словам оттенок шутки, но в них прозвучала старая обида. — Но я тоже хотел стать Самым Страшным Пиратом... по крайней мере, в то лето.

Наконец, они сжалились и сказали мне, что примут меня, если я пройду посвящение, придуманное Дэви. Мы должны были пройти к дому Марстенов, а потом мне предстояло забраться внутрь и что-нибудь принести оттуда. Вот и все, — он глотнул, но во рту было сухо.

— Ну, и что было дальше?

— Я влез в окно. В доме все еще было полно всякого хлама, даже через двенадцать лет. Они вынесли оттуда часть газет, но многое осталось. На столе в холле лежал такой стеклянный шарик, знаете? Там внутри маленький домик, и если его потрясти, идет снег. Я положил его в карман, но не ушел. Мне действительно было интересно, и я пошел наверх, туда, где он повесился.

— О Боже, — прошептала она.

— Залезьте в ящик и достаньте мне сигареты, пожалуйста. Я пытаюсь успокоиться, но для этого мне надо закурить.

Она достала сигарету и дала ему.

— Дом вонял. Вы даже представить себе не можете, как он вонял. Плесенью, и тухлым мясом, и еще чем-то, вроде испорченного масла. И что-то живое — крысы или ондатры, — гнездились там за стенами или под полом, не знаю. Сырая, мерзкая вонь.

Я поднимался по ступенькам, маленький девятилетний мальчик, и чертовски боялся. Дом вокруг трещал и скрипел, и я слышал, как под штукатуркой кто-то разбегается при звуках моих шагов. Мне казалось, что я слышу позади себя шаги. Я боялся оглянуться, чтобы не увидеть ковыляющего за мной Хьюби Марстена, с петлей на шее, с черным, страшным лицом.

Он стиснул руль. Легкость пропала из его тона. Ее немного испугал его вид. Лицо его в свете панели управления казалось лицом человека, опаленного адским пламенем.

— Наверху я собрал всю свою смелость и побежал через холл к этой комнате. Я рассчитывал вбежать, схватить первую попавшуюся вещь и скорее удирать. Дверь в конце холла была уже близко, и я увидел, что

она чуть-чуть приоткрыта, и видел дверную ручку, серебристую и потертую там, где ее касались пальцы. Когда я дотронулся до нее, Дверь скрипнула — это было как женский визг. Если бы я был спокоен, я бы тут же повернулся и бросился бежать. Но я был переполнен адреналином, и я схватился за нее обеими руками и рванул. Дверь открылась. И там висел Хьюби, хорошо видимый в свете, падающем из окна.

— О, Бен, не надо..., — проговорила она нервно.

— Нет, я расскажу вам правду. Правду о том, что увидел девятилетний мальчик, и что не может забыть мужчина двадцать четыре года спустя. Там висел Хьюби, и его лицо вовсе не было черным. Оно было зеленым, с закрытыми глазами. Руки его шевелились... тянулись ко мне. А потом он открыл глаза.

Бен глубоко затаился сигаретой, а затем выбросил ее в окно, в темноту.

— Я так заорал, что, наверное, меня слышали за две мили. А после побежал. Я свалился с лестницы, вскочил, выбежал в переднюю дверь и пустился бежать по дороге. Ребята ждали меня в полумиле. Когда я их увидел, я просто протянул им стеклянный шарик. Он до сих пор у меня.

— Вы же не думаете, что вы правда видели Хьюберта Марстена, правда, Бен? — далеко впереди она увидела желтое свечение, встающее над центром города, и обрадовалась этому.

После долгой паузы он сказал:

— Не знаю.

Он произнес это с трудом и колебанием, будто желая сказать «нет» и этим закрыть тему.

— Быть может, я был так возбужден, что все это мне просто привиделось. Но с другой стороны, мне кажется правдивой мысль о том, что старые дома сохраняют память о том, что в них случилось. Может быть, впечатлительный мальчик, каким я был, мог катализировать в себе эту память и воплотить ее в... во что-то. Я не говорю ни о каких духах. Я говорю о некоем психическом трехмерном

телевидении. Может, даже о чем-то живом. О каком-то монстре.

Она взяла одну из его сигарет.

— Как бы то ни было, я еще долго не мог уснуть в темноте, а когда засыпал, мне снилось, как открывается эта дверь. И потом всегда, когда я испытывал стресс, эти сны возвращались.

— Как ужасно.

— Да нет, — сказал он. — Не очень. У всех бывают плохие сны — он указал пальцем на спящие молчаливые дома вокруг. — Иногда я удивляюсь, что сами стены этих старых домов не кричат от страшных снов, которые в них витают. Поехали к Еве и посидим немного на крыльце, — предложил он.

— Внутри я не могу вас пригласить, таковы правила, но в холодильнике у меня есть кока. Хотите?

— Не откажусь.

Он свернул на Рейлроуд-стрит, погасил фары и заехал на маленькую стоянку пансиона. Заднее крыльцо было выкрашено белым, и там стояли три плетеных стула. Напротив сонно текла Ройял-ривер. Над деревьями за рекой висела летняя луна, оставляющая на воде серебряную дорожку. В тишине она могла слышать легкий плеск воды о камни набережной.

— Садитесь. Я сейчас.

Он вошел, тихо затворив за собой дверь, и она уселась на один из стульев.

Он нравился ей при всей своей странности. Она не верила в любовь с первого взгляда, хотя допускала внезапно вспыхивающее вожделение (обычно именуемое страстью). Но он вовсе не принадлежал к людям, способным вызвать подобную страсть. Худощавый, бледный, с лицом далекого от жизни книжника и задумчивыми глазами под копной черных волос, выглядящих так, словно их чаще ворошили пятерней, чем расческой.

И еще эта история...

Ни «Дочь Конвея» ни «Воздушный танец» не предвещали такого. Первая повествовала о дочери министра, сбежавшей из дома и путешествующей автостопом через

всю страну. Второй — о Фрэнке Блази, беглом преступнике, начинающем новую жизнь в другом месте, и о его водворении в тюрьму. Это были яркие, энергичные книги, и в них не присутствовало ничего от зыбкой тени Хьюберта Марстена, качающейся перед глазами девятилетнего мальчика.

И по какому-то совпадению ее глаза вдруг вперились во что-то далеко за рекой, на крайнем холме, возвышающемся над городом.

— Вот, — сказал он. — Надеюсь, что...

— Посмотрите на дом Марстенов, — прервала она его. Он посмотрел. В доме горел свет.

7

Уже за полночь все было выпито; луна почти скрылась они говорили о какой-то ерунде, а потом она вдруг сказала без всякого перерыва:

— Ты мне нравишься, Бен. Очень.

— Ты мне тоже. И я удивлен... а, неважно. Помнишь, ту дурацкую шутку, которую я отпустил в парке? Все это кажется случайным.

— Я хочу увидаться с тобой еще, если ты не против.

— Я не против.

— Но не торопись. Помни, что я всего-навсего провинциальная девчонка.

Он засмеялся.

— Звучит прямо по-голливудски. Но неплохо. А можно мне тебя поцеловать?

— Да, — сказала она серьезно. — По-моему, уже пора.

Он сидел на стуле рядом с ней и, не сдвигая его, надломился и прижался к ее губам, не пытаясь пройти по ним языком или обнять ее. Губы его были твердыми и слегка пахли ромом и табаком.

Она тоже начала склоняться, и движение внесло в их поцелуй нечто новое. Он тянулся и длился, делаясь все крепче, и она подумала: «Он словно пробует меня на вкус». Эта мысль пробудила в ней искреннее, тайное сопротивление, и она оторвала губы от его губ.

— Умм, — сказал он.

— Хочешь завтра вечером прийти к нам пообедать? — спросила она. — Мои родители будут рады, — в очаровании этого момента она даже не вспомнила о неудовольствии матери.

— Домашняя еда?

— Самая домашняя в мире.

— Это я люблю. Здесь я живу на полуфабрикатах.

— В шесть тебе подойдет? У нас обедают поздно.

— Конечно, и раз уж речь зашла о доме, давай я тебя отвезу. Уже поздно.

В машине они молчали, пока не увидели огонек над крыльцом, который ее мать всегда зажигала, если ее не было дома.

— Интересно, кто зажег там свет? — спросила она, глядя на дом Марстенов.

— Наверное, новый владелец, — ответил он с неохотой.

— На электричество не похоже, — продолжала она, словно не замечая его нежелания говорить на эту тему. — Слишком тусклый и желтый. Похоже, керосиновая лампа.

— Может, они еще не провели туда свет.

— Тогда, почему они не вызвали электриков до того, как переехать?

Он не ответил. Они подъезжали к дому.

— Бен, — спросила она внезапно, — а твоя новая книга будет про дом Марстенов?

Он рассмеялся и поцеловал ее в нос.

— Уже поздно.

Она улыбнулась в ответ.

— Я больше не буду лезть в твои дела.

— Ладно. Может быть в другой раз... днем.

— Ну хорошо.

— Иди, Сьюзен. До завтра.

Она поглядела на часы.

— До сегодня.

— Спокойной ночи, Сьюзен.

— Спокойной ночи.

Она вышла из машины и легко побежала к крыльцу, потом обернулась и помахала ему. Прежде, чем войти, она

вписала заказ для молочника на сметану. Пусть ужин будет вкуснее.

Перед дверью она еще раз оглянулась, посмотрев на дом Марстенов.

8

В своей маленькой комнате он разделся, не включая свет, и плюхнулся на кровать. Чудесная девушка, первая после того, как не стало Миранды. Он надеялся, что не попытается сделать из нее вторую Миранду; это могло оказаться болезненным для него и просто роковым для нее.

Он лег и вытянулся на постели. Перед тем, как уснуть, он приподнялся на локте и посмотрел в окно, за квадратный силуэт своей машинки и стопку бумаги рядом с ней. Он специально выбрал эту комнату, потому что из окна ее был виден дом Марстенов.

Свет там все еще горел.

Этой ночью ему впервые со времени возвращения в Джерусалемс-Лот приснился давний сон, впервые с тех ужасных дней после гибели Миранды. Бег через холл, визг открываемой двери, колеблющаяся фигура, глядящая на него жуткими выпученными глазами. Он в страхе поворачивается к двери, чтобы бежать...

И видит, что она заперта.

Глава третья

ГОРОД (1)

1

Город просыпается быстро — дела не ждут. Когда солнце только еще показывает из-за горизонта свой край, и на земле еще темно, люди уже встают.

2

4.00

Сыновья Гриффенов — восемнадцатилетний Хэл и четырнадцатилетний Джек — начали доить коров. Коровник сиял чистотой. По центру его, между отводков, идущих к стойлам, тянулся цементный желоб. Хэл включил подачу воды в дальнем конце. Электрическая помпа нагнетала воду, поступающую после очистки от одного из двух артезианских колодцев. Хэл был угрюмым парнем, особенно мрачным в тот день. Он не хотел идти в школу, он ее ненавидел. Ненавидел скуку, необходимость сидеть пятьдесят минут на одном месте, и все предметы, кроме разве что труда и рисования. Английский сводил его с ума, история отупляла, математика была просто непостижима. И никто не мог объяснить ему, зачем все это нужно. Коровам наплевать, знаете ли вы математику или кто командовал этой проклятой Потомакской армией во время этой чертовой гражданской войны. Что касается математики, то его папаша сам не мог сложить две пятых и одну треть и поэтому и держал бухгалтера. Папаша не раз говорил, что главное в бизнесе — не образование, а

знание людей; поэтому он никогда не читал ничего, кроме «Ридерс Дайджест», зато ферма приносила 16 тысяч чистого дохода в год. Да, знание людей. Пожимать им руки и знать по имени распроклятых их жен. Хэл знал этих людей. Они делились на два разряда: тех, кем можно помыкать, и тех, кто помыкает тобой. Первых было больше, но к последним, к несчастью, принадлежал отец.

Он оглянулся на Джека, сонно закидывающего вилами сено в стойла. Он-то любил книжки, подлиза. Чертов кусок дерьма.

— Эй, иди сюда! — крикнул он. — Подкинь сена в это стойло!

Он открыл дверь и вытащил одну из четырех доильных машин, устанавливая ее для работы.

Школа. Черт бы ее побрал.

Ближайшие девять месяцев представлялись ему могилой.

3.

4.30

Плоды вчерашней вечерней дойки уже были упакованы и отправлены в Лот, на этот раз в картонных коробках, а не в жестяных банках с цветными наклейками.

Раньше Гриффен имел свою марку, но крупные компании лишили его этой привилегии.

Молочником на Слифут-хилл, в западной части города, работал Ирвин Пуринтон, начинавший свой путь на Брок-стрит, чтобы затем захватить центр и вернуться по Брукс-роуд.

Вину в августе стукнуло шестьдесят один, и уже поговаривали о его уходе на заслуженный отдых. Его жена, старая стерва по имени Элси, умерла в 78-м (это самое лучшее, что она сделала за двадцать семь лет брака), и теперь он собирался уйти на пенсию и переехать в Пемаквид-Пойнт вместе со своим псом, полуслепым по кличке Дог. Там он намеревался каждый день спать до девяти и никогда уже не наблюдать восхода.

Он подъехал к дому Нортонов и выгрузил то, что значилось в заказе: апельсиновый сок, две кварты молока,

дюжина яиц. Когда он вылезал из кабины, в колене у него стрельнуло, но не сильно. День обещал быть хорошим.

К обычному заказу рукой Сьюзен было приписано: «Вин, пожалуйста, добавьте мне сметану. Спасибо».

Пуринтон вернулся, раздумывая, с чего это вдруг дочке Нортонв захотелось сметаны.

Небо на востоке начало светлеть. И на полях за городом заискрились капельки росы, как алмазы в королевской короне.

4.

5.15

Ева Миллер встала уже двадцать минут назад, надев домашний халат и пару розовых шлепанцев. Она сготовила себе завтрак — четыре вареных яйца, восемь ломтиков бекона, кастрюльку жаркого, дополнив все это двумя чашками кофе со сливками, двумя ломтиками хлеба с джемом и большим стаканом апельсинового сока. Она была не толстой, просто крупной; слишком много она работала, чтобы располнеть. Но ее объемы были просто раблезианскими; наблюдать за ее кружением у восьми-комфорочной плиты было все равно, что смотреть на бесконечную череду приливов и отливов.

Она любила завтракать в полном одиночестве, планируя работу на день. Сегодня ее было навалом; в четверг она меняла белье. На данный момент у нее жили девять постояльцев, включая этого нового, мистера Мейрса. В доме было три этажа и семнадцать комнат, и везде приходилось мыть полы, скоблить ступеньки, начищать перила и выбивать ковер в общей комнате. Хорек Крейг помогал ей, если не валялся пьяным.

Задняя дверь открылась, едва она села за стол.

— Привет, Вин. Как дела?

— Терпимо. Колено вот что-то пошаливает.

— Жаль. Если хочешь, я возьму у тебя еще кварту молока или галлон этого лимонада.

— Конечно, — ответил он, воспрянув духом. — Я так и знал, что тебе сегодня понадобится больше.

Она без комментариев взялась за свой завтрак. Вин всегда найдет, на что пожаловаться, хотя, видит Бог, нет человека счастливее его с тех пор, как его старая кошка свалилась в погреб и свернула себе шею.

В четверть шестого, когда она допила вторую чашку кофе и закурила «Честерфильд», о стену дома ударились свежая газета, свалившаяся затем прямо в розовые кусты. Третий раз за неделю. Похоже, что этот парень Кильби не очень то любит свою работу. Ну, пусть лежит там. В восточных окнах уже отражались легкие золотые лучи солнца. Это было лучшее время ее дня, и она не хотела прерывать его ничем.

Ее постояльцы могли пользоваться плитой и холодильником — это, как и еженедельная смена белья, учитывалось в оплате, — и скоро тишина будет нарушена. Сойдут готовить завтрак Гровер Веррил и Микки Сильвестер, работающие на текстильной фабрике в Сентрал-Фоллс.

Догоняя эту мысль, слышался шум воды в туалете и по лестнице затопали башмаки Сильвестера. Ева встала и пошла за газетой.

5

6.05.

Хныканье ребенка разбудило Сэнди Макдугалл, и она, не открывая глаз, встала, чтобы его успокоить.

— Тшш, — забормотала она.

Ребенок залился плачем.

— Заткнись! — взвизгнула она. — Я иду!

Она пробралась на кухню по узкому коридорчику трейлера, совсем молодая девчонка, которую ранние роды лишили последних остатков красоты. Она вынула бутылочку Рэнди из холодильника, подумала, не стоит ли ее разогреть, потом махнула рукой. Если уж тебе его так хочется, выпьешь и холодный.

Она зашла к нему в спальню и поглядела на него с неприязнью. Ему было уже девять месяцев, но для его возраста он выглядел слабым и все время хныкал. Он только недавно начал ползать. Теперь он держал что-то в

руках и стенка тоже была чем-то вымазана. Она подошла, удивляясь, что это, черт возьми, может быть.

Ей было семнадцать, и они с мужем поженились в прошлом июле. К тому времени она уже была на шестом месяце, походила на елочную хлопушку, и замужество казалось ей единственным спасением. Теперь она проклинала себя.

Она увидела, что ребенок измазал дерьмом руки, лицо и стену вокруг себя.

Она тупо стояла над ним с бутылкой холодного молока.

Вот что украло ее высшую школу, ее друзей, ее надежды стать манекенщицей. Паршивый трейлер и муж, весь день работающий на фабрике, а вечером отправляющийся со своими подонками-друзьями пьянствовать или играть в покер. И этот ребенок, который вечно орет и мажет все дерьмом.

Он вопил уже во все горло.

— Заткнись! — внезапно взвизгнула она и швырнула в него бутылочку. Она попала ему в лоб, и он упал на спину, захлебываясь слезами. На лбу появился красный круг, и она почувствовала прилив одновременно жалости, испуга и ненависти.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! — она выхватила его из кровати и трянула пару раз, пока его крики боли стали невыносимыми. Ребенок извивался; лицо его стало багровым. — Ну, прости, — пробормотала она. — Прости свою маму. О, Иисус, Мария и Иосиф! Как ты, Рэнди? Подожди минуту, сейчас мама тебя вымоет.

Когда она вернулась с мокрой тряпкой, на лбу у Рэнди уже вздулся синяк. Но он взял бутылочку и, пока она вытирала ему лицо, беззубо улыбнулся ей.

«Скажу Рою, что он упал и ударился», — подумала она. Он поверит. О, Господи, сделай так, чтобы он поверил.

6.

6.45

Большинство рабочих Салемс-Лот ехали на работу за пределы города. Одним из немногих, работавших на месте,

был Майк Райерсон. В отчетах он значился уборщиком, но фактически в его обязанности входило надзирать за тремя городскими кладбищами. Летом он работал почти полный день, и даже зимой он был вовсе не так свободен, как думали некоторые. Ведь он помогал местному могильщику Карлу Формэну, а многие умирали именно зимой, особенно старики.

Сейчас он ехал по Бернс-роуд в своем пикапе, нагруженном ножницами, молотками, ломиком для подъема упавших памятников, десятигаллоновой канистрой бензина и двумя газонокосилками.

В это утро он собирался выкосить траву на Хармони-Хилл и заодно подправить там камни, а потом, днем, отправиться на школьное кладбище. Из всех трех он больше всего любил Хармони-Хилл. Оно было не таким старым, как школьное, но более тихим и тенистым. Он надеялся, что его самого похоронят там — когда ему будет лет сто.

Сейчас ему было еще только двадцать семь, и он успел отучиться три года в колледже. Когда-нибудь он надеялся завершить образование. Он был не женат; многих отпугивала его работа. Этого он не мог понять, ему самому работа казалась прекрасной — на воздухе, под Божьим небом, без начальника, который вечно торчит за плечом. И что из того, что он вырыл несколько могил или помог пару раз Карлу Формэну в его похоронных обрядах? Кто-то же должен это делать. Ведь, по его мнению, только секс был более естественной вещью, чем смерть.

Просигналив, он свернул с Бернс-роуд на поворот, ведущий к кладбищу. Позади машины клубилась пыль. За еще не пожухшей зеленью по обеим сторонам дороги он мог видеть высохшие скелеты деревьев, сгоревших во время пожара 51-го. Он знал, что там находятся груды валежника, где можно легко сломать ногу. Даже через двадцать пять лет пожар продолжал вредить. Что ж, это естественно. Где жизнь, там и смерть.

Кладбище располагалось на гребне холма, и Майк свернул туда, уже готовясь выйти и отпереть ворота... как вдруг он резко нажал на тормоза.

На воротах головой вниз висел собачий труп, и земля под ним почернела от крови.

Майк выскочил из кабины и поспешил туда. Он достал из кармана перчатки и поднял голову пса. Голова легко, бескостно вывернулась, и он увидел остекленевшие глаза любимца Вина Пуринтона, полуспаниеля Дока. Собака была подвешена на прутьях ворот, как туша на мясницком крюке. Вокруг уже кружились ленивые осенние мухи.

Майк потянул труп туда-сюда и в конце концов оторвал, содрогаясь от звуков, которыми это сопровождалось. С вандализмом на кладбищах он сталкивался нередко, особенно под Хэллуин, но до Хэллуина оставалось еще полтора месяца, и такое...

Обычно ограничивались тем, что сбивали пару памятников, выцарапывали на плитах какие-нибудь глупости или подвешивали на воротах бумажный скелет. Если это дети, то они настоящие подонки. Для Вина это тяжелый удар.

Он думал, отвезти ли пса в город, чтобы показать Перкинсу Гиллспау, и решил этого не делать. Отвезет потом, когда поедет обедать — хотя это не прибавит ему аппетита.

Он открыл ворота в перчатках, испачканных кровью. Железные прутья надо было почистить, и это значило, что на школьное он сегодня уже не попадет. Он загнал машину внутрь. День начинался паршиво.

7

8.00

Желтые школьные автобусы следовали по обычному маршруту, подбирая детей, стоящих возле домов с учебниками и корзинками с ланчем. Один из таких автобусов водил Чарли Родс — по Таггарт-Стрим-роуд в восточную часть города и назад по Джойнтнер-Авеню.

Дети в его автобусе были самыми дисциплинированными. В автобусе номер 6 не было никакого визга, толкания и дерганья за волосы. Нет, они сидели смирно, иначе им

пришлось бы тащиться две мили пешком, а потом объясняться с учителем.

Он знал, что они думают о нем, и знал, как они его за глаза называют. Но так было нужно. На своем автобусе он не потерпит никаких шалостей и разгильдяйства. Не то, что эти бесхребетные учителя.

Учитель из школы на Стэнли-стрит спросил его как-то, не слишком ли сурово он поступил, высадив одного из мальчишек только за то, что тот чересчур громко разговаривал. Чарли только взглянул на него, и этот сопляк, только четыре года назад окончивший колледж, тут же потупился. Попечитель школы Дэйв Фельсен был его старым приятелем, они вместе воевали в Корее и понимали друг друга. Понимали и то, куда катится страна. Понимали, как из парня, который «чересчур громко разговаривал» в автобусе в 58-м, вырос парень, который в 68-м ссал на американский флаг.

Он глянул в зеркало обзора и увидел, как Мэри-Кейт Грегсон передает записку своему другу Бренту Тенни. Дружку, да-да. Скоро уже начнут трахаться прямо в автобусе.

Он затормозил. Мэри-Кейт и Брент замерли в страхе.

— Хочется поговорить? — спросил он у зеркала. — Что ж, валяйте. Но только пешком.

Он открыл двери и подождал, пока они выйдут из автобуса.

8

9.00

Хорёк Крейг перевернулся в постели. Солнце, светившее в окно второго этажа, слепило ему глаза. В голове гудело. Этот писатель сверху уже стучал на машинке. Господи, от этого можно свихнуться — тук-тук-тук, день за днем.

Он встал и потянулся за календарем, чтобы узнать, не пришел ли день выдачи пособия. Нет. Был четверг.

Похмелье было не таким уж тяжелым. Он сидел у Делла до закрытия, но с двумя долларами в кармане не смог

выпить слишком уж много пива. Меньше, чем хотелось, подумал он и потер лицо рукой.

Он напялил теплую рубашку, которую носил зимой и летом, и зеленые рабочие штаны, а потом открыл шкаф и достал свой завтрак — бутылку теплого пива и пакет благотворительной овсянки. Он ненавидел овсянку, но, быть может вдова угостит его чем-нибудь повкуснее после того, как он выбьет ковер.

Он уже почти не вспоминал о тех днях, когда делил постель с Евой Миллер. Ее муж погиб при несчастном случае на лесопилке в 1959-м, что было довольно смешно, если можно назвать смешным такое несчастье. Смешным было то, что Ральф Миллер не подходил к станкам с 52-го, когда он из мастера сделался управляющим. Большая должность, и Хорьку казалось, что Ральф ей гордится. Когда пожар при сильном западном ветре перекинулся на Джойнтнер-Авеню, лесопилка была обречена. Пожарные из шести ближайших городов бились с огнем изо всех сил и не могли отвлечься ради спасения какой-то паршивой лесопилки. Но Миллер срочно сколотил из рабочих второй смены пожарную команду, и они устроили огню заслон, выложив крышу мокрыми тряпками.

Семь лет спустя его затянуло в дробильную машину, когда он отвлекся разговаривая с представителем одной массачусетской компании. Показывая ему действие машины, он поскользнулся и на глазах у всех упал в дробилку. Он уже не увидел, как его лесопилка, которую он спас в 1951-м, закрылась в феврале 60-го, не выдержав конкуренции.

Хорек поглядел в зеркало и пригладил седые волосы, все еще обильные и достаточно привлекательные для его шестидесяти семи. Это была единственная часть его тела, на которую не подействовал алкоголь. После этого он влез в рубашку цвета хаки, взял свою овсянку и сошел вниз.

И там он увидел — через шестнадцать лет после того, как все случилось — ту женщину, с которой когда-то спал, и которая до сих пор казалась ему чертовски привлекательной.

Вдова накинулась на него, как коршун, едва он появился на кухне.

— Хорек, не соблаговолишь ли начистить эти перила после завтрака? Как у тебя со временем?

По молчаливому уговору, он был обязан выполнять такие просьбы в обмен на то, что она не брала с него четырнадцать долларов в неделю за комнату.

— Конечно, Ева.

— И еще тот ковер...

— ...надо выбить. Да, я помню.

— Как твоя голова? — она спросила это нарочито небрежно, скрывая сочувствие... но оно все равно слышалось в ее тоне.

— Нормально, — сказал он, наливая воду в кастрюлю.

— Вчера ты вернулся поздно, поэтому я и спрашиваю.

— Заботишься обо мне? — он подмигнул и был рад видеть, что она все еще краснеет, словно школьница, хотя вот уже девять лет между ними не было ничего такого. Никаких глупостей.

— Но Эд...

Она одна звала его так. Для всех прочих он был просто Хорек. Что ж, все правильно. Пускай зовут, как хотят.

— Не обращай внимания, — сказал он примирительно. — Я просто не с той ноги встал.

— Судя по звукам, ты не встал, а выпал, — сказала она, но Хорек промолчал. Он быстро проглотил ненавистную овсянку и взял щетку и коробку с воском.

Наверху писатель все стучал. Винни Апшоу, живущий напротив, рассказывал, что он начинает в девять утра, днем уходит и опять стучит с трех до шести и с девяти до полуночи. Хорек не мог себе представить, откуда он берет столько слов.

Но вообще-то парень был ничего, и с ним вполне можно было пропустить пару кружечек у Делла. Он слышал, что все эти писатели пьют, как рыбы.

Он начал методично тереть перила и снова вернулся к мыслям о вдове. Она устроила в доме пансион на страхование мужа, и правильно. Она работала, как лошадь. Но ей

требовался мужик, и, как только прошло первое горе, это стало заметно. Господи, как она любила это дело!

Тогда, в 61-м, люди еще звали его Эдом, а не Хорьком, и руки у него не дрожали. Он работал на фабрике, и вот однажды вечером в январе 62-го это случилось.

Он замер со щеткой в руке, задумчиво глядя в узкое окошко над лестницей. Там сиял последний золотой свет лета, которому было наплевать на холодную, дождливую осень и идущую следом зиму.

В тот вечер все у них делалось по обоюдному согласию, и когда они лежали вдвоем в ее постели, она вдруг заплакала и объявила, что они поступают нехорошо. Он ответил, что все нормально, не зная, нормально ли это, и не заботясь о том, и за окнами завывал ветер, а в комнате у нее было тепло и уютно, и они, наконец, заснули в обнимку, как ложки в коробке. О Господи, время как река. Знает ли об этом писатель?

Он снова принялся начищать перила медленными, сильными движениями.

9

10.00.

В начальной школе на Стэнли-стрит, самой новой в Лоте, была перемена. Сверкающее стеклом здание на четыре класса выглядело очень современным по сравнению со старой и темной школой на Брок-стрит.

Ричи Боддин, гордившийся званием первого школьного хулигана, медленно сошел во двор, выискивая глазами этого засранца-новенького, который решил все задачи на математике. Нужно показать ему, кто здесь хозяин. Показать этому четырехглазому подлизе, любимчику учителей.

Ричи было всего одиннадцать, но он уже весил 140 фунтов. Всю жизнь мать хвалилась, какой большой у нее сын. И он знал, что он большой. Иногда ему казалось, что земля дрожит у него под ногами. И когда он подрастет, то будет курить «Кэмел», как его папаша.

Его боялись все пятиклассники, а уж младшие ребяташки просто боготворили. Скоро ему придется перейти в

седьмой класс, в школу на Брок-стрит, и они лишаются своего идола.

А тут еще этот сопляк Петри. Вон он стоит, глядя на играющих в футбол.

— Эй! — позвал Ричи.

Все посмотрели на него, кроме будущей жертвы. Все глаза устремились на Петри с обреченным сожалением.

— Эй ты, четырехглазый!

Марк Петри, наконец, обернулся и посмотрел на Ричи. Его очки в стальной оправе блестели на утреннем солнце. Он был выше большинства соучеников, ростом почти с Ричи, но тоньше. Лицо его казалось беззащитным. Настоящий примерный ученик.

— Это ты мне?

— «Это ты мне-е?» — передразнил Ричи тонким фальцетом. — Ты говоришь, как голубой. Ты это знаешь?

— Нет, не знаю, — сказал Марк Петри.

Ричи шагнул вперед.

— Спорим, ты отсосешь сейчас у меня? Что-то головка зачесалась.

— В самом деле? — голос Петри оставался таким же вежливым.

— Ну, давай, четырехглазый, скорее. Я не могу ждать. Такие, как ты, должны сосать.

Дети начали собираться со всего двора, чтобы посмотреть, как Ричи отделаает новичка. Мисс Холкомб, следившая за порядком, как раз отлучилась.

— Ну, и чего тебе надо? — спросил Марк. Он глядел на Ричи с интересом, как на редкого жучка.

— «Чего тебе надо?» — опять передразнил Ричи. — Да ничего. Я просто говорю, что ты вонючий гомик, вот и все.

— Да? — спросил Марк. — А я вот слышал, что ты жирный, глупый ублюдок.

Воцарилось молчание. Никто из школьников еще не видел такого героизма. Ричи тоже онемел от удивления.

Марк снял очки и отдал их ближайшему зрителю.

— Подержи пока, ладно? — тот зачарованно кивнул.

Ричи кинулся вперед. Земля дрожала у него под ногами. Он резко выбросил правый кулак прямо в зубы четырех-

глазому, чтобы сыграть на них, как на рояле. Сходи-ка к дантисту, детка.

Марк Петри пригнулся, и кулак Ричи прошел над его головой. Инерция собственного удара потянула великана вперед, и Марку оставалось только подставить ногу. Ричи тяжело шлепнулся на землю. Толпа зрителей выдохнула единое «Ах».

Марк хорошо знал, что этот парень разозлен и будет сопротивляться изо всех сил. Марк был ловок, но здесь, на школьном дворе, это было бесполезно. На улице можно было побежать, дожидаться ближайшего противника и точным ударом разбить ему нос. Но здесь не улица, и надо утихомирить этого урода раз и навсегда.

Все эти мысли пронеслись в его голове в какую-то долю секунды.

Он прыгнул на спину Ричи Боддина.

Толпа снова ахнула. Марк схватил Ричи за руку, аккуратно сдернул рукав рубашки и завернул руку за спину. Ричи взвыл от боли.

— А ну скажи мне «дядя», — потребовал Марк.

Ответ Ричи восхитил бы и старого боцмана.

Марк потянул руку Ричи чуть повыше, и тот опять завопил. Он был совсем сбит с толку. Такого с ним еще не случалось. Не могло случиться. Ему просто чудится, что четырехглазый сидит у него на спине и выворачивает ему руку.

— Скажи «дядя», — повторил Марк.

Ричи попытался встать на колени; тогда Марк сдавил его своими коленями, как всадник коня. Они оба перепачкались, но Ричи — куда сильнее. Лицо его побагровело, глаза выкатились, на щеке набухла свежая ссадина.

Он попробовал сбросить Марка, но тот опять принялся выкручивать ему руку. На этот раз Ричи уже не закричал, а взвыл.

— Скажи «дядя», или я сломаю тебе руку.

Рубашка Ричи вылезла из штанов. Он заерзал, но проклятый четырехглазый сидел прочно.

— Слезай, сукин сын! Так нечестно!

Новый прилив боли.

— Скажи «дядя».

— Не-е-ет!

Он еще раз попробовал встать и уткнулся лицом в пыль. Боль в руке нарастала. Грязь набилась в рот, в глаза. Он забыл о том, какой он большой, забыл, как земля дрожала у него под ногами, забыл, что он будет курить «Кэмел», когда подрастет.

— Дядя! Дядя! Дядя! — завизжал Ричи. Он мог кричать это часами и днями, только бы отпустили его руку.

— Скажи: «Я жирный ублюдок».

— Я жирный ублюдок! — промычал Ричи.

— Молодец.

Марк Петри отпустил его и встал, чтобы посмотреть, что будет дальше. Он надеялся, что с Ричи довольно. Если нет, придется пустить ему кровь.

Ричи встал и оглядел всех. Никто не смотрел ему в глаза. Этот вонючий Глик уставился на четырехглазого с восхищением, как на Бога.

Ричи стоял один, пытаясь осмыслить свое мгновенное падение. Слезы гнева и бессилия проложили следы на его грязном лице. Он исподлобья смотрел на Марка Петри. Рука ныла, как гнилой зуб. Проклятый сукин сын! Я еще покажу тебе.

Но не сегодня. Он повернулся и побрел прочь, и земля под ним не дрожала. Он смотрел вниз, чтобы не видеть ничьих лиц.

Со стороны девчонок кто-то захихикал — высокий звук, с жестокой ясностью повисший в утренней тишине. Он не посмотрел, кто это смеется.

10

11.15.

Городская свалка Джерусалемс-Лот до 45-го была карьером по добыче гравия. Она находилась за Бернс-роуд в двух милях от кладбища Хармони-Хилл.

Ниже по дороге Дад Роджерс слышал тарахтенье газонокосилки Майка Райерсона, но вскоре этот звук исчез в треске пламени.

Дад надзирал за свалкой с 1956 года, и его каждый год аккуратно переизбирали на эту ответственную должность. Он и жил на свалке, в лачуге с надписью «Сторож свалки» на перекошенной двери. Три года назад он установил здесь печку и окончательно переселился из своей городской квартиры.

Он был горбуном со странно вздернутой головой, как будто Господь отправил его в этот мир пинком. Руки его, свисающие почти до колен, отличались недюжинной силой. Когда на свалке воздвигали стену, он вытолкнул застрявший в грязи панелевоз, сделав то, что не могли сделать четверо здоровых мужчин.

Даду на свалке нравилось. Он любил гоняться за мальчишками, собиравшими бутылки, или регулировать разгрузку мусора. Он знал, что они смеются, видя, как он карабкается по грудам отбросов в своих болотных сапогах и резиновых перчатках, с пистолетом в кобуре и с мешком за плечами. Пускай смеются. Он собирал медную проволоку и медную обмотку с моторов, а медь в Портленде стоила недешево. Попадались ему и старые стулья, бюро и диваны, которые можно было починить и продать антикварам на шоссе номер 1. Те, в свою очередь, сбывали их бестолковым туристам. Как-то он нашел здоровенную кровать с проволочной сеткой и продал ее за двести баков какому-то педикю. Тот просто затащился от Новоанглийского колорита этой штуки, не подозревая, как тщательно Дад затирает на ней «Сделано в Калифорнии».

В дальнем углу свалки стояли поломанные автомобили, «Бьюики», «Форды» и «Чеви», и там было еще много исправных деталей. За хороший карбюратор могли заплатить семь долларов. А еще там были фары, ветровые стекла, рули и коврики на полу.

Да, на свалке ему хорошо. Это его Диснейленд и Шангри-Ла вместе взятые. Но деньги, зарытые в черном ящичке за его лачугой, были даже не самым лучшим.

Еще лучше были костры и крысы.

Дад сжигал мусор по утрам в воскресенье и в среду, и по вечерам в понедельник и пятницу. Лучше всего было вечером. Ему нравилось, как горит разноцветным огнем

пластик, бумага, тряпки. Но утренние костры нужны для крыс.

Сейчас, сидя на стуле и смотря, как разгорается грудa мусора, посылая в небо сероватые струйки дыма, Дад поигрывал пистолетом и поджидал крыс.

Когда они приходили, они приходили целыми полчищами. Большие, серые крысы с красными глазками. Хвосты волочились за ними, как розовые проволоочки. Дадy нравилось охотиться на крыс.

— Ну ты и стреляешь, Дад, — говорил ему Джордж Миддлер в магазине, отпуская очередную коробку патронов. — Опять будет платить город?

Это была старая шутка. Пару лет назад Дад вписал патроны в заказ, и ему их оплатили, хоть и не без ворчания.

— Джордж, — отвечал Дад, — ты же знаешь, что я работаю для города.

Вот. Вот эта тварь, жирная, волочащая ногу — это Джордж Миддлер. Тащит в зубах что-то вроде цыплячьих кишок.

— Давай, Джордж. Иди сюда, — пробормотал Дад, нажимая на курок. Крыса дважды перевернулась и застыла. Убойная сила не очень. Надо бы купить «магнум», и тогда посмотрим, как они закувыркаются.

А следующая — это маленькая сучка Рути Крокетт, которая не носит лифчика и всегда смеется и тычет пальцем, когда Дад проходит мимо школы. Бах! Всего хорошего, Рути.

Крысы в панике кинулись в рассыпную, но Дад успел уложить шестерых — неплохо для одного утра. Если подойти ближе, то можно увидеть, как блохи спасаются с холодеющих тел, как... как крысы с тонущего корабля.

Эта мысль неожиданно развеселила его, и он откинул назад свою и без того вздернутую голову и хрипло рассмеялся.

Жизнь поистине была прекрасна.

12.00.

Часы пробили двенадцать, возвещая перерыв на ланч во всех трех школах. Лоуренс Крокетт, член городского управления и владелец конторы по продаже недвижимости, закрыл книгу, которую читал («Рабы сатанинского секса»), и пошел к двери. Распорядок дня был нерушим. Сейчас он пойдет в кафе «Экселент», возьмет пару чизбургеров и чашку кофе и поглазеет на ноги Полин, закулив «Уильям Пенн».

Подергав дверную ручку, чтобы убедиться, что дверь закрыта, он зашагал вниз по Джойнтнер-авеню.

На углу он остановился и поглядел вдаль, на дом Марстенов. Рядом с ним стояла машина. Он видел как ее стекла отсвечивали на солнце. Крокетт почувствовал смутное беспокойство. Он продал этот дом уже примерно год назад, вместе с долго пустовавшей прачечной. Странное дело, самое странное в его жизни. По всей вероятности, это была машина некого Стрейкера. Р.Т.Стрейкера. Только что он получил от него послание.

Этот тип явился к нему в офис июльским днем год назад. Он вышел из машины и постоял немного перед входом прежде чем войти, лысый, как бильярдный шар, и такой же желтый. Брови его сходились в одну черную линию, и глаза под ними походили на глубокие темные дыры. В одной руке он держал черный «дипломат». Ларри тогда был в офисе один, секретарша, фалмутская девица с восхитительными бедрами, отлучилась в Гайтс-Роллс.

Лысый мужчина уселся в кресло, положив «дипломат» на колени, и посмотрел на Ларри без всякого выражения, что еще тогда неприятно его удивляло. Обычно он узнавал намерения пришедших к нему людей еще до того, как они открывали рот. Этот посетитель не стал рассматривать фото на стенах, не проявил никакого желания поздороваться и даже не представился.

— Чем могу служить? — спросил наконец Ларри.

— Я хотел бы приобрести дом и помещение для торговли в вашем чудном городе, — сказал мужчина. Голос

его тоже был ровным и невыразительным, как прогноз погоды по радио.

— Что ж, чудесно, — сказал Ларри. — У нас имеются прекрасные...

— Нет-нет, — прервал его лысый, поднимал руку. Ларри удивился тому, какие длинные у него пальцы. — Я уже выбрал. Это за муниципальным зданием, напротив парка.

— Да, я как раз и хотел это предложить. Там была прачечная. Закрылась год назад. Это очень хорошее место, если вы...

— А дом, — опять прервал лысый, — это то, что у вас называют домом Марстенов.

Ларри слишком долго занимался бизнесом, чтобы обнаружить свое удивление.

— Вы уверены?

— Да. Меня зовут Стрэйкер. Ричард Трокетт Стрэйкер. Все бумаги выписывайте на мое имя.

— Чудесно, — сказал Ларри. Он все еще не верил в свою удачу. — За этот дом запрашивают четырнадцать тысяч долларов, но я думаю, мои клиенты согласятся немного уступить. А старая прачечная...

— Погодите. Я согласен заплатить один доллар.

— Один? — Ларри подался вперед, не веря в то, что услышал.

— Да. Вот, посмотрите.

Длинные пальцы Стрэйкера проворно распахнули «дипломат» и извлекли оттуда синюю папку с бумагами. Ларри Крокетт зачарованно смотрел на него.

— Почитайте. Это экономит время.

Ларри раскрыл папку и со вздохом посмотрел на первую страницу, как человек, знающий, что его разыгрывают. Глаза его какое-то время рассеянно блуждали по строчкам, потом наткнулись на что-то.

Стрэйкер слегка улыбнулся. Он порывлся в недрах своего костюма, извлек золотой портсигар и закурил, чиркнув деревянной спичкой. Пряный аромат турецкого табака заполонил офис.

В следующие десять минут в кабинете царил молчок, нарушаемое только гудением вентилятора и отдален-

ным шумом проезжающих машин. Стрэйкер докурив сигарету до самого фильтра, растер пепел между пальцев и зажег еще одну.

Ларри поднял от бумаг бледное лицо.

— Это какая-то шутка. Кто вам это дал? Джон Келли?

— Я не знаю никакого Джона Келли. И не шучу.

— Но эти бумаги... Господи, вы что, не понимаете, что эта земля стоит не меньше полутора миллионов?

— Вы ошибаетесь, — холодно сказал Стрэйкер. — Не меньше четырех. А когда там появится торговый центр, она будет стоять еще дороже.

— Что вам нужно? — хрипло спросил Ларри.

— Я вам уже сказал. Мы с компаньоном хотим открыть дело в вашем городе. И хотим поселиться в доме Марстенов.

— Какое дело? «Группы инкорпорейтед»?

Стрэйкер вежливо улыбнулся.

— Обычную торговлю мебелью. С уклоном в антиквариат для коллекционеров. Мой партнер специализируется в этой области.

— Черт, — сказал Ларри беспомощно. — Вы могли бы купить дом за восемь с половиной тысяч, а магазин за шестнадцать. Скажите это вашему партнеру. И вам не мешало бы знать, что здесь вряд ли кого-то заинтересует антикварная мебель.

— Не беспокойтесь, — сказал Стрэйкер. — Мой партнер досконально знает все, чем он занимается. Он знает, что через ваш город проезжает много туристов. Им мы и будем продавать наш товар. Впрочем, вас это не должно занимать. Бумаги в порядке?

Ларри положил синюю папку на стол.

— Вроде бы. Но... я не собираюсь заключать с вами эту сделку.

— Нет, конечно, — в голосе Стрэйкера прорезалась легкая снисходительность. — Это сделает ваш юрист в Бостоне. Фрэнсис Уолш.

— Откуда вы знаете? — прохрипел Ларри.

— Неважно. Передайте эти бумаги ему. Земля, на которой строится центр, будет вашей при выполнении вами трех условий.

— Да, — сказал Ларри с каким-то облегчением. — Условия, — он закурил «Уильям Пенн». — Ну, выкладывайте ваши условия.

— Во-первых. Вы продаете мне дом Марстенов и помещение для магазина за один доллар. В случае с домом ваш клиент — это земельная корпорация в Бангоре, а помещение принадлежит сейчас Портлендскому банку. Я думаю, что они согласятся на самые низкие цены, которые вы покроете им из своих средств... за исключением, конечно, ваших комиссионных.

— Где вы получили эту информацию?

— Это вам не обязательно знать, мистер Крокетт. Условие второе. Никому не рассказывать о нашей сегодняшней сделке. Если об этом когда-нибудь пойдет речь, то все, что вы знаете — что мы два партнера, открывающие торговлю для заезжих туристов. Это очень важно.

— Я не болтун.

— Все же я хочу особо подчеркнуть серьезность этого условия. Придет время, мистер Крокетт, когда вам захочется похвалиться перед кем-нибудь этой удачной сделкой. Если вы это сделаете, я вас уничтожу. Вы понимаете меня?

— Звучит, как в шпионских фильмах, — сказал Ларри. Голос его был деланно бодрым, но внутри все сжалось. Эти слова «я вас уничтожу» были сказаны ровно, как «с добрым утром». Это заставляло видеть в них правду. И как этот шут узнал про Фрэнка Уолша? Даже его жена про него не знала.

— Вы меня поняли, мистер Крокетт?

— Да, — выдавил Ларри. — Повторяю, что я не болтлив. На лицо Стрэйкера вернулась тонкая усмешка.

— Потому я и имею с вами дело.

— А третье условие?

— Дом требует кое-какого ремонта.

— Это уж ваша забота, — сухо заметил Ларри.

— Мой партнер займется этим сам. Но вы будете его доверенным лицом. Время от времени мне будут требоваться услуги ваших рабочих, в доме или в магазине. Вам нужно будет это организовать, но без огласки.

— Да-да, я понимаю. Но слухи...

— А что, могут быть слухи? — Стрэйкер поднял брови.

— Конечно. Это вам не Бостон или Нью-Йорк. Слухи обязательно пойдут. Здесь на Рэйлроуд-стрит живет такая Мэйбл Вертс, которая целый день стоит у окна с биноклем...

— На горожан мне наплевать. И моему партнеру тоже. Горожане всегда болтают, как сороки на телефонных проводах. Скоро они к нам привыкнут.

— Дело ваше, — Ларри пожал плечами.

— Хорошо. Заплатите им за все и предъявите счета мне. Расходы будут вам возмещены. Вы согласны?

Ларри согласился. Он был одним из лучших игроков в покер во всем графстве Камберленд. И хотя он сохранял внешнее спокойствие, изнутри его грызла тревога. Сделка, которую ему предложил этот ненормальный, была из тех, что случаются раз в жизни. Может, его партнер из тех чокнутых миллиардеров, которые...

— Мистер Крокетт, я жду.

— У меня тоже есть два условия, — сказал Ларри.

— Да-да? — Стрэйкер выглядел заинтересованным.

Он указал на синюю папку.

— Во-первых, эти бумаги должны остаться в тайне.

— Ну конечно.

— И еще, если вы хотите заниматься здесь чем-либо противозаконным, то я вас знать не знаю. Это значит...

Внезапно Стрэйкер запрокинул голову и разразился холодным, механическим смехом.

— Я что, сказал что-нибудь смешное? — осведомился Ларри, даже не улыбнувшись.

— О... нет, конечно, мистер Крокетт. Извините. Ваше высказывание просто позабавило меня. Вы хотите что-нибудь добавить?

— Еще этот ремонт. Я не дам вам ничего опасного. Если вы собираетесь делать там самогон, или взрывчатку, или наркотики, делайте это без меня.

— Хорошо, — улыбка Стрэйкера исчезла. — Так мы договорились?

Ларри со странным неудовольствием сказал:

— Я думаю, да. Хотя похоже, пока все выгоды от сделки достаются вам, а все расходы — мне.

Сегодня понедельник. Я буду у вас в четверг.

— Лучше в пятницу.

— Хорошо, — он встал. — До свидания, мистер Крокетт.

Бумаги оказались подлинными. Бостонский юрист Ларри сказал, что земля, на которой строился торговый центр в Портленде, принадлежала по бумагам какой-то странной компании под названием «Континентал лэнд». В ее офисе в Нью-Йорке нашли только пустые кабинеты под слоем пыли.

В пятницу Стрэйкер приехал еще раз, и Ларри подписал бумаги. Он сделал это с сильным чувством сомнения. Впервые он нарушил свое правило: «Не гадить там, где ешь». Ему не нравился этот Стрэйкер, который должен был обосноваться в доме Марстенов. И заодно не нравился его партнер, мистер Барлоу.

Но август кончился, наступила осень, за ней зима, и он начал понемногу забывать о странной сделке.

А потом события стали развиваться быстро.

Сперва к нему пришел этот писатель, Мейрс, с намерением снять дом Марстенов. Он посмотрел на Ларри очень удивленно, когда услышал, что дом уже продан.

Вчера он обнаружил на почте сверток и письмо от Стрэйкера. Просто записку. «Прошу вас поместить в окне магазина этот плакат. Р.Т.Стрэйкер». Плакат тоже был простым. «Открытие через неделю. Барлоу и Стрэйкер. Лучшая мебель. Старинные изделия. Добро пожаловать».

И вот у дома появился автомобиль. Он еще смотрел на него, когда кто-то тронул его локоть:

— Уснули, Ларри?

Он слегка подпрыгнул, но это оказался Перкинс Гиллспай, только что закуривший «Пэлл-Мэлл».

— Нет, — сказал он, нервно хихикнув. — Просто задумался.

Перкинс тоже поглядел на дом Марстенов, потом перевел взгляд на табличку в окошке старой прачечной.

— Хорошо, когда в город приезжают новые люди, правда? Вы их видели?

— Одного. В прошлом году.
— Барлоу или Стрэйкера?
— Стрэйкера
— Ну, и как он?
— Трудно сказать, — выдавил Ларри, чувствуя, что у него пересохло в горле. — Мы говорили только о делах.
— Ну ладно. Пошли. Я дойду с вами до «Экселента».
Когда они пересекали улицу, Ларри Крокетт почему-то подумал о сделках с дьяволом.

12

13.00

Сьюзен Нортон зашла в парфюмерный магазинчик Бэбс и улыбнулась Бэбс Гриффен (старшей сестре Хола и Джека).

После короткого обмена новостями Бэбс спросила, видела ли Сьюзен, что какие-то приезжие открыли на месте старой прачечной мебельный магазин. Там все дорого, но хорошо бы, если бы у них оказалась маленькая лампа под пару той, что стоит у нее дома, и прошедшее лето было чудесным, и жаль, что все уже кончилось.

13

15.00.

Бонни Соьер лежала на большой двуспальной кровати в своем доме на Дип-Кат-роуд. Это был настоящий дом, а не трейлер, с фундаментом и подвалом. Ее муж, Редж, заколачивал хорошие деньги, работая механиком в Бакстоне.

На ней были только прозрачные голубые трусики, и она в нетерпении поглядывала на часы. 15.02. Ну где же он?

Почти сразу же за этой мыслью тихо открылась дверь, и внутрь прокрался Кори Брайент.

— Все в порядке? — прошептал он. Кори, которому было только двадцать два, уже два года работал в телефонной компании, и эта связь с замужней женщиной —

и не с кем-нибудь, а с Бонни Сойер, «мисс графство Камберленд» 73-го года, — все еще пугала его.

Бонни улыбнулась ему.

— Если бы он был здесь, дорогой, — нежно сказала она, — у тебя в пузе уже была бы банка с экран телевизора.

Он проскользнул внутрь. Бонни протянула к нему руки.

— Я тебя люблю, Кори. Ты такой красивый.

Глаза Кори смотрели на то темное, что просвечивало сквозь прозрачный нейлон, и страх постепенно уходил из них. Он, спотыкаясь, пошел к ней, и когда они слились в объятия, где-то за окном, в лесу, запиликала цикада.

14

16.00.

Бейн Мейрс отодвинулся от стола, выполнив дневную норму. Он не ходил днем в парк и писал без перерыва, чтобы вечером с чистой совестью отправиться к Нортонам.

Он встал и потянулся, слушая, как хрустят его кости. Спина была мокрой от пота. Он достал из шкафчика у изголовья кровати чистое полотенце и пошел в ванную, чтобы успеть до прихода с работы основного населения.

Повесив полотенце на плечо, он повернулся к двери, но вдруг обернулся и поглядел в окно. В городе все замерло под чистым небом того глубокого голубого цвета, которым славится Новая Англия.

Он видел двухэтажные дома на Джойнтнер-Авеню, видел их плоские крыши, видел парк, где уже возились дети, вернувшиеся из школы, и лесистые холмы на северо-западе. Его глаза остановились на просвете в деревьях, где пересекались Бернс-роуд и Брунс-роуд, и где был виден нависающий над городом дом Марстенов.

Отсюда он казался крохотным, как детский кукольный домик. Ему это нравилось. Такой размер был безопасен. Можно было взять зловещий дом в руку и зажать в кулаке.

Возле дома стояла машина.

Он стоял с полотенцем на плече и глядел туда, чувствуя внезапный ужас, причины которого не знал и не хотел

знать. Две отвалившихся ставни были поставлены на место, окончательно закрыв дом от постороннего взгляда.

Его губы медленно двигались, выговаривая слова, которые не мог понять никто — даже он сам.

15

17.00.

Мэттью Берк вышел из школы с портфелем в левой руке и направился к пустой стоянке, где стоял только его старый «чеви».

Ему было шестьдесят три, уже два года после пенсии, но он продолжал вести уроки английского и заниматься разными общественными делами, в первую очередь, школьным театром. Он только что закончил читать трехактную комедию под названием «Проблема Чарли». Теперь ему предстояло распределить роли среди дюжины мальчишек и девчонок и репетировать с ними до 30 октября, когда должна была состояться премьера. По теории Мэтта школьный спектакль, мог быть безвкусным, но полезным, как алфавитный суп Кэмпбелла. Придут родители, чтобы полюбоваться на своих чад. Придет обозреватель из камберлендского «Леджера», чтобы впасть в неизменный бурный восторг. Лучшая девушка (в этом году, наверное, Рути Крокетт) влюбится в кого-нибудь из актеров и, весьма возможно, лишится девственности непосредственно после спектакля.

В шестьдесят три Мэтту все еще нравилась его работа. Он не очень следил за дисциплиной (был слишком рассеян, чтобы эффективно выполнять карательные функции), но это его мало занимало. Он терпеливо читал сонеты Шекспира среди летающих по холодным классам бумажных самолетиков, стряхивал со своего стула кнопки и, веля открыть страницу 467 в учебнике, уже без особого удивления обнаруживал у себя в столе то кузнечика, то жабу, а один раз даже семифутовую черную змею.

Он измерил свой предмет вдоль и поперек, как Старый Мореход Кольриджа: Стэйнбек на первом уроке, Чосер на втором, структура предложения на третьем, и функции

герундия после ланча. Его пальцы пожелтели скорее от мела, чем от никотина.

Ученики не особенно его любили, но многие относились с уважением, а некоторые учились у него любви и своему делу, даже такой эксцентричной и смиренной. Он любил свою работу.

Он сел в машину, включил радио, настроив его на портлендскую станцию, передающую рок-н-ролл. Рок всегда нравился ему. Он ехал домой.

У него был маленький дом на Тагтарт-Стрим-роуд, куда мало кто был вхож. Он не был женат и не имел родных, кроме брата в Техасе, который работал в нефтяной компании и ни разу ему не написал. Он был одинок, но одиночество его не тяготило.

Он остановился у светофора на углу Джойнтнер-авеню и Брок-стрит и свернул к дому. Тени уже удлиннились, и свет сделался тусклым и золотистым, как на полотнах импрессионистов. Он посмотрел налево, увидел дом Марстенов и посмотрел еще раз.

— Ставни, — сказал он громко под музыку. — Ставни повесили.

Поглядев на дом еще, он заметил у подъезда машину. Он учительствовал в Салемс-Лот с 1952-го и никогда не видел там машин.

— Неужели там кто-то поселился? — спросил он себя вслух и поехал дальше.

16

18.00.

Отец Сьюзен, Билл Нортон, член городского управления, удивился, когда понял, что Бен Мейрс ему чрезвычайно понравился. Билл был высоким, плотным, черноволосым мужчиной, совсем не толстым в свои пятьдесят. Когда-то он с разрешения отца оставил высшую школу и завербовался на флот. Диплом он получил только в двадцать четыре. При своем уровне образования он вовсе не был тупым антиинтеллектуалом, как многие рабочие, хотя недолюбливал юных волосатых «пердожников», как

он их называл, которых дочь иногда приводила из школы. Его возмущали не их прически или наряды, а то, что, по его мнению, все они были несерьезными. Он не разделял и надежд жены на Флойда Тиббитса, с которым Сьюзен крутила уже довольно давно. Но Флойд имел хорошую работу, и Билл на этом основании считал его достаточно серьезным; к тому же, он был местным. А этот Мейрс...

— Только не приставай к нему насчет «пердожников», — предупредила Сьюзен, вскакивая на звук звонка. Она надела легкое летнее платье; новая прическа была схвачена зеленой лентой.

— Буду называть, их как привык, ладно? — усмехнулся Билл.

Она нервно улыбнулась ему в ответ и пошла открывать.

Вернулась она с высоким, худощавым мужчиной настоящего вида. На Билла сразу произвели впечатление его тонкие черты лица, густые черные волосы, кажущиеся свежевывытыми, и одежда: новые голубые джинсы и белая рубашка с коротким рукавом.

— Бен, это мои родители — Билл и Энн Нортон. Мама, папа, это Бен Мейрс.

— Здравствуйте. Рад познакомиться.

Он с некоторой напряженностью улыбнулся мисс Нортон, и она сказала:

— Добро пожаловать, мистер Мейрс. Мы впервые видим живого писателя. Сьюзен от вас в восторге.

— Знаете, я сам не в восторге от своих работ, — он опять улыбнулся.

— Здорово, — Билл привстал со стула. К должности, которую он занимал сейчас в портлендских доках, он шел через тяжелый труд, и его рукопожатие было сильным. Но и Бена рука была не такой вялой, как у обычного «пердожника», и Билла это приятно удивило.

— Любишь пиво? Могу угостить холодным, — он махнул рукой куда-то на задний двор. «Пердожник» обязательно отказался бы — они очень боятся уронить свое достоинство.

— Не откажусь, — сказал Бен, улыбаясь еще шире. Билл тоже улыбнулся.

— О, молодец. Тогда пошли.

Между двумя женщинами, наблюдающими это, возник очередной немой спор. Энн Нортон сдвинула брови, а морщинка на лбу Сьюзен, наоборот, разгладилась.

Бен пошел на веранду вслед за Биллом. В углу стоял ящик со льдом, полный банок с пивом. Билл вытащил одну и подал Биллу.

— Хорошо здесь у вас, — сказал Бен, глядя на печь для барбекю. Это была солидная кирпичная конструкция, от которой так и исходил жар.

— Сам делал, — сообщил Билл.

Бен отхлебнул пива и рыгнул — еще один располагающий жест.

— Сьюзи говорит, что ты хороший парень.

— Она тоже хорошая.

— И практичная, — добавил Нортон. — Она сказала, что ты издал три книги.

— Да.

— Хорошо они идут?

— Первая хорошо, — сказал Бен, не продолжая. Билл Нортон понимающе кивнул.

— Как насчет бургеров и сосисок?

— С удовольствием.

— Знаешь, как готовить «хот-догс», чтобы из них не выходил сок?

— Конечно, — Бен показал пальцем в воздухе, как нужно надрезать сосиски.

— Молодец, — опять сказал Билл. Бери пиво, а я сейчас принесу сосиски.

Перед тем, как идти, он испытующе посмотрел на Бена.

— Слушай, ты серьезный парень?

— Наверное, — Бен усмехнулся чуточку мрачно. Билл кивнул.

— Это хорошо, — сказал он и вышел.

Дул легкий ветерок, отгонявший в сочетании с дымом от печи поздних mosquitos. Женщины вымыли посуду и пришли на веранду выпить пива и посмотреть, как Билл, игравший по ветру, наголову разгромил Бена в бадминтон. Бену было по-настоящему жаль, когда пришло время уходить.

— Книга не ждет, — сказал он. — Я и так отстаю на шесть страниц. Если я напьюсь, страшно подумать, что я наваляю сегодня.

Сьюзен видела, как он вышел из калитки. Билл задумчиво смотрел на огонь. Он сказал, что Бен кажется ему достаточно серьезным. Во всяком случае, человек способный работать после такого обеда, уже заслуживает уважения.

Однако Энн Нортон так и не изменила своего мнения.

17

19.00.

Флойд Тиббитс подрулил на стоянку возле заведения Делла через десять минут после того, как Делберт Марки, включил розовую электрическую надпись над входом — трехфутовые стеклянные буквы, образующие слова «У Делла».

Снаружи солнце уже багровело у самого горизонта, и туман уже собирался у земли прозрачными клочьями. Через час-другой наступит ночь.

— Привет, Флойд, — сказал Делл, вынимая из холодильника пиво, — как дела?

— Привет, — отозвался Флойд. — Пиво — это уже хорошо.

Он был высоким парнем с песочного цвета бородой в широких брюках и спортивной куртке — его рабочая одежда. Ему нравилась его работа, хотя иногда он казался себе недостаточно активным, влекомым судьбой. И у него была Сьюзи — замечательная девушка. Он надеялся, что она, как и все девушки, еще немного поломается, а потом решит что-нибудь относительно их общего будущего.

Он опустил на стойку доллар, плеснул в стакан пива и отхлебнул. У стойки стоял, только этот парень из телефонной компании — Брайент. Он попивал пиво и слушал дурацкую песенку про любовь.

— Что нового в городе? — спросил Флойд, заранее зная ответ. Ничего. В школе кого-нибудь могли поймать пьяным, но кроме этого — ничего.

— Кто-то убил пса твоего дяди. Вот и новость. Флойд не донес стакан до рта.

— Что? Пса дяди Вина? Дока?

— Ну.

— Его сбила машина?

— Да нет. Его нашел Майк Райерсон. Пошел на Хармони-Хилл носить траву, а Док висел там на воротах.

— Вот сукины дети — выругался Флойд.

Делл печально кивнул, любуясь произведенным впечатлением. Он знал и еще кое-что — что девушку Флойда видели с этим писателем, который остановился у Евы. Но об этом пусть Флойду говорят другие.

— Райерсон отвез труп Перкинсу, — сказал он. — Тот сказал, что, может быть, пса сбила машина, а потом уже дети повесили его на ограду.

— Перкинс ничего не видит дальше своей жопы.

— Кто его знает. Послушай, что я думаю, — Делл наклонился к Флойду. — По-моему, это дети... точно, это они. Но это гораздо серьезнее. Вот посмотри, — он порывлся под стойкой и извлек оттуда мятую газету.

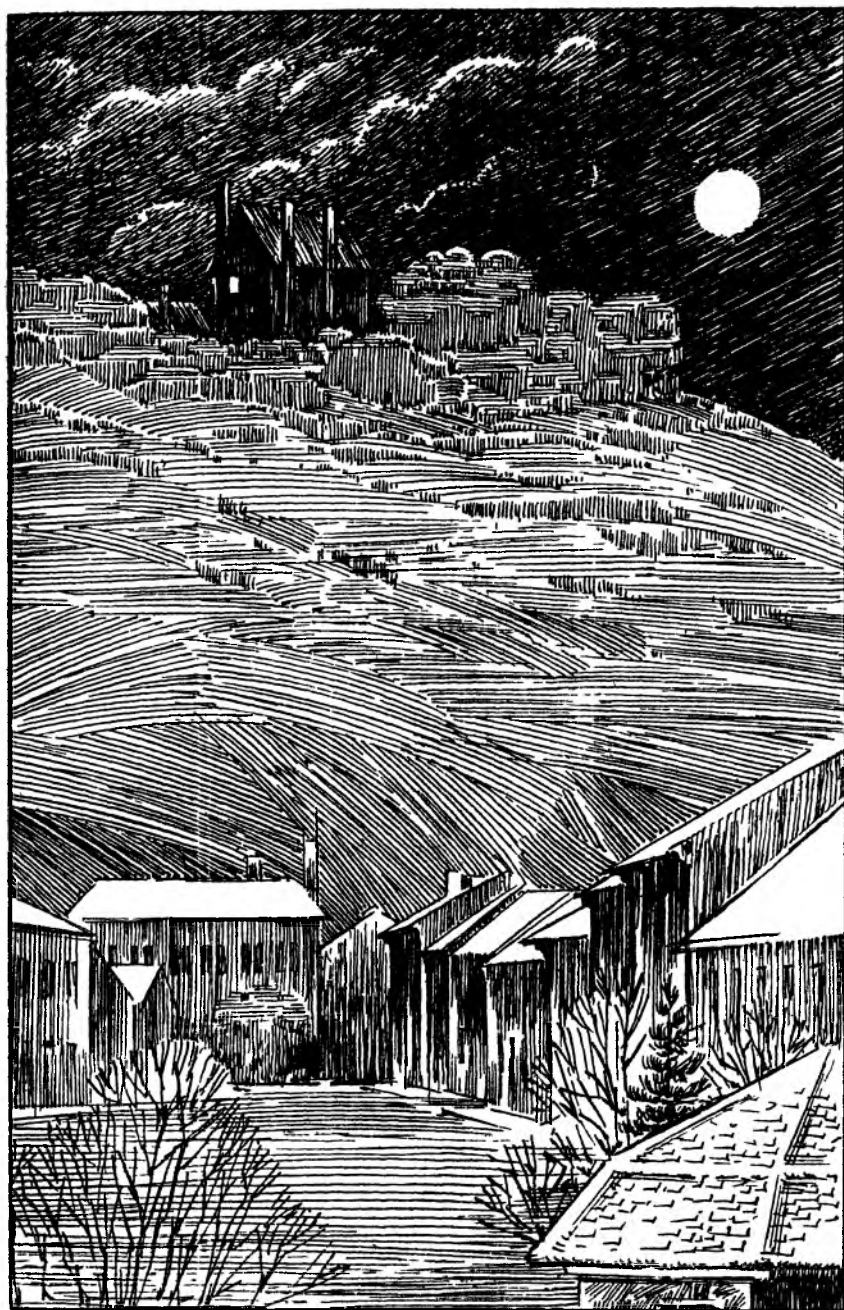
Флойд взял ее. Заголовок гласил: «Служители сатаны осквернили церковь». Он углубился в чтение. Орава детей ночью влезла в католическую церковь в Клевистоне, штат Флорида, и устроила там что-то вроде черной мессы. На алтаре нацарапали богохульства, а на ступеньках, ведущих в неф, были обнаружены следы крови. Лабораторный анализ показал, что, хотя часть крови была животной (вероятнее, всего, овечьей), большая часть оказалась человеческой. Местной полиции не удалось обнаружить никаких следов.

Флойд положил газету.

— Служение Дьяволу в Лоте? Брось, Делл.

— Дети стали просто чокнутые, — упрямо сказал Делл. — Вот увидишь, скоро они и людей начнут приносить в жертву. Где-нибудь в сарае Гриффенов. Хочешь убедиться?

— Нет уж, — сказал Флойд, слезая со стула. — Я лучше пойду проведаю дядю Вина. Он любил этого пса.

— Передай ему мои соболезнования, — сказал Делл, пряча газету назад под стойку. — Мне очень жаль, что так случилось.

Флойд замешкался у двери и сказал неизвестно кому:

— Говоришь, повесили на ограде? Черт, хотел бы я поймать мерзавцев, которые это сделали.

— Дьяволопоклонники, — сказал Делл. — это они. Не знаю, что в людей вселилось.

Флойд ушел. Парень Брайентов сунул в автомат еще десять центов, и Дик Кэрлесс запел «Раздави со мной бутылочку».

18

19.30.

— Возвращайтесь пораньше, — сказала Марджори Глик старшему сыну Дэнни. — Завтра в школу. Твой брат должен быть в постели в полдесятого.

Дэнни переминался у порога.

— Я могу вообще его не брать.

— Не можешь, — сказала сердито мать. — Тогда и сам не ходи.

Она повернулась к плите, на которой жарилась рыба, и Ральфи тут же показал брату язык. Дэнни в ответ погрозил кулаком, но нахальный младший брат только улыбался.

— Мы скоро, — пробормотал Дэнни, поворачиваясь к двери.

— Не позже девяти.

— Ладно, ладно.

В комнате у телевизора сидел Тони Глик, наблюдающий за сражением «Ред Сокс» с «Янкиз».

— Вы куда?

— Сходим к этому новенькому, — сказал Дэнни. — К Марку Петри.

— Ага, — добавил Ральфи. — Посмотрим его... железную дорожку.

Дэнни метнул на брата свирепый взгляд, но отец ничего не заметил.

— Ну, давайте поскорее, — равнодушно сказал он.

На улице солнце уже зашло, но небо было еще светлым. На заднем дворе Дэнни сказал:

— Ух, ты у меня дождешься.

— А я расскажу, — выпалил младший брат. — Расскажу, зачем ты туда пошел.

— Ябеда, — безнадежно сказал Донни.

За их домом в лес уходила протоптанная тропа. Дом Гликов стоял на Брок-стрит, а дом Марка Петри — на юге Джойнтнер-Авеню. Тропа срезала путь, что очень важно, если вам двенадцать и девять лет и нужно поскорее вернуться домой. Сухие иглы и шишки хрустели у них под ногами. Где-то в лесной чаще пела птица, вокруг поскрипывали кузнечики.

Дэнни зря сказал брату, что у Марка Петри есть целая коллекция пластмассовых монстров «Авроры» — оборотни, Дракула, Франкенштейн, Безумный Доктор и даже Замок с привидениями. Их матери очень не понравился бы его интерес к этому, а братец сразу же стал угрожать, что расскажет ей. Маленькая вонючка.

— Ты вонючка, — сказал Дэнни. — Ты это знаешь?

— Знаю, — гордо отозвался Ральфи. — А что это такое?

— Это когда ты весь зеленый и скользкий, как лягушка, — заключил Дэнни.

— Сам такой.

Они вышли на берег Лиственного ручья, тихо журчавшего по гравию. В двух милях к востоку он вливался в Таггарт-стрим, а потом, вместе с ним — в Ройял-ривер.

Дэнни перепрыгнул на другой берег по камням.

— А я тебя сейчас толкну! — крикнул Ральфи где-то сзади.

— А я после толкну тебя в зыбучий песок, вонючка!

— Нет здесь никакого зыбучего песка, — неуверенно заявил Ральфи, стараясь, однако, держаться ближе к брату.

— Да? — критически спросил Дэнни. — Только недавно здесь затынуло одного парня. Я слышал, как это говорили те, кто его вытаскивал.

— Правда? — глаза Ральфи расширились.

— Ну, — ответил Дэнни. — Он кричал-кричал, а потом песок попал в рот, и все. Уууу-xxx.

— Ой, — прошептал Ральфи. Было уже совсем темно, и в лесу кишели смутные тени. — Пошли скорее.

Они выбрались наверх, оскальзываясь в сухой хвое.

Дэнни действительно слышал в магазине разговор про мальчика десяти лет по имени Джорри Кингфилд. Может, он и попал вzybучий песок, но никто его не нашел. Он просто исчез в болотах шесть лет назад. Одни думали, что этоzybучий песок, другие — что его убил извращенец. Тогда все боялись извращенцев.

— Они говорят, что его дух все еще бродит здесь, — нагонял Дэнни страху, не упоминая, что от этого места до болота больше трех миль.

— Не надо, Дэнни, — прошептал Ральфи. — Здесь темно.

Лес вокруг таинственно шептался. Птицы умолкли. Где-то хрустнула ветка. Небо почти совсем почернело.

— И вот, — продолжал Дэнни зловеще, — когда какой-нибудь малыш идет через лес, он вдруг появляется между деревьев, и лицо у него распухшее и все в песке...

— Дэнни, ну, не надо!

Голос брата стал по-настоящему испуганным, и Дэнни замолчал. Он и сам почти испугался. Вокруг было так темно, и действительно казалось, что между деревьев кто-то прячется, крадется за ними...

Слева хрустнул еще один сучок.

Дэнни вдруг пожалел, что они не пошли по дороге.

Еще хруст.

— Дэнни, я боюсь, — прошептал Ральфи.

— Не глупи, — сказал Дэнни. — Пошли.

Они ускорили шаг. Дэнни уверял себя, что не слышал никакого хруста. Ничего, кроме их шагов. Руки его были холодными, в висках стучала кровь. Еще две сотни шагов, и они выйдут на Джойнтнер-Авеню. А назад пойдут по дороге, чтобы эта маленькая вонючка не боялась. Вот сейчас увидим городские огни, сейчас... шаг... другой... третий.

Ральфи завизжал:

— Я вижу! Вижу духа! Я ЕГО ВИЖУ!

Ужас раскаленным железом пронзил грудь Дэнни. Он был готов повернуться и бежать, но брат вцепился в него мертвой хваткой.

— Где? — прошептал он, забыв, что сам недавно говорил о духе. Кругом была сплошная темнота.

— Не знаю... но я его видел. Глаза. Я видел его глаза. О, Дэнни, — он плакал.

— Да нет здесь никаких духов, балда. Пошли!

Дэнни взял брата за руку и потащил его за собой. Его ноги дрожали.

— Он смотрит на нас, — прошептал Ральфи.

— Слушая, перестань...

— Нет, Дэнни. Смотрит. Разве ты не чувствуешь?

Дэнни остановился. И в самом деле почувствовал, что они уже не одни. Тишина повисла над лесом, но это была зловещая тишина. Тени, гонимые ветром, угрожающе роились вокруг них.

И запах... какой-то странный запах.

Это не духи, это извращенцы. Они останавливают свои черные машины и предлагают тебе конфетку или подвезти до дома, а потом... потом увозят в лес.

А потом...

— Бежим, — хрипло прошептал он.

Но Ральфи застыл, парализованный страхом. Он сжимал руку брата, как клещами. Глаза его уставились на что-то в глубине леса, а потом начали расширяться.

— Дэнни!

Хрустнул сучок.

Дэнни обернулся и увидел то, что видел его брат.

Тьма поглотила их.

21.00.

Мэйбл Вертс была грузной толстухой семидесяти четырех лет, и ноги все чаще отказывались служить ей.

Она хранила городские предания и сплетни — архив пяти десятилетий ссор, смертей, краж и супружеских измен. Да, она была сплетницей, но не злобной (хотя ее слова нередко вносили раздор) — просто она жила жизнью города. Фактически, она и была городом, эта толстая вдова, почти не выходящая из дома и большую часть дня сидящая у окна в шелковом халате с телефоном у правой руки и биноклем у левой. Сочетание этих двух приборов плюс обилие времени для их использования превратило ее в паука, сидящего в центре города — своей паутины разговоров и слухов.

Она глядела на дом Марстенов, пытаясь выяснить что-либо о его новых обитателях, когда ставни слева от крыльца вдруг открылись, показав отблеск тусклого, явно не электрического, света. Она успела только мельком разглядеть нечто вроде силуэта человека, стоявшего у окна, но этот мгновенный взгляд заставил ее вздрогнуть.

Она подумала: что же это за люди, которые открывают окно только по ночам?

Положив бинокль, она сняла трубку. Два женских голоса — она быстро определила, что это Харрчет Дарэм и Глинчс Мэйберри, — говорили о том, как Райерсон нашел пса Ирвина Пуринтона.

Она сидела тихо, затаив дыхание, чтобы они не услышали ее присутствия на линии.

20

23.59.

День замер на грани полуночи. Дома утонули в темноте. Внизу горело электричество у магазина, у похоронного бюро Карла Формэна и у кафе «Экселент». Кое-кто еще не спал — например, Джордж Сойер, только что вернувшийся с вечерней смены, и Вин Пуринтон, который

раскладывал пасьянс и думал о Доке. Смерть пса огорчила его больше, чем в свое время смерть жены.

На кладбище Хармони-Хилл у ворот стояла темная фигура человека. Когда он заговорил, голос был тих и торжественен.

— Отец мой, прими мой дар. Повелитель Мух, прими мой дар. Я принес тебе свежую плоть и чистую кровь. Я возлагаю жертву на твой алтарь. Левой рукой я возлагаю ее. Дай мне знак твоей милости. Я жду знака, чтобы начать твое дело.

Голос стих. Внезапно пронесся ветер, легкий и слабый, прошуршавший в опавших листьях и сухой траве. И больше ни звука. Человек стоял неподвижно. Потом нагнулся и поднял вверх тельце ребенка.

— Вот моя жертва тебе.

Молчание.

Глава четвертая ДЭННИ ГЛИК И ДРУГИЕ

1

Дэнни и Ральфи Глики обещали вернуться к девяти, поэтому, когда их не было в десять, Марджори Глик позвонила Петри. Миссис Петри сказала, что к ним никто не приходил. Может, лучше вашему мужу поговорить с Генри? Миссис Глик передала трубку мужу, чувствуя, как в сердце к ней вползает страх.

Мужчины поговорили. Да, дети ушли по лесной тропинке. Нет, ручей очень мелкий, особенно в это время года. Не глубже, чем по щиколотку. Генри предложил пройти по тропе со своего конца с фонариком, а мистер Глик пусть сделает то же со своего. Быть может, мальчики нашли логово ондатры или курят где-нибудь. Тони согласился с этим и извинился перед мистером Петри за беспокойство. Мистер Петри сказал, что его это совсем не затруднит. Тони повесил трубку и стал успокаивать жену. Про себя он решил, что, когда дети найдутся, они у него неделю не смогут сидеть.

Но не успел он выйти со двора, как из-за деревьев, шатаясь, вышел Дэнни и упал возле печи для барбекю. Он говорил с трудом, отвечая на вопросы медленно и невпопад. Рубаха его была в грязи, в волосах застряли листья.

Он рассказал, что они с Ральфи пошли по тропе, перешли по камням Лиственный ручей и благополучно выбрались на другой берег. Потом Ральфи стал говорить про какого-то духа в лесу (Дэнни не сказал, что он сам

внушил брату эту идею). Он говорил, что видит лицо. Дэнни испугался. Он не верил в духов, но ему тоже показалось, что он слышит что-то в лесу.

А что было потом?

Дэнни помнил, что они пошли дальше, держась за руки. Ральфи все еще бормотал что-то про духа. Дэнни велел ему перестать, потому что скоро они выйдут на улицу. А потом что-то случилось.

Но что?

Дэнни не знал.

Они расспрашивали его, чувствуя все большее удивление. Дэнни только медленно качал головой. Нет, он не помнит. Честно, не помнит. Только темнота. Сплошная темнота. А потом он очнулся на тропе один. Ральфи рядом не было.

Перкинс Гиллспай сказал, что не имеет смысла посылать людей на поиски ночью. Кругом валежник. Мальчик мог заблудиться. Он обошел лес вокруг тропы сам, вместе с Нолли Гарденером, Тони Гликом и Генри Петри.

Наутро полиция штата и графства начала координированный поиск. Когда они ничего не нашли в лесу, район поисков был расширен. Они четыре дня рыскали по кустам, и рядом с ними шли мистер и миссис Глик, продираясь через валежник, оставленный пожаром, и выкликая имя своего пропавшего сына.

Потом стали искать на дне Тагарт-стрим и Ройял-Ривер. Ничего.

Утром пятого дня Марджори в испуге разбудила мужа в четыре утра. Дэнни скорчился в коридоре, видимо, упав по пути в ванную. Его тут же отвезли в Центральный Мэнский госпиталь. Врачи поставили предварительный диагноз: острый эмоциональный шок.

Врач по фамилии Горби начал расспрашивать мистера Глика:

— Не было ли у вашего сына приступов астмы?

Мистер Глик покачал головой. За неделю он состарился лет на десять.

— А каких-либо припадков?

— У Дэнни? Нет... что вы.

- Не болел ли он туберкулезом?
- Мой сын? Туберкулезом?
- Мистер Глик, мы только хотим выяснить...
- Марджи! Марджи, иди сюда!

Марджори Глик медленно прошла по коридору. Лицо ее было бледным, волосы растрепаны. Она как будто страдала от жесточайшей мигрени.

- Дэнни делали прививку от туберкулеза в школе?
- Да, — сказала она машинально. — В самом начале года.

- Не ходил ли он по ночам? — спросил Горби.
- Нет.
- Не жаловался на боли в груди?
- Нет.
- Боли при мочеиспускании?
- Нет.
- Вообще были какие-нибудь отклонения? Кровь из носа или чересчур обильные синяки?
- Нет.

Горби улыбнулся и кивнул.

- Мы его проверим, если вы не против.
- Конечно, — сказал Тони. — Пожалуйста.
- Реакция замедленная, — сказал доктор. — Попробуем рентген, пункцию спинного мозга...

Глаза Марджори Глик медленно расширялись.

- У Дэнни что, лейкемия? — прошептала она.

- Миссис Глик, трудно ска...

Тут она упала в обморок.

2

Бен Мейрс был одним из добровольцев, обыскивавших кусты в поисках Ральфи Глика. Как и прочие, он не нашел ничего, только насажал на штаны репьев и подхватил легкий насморк.

На третий день поисков он зашел на кухню к Еве, чтобы съесть свою порцию равиоли, а потом немного полежать перед писанием. На кухне он обнаружил Сьюзен Нортон,

готовящую что-то вроде запеканки из гамбургера. Пришедшие уже с работы постояльцы глазели на нее — на ней была белая блузка, зауженная в талии, и вельветовые штаны. Ева Миллер гладила в углу.

— Привет, что ты тут делаешь? — удивился он.

— Да вот хочу покормить тебя здесь, раз уж ты не кажешь к нам носу, — сказала она. Было слышно, как Ева хихикнула в своем углу.

— Она хорошо готовит, — сообщил Хорек. — Я смотрел.

— Если посмотришь еще немного, у тебя совсем глаза вылезут, — сказал Гровер Веррил, хихикнув.

Сьюзен накрыла кастрюлю крышкой и сунула в печь, и они вдвоем вышли на крыльцо. Солнце уже клонилось к закату.

— Нашли что-нибудь?

— Ничего, — он вынул из кармана помятую пачку сигарет и закурил.

— От тебя несет так, будто ты выкупался в болоте.

Он поднял руку и показал ей укусы и царапины.

— Чертовы москиты и колючки.

— Так что с ним все-таки случилось, Бен?

— Бог его знает. Может, кто-нибудь догнал старшего брата и оглушил его, а младшего взял с собой.

— Думаешь, его убили?

Бен взглянул на нее, пытаясь выяснить, желает она правдивого ответа или обнадеживающего. Он взял ее за руку и вложил свои пальцы в ее.

— Да, — ответил он коротко. — Я думаю, его убили. Никаких подтверждений, но я так думаю.

Она медленно покачала головой.

— Хоть бы ты ошибся. Моя мама вместе с другими сидит с миссис Глик. Она просто спятила, и ее муж тоже. Другой мальчик никак не придет в себя.

— Ох, — сказал Бен. Он не слушал, а смотрел на дом Марстенов. Ставни были закрыты; их откроют позже. Когда стемнеет. Открывают ставни, когда стемнеет. Он почувствовал дрожь при мысли о том, что может твориться за этими ставнями.

— ...вечером?
— Ммм. Прости, — он перевел взгляд на нее.
— Я говорю, не хочешь ли зайти к нам сегодня вечером? Отец тебя звал.
— А ты будешь?
— Ну конечно, — сказала она, глядя ему в глаза.
— Хорошо, — он пытался смотреть на нее — она в этом закатном свете была очень привлекательна, — но его глаза как магнитом притягивало к дому Марстенов.
— Думаешь о нем? — спросила она, словно прочитав его мысли.
— Да.
— Так о чем твоя новая книга?
— погоди, — сказал он. — Всею свое время. Я скажу тебе, как только смогу.
Она хотела уже сказать ему: «Я люблю тебя», сказать сразу, как только эта мысль с неожиданной ясностью возникла в ее сознании, но слова эти замерли у нее на губах. Она не могла сказать их, когда он смотрел... смотрел туда.
Она встала.
— Пойду погляжу запеканку.
Он продолжал сидеть и смотреть на дом Марстенов.

3

Утром 22-го Ларри Крокетт сидел у себя в офисе, просматривая почту и лаская взглядом бедра секретарши, когда зазвонил телефон. Он снова подумал о маленьком, блестящем на солнце автомобиле у дома Марстенов и о сделках с дьяволом.

Даже до заключения договора со Стрэйкером Ларри был, без сомнения, самым богатым человеком в Лоте и одним из самых богатых в графстве Камберленд, хотя ничего в его облике или в облике его офиса не говорило об этом. Офис был сырым, пыльным, и освещался двумя тусклыми лампами. Стол его, заваленный бумагами, разными письмами и ручками, украшали банка с клеем и

стеклянное пресс-папье с фотографией членов его семьи. Больше в офисе не было ничего, кроме трех стальных сейфов и стола секретарши в отдельном закутке.

Нет, там были еще фото.

Они были повсюду, на любой ровной поверхности. Новые снимки «поляроидом»; цветные кодаковские фото, сделанные несколько лет назад; старые, пожелтевшие, черно-белые фотографии. Под каждой — отпечатанная надпись: «Прекрасный сельский дом! Шесть комнат» или «Семейное гнездышко! Таггарт-Стрим-роуд. 32 тыс. дол. Почти даром!» или «Мечта хозяина! Десятикомнатный особняк. Бенс-роуд». Выглядело все это довольно кустарно, и таким и было до 57-го, когда Ларри решил, что будущее — за трейлерами. Тогда многие думали, что трейлер — это такая штука, которую можно прицепить к машине и съездить на уикэнд куда-нибудь в Йеллоустонский Национальный парк.

Ларри об этом вовсе не думал. Он просто отправился в муниципалитет (тогда еще он не был членом управления; тогда его не выбрали бы и городским живодером) и посмотрел там правила расселения. Они были вполне приемлемыми. Скользя взглядом по строчкам, он так и видел грядущие тысячи долларов. В правилах говорилось, что нельзя устраивать возле дома свалку, ставить во дворе больше трех машин и сооружать химический туалет (имелся в виду обычный сортир на улице) без разрешения городских властей. О трейлерах речи не было.

Ларри для начала купил три трейлера — длинных, приземистых уродин с пластиковыми панелями под дерево и микроскопическими уборными. Для каждого он приобрел одноакровые участки на юге, где земля была дешевле, и начал действовать. Он продал их за три месяца, и общая прибыль приблизилась к десяти тысячам долларов. Будущее вторглось в Салемс-Лот, и Ларри Крокетт выступил его провозвестником.

К тому моменту, как Р.Т.Стрэйкер вошел в офис Ларри, он имел уже больше двух миллионов долларов. Он скопил их путем земельных спекуляций во многих соседних городах (но не в Лоте; он свято соблюдал принцип

«не гадить там, где ешь»). Строительство домов росло, как на дрожжах, и приносило все больше доходов.

В 1965-м Ларри вступил в соглашение с неким Ромео Пуленом, строившим супермаркет в Обурне. Пулен был ветераном строительных махинаций, и вместе они загребли на этом деле 750 тысяч. Очень неплохо, а если супермаркет скоро рухнет — что ж, такова жизнь.

В 1966-68 годах Ларри приобрел контрольные пакеты трех мэньских строительных компаний, приложив необычайные усилия, чтобы провести налоговую службу. Теперь он покупал трейлеры уже не сам, а через подставных лиц, и это оказалось еще выгоднее.

Сделки с дьяволом, да-да, думал Ларри, перебирая бумаги. Они подписываются собственной кровью.

Трейлеры покупали рабочие, которые не могли оплатить настоящий дом, или старики, которым было все равно, где доживать свои дни. Недовольным Ларри доказывал, что в трейлерах нет лестниц, по которым нужно взбираться, рискуя упасть.

Расходы были небольшими. Обычно хватало пятисот долларов арендной платы. А доходы все росли.

Сам Ларри переменялся мало, даже после приснопамятной сделки с мистером Стрэйкером. В его офисе тоже ничего не менялось. Он все еще пользовался дешевым электрическим вентилятором вместо кондиционера. Он носил тот же скромный костюм или спортивную куртку, курил дешевые сигары и заходил иногда к Деллу выпить пива. Официально он занимался недвижимостью, что позволило ему быть избранным в городское управление и одновременно наложить лапу на многие дома в округе. Кроме дома Марстенов он продал не менее трех дюжин зданий.

Все шло замечательно. Но Стрэйкер... Стрэйкер сказал, что свяжется с ним. С тех пор прошло четырнадцать месяцев. Если он...

Тут зазвонил телефон.

— Мистер Крокетт? — знакомый бесстрастный голос.

— Это Стрэйкер?

— Конечно.

— Я только что про вас думал.

— Очень забавно, мистер Крокетт. Мне нужна ваша помощь.

— Я вас слушаю.

— Мне нужен грузовик. Большой. Сегодня вечером в Портлендских доках. У верфи Кастом-Хаус. Двух грузчиков будет достаточно. К шести часам.

— Хорошо, — Ларри взял ручку и нацарапал: «Х.Петерс. Р. Сноу. Генри. 6 часов».

— Там будет дюжина ящиков. Все, кроме одного, нужно доставить в магазин. С последним осторожнее — очень ценный предмет. Ваши грузчики отличат его по размерам. Его отвезти в дом. Вы поняли?

— Да.

— Пусть его поставят в подвале. Они могу войти через боковой вход на кухне. Ясно?

— Да. А этот предмет...

— И еще одно. Мне нужны пять йельских замков. Вам знакома эта фирма?

— Конечно. Но...

— Ваши грузчики закроют дверь магазина, когда будут выходить. В доме они оставят ключи от всех замков на столе. Уходя из дома, пусть запрут боковую, переднюю и заднюю двери, и еще гараж. Вы поняли меня?

— Да.

— Благодарю Вас, мистер Крокетт. Ждите дальнейших указаний. Всего доброго.

— Погодите...

Гудки в трубке.

5

Было две минуты седьмого, когда бело-оранжевый фургон с надписью «Перевозки Генри» на боках подъехал

к стальным воротам верфи Кастом-хаус в Портленде. Над морем без устали носились чайки, мелькающие белыми сполохами на багровом закатном небе.

— Господи, здесь же никого нет, — сказал Ройял Сноу, допивая пепси из бутылки. — Подумают, что мы грабители.

— Как это нет, — сказал Хэнк Питерс. — Вон коп.

Но это был не полисмен, а ночной сторож. Он посветил на них фонариком.

— Это вы от Лоуренса Крокетта?

— Крокетта, — поправил Ройял. — Да, от него. Приехали за ящиками.

— Хорошо, — сказал сторож. — Пошли в контору. А вы езжайте туда. Двойные двери, где свет горит. Видите?

— Ну, — Хэнк взялся за руль.

Ройял Сноу пошел со сторожем в офис, где булькал кофейник. Часы показывали 7.04. Сторож порылся в бумагах и сунул ему что-то.

— Распишись вот здесь.

Ройял поставил подпись.

— Только осторожнее. Не ходите туда без света. Там крысы.

— Не видел я еще крыс, которые не побоялись бы вот этого, — Ройял слегка притопнул своим тяжелым ботинком.

— Это портовые крысы, парень, — сухо сказал сторож. — Они не боятся ребят и покруче.

Ройял повернулся и пошел к складу. Сторож смотрел на него из двери.

— Смотри, — сказал Ройял Питерсу. — Старикан сказал, что тут крысы.

— Ладно. Спасибо Ларри Крокетту.

Ройял нашел выключатель за дверью и повернул его. Здесь пахло по-особому, солью, мокрым деревом и сыростью. Еще эти крысы.

Ящики стояли в самом центре склада. В центре возвышался пресловутый ценный груз, на котором было написано: «Барлоу и Стрэйкер, Джойнтнер-авеню, 27. Джер. Лот. Мэн».

— Не кажется очень тяжелым, — сказал Ройял. Он пересчитал ящики. — Похоже, все здесь.

— И правда, крысы, — сказал Хэнк. — Слышишь?

— Ага. Мерзость какая. Ненавижу!

Они немного помолчали, слушая шуршание, доносившееся из темных углов.

— Ладно, пора, — сказал Ройял. — Давай погрузим этого крошку первым, чтобы сразу отвезти остальное в магазин.

— Верно.

Они подошли к ящику, и Ройял достал нож и ловко срезал с крышки коричневую наклейку.

— Эй, ты что, думаешь...

— Нужно убедиться, что это именно то, что надо. Если ошибемся, Ларри нас за яйца подвесит.

— Ну, и что там.

— Героин, — сказал Ройял весело. — Двести фунтов. Еще две тысячи порножурналов из Швеции и триста французских чесалок для жопы.

— Кончай, — Хэнк отобрал у него наклейку. — Буффет. Их Лондона, Англия. В Портленд, Мэн. Сунь это обратно.

— Что-то тут не так, — сказал Ройял, приклеивая бумажку на место. — Здесь нет таможенной отметки. Ни на ящике, ни на наклейке.

— Может, она стерлась?

— Никогда такого не бывает. Они мажут чернилами чуть не весь ящик. Я вечно пачкал руки.

— Ладно. Но моя жена ложится рано, и я еще надеюсь поймать ее сегодня.

— Может, внутри...

— Хватит. Поехали. Бери его.

Ройял пожал плечами. Они взялись за ящик, и что-то внутри тяжело сдвинулось. Весил он порядочно.

Кое-как они подтащили его к фургону и подняли наверх гидравлическим лифтом.

Что-то в этом ящике ему не нравилось. Не только отсутствие таможенной отметки. Что-то непонятное. Он думал об этом, шагая обратно к ящикам.

На остальных были обычные отметки, кроме трех, поступивших из Соединенных Штатов. Они довольно быстро погрузили их в фургон и закрыли борт.

— Кто, интересно, купит у них всю эту херню? — спросил Ройял, когда они закончили. — Польское кресло-качалка, немецкие часы, ирландская прялка... Что-то они не рассчитали с товаром.

— Туристы, — со значением произнес Хэнк. — Эти все купят. Эти из Бостона или Нью-Йорка... они и коровье дерьмо купят, если сказать им, что оно старое.

— Этот большой ящик мне все равно не нравится.

— Ничего, скоро мы от всего этого отделаемся.

Они доехали до города молча. Хэнк яростно давил на газ. Он не хотел признаваться, что ему это все то же не нравилось. Он подъехал к магазину, задняя дверь которого была открыта, как и говорил Ларри. Ройял попытался включить свет, но без результатов.

— Чудесно, — буркнул он. — Выгружать этот хлам в темноте... слушай, ты не чувствуешь запах?

Хэнк принялся. Да, пахло чем-то неприятным, но он не мог определить, чем именно. Чем-то сухим и едким, как давно протухшее мясо.

— Здесь просто давно не проветривали, — сказал он, водя фонариком по пустой комнате. — Нужен хороший сквозняк.

— Или хороший пожар, — проворчал Ройял. Здесь ему тоже не нравилось. — Пошли. Смотри, не сломай ногу.

Они выгрузили ящики как можно скорее, ставя один на другой. Через полчаса Ройял со вздохом облегчения запер дверь новым замком.

— Полдела сделано.

— Легкая половина, — добавил Хэнк. Он смотрел на темный и молчаливый дом Марстенов. — Ох, не хочется мне туда идти. Если где и есть дома с привидениями, то он как раз такой. Те парни рехнулись, иначе не поселились бы там.

— Может, они устроят там музей. Для рекламы, — предположил Ройял.

— Ладно, поехали, что уж теперь делать.

Они в последний раз поглядели на буфет и поехали. Через минуту перед ними вырос проклятый дом, и Ройял почувствовал первый укол нешуточного страха.

— Тьфу, ну и местечко, — пробормотал Хэнк. — Как тут можно жить?

— Не знаю. Видишь где-нибудь свет?

— Нет.

Дом, казалось, исподтишка наблюдал за ними. Хэнк подогнал фургон к боковому входу. Никогда прежде они не подходили к дому так близко. Хэнк вдруг испытал страх, какого не было даже во Вьетнаме, хотя там он боялся все время. То был рациональный страх. Страх, что ты наступишь на отравленную палку, или что коротышка в черном, чье имя ты даже не можешь выговорить, продырявит тебе пузо из русской винтовки. Нет, этот страх был детским, как во сне. У него не было разумной причины. Дом как дом — стены, двери, крыльцо. Откуда же чувство, что каждая частица его таит в себе зло, готовое в любой момент вырваться на волю? Духи? В духов он не верил. Даже после Вьетнама.

Он выключил газ. Дверь, ведущая в подвал, была открыта, и в красном свете фар казалось, что стертые каменные ступеньки ведут прямо в ад.

— Нет, не хочется мне туда, — сказал Хэнк. Он попытался улыбнуться, но вышла кривая гримаса.

— Мне тоже.

Они поглядели друг на друга. Работа есть работа, и беспричинный страх — не основание, чтобы ее не делать.

Они вылезли и открыли борт. Ящик стоял там, покрытый пылью и опилками.

— Черт, даже братья за него не хочется, — сказал Хэнк чуть ли не жалобно.

— Пошли, — решительно сказал Ройял. — Быстрей закончим.

Они спустили ящик на лифте. Когда он утвердился на земле, они взялись за него.

— Вот и все, — пропыхтел Ройял, пятясь по ступенькам. — Вот как легко, — в свете фар его лицо казалось скорченным, как у человека с больным сердцем.

Он ступил вниз, и тут же край ящика врезался ему в грудь; его ужасная тяжесть навалилась на него, как каменная плита. Он оказался тяжелее, чем казалось. Они с Хэнком таскали для Ларри грузы и потяжелее, но в этом месте словно что-то лишало их сил.

Ступеньки были скользкими, и дважды он едва не упал, свирепо пробормотав:

— Эй! Осторожнее!

Наконец они были внизу.

— Ставь здесь, — выдохнул Хэнк. — Я его дальше не потащу.

Они с глухим стуком опустили ящик. Поглядев друг другу в глаза, они обнаружили, что страх не исчез, а превратился в настоящий ужас. Подвал как будто наполнился неясным шуршанием. Крысы, наверно, или еще кто-то, о ком не хотелось даже думать.

Они поспешили назад, и Ройял дрожащей рукой запер дверь в подвал. Опомнились они лишь в кабине. Хэнк уже нажал на газ, когда Ройял схватил его за руку.

— Хэнк, мы забыли запереть двери.

Они устали на замки, лежащие на доске управления. Хэнк связал их проволокой, а ключи надел на кольцо.

— О Боже, — прошептал он. — А если вернуться утром...

Ройял взял фонарик.

— Не годится, — сказал он. — Ты это знаешь.

Они вылезли из кабины, чувствуя, как холодный вечерний ветер сушит пот на их спинах.

— Иди назад, — сказал Ройял. — Я закрою переднюю дверь и гараж.

Они разделились. Хэнк с гулко стучащим сердцем поплелся к задней двери. Ему пришлось открыть дверь, чтобы просунуть в нее ручку замка. Оттуда пахло гнилью, запах был почти осязаемым. Сразу вспомнились старые рассказы про Хьюби Марстена, над которыми они смеялись в детстве, и как они пугали девочек: «Смотри, вон Хьюби!.. смотри... вон, вон...»

— Хэнк?

Замок выпал у него из рук. Он поднял его.

— Мог бы подумать, прежде чем так пугать. Ты все?

— Ага. Хэнк, а кто пойдет назад в подвал и положит эти ключи на стол?

— Не пойду, — сказал Хэнк Питерс. — Не пойду.

— Разыграем?

— Ну ладно.

Ройял достал монету.

— Загадывай.

— Орел.

Ройял подбросил монету, поймал и молча показал Хэнку. На ладони тускло мерцал орел.

— Господи, — сказал с отчаянием Хэнк. Но он взял ключи и фонарик и снова открыл проклятую дверь. Он с трудом, волоча ноги, спустился вниз и провел лучом по подвалу, который за видимой частью изгибался и уходил Бог знает куда. Свет упал на стол с пыльной скатертью. На столе сидела громадная крыса, которая даже не двинулась, когда заметила его. Она сидела на корточках и едва не ухмылялась.

Он сделал угрожающий шаг к столу.

— Кшш! Тварь!

Крыса не спеша спрыгнула и отбежала в темноту. Рука Хэнка теперь дрожала, и луч прыгал по стенам, открывая то бочку, то ветхую тумбочку, то связку пожелтевших газет, то...

Что это там, за газетами, с левой стороны?

Рубашка?.. неужели рубашка? Красная, смятая в комок. За ней какое-то синее пятно... джинсы? И что-то вроде...

За его спиной раздался треск.

Он в панике швырнул ключи на стол и бросился вон. Пробегая мимо ящика, он увидел, что треснуло: одна из алюминиевых полос отскочила и покачивалась, как угрожающий палец.

Он взбежал наверх, толкнул дверь и вскарабкался в кабину фургона. Он дышал, как собака, часто и прерывисто. Ройял спрашивал его, что случилось, но он только схватился за руль и бешено погнал машину прочь. Опомнился он только на Брукс-роуд, возле офиса Ларри

Крокетта. Там он начал дрожать так сильно, что побоялся, что его стошнит.

— Да что с тобой? — спросил Ройял. — Что ты видел?

— Ничего, — ответил Хэнк сквозь зубы. — Ничего не видел и ничего больше не хочу видеть.

6

Ларри Крокетт уже хотел закрывать контору, когда в дверь вошел Хэнк Питерс. Он все еще выглядел испуганным.

— Забыл что-то, Хэнк? — спросил Ларри. Когда они вернулись из дома Марстенов с таким видом, будто им там оторвали яйца, он выдал им дополнительно по десять долларов и по две упаковки пива, предупредив, чтобы они не болтали о случившемся.

— Я хочу тебе рассказать, — сказал Хэнк. — Не могу молчать.

— Конечно, рассказывай, — Ларри открыл ящик стола, извлек бутылку «Джонни Уокера» и налил им по полстакана. — Что случилось?

Хэнк отпил глоток и скривился.

— Когда я пошел туда с этими ключами, я что-то видел. Вроде одежды. Рубашка и джинсы. И туфли. Мне показалось, что это туфли.

Ларри пожал плечами и улыбнулся, хотя внутри его обдало холодом.

— Да?

— Мальчишка Гликов был в джинсах. Это писали в «Леджере». Джинсы, красная рубашка и туфли. Ларри, что если...

Ларри продолжал улыбаться.

Хэнк конвульсивно глотнул.

— Что, если это они... те, кто купил этот дом с магазином? — Все. Сказано. Он залпом выпил остаток из своего стакана.

— Может, ты и труп видел? — спросил Ларри.

— Н-нет. Но...

— Это дело полиции, — Ларри долил Хэнку виски, и его рука не дрожала. Она была холодной и уверенной. — Я могу отвести тебя к Перкинсу хоть сейчас. Вот только поверят ли они тебе? С тобой ведь тоже не все гладко. Это девчонка у Делла... Джеки, кажется?

— Откуда ты знаешь? — лицо Хэнка стало мертвенно-бледным.

— И у них были улики против тебя. Но как хочешь, Хэнк. Если ты видел...

— Тела я не видел.

— Ну, ладно, — сказал Ларри, продолжая улыбаться. — А может, ты и одежды не видел. Может, это так... тряпки.

— Тряпки, — тупо повторил Хэнк.

— Конечно. Ты ведь знаешь эти старые дома. В них всегда полно хлама. Может, ты увидел какую-нибудь старую рубашку или еще что-то.

— Может, — прошептал Хэнк. Он осушил стакан. — Лихо ты со всем разобрался, Ларри.

Крокетт вынул из кармана бумажник и извлек из него пять десятидолларовых купюр.

— Это за что?

— Забудь все, что ты тут мне рассказал. Я вот уже забыл. Завтра утром проснусь и не вспомню. Вот жалость, правда?

— Ага, — пробормотал Хэнк. Он дрожащей рукой взял деньги и запихнул их в карман куртки, словно не желая дотрагиваться до них. Он встал так торопливо, что едва не опрокинул стул. — Я пошел, Ларри... Я не могу... пойду.

— Забери бутылку, — предложил Ларри, но Хэнк уже выходил в дверь.

Ларри снова сел. Он налил себе еще виски. Руки его не дрожали. Потом налил еще... и еще. Он думал о сделках с дьяволом. Тут зазвонил телефон. Он снял трубку. Тишина.

— Я все сделал, — сказал Ларри Крокетт.

Он прислушался. Повесил трубку. Потянулся за второй бутылкой.

Хэнк Питерс проснулся утром от страшного сна, в котором громадные крысы лезли из открытой могилы, где лежало зеленое, гниющее тело Хьюби Марстена с веревкой на шее. Питерс лежал в постели, тяжело дыша, мокрый от пота, а когда жена тронула его за руку, он закричал.

Продуктовый магазин Милта Кроссена располагался на пересечении Джойнтнер-авеню и Рэйлроуд-стрит, и здесь собирались все городские болтуны, когда шел дождь и нельзя было сидеть на скамейках в парке. Зимой они тоже просиживали здесь целыми днями.

Когда Стрэйкер подъехал к магазину на своем «паккарде», Милт и Пэт Миддлер как раз спорили о том, в 57-м или 58-м сбежала из города Джуди, дочка Фредди Оверлока. Они оба согласились, что она сбежала с коммивояжером из Ярмута, но дальше их мнения разошлись.

Когда Стрэйкер вошел, спор прервался.

Он оглядел их всех — Милта, Пэта Миддлера, Джо Крэйна, Винни Апшоу и Клайда Корлисса, — и насмешливо улыбнулся.

— Добрый день, джентльмены, — сказал он.

Милт Кроссен встал, оправив фартук.

— Чем могу служить?

— Я хотел бы купить у вас мяса.

Он купил ростбиф, дюжину ребрышек, гамбургеры и фунт телячьего ливера. К этому он добавил еще кое-что из бакалеи — муку, сахар, бобы — и пару буханок свежего хлеба.

Покупка совершалась в полном безмолвии. Завсегдатаи сидели вокруг громадной печи, сооруженной еще отцом Милта, курили и краешком глаз следили за незнакомцем.

Когда Милт упаковал все покупки в большую картонную коробку, Стрэйкер уплатил наличными — тридцать

долларов. Он взял коробку под мышку и снова улыбнулся им.

— Всего хорошего, джентльмены.

Джо Крэйн достал из пачки сигарету. Клайд Корлисс сплюнул пережеванный табак в мусорное ведро возле плиты. Винни Апшоу принялся скрюченными от артрита пальцами скручивать сигару.

Они наблюдали, как незнакомец ставит коробку в машину. Было ясно, что коробка весит футов тридцать, а он нес ее под мышкой, словно подушку. Он подошел к водительскому месту, сел и поехал вверх по Джойнтнер-авеню. Машина поднялась на холм, свернула налево, на Брукс-роуд и исчезла из виду в направлении дома Марстенов.

— Непростой человек, — сказал, наконец, Винни. Он сунул в рот скрученную сигару и зажег спичку.

— Это тот, что купил магазин, — сказал Джо Крэйн.

— И дом Марстенов, — добавил Винни.

Клайд Корлисс пукнул.

Пэт Миддлер с интересом рассматривал мозоль на левой ладони.

— Как вы думаете, они переехали? — спросил Клайд.

— Наверно, — сказал Винни. — Может, они уже давно там живут. Разве их поймешь?

Общий одобрительный шепот, почти вздох.

— Серьезный мужик, — сказал Джо.

— Угу, — поддержал его Винни. — «Паккард» уже не новый, а никакой ржавчины.

Прошли еще пять минут. Милт изучал купюры, которые дал ему Стрэйкер.

— Что, не те деньги? — спросил Пэт. — Он дал тебе не те деньги?

— Да нет, но смотрите, — Милт положил деньги на прилавок, и все уставились на них. Купюры были значительно больше обычных.

Пэт посмотрел их на свет.

— Это серия «Е», правда, Милт?

— Ну, — сказал Милт. — Их прекратили печатать лет пятьдесят назад.

Пэт пустил купюры по кругу, и все смогли их осмотреть, поднося к глазам, или, напротив, отодвигая, в зависимости от остроты зрения. Джо отдал их Милту, и тот сунул деньги в ящик под кассой.

— Странный тип, — заключил Клайд.

— Ага, — подтвердил Винни и принялся сворачивать негнущимися пальцами еще одну сигару.

9

Бен работал, когда в дверь к нему постучали, и он отметил место перед тем, как встать. Это было в четверг, 24-го сентября. Дождь положил конец поискам Ральфи Глика, и все смирились с этим. Мальчик исчез.

Он открыл дверь и увидел за ней Перкинса Гиллспая. Тот держал в руке книжку, и Бен с некоторым удивлением увидел, что это дешевое издание «Дочери Конвея».

— Входите, констебль, — сказал он. — Сыровато сегодня.

— Ага, — сказал Перкинс, входя. — Самая погода для гриппа. Я всегда ношу в такое время галоши. Смешно, наверно, но я не простужался с 44-го года, с самой Франции.

— Положите плащ на койку. Простите, что не могу предложить вам кофе.

— Ничего, — сказал Перкинс, стряхивая пепел в мусорное ведро. — Я только что выпил чашку в «Экселенте».

— Чем я могу вам помочь?

— Гм, моя жена это прочла, — он поднял книжку вверх. — Услышала, что вы в городе, но она сама боится идти. Хочет, чтобы вы написали тут что-нибудь.

Бен взял книжку.

— А Хорек Крейг сказал, что ваша жена умерла четырнадцать или пятнадцать лет назад.

— Да? — Перкинс, казалось, совсем не удивился. — Этот Хорек любит потрепать языком. Когда-нибудь дотрепется.

Бен промолчал.

— А для меня вы не могли бы ее подписать?

— С удовольствием, — он взял ручку, открыл разворот книжки («Срез подлинной жизни!» — кливлендский «Плэйн дилер») и написал: «С наилучшими пожеланиями — констеблю Гиллспаю от Бена Мейра. 9.24.75.»

— Спасибо, — сказал Перкинс, не глядя на написанное. Он кинул окурок в то же ведро. — Это единственная у меня книжка с автографом.

— Так вы только за этим пришли? — спросил Бен, улыбаясь.

— А вы догадливы. Я хотел задать вам пару вопросов. Пришлось ждать, пока Нолли уйдет. Он парень хороший, только слишком болтливый. А я не хочу сплетен.

— Так что вы хотите узнать?

— Больше всего — где были в прошлый четверг вечером?

— Это когда пропал Ральфи Глик?

— Ну.

— Вы меня подозреваете, констебль?

— Да нет. Я никого не подозреваю. Только интересно.

— Боюсь, что не смогу сказать.

Перкинс пожал плечами.

— Ваше дело.

— Я обедал дома у Сьюзен Нортон. И играл в бадминтон с ее отцом.

— И он вас обыграл. Нолли он всегда обыгрывал. Тот просто бесился от этого. А когда вы оттуда ушли?

Бен засмеялся, хотя ему было не особенно весело.

— Все-таки хотите докопаться, а?

— Если бы я был одним из тех нью-йоркских сыщиков, которых показывают в кино, я бы обязательно вас заподозрил.

— Мне ничего скрывать, — сказал Бен. — Мне просто надоело, что меня здесь считают за чужака. Подглядывают, подслушивают. Теперь вот вы думаете, что я прячу у себя в шкафу скальп Ральфи Глика.

— Да нет, я ничего такого не думаю, — он посмотрел на Бена поверх сигаретного дыма, и глаза его стали

жесткими. — Я только пытаюсь добиться от вас откровенного ответа.

— Ну что ж, — со вздохом сказал Бен. — Я ушел от Нортонс в четверть восьмого. Прогулялся по Школьному холму. Когда совсем стемнело, я вернулся домой, часа два писал, а потом лег спать.

— А во сколько вы вернулись домой?

— В четверг девятого. Где-то так.

— Ну вот, все ясно. Вы кого-нибудь видели?

— Нет, — сказал Бен. — Никого.

Перкинс подошел к машинке.

— А о чем вы пишете?

— Не ваше дело, — сказал Бен сердито. — Не суйте нос в то, что я пишу. Пока не будет ордера на обыск, конечно.

— Разозлились? Все равно ведь книгу прочтут все.

— Когда она пройдет редактуру, утверждение, корректуру и все такое, я обязуюсь предъявить вам все четыре копии. А пока это частные бумаги.

Перкинс усмехнулся.

— Как будто там вы каетесь во всех грехах.

— Марк Твен сказал однажды, что роман — это наказание человека, ни в чем не виноватого.

Перкинс направился к двери.

— Ну, извините меня, мистер Мейрс. Я вовсе не подозревал вас ни в чем. Просто это моя работа.

— Понимаю, — кивнул Бен.

— И вы еще не знаете, как это бывает в маленьком городишке вроде Салемс-Лот. Вы останетесь чужаком, пока не проживете здесь лет двадцать.

— Я знаю. И простите за резкость. Но я ведь сам неделю его искал, — Бен покачал головой.

— Ага. Вот горе для матери.

— Конечно. А можно спросить у вас кое-что?

— Ну?

— Откуда у вас моя книжка?

Перкинс улыбнулся.

— Да есть в Камберленде один парень. Сопляк еще. Он их продает по дайму за штуку.

Бен рассмеялся, и Перкинс вышел, тоже смеясь. Бен смотрел, как он переходит улицу, осторожно обходя лужи в своих черных галошах.

10

Перкинс сперва заглянул в витрину нового магазина, прежде чем постучать в дверь. Когда здесь была прачечная, в витрине можно было увидеть толстых баб, сгрудившихся у стиральных машин и жующих жвачку, как коровы. Но здесь два дня работал приезжий оформитель из Портленда, и помещение чудесным образом изменилось.

В витрине появилось возвышение, покрытое большим зеленым ковром. Два фонаря, установленные по углам, освещали три выставленных на обозрение предмета: часы, ручную прялку и старинный кабинет вишневого дерева. Перед каждым из них стоял ценник. Словно здесь мог найтись кто-то, способный заплатить шестьсот долларов за прялку, когда можно было поехать в универмаг и купить «Зингер» за 48 долларов 95 центов.

Думая об этом, Перкинс подошел к двери и постучал. Ему открыли нескоро, словно новый хозяин что-то прятал от него.

— Инспектор! — воскликнул Стрэйкер, слегка улыбаясь. — Как мы вам рады!

— Я просто констебль, — заметил Перкинс, закуривая. — Перкинс Гиллспай. Рад познакомиться, — он протянул руку и коснулся сухой и необычайно сильной руки хозяина.

— Ричард Трокетт Стрэйкер, — поклонился лысый мужчина.

— Я так и подумал, — сказал Перкинс, осматриваясь. Магазин был выкрашен и пах свежей краской, но сквозь нее пробивался какой-то другой запах, менее приятный. Перкинс не мог понять, что это, и вновь перенес внимание на хозяина.

— Чем могу служить в такой чудный день? — осведомился Стрэйкер.

Перкинс поглядел в окно, где все еще моросил дождь. — Да нет, я зашел просто познакомиться. Пожелать вам удачи в нашем городе.

— Как любезно с вашей стороны! Хотите кофе? Или шерри?

— Нет, спасибо, я тороплюсь. А где мистер Барлоу?

— О, он в Нью-Йорке, занят делами. Я думаю, его не будет до середины октября.

— Что ж, тогда вы откроете магазин без него, — сказал Перкинс, думая, что, если все цены окажутся такими, как в витрине, то покупатели не будут особенно досажать Стрэйкеру. — А как имя мистера Барлоу?

Стрэйкер снова улыбнулся.

— Вы спрашиваете это по долгу службы?

— Да нет. Просто интересно.

— Его полное имя Курт Барлоу. Мы работали вместе в Лондоне и Гамбурге. Это, — повел он рукой вокруг, — будет нашим утешением в старости. Скромный достаток. Старинные вещи. Мы очень любим старинные вещи и надеемся вскоре приобрести известность в вашем городе... А может, и во всей Новой Англии. Как вы думаете, констебль, это возможно?

— Все возможно, — сказал Перкинс, ища, куда бы стряхнуть пепел. Он не мог ничего найти и в итоге сунул окурок в карман. — Ладно, желаю удачи. Передайте мистеру Барлоу, когда он появится, что я хотел бы познакомиться с ним.

— Обязательно. Он обожает общество.

— Вот и хорошо, — сказал Перкинс. Он пошел к двери, потом обернулся. Стрэйкер внимательно смотрел на него. — Кстати, как вам в этом старом доме?

— Он требует большого ремонта, — ответил Стрэйкер. — Но времени у нас хватает.

— Понятно. Надеюсь, эти чертенята не будут вам докучать.

— Черте... что? — брови Стрэйкера сдвинулись.

— Дети, — терпеливо пояснил Перкинс. — Знаете, они всегда норовят забраться куда-нибудь. Кинуть камень или позвонить и убежать... что-нибудь такое.

— Нет, — сказал Стрэйкер. — Никаких детей.
— У нас тут потерялся один.
— В самом деле?
— Да. И мы его не нашли. Похоже, его нет в живых.
— Какая жалость, — заметил Стрэйкер.
— Да-да. Так если вы вдруг что-нибудь узнаете...
— Обязательно сообщу вам, — он снова улыбнулся своей холодной улыбкой.

— Хорошо, — Перкинс уже открыл дверь, но опять обернулся. — Так передайте мистеру Барлоу, что я заходил.

— Конечно, констебль. Чао!

— Чоу? — удивленно переспросил Перкинс.

— Всего хорошего, констебль. Это такое известное итальянское выражение. Всего хорошего.

— А-а. Вот ведь как, от новых людей всегда узнаешь что-нибудь новое, — он шагнул за дверь. Сигарета погасла. Он швырнул ее прочь.

Стрэйкер наблюдал, как констебль идет по улице. Он больше не улыбался.

11

Вернувшись в офис, Перкинс позвал:

— Нолли? Ты где?

Ответа не было. Перкинс кивнул. Да, Нолли хороший парень, но мозгов у него маловато. Он снял плащ и галоши, сел за стол и отыскал номер в Портлендском телефонном справочнике.

— ФБР, Портленд. Агент Хэнрахан.

— Это Перкинс Гиллспай, констебль Джерусалемс-Лот. У нас тут потерялся мальчик

— Да, я знаю, — бодро отозвался Хэнрахан. — Ральф Глик. Девять лет, черные волосы, голубые глаза. Что, есть новости?

— Нет. Вы можете запросить справки кое о ком?

Хэнрахан приготовился записывать.

— Первый — Бенджамин Мейрс. М-е-й-р-с. Писатель. Написал книгу «Дочь Конвея». Другие две я не помню. И Курт Барлоу. Б-а-р-л-о-у. Этот тип...

— «Курт» через «си» или через «кей»?

— Не знаю.

— Ладно. Подождите.

Перкинс стал ждать. Он не любил общаться с этими бойкими ребятами.

— Еще один. Ричард Трокетт Стрэйкер. Они с Барлоу торгуют мебелью и разными старинными вещами. Только что открыли у нас магазин. Стрэйкер уверяет, что Барлоу задержался по делам в Нью-Йорке. Говорит, что они вместе работали в Лондоне и Гамбурге.

— Думаете, они имеют отношение к исчезновению Глика?

— Не могу сказать. Но они все появились в городе одновременно с этим.

— Как вам кажется, эти двое и Мейрс как-то связаны между собой?

Перкинс поглядел в окно.

— Вот это я и хотел бы выяснить.

12

В холодные, дождливые дни телефонные провода странно гудят, будто содрогаясь от сплетен, идущих по ним, от голосов, наполняющих их то болью, то радостью, то злостью. Погода оставила на них свои метки, и птицы — вороны, сороки, воробьи — часто сидят на них, быть может, слушая чужую человеческую речь. Но о том, что слышали, они молчат. Но город хранит свои тайны, и телефонные провода знают их все. Если вы потрогаете их рукой, то почувствуете дрожь, как будто души заключенных в них ушедших голосов быются и пытаются вырваться.

— ...и он уплатил старой купюрой, Мэйбл, такой большой. Клайд сказал, что он не видел таких с 30-го года...

— ...да, Эвви, это не простой человек. Я видела в бинокль, как он выходит из дома. Если он живет там один...

— ...Крокетт знает, но он не скажет. Он всегда молчит о своих делишках...

— ...тот писатель у Евы. Как еще Флойд не узнал...
— ...все время торчит в библиотеке. Лоретта Стэрчер говорит, что никогда не видела такого образованного...
— ...говорит, что его зовут...
— ...да, Стрэйкер. Мистер Р.Т.Стрэйкер. Мать Кенни Дэнлеса была там и видела в витрине настоящий кабинет Де Бирса, и они хотят за него восемьсот долларов! Как тебе это?..
— ...странно, он приехал, и сразу маленький Глик...
— ...ты что, думаешь...
— ...нет, но это странно...
Гудят провода. Гудят и гудят.

13

Имя: Глик, Дэниел Фрэнсис. 9.23.75.
Адрес: РФД, Брок-роуд, Джерусалемс-Лот, Мэн, 04270.
Возраст: 12.
Пол: мужской.
Раса: средиземноморская.
Прибыл: 9.22.75.
Кто доставил: Энтони Глик (отец).
Симптомы: шок, потеря памяти, слабость, отсутствие аппетита, запор.

Анализы (см. прилагаемые справки):

1. Туберкулез: нег.
2. Диабет: нег.
3. Белые кровяные тельца: нег.
4. Красные кровяные тельца: 45% тем.
5. Пункция спинного мозга: нег.
6. Рентген: нег.

Возможный диагноз: злокачественная анемия в первой или второй степени; предыдущий анализ показал 86% гемоглобина. Анемия второй степени маловероятна в силу отсутствия хронических заболеваний. Скорее всего анемия первой степени в сочетании с сильным шоком. Лечение бариевыми клизмами и облучением. Рекомендуются также витамин В12.

Г.М.Горби, лечащий врач.

24 сентября, в час ночи, сиделка заглянула в палату Дэнни Глика, чтобы дать ему лекарство. Она застыла в двери. Кровать Дэнни была пуста.

Глаза ее метнулись от кровати к чему-то белому, неподвижно лежащему в углу.

— Дэнни?

Она нагнулась над ним, подумав, что он пошел в туалет и по пути потерял сознание. Прежде, чем она поняла, что он мертв, она удивилась, как положительно повлиял на него витамин В12: он выглядел лучше, чем раньше.

Но когда она потрогала его холодную, неподвижную руку, она сразу все поняла и побежала к телефону вызывать врача.

Глава пятая

БЕН (2)

1

25-го сентября Бен снова обедал у Нортонов. Это был четверг, и они, как обычно, ели сосиски с бобами. Билл Нортон поджарил сосиски в гриле, а Энн с самого утра тушила бобы. Обедали они на улице, а потом остались там курить и беседовать.

В воздухе что-то изменилось; он был еще теплым, но дыхание холода уже чувствовалось. Осень стояла у дверей и ждала. Старый клен напротив пансиона Евы начал краснеть.

Отношения Бена с членами семьи остались прежними. Сьюзен не скрывала, что он ей нравится. И она тоже нравилась ему. У Билла он вызывал все большую симпатию, хотя трудно ожидать от отца полного доверия к человеку, который в любой момент может лишить его дочь девственности. Бен надеялся, что после брака эта преграда исчезнет, хотя, строго говоря, тогда он станет делать это каждую ночь.

Энн Нортон оставалась холодно-вежливой. Сьюзен кое-что рассказала ему о ситуации, связанной с Флойдом Тиббитсом, и о привязанности к нему ее матери. Флойд был, во всяком случае, своим; а Бен в любое время мог сняться с места, унося с собой сердце ее дочери. Он не нравился ей из-за ее провинциальной подозрительности (хорошо знакомой Эдварду Арлингтону Робинсону и Шервуду Андерсону), и Бен думал, что подсознательно он представляется ей гомиком, маньяком или просто ненормальным из тех, что любят посылать любимым

девушкам свое левое ухо в конверте. Участие Бена в поисках Ральфи Глика еще усилило ее подозрения, как будто таким образом он заметал следы. Он думал — не прослышала ли она о визите к нему констебля?

Он как раз раздумывал об этом, когда Энн сказала:

— Вот ужас с сыном Гликов.

— С Ральфи? Да, — сказал Бен, отгоняя свои мысли.

— Нет, со старшим. Он ведь умер.

— Что? Дэнни? — Бен в удивлении поднял брови.

— Умер вчера утром, — она казалась удивленной, что он этого не знал. Все об этом уже говорили.

— Я слышала про это у Милта, — сказала Сьюзен. Она нашла под столом руку Бена, и он нежно погладил ее. — Как родители?

— Как и должно быть, — просто сказала Энн. — Прямо сошли с ума.

Еще бы, подумал Бен. Уже десять дней, как их жизнь вышла из привычной колеи, а теперь она окончательно рухнула и разбилась вдребезги.

— Ты думаешь, младший еще жив? — спросил Билл у Бена.

— Нет. Я думаю, он тоже мертв.

— Как в Хьюстоне два года назад, — сказала Сьюзен. — Если он мертв, то лучше им его не найти. Как подумаю, что есть люди, способные сделать такое с беззащитным ребенком...

— Полиция все осмотрела, — возразил Бен. — Допросила всех подозрительных.

— Найти бы этого типа и подвесить за яйца, — сказал Билл. — Сыграем в бадминтон?

Бен встал.

— Да нет. Что-то я устал. Спасибо за угощение. Пойду поработаю немного. Вечером работать лучше всего.

Энн Нортона подняла брови, но ничего не сказала.

— Как продвигается книга? — спросил Билл.

— Хорошо, — коротко ответил Бен. — Сьюзен, не хочешь съездить к Спенсеру выпить газировки?

— О, я даже не знаю, — вмешалась Энн. — После Ральфи Глика и всего этого...

— Мама, я уже большая, — прервала ее Сьюзен. — К тому же, там везде свет.

— Я отвезу тебя назад, — сказал Бен, хотя машину он оставил у Евы. В такой вечер было лучше гулять пешком.

— Пусть идут, — сказал Билл. — Ты уж слишком волнуешься мать.

— Ну, молодежь всегда сама все знает, — она улыбнулась несколько натянуто.

— Я только возьму куртку, — сказала Сьюзен и убежала в дом. На ней была красная юбка выше колен, и, когда она поднималась по ступенькам, мелькнула белая, незагоревшая плоть. Бен проводил ее взглядом, зная, что Энн, в свою очередь, наблюдает за ним. Ее муж смотрел на догорающий огонь.

— Надолго вы в Лоте, Бен? — спросила Энн, изображая простое любопытство.

— Пока не закончу книгу, — ответил он. — Потом не знаю. Мне здесь нравится. Могу остаться и надолго.

Она улыбнулась.

— Зимой у нас холодно, Бен. Очень холодно.

Тут спустилась Сьюзен в легкой куртке, наброшенной на плечи.

— Вот и я. Только не угощай меня шоколадом. Нужно следить за фигурой.

— Переживет твоя фигура, — сказал он и повернулся к Нортонам. — Еще раз спасибо.

— Не за что, — сказал Билл. — Если хочешь, заходи завтра, выпьем пива.

2

— Что-то мне не хочется к Спенсеру, — сказала она, когда они спустились с холма. — Пошли лучше в парк.

— А грабители? — осведомился он, вспомнив Нью-Йорк.

— В Лоте все грабители в семь часов расходятся по домам. А сейчас уже восемь.

Пока они шли, стемнело, и их тени причудливо отражались в свете фонарей.

— Хорошие у вас грабители. И что, по вечерам в парке никого нет?

— Мальчишки иногда курят там, — сказала она. — Так что если увидишь, не удивляйся.

Они вошли в парк с запада, со стороны муниципалитета. Парк казался темным и сонным, бетонные дорожки вились между деревьев, в отраженном свете фонарей блестела вода фонтана. Если здесь кто-нибудь и был, Бен его не видел.

Они подошли к памятнику героям с длинным списком имен — от войны за независимость до Вьетнама. Последняя война оставила на меди шесть имен, горящих, как свежие раны. Он подумал, что у города неправильное имя. Ему бы называться Временем. Как бы в продолжение этой мысли он оглянулся на дом Марстенов, но его заслоняла громада муниципалитета.

Она заметила его взгляд и встревожилась. Когда они расстелили на траве куртки и сели (скамейки они, не сговариваясь, прошли стороной), она сказала:

— Мама говорила, что у тебя был Перкинс Гиллспай.

— Да. Он очень занятный тип.

— Она говорила это так, словно тебя вот-вот заберут, — это было сказано с юмором, но и со скрытой тревогой.

— Твоя мать слишком уж интересуется мной.

— Ты ей сразу не понравился, — объяснила Сьюзен, взяв его за руку. — Жалко.

— Ладно, — сказал он. — Зато другая часть семьи на нашей стороне.

— Отец? — она улыбнулась. — Ему нравятся все, кто любит пиво, — улыбка погасла. — Бен, так о чем все-таки твоя книга?

— Трудно сказать, — он снял туфли и сунул босые ноги в мокрую траву.

— Попробуй.

— Нет, пока не могу. Впрочем...

Он с удивлением понял, что говорит правду. Он всегда пестовал свою работу, как маленького, слабого младенца. Чересчур грубое прикосновение могло погубить ее. Он

даже Миранде не говорил об этом, хотя она очень интересовалась. Но Сьюзен — это другое. Миранда больше понимала в его работе, и ее вопросы часто напоминали допрос.

— Подумаю, — сказал он.

— Поцелуй меня, пока думаешь, — попросила она, ложась на траву. Он удивился, какая короткая у нее юбка. Раньше она казалась длиннее.

— Боюсь, что это прервет ход моих мыслей, — сказал он серьезно. — Проверим?

Он наклонился и поцеловал ее, обняв одной рукой за талию. Ее руки сомкнулись у него на шее. Через мгновение он почувствовал губами ее язык. Она прижалась к нему плотнее, и тихое шуршание ее юбки показалось ему оглушительным.

Рука его скользнула выше и нащупала ее грудь, полную и мягкую. Второй раз за время знакомства с ней он почувствовал себя шестнадцатилетним, не думающим ни о чем, и ни о чем не помнящим.

— Бен?

— Что?

— Хочешь меня?

— Да, — сказал он. — Хочу.

— Прямо здесь. На траве.

— Да.

Она смотрела на него в упор, блестящими в темноте глазами.

— Только медленно.

— Постараюсь.

— Медленнее, — сказала она. — Тише. Тише. Вот так... О-о-о...

— О, Сьюзен, — выдохнул он.

3

Они шли по парку, сперва без цели, а потом по направлению к Брок-стрит.

— Ты не жалеешь? — спросил он.

Она поглядела на него, улыбаясь.

— Нет. Я рада.

— Молодец.

Они пошли дальше молча, держась за руки.

— А книга? — напомнила она. — Ты обещал рассказать.

— Книга будет про дом Марстенов, — сказал он тихо. — Может быть, не только про него. Наверное, про весь этот город. Знаешь, я узнал кое-что про Хьюби Марстена. Он был гангстером. Транспортная компания — это только прикрытие.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Откуда ты знаешь?

— Кое-что от Бостонской полиции, а больше всего — от женщины по имени Минелла Кори, сестры Берди Марстен. Ей сейчас семьдесят девять, и она не помнит даже, что ела за завтраком, но того, что случилось тогда, она не может забыть.

— И она сказала...

— Все что знала. Она сейчас в доме престарелых в Нью-Хэмпшире, и я думаю, что ей просто некому было про все это рассказать. Я спросил, действительно ли Хьюберт Марстен был наемным убийцей — так подозревает полиция — и она кивнула. «А скольких он убил?» — спросил я. Она загнула пальцы на обеих руках, разогнула, согнула опять и спросила: «Сколько раз вы сможете выдержать?»

— О Господи.

— Полиция напала на его след в 27-м, сказал Бен. — Его дважды допрашивали — в Бостоне и в Молдене. В Бостоне убили кого-то из гангстеров, а в Молдене — мальчика одиннадцати лет. Причем его кастрировали.

— Бен, — слабым голосом сказала она.

— Наниматели Марстена смогли его выручить, но его карьера в Бостоне кончилась. Он переехал в Салемс-Лот и поселился здесь. Но этим дело не кончилось.

— О чем ты говоришь?

— Я долго сидел в библиотеке и изучал подшивки «Леджора» за годы с 28-го по 39-й. За это время исчезли четверо детей. Это нередко бывает в сельской местности. Дети куда-нибудь падают или тонут.

— Но ты думаешь...

— Не знаю. Но знаю, что никого из этих четверых так и не нашли. Хьюберт с Берди жили тут одиннадцать лет, и дети исчезли, вот и все. Но я думал об этом мальчике в Молдене. Много думал. Ты читала «Призраков Хиллкауса» Ширли Джексон?

— Да.

— «И то, что там двигалось, двигалось молча». Помнишь? Ты спросила, о чем моя книга. Может быть, она о силе зла.

Она крепче сжала его руку.

— Ты думаешь, что Ральфи Глик...

— Похищен мстительным духом Хьюби Марстена, который возвращается к жизни третий год в полнолуние?

— Ну да, вроде этого.

— Не спрашивай это у меня. Помни, то я когда-то открыл дверь и увидел, как он там висит.

— Это не ответ.

— Нет, конечно. Послушай, что я еще скажу прежде, чем объяснить, что я думаю по этому поводу. Минелла Кори еще говорила, что в мире есть злые люди, по-настоящему злые. Иногда мы узнаем о них, но чаще они действуют в полной тайне. Она сказала, что знала двух таких людей. Одним был Гитлер, другим — ее шурин, Хьюберт Марстен. Она сказала, что в день, когда он застрелил ее сестру, она находилась за триста миль от этого места, работала горничной в одной богатой семье. Она делала тогда салат в большой деревянной миске. Это было в четверть третьего днем. Вдруг ее поразила мгновенная боль, «как молния», говорила она, и она услышала звук выстрела. Она упала на пол — в доме больше никого не было, — и смогла подняться только через двадцать минут. Она посмотрела в салатницу и вскрикнула. Ей показалось, что там кровь.

— Боже, — прошептала Сьюзен.

— Потом все опять стало обычным. Голова прошла, а в салатнице снова был салат. Но она знала, что ее сестра мертва, застрелена.

— Невероятная история.

— Да, невероятная. Но она не выдумала ее; не настолько она умна. Конечно, любой разумный человек посмеется над этим. Трудно поверить, что Берди передала за триста миль сообщение о своей смерти по какому-то психическому телеграфу, как трудно поверить и в то, что в этом доме живет память о совершившемся в нем преступлении. Я скажу тебе, что я думаю. Я думаю, что люди легко могут поверить в телепатию или предсказания будущего, потому что это не заставляет их вскакивать от страха по ночам. Но мысль о том, что зло может пережить своих носителей, для них невыносима.

Он посмотрел на темный силуэт дома Марстенов и медленно сказал:

— Я думаю, что Хьюберт Марстен оставил этот дом, как памятник своему злу. Маяк, притягивающий другое зло. И он стоял все эти годы и ждал.

— А теперь снова ожил.

— И снова исчез ребенок, — он повернулся к ней и взял ее лицо в ладони. — Случилось то, чего я никак не ожидал, когда возвращался сюда. Я думал, что дом заброшен, но никак не ожидал, что его могут купить. Я хотел снять его и... а, не знаю. Разобраться со своими старыми страхами, наверное. Изгнать духов — изыди, Хьюби, велю тебе именем Божиим! А может, просто окунуться в эту атмосферу, чтоб написать книгу и заработать миллион. Во всяком случае, я хотел почувствовать, что контролирую ситуацию, что я уже не ребенок, которого могут испугать его собственные фантазии. Но теперь...

— Что «теперь», Бен?

— Теперь он занят! — крикнул он, стукнув себя кулаком по ладони. — Я не контролирую ситуацию! Мальчик исчез, а я не могу ничего сделать. Ничего не могу сделать с этим проклятым домом!

— Так что это — духи?

— Не обязательно. Может, просто какой-нибудь чужак, который купил его и... и дом завладел им.

Ты что-нибудь знаешь о...

— О новом владельце? — Нет. Но этот дом, по-моему, должен притягивать...

— Кого?

— Тех, кого Минелла Кори назвала по-настоящему
злыми людьми, — сказал он коротко.

4

Энн Нортон смотрела в окно. Она уже звонила в аптеку.
Нет, сказала мисс Кугэн с некоторым ехидством. Их не
было.

«Где ты, Сьюзен? О, где же ты?»

Рот ее скривился в беспомощной гримасе.

«Уходи, Бен Мейрс. Оставь мою дочь в покое».

5

Когда она отпустила его руку, она сказала:

— Сделай кое-что для меня, Бен.

— Все, что смогу.

— Не говори об этом ни с кем в городе. Ни с кем.

Он невесело улыбнулся.

— Не бойся. Я совсем не хочу, чтобы меня посчитали
чокнутым.

— Ты запираешь свою комнату у Евы?

— Нет.

— Запирай. Веди себя поосторожнее с ними.

— А с тобой?

— И со мной... если бы я не любила тебя.

И она пошла прочь, оставив его смотреть вслед и думать
о том, что он сказал ей, но больше — о том, что она сама
сказала ему в конце.

6

Когда он вернулся к Еве, то обнаружил, что не может
ни писать, ни спать. Он был чересчур возбужден. Поэтому
он сел в машину и после некоторых колебаний направился
к Деллу.

Там было полно народу и накурено. Ансамбль в стиле
кантри под горделивым именем «Рэйнджеры» играл вари-

ацию песенки «Ты никогда не заходил так далеко», недостатки качества которой возмещались громкость. Посреди зала прыгали пожалуй, пар пятьдесят, и Бена даже слегка изумило такое многолюдье.

Все стулья у стойки были заняты строительными и фабричными рабочими, одетыми в почти одинаковые кожаные башмаки и потягивающими пиво из одинаковых стаканов.

Меж столиков сновали три официантки с высокими прическами и прищипленными к их белым блузкам табличками с именами (Джеки, Тони, Ширли). За стойкой сам Делл наливал пиво, а за ним смешивал коктейли человек с ястребиным носом и зачесанными назад волосами. Лицо его казалось совсем белым, когда он отмерял разные жидкости, заливал их в серебристый шейкер и включал его, добавляя по мере готовности еще что-то.

Бен прошелся вдоль стойки, выискивая свободный стол, и кто-то окликнул его:

— Бен! Эй, приятель! Иди сюда!

Бен оглянулся и увидел Хорька Крейга, сидящего за столом над полупустой бутылкой пива.

— Привет, Хорек, — сказал Бен, усаживаясь к нему.

Хорек нравился ему, и он был рад увидеть здесь знакомое лицо.

— Решил поглядеть на нашу ночную жизнь? — усмехнулся Хорек. Бен уловил его дыхание и понял, что он пил здесь не только пиво.

— Ну, — ответил Бен. Он вынул доллар и положил на стол, усеянный кругами от множества пивных кружек. — Как твои дела?

— Нормально. Как тебе эта новая группа? Правда, неплохо?

— Мне нравится. Заканчивают песню до того, как она успевает надоесть.

— Я весь вечер ждал, когда кто-нибудь это скажет. Джеки! — прокричал он. — Принеси-ка моему приятелю пивка!

Джеки принесла бутылку с пивом на залитом пеной подносе и опустила на стол, с недоумением поглядев на доллар.

— Это стоит доллар сорок, — сообщила она.

Бен добавил еще доллар. Она сгребла со своего подноса шестьдесят центов сдачи, сказав при этом:

— Хорек, ты вопишь, как петух, когда ему сворачивают шею.

— Крошка, ты просто прелесть, — сказал в ответ Хорек. — Вот это Бен Мейрс. Он книги пишет.

— Очрада, — пробормотала Джеки и исчезла.

Бен налил пива, и Хорек последовал его примеру с профессиональной ловкостью наполнив кружку до краев.

— Твое здоровье, приятель!

Бен поднял кружку и отпил.

— Так как твое писание?

— Довольно успешно.

— Слышал я, ты увиваешься за девчонкой Нортонов. Она милашка. Лучше ты здесь просто не найдешь.

— Да, но...

— Мэтт! — опять завопил Хорек, отчего Бен едва не выронил стакан. Господи, подумал он, правда — совсем как петух, расстающийся с этой жизнью.

— Мэтт Берк! — Хорек бешено махал рукой, и седой человек помахал в ответ и начал пробираться к ним через толпу. — Ты просто обязан с ним познакомиться, — сообщил он Бену. — Чудесный мужик.

Подошедшему к ним можно было дать лет шестьдесят. Он был высоким, коротко подстриженным, во фланелевой рубашке с открытым воротом.

— Привет, Хорек, — сказал он.

— Как дела, приятель? Хочешь познакомиться с писателем, что живет у Евы? Вот он, Бен Мейрс. Прекрасный парень. Мы с Мэттом росли по соседству, только он ударился в науку, а я — вот, — и Хорек смущенно хмыкнул.

Бен привстал и потряс протянутую руку Мэтта Берка.

— Как дела?

— Хорошо, спасибо. Я читал одну из ваших книг. «Воздушный танец».

— Вам понравилось?

— Во всяком случае, больше, чем критикам, — сказал Мэтт, присаживаясь к ним. — Как ты, Хорек?

— Чудесно, — ответил Крэйг. — Джеки! Принеси Мэтту пива!

— Подожди минутку, старый пердун! — крикнула Джеки в ответ, проносясь мимо с полным подносом.

— Милашка, — сообщил Хорек. — Дочка Морин Толбот.

— Ага, — сказал Мэтт. — Я учил ее в 71-м. А ее мать — в 51-м.

— Мэтт преподает английский в высшей школе, — сказал Хорек. — Вам с ним найдется о чем поболтать.

— Я помню Морин Толбот, — сказал Бен. — Она стирала моей тетке и приносила белье всегда в корзине с одной ручкой.

— А вы местный, Бен? — спросил Мэтт.

— Прожил здесь четыре года в детстве. У тети Синди.

— Синди Стоуэнс?

— Да.

Джеки принесла чистый стакан, и Мэтт плеснул себе пива. Ансамбль закончил играть, и музыканты устремились к стойке.

— Вы вернулись сюда написать книгу про нас? — спросил Мэтт.

В мозгу Бена вспыхнул предупредительный сигнал.

— Что-то вроде того.

— Наш город этого заслуживает. У вас может получиться. «Воздушный танец» — хорошая книга. Я и сам мог бы написать что-нибудь, да таланта нет.

— Да не верь ты ему, — вмешался Хорек, в очередной раз наполняя стакан. — У старины Мэтта полно всяких талантов. Никто не ценит учителей, а ведь они... — он покачался на стуле, подыскивая определение, — соль земли, — закончил он, поперхнувшись пивом. Он был уже совсем пьян. — Извините меня, я пойду отолью.

Он встал и, шатаясь, побрел в направлении туалета. Они провожали его взглядом.

— Жаль, хороший человек пропадает, — сказал Мэтт, поднимая палец. Появившаяся официантка обратилась к нему, как к «мистеру Берку», и была, казалось, слегка шокирована появлением ее учителя в компании Хорька

Крейга. Когда она отправилась за дополнительной порцией пива, Бен подумал, что Мэтт тоже казался смущенным.

— А мне Хорек нравится — сказал Бен. — Сдается, что он много всего пережил. Что с ним случилось?

— О, все очень просто, — сказал Мэтт. — Бутылка. Он пил с каждым годом чуть-чуть больше, и его это доканало. Он получил Серебряную звезду во время Мировой войны. Циник мог бы сказать, что лучше бы, если бы он там погиб.

— Я не циник, — возразил Бен. — Мне он все равно нравится. Но думаю, лучше мне отвести его домой.

— Это правильно. Я тоже сейчас уйду и пойду домой слушать музыку. Мне нравится громкая музыка — почему-то особенно с тех пор, как сердце стало шалить. А вы, говорят, интересуетесь домом Марстенов?

— Кто говорит? — Бен так и подпрыгнул.

Мэтт улыбнулся.

— Как там пел старый Мервин Гэй? «Я слышал это в бутылке с вином»? Довольно банально. Так и представляешь человека, прижавшегося ухом к бутылке токайского. Так вот, я слышал это от Лоретты Стэрчер. Она работает в библиотеке, на страже, так сказать, литературы. Вы читали в камберлендском «Леджере» статьи про этот старый случай и еще заказывали две книжки, где тоже про это упоминалось. Но из них только Люберт писал толково — он был здесь в 46-м и изучал это дело, — а у Сноу одни только домыслы.

— Да, я знаю, — автоматически сказал Бен.

Официантка принесла им еще пива, и Бен внезапно подумал, что она похожа на рыбку, снующую среди ила и мелкого планктона.

Мэтт расплатился и продолжил:

— Страшная вещь здесь случилась. И на городе это отразилось. Конечно, истории об убийствах и обо всем прочем всегда передаются из поколения в поколение. Но здесь нечто большее. Может, тому виной география.

— Может быть, — сказал Бен. Учитель говорил о том, что смутно бродило в его сознании с того дня, как он вернулся в этот город. — Он возвышается над городом,

как... как какой-то злой божок, — этот образ показался ему тривиальным, не отражающим глубины его чувств, но он вовсе не собирался открывать их незнакомцу. Ему не очень нравился этот разговор.

— Талантливо, — сказал Мэтт.

— Простите?

— То, что вы сказали. Полвека мы несли ему, как божку, все свои маленькие грехи и преступления.

— Но и добро тоже.

— В таких городках творится мало добра. В лучшем случае, вежливое равнодушие. Томас Вулф исписал на эту тему фунтов семь бумаги.

— Не думал я, что вы циник.

— Это вы говорили, что вы не циник, — отпарировал Мэтт, улыбаясь. Ансамбль отошел от стойки, сверкая пестрыми нарядами. Солист взял гитару и начал что-то наигрывать.

— Но вы так и не ответили на мой вопрос. Ваша книга будет о доме Марстенов?

— Может быть, и так.

— Желаю успеха. Извините за назойливость.

— Ничего, — сказал Бен, думая про Сьюзен. — Куда это Хорек подевался?

— Могу я попросить вас об одной услуге? Если откажетесь, я не обижусь.

— Да-да, я слушаю.

— У меня очень хороший класс, — сказал Мэтт. — По-настоящему думающие дети, и я бы хотел, чтобы они встретились с кем-то, кто живет в своем мире. Кто — как бы это сказать? — заставляет людей взглянуть на мир по-иному.

— С удовольствием, — сказал Бен, не чувствуя особого подъема. — Сколько у вас длится урок?

— Пятьдесят минут.

— Ну что ж, за это время я смогу им что-нибудь рассказать.

— Большое спасибо, — сказал Мэтт. — На следующей неделе, хорошо?

— Конечно. Назовите только день и время.

— Вторник, четвертый урок. В одиннадцать. Как раз перед ланчем, но я надеюсь, что урчание в желудках вас не смутит.

— Я заткну уши ватой.

Мэтт рассмеялся.

— Чудесно. Я встречу вас у входа.

— Договорились. Вы...

— Мистер Берк? — это была Джеки. — Хорек там не может выйти из туалета. Как вы считаете...

— А? Господи, ну, конечно. Бен, вы...

— Да-да.

Они направились к туалету. Ансамбль заиграл опять — что-то о ребятах из Мускоги, обожающих своего учителя.

В туалете воняло мочой и хлоркой. Хорек привалился к стене меж двух писсуаров, и какой-то парень в солдатской форме мочился в двух дюймах от его уха.

Рот его был открыт, и Бен невольно пожалел его, старого, взятого в плен грубой, безжалостной силой. Это сразу навело его на мысль о собственном неизбежном старении. Он жалел уже не столько Хорька, сколько себя, и жалость эта горьким комком подступила к его горлу.

— Возьмите его за руку, — попросил Мэтт, — когда этот джентльмен отойдет.

— Да-да, — Бен взглянул на парня, который явно не торопился. — Давай поскорее, приятель.

— Я что, ему мешаю? — проворчал солдат, но застегнул ширинку и вышел.

Бен взял Хорька за руку и рывком приподнял. Его колени коснулись стены, и он почувствовал, как она дрожит от громкой музыки. Хорек висел у него на руках, как мешок. Мэтт взял его за другую руку, и они вдвоем подтащили бесчувственное тело к двери.

— Вот и Хорек, — сказал кто-то. Раздался общий смех.

— Делл знает, когда ему хватит, — сказал Мэтт. — Он обычно не наливает ему больше, чем нужно.

Они вышли в фойе, а оттуда, по деревянным ступенькам — на стоянку.

— Полегче, — пропыхтел Бен. — Не уроните его.

Нога Хорька колотилась по ступенькам, как бревно.

— Мой «Ситроен»... в последнем ряду.

Воздух стал холоднее; наверное, скоро начнут падать листья. Хорек начал дышать глубже и слабо шевелил головой.

— Сможете уложить его в постель, когда приедете? — спросил Мэтт.

— Думаю, да.

— Ладно. Смотрите, дом Марстенов еще виден.

Бен посмотрел. В самом деле, над чернеющими соснами зловеще вырисовывалась высокая крыша.

Он открыл пассажирскую дверь и сказал:

— Помогите мне закинуть его.

Они втолкнули Хорька в салон и закрыли дверь.

— Значит, во вторник в одиннадцать?

— Я буду.

— Спасибо. И спасибо за Хорька, — он протянул руку, и Бен пожал ее.

Он сел за руль и поехал прочь. Как только скрылась неоновая вывеска, дорога стала пустой и темной, и Бен подумал: «Настало время привидений».

Хорек за его спиной застонал, и Бен подпрыгнул, едва не вывернув руль.

«Господи, почему я это подумал?»

Ответа не было.

7

Он открыл окно, чтобы холодный воздух быстрее протрезвил Хорька, и когда он подъехал к крыльцу пансиона, тот уже понемногу приходил в себя.

Бен вывел его и провел на кухню, фантастически подсвеченную огоньком плиты. Хорек прохрипел:

— Она милашка, но замужем, Джек... ты уже знаешь...

В холле белела тень. Это оказалась Ева с завитыми волосами и лицом белым от крема, сама похожая на привидение.

— Эд, — сказала она. — Эд, что с тобой? Ты опять?

Он приоткрыл глаза и слегка улыбнулся.

— Опять, опять, — прохрипел. — Разве ты не знала?

— Отведете его наверх? — спросила она Бена.

— Да, конечно.

Он опять взял Хорька и кое-как втащил его по ступенькам в комнату. Едва он плюхнул его на кровать, всякие признаки сознания пропали, и Хорек погрузился в глубокий сон.

Бен постоял немного осматриваясь. В комнате было чисто, вещи аккуратно убраны. Когда он начал снимать с Хорька туфли, Ева сказала откуда-то сзади:

— Не беспокойтесь, мистер Мейрс. Я сама.

— Но...

— Я привыкла. Я это делала не один раз.

— Ну, ладно, — сказал Бен и, не оглядываясь, вышел.

Раздевался он медленно и долго потом лежал без сна, думая о чем-то.

Глава шестая

ГОРОД (2)

1

Осень пришла в Джерусалемс-Лот так же внезапно, как восход солнца в тропиках. Все произошло буквально в один день. Так же быстро в город приходила и весна, но она в Новой Англии была не самым лучшим временем года. Уже в апреле становилось жарко, а уж в мае, когда вы выходили в семь утра из дома с обеденной корзинкой, то твердо знали, что к восьми высохнет роса, и пыль от проезжающей машины не уляжется и через пять минут, и что на фабрике ужасная жара, и продлится она до самого июля.

Поэтому осень, приходившую в середине сентября, ждали, как старого, желанного друга. Друга, который усаживается в твое любимое кресло, закуривает трубку и начинает рассказывать, где он был и что видел.

И это длится весь октябрь, а иногда и ноябрь. День за днем небо становится прозрачнее, и по нему плывут, всегда на восток, облака, белые корабли с серыми парусами. Ветер становится сильнее, обрывает листья с деревьев и заставляет болеть что-то еще, кроме ваших костей. Может быть, что-то древнее в человеческой душе, память предков, твердящую: «Беги на юг или умрешь». Даже в доме, за крепкими стенами, ветер колотится в стекла и завывает в трубе, и рано или поздно вы оторветесь от своих дел и посмотрите в окно. И вы увидите, как облака несутся над фермой Гриффенов и над Школьным холмом, то темные, то светлые, словно открытые или закрытые

ставни богов. И если не гудит самолет и охотник где-нибудь в лесу не стреляет фазанов, вы можете услышать другой звук — звук жизни, завершающей очередной свой круг.

2

В этом году осень началась 28-го сентября, когда на Хармони-Хилл хоронили Дэнни Глика.

В церкви были только родственники, но на кладбище пустили всех, и многие пришли — одноклассники, любопытные и старики, для которых похороны были средством как-то уменьшить страх перед грядущей смертью.

Они шли по Бернс-роуд длинной шеренгой. Машины ехали со включенными фарами, несмотря на погожий день. Впереди двигался катафалк Карла Формэна, заваленный цветами, следом «меркури» Тони Глика. В следующих четырех автомобилях размещались родственники, прибывшие издалека (даже из Тулсы, штат Оклахома). Среди других были Марк Петри (именно к нему шли Дэнни с Ральфи в ту роковую ночь) с отцом и матерью; Ричи Боддин с семьей; Мэйбл Вертс в машине супругов Нортонс (сидя на заднем сиденье, она вспоминала все виденные ей похороны, начиная с 1930 года); Лестер Дарэм с женой Хэрриет; Пол Мэйберри и его жена Глинис; Пэт Миддлер, Джо Крэйн, Винни Апшоу и Клайд Корлисс. Все в машине Милта Кроссена (перед тем, как ехать, Милт открыл холодильник, и они выпили по банке пива); Ева Миллер в автомобиле, где сидели также ее подружки Лоретта Стэрчер и Рода Кэрлесс, обе старые девы. Перкинс Гиллспай со своим помощником Нолли Гарденером на полицейской машине (это был «форд» Перкинса с установленной на нем сиреной); Лоуренс Крокетт и его болезненная жена; Чарльз Родс, водитель автобуса, который ходил на все похороны из принципа; Чарльз Гриффен с женой и двумя сыновьями, Хэлом и Джеком.

Майк Райерсон и Ройял Сноу вырыли могилу еще утром, уложив рядом с ямой полоски дерна. Майку показалось, что Ройял ведет себя как-то странно. Обычно он

так и сыпал всякими шутками и прибаутками по поводу их работы, но в это утро казался подавленным и все время молчал. Похмелье, предположил Майк. Небось засиделся вчера у Делла со своим дружкой Хэнком.

Едва он увидел катафалк Карла, поднимающийся на холм, он отпер железные ворота, поглядывая на острые прутья, с которых он снял Дока. Потом он вернулся к могиле, где уже ждал местный священник, отец Дональд Каллагэн. Книга, которую он держал, была раскрыта на похоронной службе для детей. Майк знал, что это уже третья служба — первые две были в морге и в церкви святого Андрея. Последняя ступень — кладбище. Конец всему.

Холодок прошел у него по спине, и он посмотрел на яркую пластиковую траву, которую зачем-то использовали на похоронах. Она выглядела дешевой имитацией жизни, прикрывающей тяжкие коричневые пласты всепожирающей земли.

— Они идут, — сказал он священнику.

Каллагэн был высоким человеком с голубыми глазами и грубоватыми чертами лица. Волосы его уже поседели. Райерсон, не бывавший в церкви с шестнадцати лет, любил его больше прочих служителей церкви. Джон Гроггинс, методистский проповедник, был старым лицемерным святошей, а Паттерсон из церкви Святых последнего дня казался просто чокнутым. Как-то на похоронах одного из служек он даже прыгнул в могилу. Но Каллагэн — другое дело; на похоронах он служил спокойно и всегда быстро. Райерсон сомневался, происходят ли его багровые щеки и вздутые вены от усердных молитв, но если он и выпивал втихую, что с того? Мир таков, что в нем редко встретишь святого.

— Спасибо, Майк, — сказал он и посмотрел на небо. — Тяжелая сегодня служба.

— Еще бы. Сколько продлится?

— Минут десять, не больше. Не стоит заставлять родителей страдать еще сильнее. Им уже достаточно.

— Хорошо, — сказал Майк, удаляясь. Он намеревался перелезть через ограду, уйти в лес и перекусить. Он знал,

что могильщик в перепачканном землей комбинезоне не услаждает глаз пришедших на похороны.

У стены он остановился, увидев поваленный камень. Подняв его, он снова почувствовал легкую дрожь.

ХЬЮБЕРТ БЕРКЛИ МАРСТЕН

6 окт. 1889 — 12 авг. 1939

*Ангел смерти, держащий
бронзовый фонарь перед золотой дверью,
увлек его за собой в бездну:*

И ниже, полустершимися буквами:

«Господи, упокой его душу».

Встревоженный по непонятной причине, Майк Райерсон направился в лес, чтобы съесть там свой ланч.

3

Давным-давно, в семинарии, один однокашник поведал отцу Каллагэну старое правило, в то время вызвавшее у него конфузливый смешок, но позже казавшееся все более и более верным. Он гласило: «Господи, дай мне смирение принять то, что я не могу изменить, волю изменить то, что я не могу принять, и ум, чтоб не слишком уж выбываться».

Он вспомнил это изречение, стоя у открытой могилы Дэнни Глика.

Носильщики, двое дядей и двое кузенов мальчика, опустили гроб на землю. Марджори Глик в черном пальто и черной шляпе с вуалью стояла рядом, придерживаемая отцом. Рядом стоял ее муж с каменным лицом. Несколько раз во время службы он оглядывался, словно удивляясь присутствию стольких людей.

Отец Каллагэн окропил гроб и могилу святой водой.

— Помолимся, — возгласил он. Голос его, пьяного или трезвого, всегда был приятным и звучным. Присутствующие склонили головы.

— Господи Боже, пошли свою милость уповающим на Тебя. Благослови эту могилу и пришли к ней ангелов Твоих. Прими невинную душу Дэниела Глика и причти его к святым Твоим в вечной жизни. Аминь.

— Аминь, — прошептали все. Тони Глик опять поглядел вокруг невидящими глазами. Его жена поднесла ко рту платок.

— Вот мы хороним тело этого мальчика. Помолимся Господу нашему, дававшему жизнь всем созданиям, дабы воскресил он его к жизни вечной.

Он перевернул страницу. Женщина в третьем ряду принялась плакать. Где-то в лесу просвистела птица.

— Помолимся за нашего брата Дэниела Глика Господу нашему Иисусу Христу, сказавшему: «Я есть Воскресение и Жизнь вечная. Тот, кто уверует в меня, не умрет, и кто примет мою веру, будет жить вечно, хоть и умрет». Господи, услышь наши молитвы, — нестройным хором повторили католики.

— Ты возвратил мертвеца к жизни; даруй нашему брату Дэниелу жизнь вечную. Помолимся!

— Господи, услышь наши молитвы, — общий хор. В глазах Тони Глика, казалось, что-то промелькнуло.

— Наш брат Дэниел чист в крещении Твоём; причти его к святым Твоим. Помолимся!

— Господи, услышь наши молитвы.

— Он вкусил их плоти и крови; даруй ему место у Твоего престола. Помолимся!

— Господи, услышь наши молитвы.

Марджори Глик начала раскачиваться взад-вперед.

— Успокой нас в нашей горе, пусть вера наша будет нам утешением и жизнь вечная — нашей надеждой. Помолимся!

— Господи, услышь наши молитвы.

Он закрыл молитвенник.

— Помолимся, как Господь учил нас. Отче наш, сущий на небесах...

— Нет! — закричал вдруг Тони Глик, бросаясь вперед. — Не сыпьте землю на моего мальчика!

К нему протянулись руки, но не смогли удержать. Какой-то момент он балансировал на грани могилы,

потом свалился вниз и стукнулся о гроб с глухим звуком.

— Дэнни, вернись! — кричал он.

— Боже, — прошептала Мэйбл Вертс, прижимая платок к губам. Глаза ее зорко следили за происходящим, собирая материал для рассказов на долгую зиму.

— Дэнни, прекрати эту ерунду!

Отец Каллагэн кивнул двум носильщикам, и они шагнули вперед, но трое других, включая Перкинса Гиллспая и Нолли Гарденера, уже вытаскивали из могилы отбивающегося и рыдающего Глика.

— Дэнни, прекрати! Ты напугал маму! Я тебе задам! Пустите меня! Пустите к моему... мальчику... пустите, суки... о Господи...

— Отце наш, сущий на небесах, — снова начал отец Каллагэн, и другие голоса подхватили.

— ...Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

— Дэнни, иди ко мне, слышишь? Слышишь меня?

— ...Хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам...

— Дэннииии!

— ...долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...

— Он не умер, не умер, пустите меня, говнюки!..

— ...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь.

— Он не умер, — всхлипывал Тони Глик. — Не мог он умереть. Ему же всего двенадцать, — он опять начал рваться вперед из рук, держащих его. Он упал на колени перед отцом Каллагэном и обнял его ноги. — Верните мне моего мальчика! Не дурачьте меня!

Каллагэн осторожно взял его голову двумя руками.

— Помолимся, — сказал он, чувствуя, как по его рукам текут слезы Глика. — Господи, утешь этого человека и его супругу в их горе. Ты очистил этого мальчика в водах крещения и даровал ему вечную жизнь. Когда-нибудь мы снова встретимся с ним в царствии Твоем. Помолимся!

Он поднял голову и увидел, что Марджори Глик упала в обморок.

4

Когда все ушли, Майк Райерсон вернулся и уселся на краю открытой могилы, чтобы доест последний сэндвич и дожждаться Ройяла Сноу.

Похороны начались в четыре, а сейчас было уже пять. Тени удлиннились, и солнце уже стояло низко над верхушками дубов. Ройял обещал вернуться без четверти пять.

Куда он подевался?

Сэндвич был с колбасой и сыром, его любимый. Он всегда делал свои любимые сэндвичи — вот преимущество одинокой жизни. Закончив есть, он отряхнул руки, уронив несколько крошек на гроб.

Кто-то смотрит на него.

Внезапно он почувствовал это и в недоумении осмотрелся вокруг.

— Ройял? Ты где?

Нет ответа. Только ветер таинственно шуршит в ветвях деревьев. В тени вязов возле стены он увидел могилу Хьюберта Марстена и внезапно подумал о псе Вина, повешенном на воротах.

Глаза. Спокойные и равнодушные. Смотрят на него.

Он поднялся на ноги.

— Черт тебя возьми, Ройял! — сказал он громко, но нерешительно. Ройял так и не пришел. Придется ему одному закапывать, и это затянется надолго.

Быть может, до темноты.

Он начал работать, не пытаясь понять причин охватившего его страха.

Он снял с земли полосы искусственной травы, свернул их и уложил в кузов своего грузовика. Оттуда он взял лопату. Он подошел к могиле и внезапно замер.

Чувство, что за ним наблюдают, исчезнувшее было, вернулось, как только он опять увидел гроб. Ему вдруг представился Дэнни Глик, лежащий там, внутри, и глядящий на него. Да нет, глупости. Они закрыли ему глаза.

Он не раз наблюдал, как это делает Карл Формэн. «Мы их заклеиваем, — говорил ему Карл. — Чтобы труп не моргал на отпевании, понимаешь?»

Он зачерпнул первую лопату земли и кинул вниз. Земля глухо ударилась о полированное дерево, и Майк вздрогнул. Звук ему не понравился, он не мог сказать, почему. Он оглянулся вокруг, на лежащие цветы. Чертовская трата денег.

Взгляд его упал на гроб. Еще дороже. Что, Тони Глик такой богач, что отвалил тысячу долларов за гроб красного дерева?

Майк зачерпнул еще земли. Кинул. Опять этот кошмарный стук. Крышка гроба была уже засыпана, но полированная древесина просвечивала сквозь черноту.

«Хватит смотреть на меня».

Еще лопата.

«Бум».

Тени стали очень длинными. Он опять оглянулся и увидел дом Марстенов с плотно закрытыми ставнями. Восточная сторона выходила прямо к воротам, на которых Дока...

Он кинул еще лопату.

«Бум».

Земля посыпалась вниз, присыпав медные замки. Теперь, если гроб открыть, послышится нутужный, скрипящий звук, словно открываются двери склепа.

«Хватит глядеть на меня, черт возьми!»

Он нагнулся, но его поразила одна мысль, и он замер с лопатой в руках. Он как-то прочитал про тexasского магната, который захотел, чтобы его похоронили в его «кадиллаке» последней модели. Пришлось им вырыть яму экскаватором и опустить туда машину. Люди ездят на развалюхах и не могут наскрести на бензин, а эти богатые свиньи велят хоронить себя за рулем машины, которая стоит десять тысяч долларов...

Внезапно он вздрогнул и отступил назад, мотнув головой. Теперь чувство, что на него смотрят, стало еще сильнее. Он поглядел на небо и испугался, увидев, что уже стемнело. Светилась только крыша дома Марстенов.

На его часах было 6.10. Господи, уже час, а он кинул всего полдюжину лопат!

Майк налег на работу, пытаясь отогнать странные мысли. «Бум-бум-бум», теперь звук ударов стал глуше, земля падала на землю, почти засыпав гроб, до самых замков.

Он замер.

До замков?

А зачем на гробе замки? Неужели думают, что кто-то попытается вылезти оттуда? Что за глупость?

— Хватит на меня пялиться, — сказал он вслух и почувствовал, как сердце подпрыгнуло у него в груди. Внезапно ему захотелось бежать, бежать прямо в город, не разбирая дороги. Он сдержал себя с большим трудом. Страх, вот и все. У кого его не бывает? Все эти проклятые фильмы ужасов — думать, что глаза двенадцатилетнего парня, которого ты закапываешь, открыты...

— Не смотрите! — крикнул он, в страхе оглядываясь на дом Марстенов. Теперь светился только верх крыши.

6.15.

Он снова начал работать быстрее, пытаясь прояснить ум. Но проклятое чувство осталось и усиливалось с каждой брошенной лопатой. Гроб был уже почти скрыт землей; угадывались лишь его очертания.

Он принялся вспоминать католическую молитву, которую читал отец Каллагэн, пока он ел свои сэндвичи. Он слышал ее из леса, как и вопли Глика.

«Помолимся за нашего брата Господу нашему Иисусу Христу, сказавшему...»

(«Отец мой, прими мой дар».)

Он прервался и посмотрел вниз. Могила показалась ему невероятно глубокой. Тени роились в ней, как живые существа. Он никогда ее не зароет. Никогда.

«Я есть Воскресение и Жизнь вечная. Тот, кто уверует в меня, не умрет...»

(«Повелитель Мух, прими мой дар».)

Да, его глаза открыты. Потому ему и кажется, что на него смотрят. Карл пожалел клея, и они открылись, как

ставни на окнах, и мальчишка смотрит на него. Что-то нужно сделать.

«...и кто примет мою веру, будет жить вечно, хоть и умрет».

(«Я принес тебе свежую плоть и чистую кровь».)

Выбросить землю. Вот что нужно. Откопать гроб, и сбить замки, и открыть его, и закрыть эти ужасные глаза, которые на него смотрят. Клея у него нет, но две монеты в карманах найдутся. Серебро. Да-да, серебро ему и нужно.

Солнце уже зашло за крышу дома Марстенов. Теперь ему казалось, что за ним наблюдают оттуда, из-за закрытых ставень.

«Ты возвратил мертвеца к жизни; даруй нашему брату Дэниелу жизнь вечную».

(«Я возлагаю жертву на твой алтарь. Левой рукой я возлагаю ее».)

Майк Райерсон прыгнул вниз и начал как безумный орудовать лопатой, выбрасывая землю из могилы. Наконец лопата нашла дерево, и он стал отгребать комья земли от замков.

Где-то во рву заквакали лягушки, в кустах запел козодой. На часах было без десяти семь.

«Что я делаю?» — тщетно спрашивал он себя. Он попробовал выпрямиться и подумать об этом, но неведомая сила из глубины его сознания согнула его и заставила работать снова. Быстрее и быстрее.

Он поднял лопату над головой и обрушил на замок. Лязг. Замок сломался.

Он помедлил в последних сомнениях, лицо его покрылось потом, глаза безумно выкатились.

На небе замерцала первая звезда.

Обессиленный, он выкарабкался из могилы, вытянулся во всю длину и взялся руками за крышку гроба. Потянул. Сперва обнажился розоватый сатин подкладки, потом бледная рука в черном рукаве (Дэнни Глика похоронили в костюме), потом... потом лицо.

Дыхание Майка замерло.

Глаза были открыты. Он так и знал. Широко открыты. И в них светилась жуткая, неведомая жизнь. В лице не

было бледности смерти; на розовых щеках играл румянец.

Майк попытался оторвать взгляд от этих ледящих глаз и не мог.

Он только прошептал:

— Иисусе...

Солнце окончательно скрылось за горизонтом.

5

Марк Петри трудился в своей комнате над фигуркой Франкенштейна и слушал за стенкой разговор родителей. Его комната располагалась на втором этаже купленного ими дома на Джойнтнер-авеню, и, хотя дом имел центральное отопление, в нем еще сохранился старомодный камин. Его поставили раньше, когда тепло давала только кухонная печь, и на втором этаже было ужасно холодно, так, что женщина, жившая там с 1873-го по 1896-й всегда клала в постель горячий кирпич, завернутый во фланель. Но теперь камин служил другой цели — он отлично проводил звук.

Хотя родители находились у себя, он слышал их так, словно они говорили прямо за дверь.

Когда его отец застал его подслушивающим в их старом доме — ему тогда было всего шесть лет, он привел ему старую английскую пословицу: «Никогда не подслушивай у двери, в которую только что вышел». Это значит, объяснил отец, что ты можешь услышать что-нибудь нехорошее в свой адрес.

В двенадцать лет Марк Петри был чуть выше среднего роста и имел довольно тонкое телосложение. Двигался он легко и даже изящно, что необычно для мальчишек его возраста, состоящих, как кажется, из одних локтей и коленок. Черты его выглядели почти женскими, что причиняло ему немало неприятностей еще до схватки с Ричи Боддином в школьном дворе, и он боролся с этим, как мог. Он заключил, что большинство хулиганов — это здоровенные, неуклюжие парни. Они боятся тех, кто может дать им отпор. Они не умеют как следует драться,

действуя скорее наглостью, чем силой. Ричи Боддин блестяще подтвердил эту теорию. До этого был еще один школьный хулиган в Киттери, который, после того, как Марк расквасил ему нос, объявил себя перед толпой собравшихся одноклассников его другом, что вовсе не обрадовало Марка, считавшего этого парня тупым куском дерьма. Говорить с ними без толку. Ричи Боддин понимает только кулак, и Марк надеялся, что всегда найдутся люди, способные предъявить ему этот аргумент. Его в тот день отослали домой, и отец очень рассердился, когда, вместо ритуального раскаяния со слезами, услышал от него, что Гитлер тоже в детстве был таким, как Ричи Боддин. Впрочем, отец тут же расхохотался.

Теперь Джун Петри говорила:

— Как ты думаешь, это на него повлияло?

— Трудно... сказать, — по паузе Марк понял, что отец закурил трубку. — Он такой скрытный.

— В тихом омуте черти водятся, — его мать часто повторяла подобные фразы. Он любил родителей, но порой они казались ему скучными, как толстые книги в библиотеке... и такими же пыльными.

— Они ведь шли к Марку, — продолжала она. — Поиграть с его железной дорогой... и вот один умер, другой пропал! Не обманывай себя, Генри. Его это потрясло.

— Он прочно стоит на земле, — сказал мистер Петри. — Каковы бы ни были его чувства, я уверен, что он сможет удержать себя в руках.

Марк вставил левую руку Франкенштейна в специальный паз. Это была сборная модель, которая в темноте отсвечивала зеленым.

— Может, это даже пойдет ему на пользу, — продолжал отец.

— Я бы предпочла другие средства, — сказала мать немножко сердито.

Отец хмыкнул.

В разговоре наступила пауза. «Марк знал, что отец перелистывает «Уолл-Стрит джорнэл», а мать держит в руках роман Джейн Остин или Генри Джеймса. Она

перечитывала их снова и снова, и Марк всегда удивлялся — зачем читать книгу больше одного раза, когда все равно уже известно, что будет в конце.

— Думаешь, он теперь не будет ходить через лес? — спросила, наконец, мать. — Говорят, там зыбучий песок...

— Это далеко отсюда.

Марк на время отвлекся, прилаживая монстру другую руку. У него был уже целый набор этих фигурок, и он постоянно добавлял новые. В ту ночь Дэнни и Ральфи действительно шли к нему посмотреть на них.

— Думаю, там вполне можно ходить, — сказал отец. — Но не после наступления темноты.

— Надеюсь, после этих жутких похорон его не будут мучить кошмары.

Мрак почти видел, как его отец пожимает плечами. — Тони Глик... бедный. Но смерть и горе — естественная часть жизни. Ничего не поделаешь.

— Может быть, — очередная пауза. Что она скажет на этот раз? Быть может, «мальчик — будущий мужчина». Или «если побег кривой, то и дерево не будет прямым». Марк укрепил монстра на основании, представляющем собой могильный камень. — Смерть встречает нас посреди жизни. Но меня мучают кошмары.

— Что?

— Да, мне снится, что он лежит в гробу с закрытыми глазами, как будто спит. А потом он открывает глаза и... Зачем только проводят эти церемонии?

— Ладно, все пройдет.

— Надеюсь. Он у нас хороший, правда, Генри?

— Марк? Самый лучший.

Марк улыбнулся.

— Есть там что-нибудь по телевизору?

— Сейчас взгляну.

Марк не стал слушать дальше; серьезный разговор закончился. Он поставил модель на окно сохнуть. Через пятнадцать минут мать зайдет посмотреть, лег ли он. Он достал из шкафа пижаму и начал раздеваться.

На самом деле мать зря беспокоилась о его психике. Он был обычным мальчиком своих лет, несмотря на свое

изящество и здравый смысл. Семья его принадлежала к верхушке среднего класса. Родители любили друг друга, прочно и немного скучно. Это событие не нанесло ему особой травмы, как и предыдущие школьные драки. Он рос вместе со сверстниками и был, по большому счету, таким же, как они.

Если что-то и выделяло его, так это выдержка и холодный самоконтроль. Никто не воспитывал этого в нем, видимо, свойство было врожденным. Когда его любимый пес Чоппер попал под машину, он вместе с матерью понес его к ветеринару. И когда ветеринар сказал: «Нужно его усыпить», — Марк возразил: «Вы хотите его не усыпить, а отравить газом до смерти». «Да», — ответил ветеринар. «Ладно, — сказал Марк, — только позвольте мне поцеловать его». Он жалел Чоппера, но не плакал. Мать плакала, но через три дня забыла Чоппера, а Марк не забыл. Потому он и не плакал. Плакать — это как вылить вон всю память.

Его расстроило исчезновение Ральфи Глика, потом смерть Дэнни, но он не был испуган. Он слышал в магазине, что Ральфи мог похитить сексуальный маньяк. Марк знал, что такие бывают. Но если бы когда-нибудь такой предложил ему конфетку, он пнул бы его прямо под яйца и убежал.

— Марк? — голос матери.

— Что, мама?

— Не забудь вымыть уши.

— Не забуду.

Он спустился вниз пожелать им доброй ночи, бросив взгляд на своих монстров: на Дракулу, обнажившего свои клыки над телом девушки, на Безумного Доктора и мистера Хайда.

Понимает ли он, что такое смерть? Конечно. Это когда тебя хватает такой вот монстр.

Рой Макдугалл подъехал к своему трейлеру в полдевятого и заглушил мотор старенького «форда». Машину пора выбрасывать. Такая машина. Такая жизнь. В доме ревел ребенок и кричала жена. Прекрасное семейство.

Он вылез из машины и тяжело опустился на щебенку, которую сам натащил к дому прошлым летом.

— Черт, — пробормотал он, когда твердые камушки врезались ему в задницу.

Он был совершенно пьян. Закончив работу в три, он поехал к Деллу и пересидел там даже Хэнка Питерса и Бадди Мэйберри. Хэнк пропил там всю свою получку и казался совершенно выжатым. Он знал, что Сэнди думает о его приятелях. Ну и хрен с ней. Почему он не может выпить по выходным пива, если всю неделю надрывается на проклятой фабрике? Какое она имеет право упрекать его? Она-то целый день торчит дома и ни черта не делает — только смотрит за ребенком, и смотрит из рук вон плохо. Чертов ребенок опять свалился с кровати.

«Где ты была?»

«Я его держала, Рой. Но он вырвался».

Ага. Вырвался.

Он подошел к двери и пнул ее ногой. Нога болела. Но от нее сочувствия не дождешься. Ей бы только валяться на диване и жрать шоколад, или смотреть эти дурацкие «мыльные оперы» и опять же жрать шоколад, или звонить своим подружкам и жрать шоколад. У нее уже прыщи на роже, как и на жопе. Скоро будет невозможно отличить одно от другого.

Он вошел, и увиденная сцена моментально прогнала хмель из его головы, как холодный душ: ребенок, голый и ревущий, с текущей из носа кровью, и Сэнди над ним, в перепачканной кровью блузке, с лицом, искаженным страхом и яростью. На полу валяются пеленки.

Сэнди, увидев его, вскинула руки, как будто для защиты.

— Что тут происходит? — медленно проговорил Рой.

— Ничего, Рой. Он только...

А. Н. Миронов 93

— Ты его ударила, — сказал он. — Не могла запеленать и побила. Да?

— Нет, — сказала она торопливо. — Он упал и разбил себе нос, вот и все. Вот и все.

— Я тебе покажу все, — сказал он так же спокойно.

— Рой, он же просто разбил нос...

— Что у нас на ужин? — перебил он.

— Гамбургеры. Подгорели, — радостно сообщила она, вытирая нос Рэнди краем своей блузки. Рой видел складку жира у нее на животе. Корова. Бьет моего ребенка.

— Убери его.

— Он еще...

— Убери его! — крикнул Рой, и Рэнди, успокоившийся было, опять заплакал.

— Дам ему бутылочку, — сказала Сэнди, вставая.

— И давай мой ужин, — он принялся стягивать куртку. — Господи, что за бардак! Чем ты занималась целый день, сволочь?

— Рой! — вымолвила она в шоке, потом улыбнулась. Приступ гнева, охвативший ее, когда ребенок не хотел лежать смирно во время пеленания, уже прошел.

— Давай ужин и наведи здесь порядок.

— Конечно. Сейчас, — она вынула из холодильника бутылочку с молоком и сунула Рэнди. Он начал с безучастным видом сосать, поглядывая то на отца, то на мать.

— Рой?

— Ммм. Что?

— Уже можно.

— Что?

— Знаешь, что. Хочешь? Ночью.

— Конечно, — сказал он. — Конечно, хочу, — и опять подумал: это не жизнь. Это только кажется жизнью.

7

Нолли Гарденер слушал рок-н-ролл по радио, барабаны пальцами по столу, когда зазвонил телефон. Перкинс отложил кроссворд и снял трубку.

— Выруби это, слышишь?

— Сейчас, Перк. — Нолли выключил звук.

— Алло?

— Констебль Гиллспай?

— Да.

— Это агент Том Хэнрахан. Получил запрошенные вами данные.

— Что-то быстро.

— Там не так уж много.

— Ну ладно. Что там у вас?

— Бен Мейрс упоминается по поводу дорожного происшествия в штате Нью-Йорк, в мае 73-го. Мотоцикл врезался в грузовик. Погибла его жена Миранда. Свидетели показали, что он не превышал скорости, и анализ на алкоголь тоже ничего не дал. Видимо, мотоцикл занесло на повороте. По убеждениям — левый. Участвовал в марше мира в Принстоне в 66-м. В маршах в Вашингтон в 68-м и 70-м. Арестован во время марша в Сан-Франциско в ноябре 71-го. Это все.

— А другие?

— Курт Барлоу, через «кей». Англичанин, но скорее по подданству, чем по происхождению. Бежал в Англию из Германии в 38-м году, вероятно, от гестапо. Сведений о дате рождения нет, но на вид ему лет семьдесят. Первоначальная фамилия — Бройхен. С 1945-го занимался бизнесом в Лондоне, но не очень успешно. Стрэйкер работает с ним с тех пор. Англичанин. Пятьдесят восемь лет. Его отец был мебельщиком в Манчестере и оставил сыну приличный капитал, и у самого Стрэйкера дела шли неплохо. Они оба обратились за визами на въезд в Соединенные Штаты восемнадцать месяцев назад. Вот и все, что мы знаем. Кроме того, они, может быть, находятся в гомосексуальной связи.

— Ого, — сказал Перкинс. — Ну, я так и думал.

— Если вам нужны более подробные сведения, мы можем запросить Скотланд-Ярд.

— Да нет, достаточно.

— Не обнаружено никакой связи между этими двумя и Мейрсом.

— Хорошо. Спасибо.

— Если понадобится помощь, звоните.
— Конечно. Еще раз благодарю.
Он положил трубку и долго смотрел на нее.
— Что там, Перк? — спросил Нолли, опять включая радио.
— Это из кафе «Экселент». Говорят, что у них нечего есть. Только тосты с сыром.
— У меня есть малиновое варенье. Хочешь?
— Нет, спасибо, — сказал Перкинс и вернулся к своим мыслям.

8

Свалка еще дымилась.
Дад Роджерс расхаживал по краям, вдыхая запах горелого мусора. Под ногами его трескалось обгорелое стекло и пластик, распадаясь в черную пыль. Перед ним расстилалось обширное пепелище, где еще тлели огоньки, напоминая красные глаза гиганта, открывающиеся и закрывающиеся. То там, то тут лопался баллон аэрозоли или перегоревшая лампочка. Когда он зажег мусор утром, оттуда выбежало очень много крыс, куда больше, чем раньше. Он застрелил три дюжины, и пистолет был горячим, когда он брал его за рукоятку. Крупные твари, некоторые по два фута от носа до кончика хвоста. Любопытно, как их число прибывает или убывает. Зависит ли это от погоды? Во всяком случае, пора уже разбросать отраву. Он не делал этого с 64-го года.

Вон еще одна карабкается на железный барьер, преграждающий путь огню.

Дад щелкнул предохранителем и нажал на курок. Пуля лишь опалила крысе шерсть, но вместо того, чтобы бежать, она уселась на корточки и уставилась на него красными глазками. Что она, слепая?

— Прощайте, мистер Крыс! — и Дад выстрелил снова. Попал. Крыса потащила прочь.

Дад подошел и придавил ее тяжелым ботинком. Крыса слабо вздрогнула и испустила дух.

— Сволочь, — прошептал Дад, раздавив ей голову.

Он посмотрел на результат и снова подумал о Рутти Крокетт, которая не носит лифчика. Когда она надевает свитер из тонкой шерсти, то под ним можно видеть ее розовые соски, они приподнимают ткань, и если взять за груди и потянуть совсем чуть-чуть, совсем немножко, эта маленькая сучка просто с ума сойдет...

Он взял крысу за хвост и поднял. «Что, если бы ты нашла эту крысу в своем пенале, Рутти?» — подумал он. Эта мысль его развеселила, и он хихикнул, мотнув своей вздернутой головой.

Он швырнул крысу далеко в грудку мусора. В это время он вдруг заметил человека — высокий, очень тонкий силуэт в пятидесяти шагах.

Дад сунул руки в карманы зеленых штанов, потом опять вынул.

— Мистер, свалка закрыта.

Человек повернулся к нему. Лицо его, освещенное отблесками догорающего огня, было спокойным и задумчивым. Волосы седые, прорезанные несколькими черными прядями, зачесанные от высокого лба назад, как у какого-нибудь гомика-пианиста. В глазах плясали красные искры.

— Да? — вежливо переспросил человек, и в речи его, хоть и безупречной, сквозил странный акцент. Лягушатник или немец. — Я хочу просто посмотреть на огонь. Это очень красиво.

— Ага, — сказал Дад. — Вы здешний?

— Я недавно поселился в вашем чудесном городе. Много крыс вы сегодня убили?

— Да нет, не очень. Их ведь тут миллион. Скажите, а это не вы купили дом Марстенов?

— Хищники, — произнес человек, заложив руки за спину. Дад с удивлением увидел, что на нем черный костюм, с жилеткой и со всем прочим. — Я люблю ночных хищников. Крыс... сов... волков. Здесь водятся волки?

— Н-нет, — ответил Дад. — Два года назад в Дарэме подстрелили койота. Вот иногда стаи диких собак...

— Собаки, — человек презрительно махнул рукой. — Тупые твари, которые вечно лают от любого шороха. Подлизы и рабы! Давить их нужно. Давить!

— Но я никогда о них так не думал, — сказал Дад, осторожно пятясь назад. — Всегда приятно поговорить с новым человеком, но вы знаете, свалка по воскресеньям закрывается в шесть, а сейчас уже девять...

— Конечно.

Но странный гость вовсе не собирался уходить. Дад подумал, что ему стоит заглянуть в город. Стрэйкера видели уже многие, а второго он видит первым — ну, кроме, может быть, Ларри Крокетта. Придет к этому вонючке Джорджу Миддлеру и скажет так небрежно: я тут беседовал вечером с этим новым типом. С каким? Да из тех, что купили дом Марстенов. Ничего парень. Только говорит, как лягушатник.

— А в этом доме еще водятся духи? — спросил он, видя, что человек не трогается с места.

— Духи! — он улыбнулся, и в его улыбке было что-то не очень приятное. Так могла улыбаться барракуда. — Да что вы, никаких духов, — на последнем слове он сделал легкое ударение, словно там могло таиться кое-что похуже.

— Ладно... уже поздно... вам пора, мистер...

— Но мне так нравится беседовать с вами, — возразил гость, и впервые повернулся к Дадду лицом и посмотрел ему в глаза. В глазах его все еще отражались красные огоньки, хотя он отвернулся от огня... или Дадду показалось? Он не мог отвести взгляда от этих глаз. — Или вы не хотите со мной говорить?

— Нет... что вы, — сказал Дад каким-то чужим голосом.

Глаза, казалось, росли и углублялись, пока не превратились в черные впадины, окруженные огненными кругами.

— Благодарю вас. Скажите... а ваш горб не тяготит вас?

— Нет, — ответил Дад, тупо подумав: он гипнотизирует меня. Как тот тип в цирке... как его звали? Ага, мистер Мефисто. Он погружал человека в сон и заставлял делать всякие глупости — ковылять, как курица, или лаять по-собачьи или рассказывать о своих детских проделках. Он загипнотизировал тогда Рэджи Сойера. Очень смешно вышло.

— Неужели вы не чувствуете неловкости?

— Нет... все нормально, — он, как зачарованный, смотрел в эти огромные глаза.

— Давай, давай, — вкрадчивый голос гостя. — Мы же друзья, так? Скажи мне все.

— Ладно... девчонки... понимаете?

— Да, конечно, — сказал с участием гость. — Они смеются над вами. Не желают вас знать.

— Вот — вот, — прохрипел Дад. — Смеются. Она... смеется.

— Кто это «она»?

— Рути Крокетт. Она... — мысль пропала. Все пропало, кроме тишины. Полной, холодной тишины.

— Она шутит над тобой? Тычет пальцем? Хихикает?

— Да...

— Но ты ее хочешь, — настаивал голос. — Так ведь?

— Да...

— Ты ее получишь. Я знаю.

В этом голосе было что-то успокаивающее. Где-то вдалеке Дад слышал серебряные колокольчики. Тихие, сладкие голоса... белые лица... и лицо Рути Крокетт среди них. Он уже видел ее, обхватившую руками груди так, что они просвечивали сквозь шерстяной свитер, словно белые полушария, шепчущую: «Поцелуй их, Дад... возьми их... раздави...»

Он как будто тонул. Тонул в бездонных глазах ночного гостя.

И когда тот подошел ближе, Дад понял все и не испугался, и когда пришла боль, она показалась ему сладкой, как серебряный звон, как чистая и глубокая вода.

9

Рука его дрожала, и не сумев схватить бутылку, уронила ее на ковер, и она лежала там, проливая драгоценную жидкость на зеленый ворс.

— Дерьмо! — выругался отец Дональд Каллагэн и нагнулся за бутылкой, пока из нее не вылилось все. На

самом деле пролилось не так уж много. Он опять поставил бутылку на стол, подальше от края, и поплелся на кухню за тряпкой. Нельзя допустить, чтобы мисс Кэрлесс нашла у него на ковре пятно виски. Было невыносимо видеть ее жалостливое лицо по утрам, когда он мучился от...

«Да-да, от похмелья».

От похмелья, уж скажи правду хотя бы себе.

Он нашел какое-то чистящее средство под названием «О-ап» (похоже на возглас старого пьяницы, опрокидывающего очередную рюмку) и вернулся с ним в комнату. Он почти не шатался. Почти.

Каллагэну уже исполнилось пятьдесят три. Седые волосы, голубые ирландские глаза (теперь чуточку покрасневшие), тонкий рот, все еще твердый подбородок. Иногда по утрам, глядя в зеркало, он думал, что в шестьдесят ему можно будет оставить сан и отправиться в Голливуд играть там Спенсера Трэси.

— Отец Фланагэн, где вы, когда вы нам нужны? — пробормотал он, глядя на пятно. Он прочел инструкцию на бутылке и щедро полил ковер средством О-ап. Это место немедленно побелело и начало шипеть. Каллагэн поглядел на это с некоторой тревогой и опять заглянул в инструкцию.

— Пятно жидкости, — прочитал он вслух звучным голосом, так восхищающим его прихожан после тягучих, вызывающих зубную боль, речей отца Хьюма, — полностью рассасывается за 7-10 минут.

Он посмотрел в окно, выходящее на Элм-стрит и фасад церкви святого Андрея.

Да-да, вот и я. В воскресный вечер снова пьяный.

«Помилуй меня, Боже, ибо я грешен».

Если ходить медленно и попытаться работать (долгими, одинокими вечерами отец Каллагэн работал над записками, над книгой о католичестве в Новой Англии, но ему все чаще казалось, что он никогда ее не напишет. Практически эта книга и его пьянство начались в одно время — «Бытие, 1, 1»: «Вначале было виски, и отец Каллагэн сказал «Да будут записки»», то опьянение не так уж и заметно. Можно даже заставить руки не дрожать.

«Хоть бы ты подождал денек после исповеди».

На часах 23.30. В окне он видел полную темноту, освещаемую только фонарем возле церкви. Сейчас там, наверно, танцует Фред Астор в высокой шляпе и белых туфлях.

Он прислонился лбом к холодному стеклу, чувствуя приятную прохладу.

«Я пьян, и я паршивый священник».

С закрытыми глазами он представлял темноту исповедальни, слышал тайны многих сердец, которые открывались ему, чувствовал запах потертого бархата и пота и... вкус виски.

«Помилуй меня, Боже...»

(Я сломал машину моего брата, я побил жену, я подглядывал в окошко миссис Соьер, когда она была раздета, я лгал, я обманывал, я имел грешные мысли, все это я, я, я.)

«...ибо я грешен».

Он открыл глаза и не увидел никакого Фреда Астора. Город спал. Кроме...

Он пригляделся. Да, там горел свет.

Он подумал о девчужке Боуи — или нет, Макдугалл, — взволнованным голосом говорящей, что она бьет своего ребенка, и, когда он спросил, как часто, она принялась лихорадочно подсчитывать в уме: дюжина, две, три? Он крестил ее ребенка. Рэндалл Фратус Макдугалл. Маленькое пищашее существо. Ему хотелось протянуть руки за занавеску и так сдавить ей шею, чтобы она завопила. Твое наказание — шесть земных поклонов и хороший пинок в задницу. Иди и не грехи больше.

— Тьфу, — сказал он.

Но не это тревожило его, когда он думал об исповеди. Машина церкви медленно крутилась, претворяя все мелкие грешки и грешочки в одну бесконечную, возносящуюся к небесам симфонию зла — зла, которое церковь, наконец, стала связывать с социальными условиями. Но в исповедальне незримо, словно запах бархата, присутствовало и другое зло — бездумное, бессмысленное, которое

он не мог простить. Удар по лицу ребенка; шина, проколота перочинным ножиком; бритвенное лезвие, воткнутое в яблоко. От этого зла не защитит тюрьма. Полиция. Контроль рождаемости. Стерилизация. Аборты. Джентльмены, если мы вырежем из утробы этот бесформенный кровавый сгусток, он никогда уже не убьет молотком старуху. Леди, если мы привяжем этого типа к специальному столу и поджарим его, как поросенка в печке, он никогда уже не сможет убивать детей. Сограждане, если этот закон о евгенике будет принят, я обещаю, что никогда больше...

«Дерьмо».

Правда все яснее и яснее открывалась ему. Он не знал причины. Другие священники ее знали: расовая дискриминация, женское равноправие, бедность, преступность. Они протестовали против войны во Вьетнаме. Теперь, когда война окончилась, они вспоминают марши мира и митинги с ностальгией, как старые супруги — свой медовый месяц. Но Каллагэн не принадлежал к их числу. Он хотел только провести точную границу — между чем и чем? Да, Бог, добро, правда, все понятно, и — зло. Но где это зло? Он хотел видеть его ясно, как боксер — своего противника, а не так, как политики, способные увидеть скрытое добро в любом зле, словно это неразделимые сиамские близнецы. Он хотел быть истинным священником, как святой Стефан, первый христианский мученик, забитый камнями и в момент смерти увидевший Христа. Да, сражаться и умереть во имя Божье.

Но сражаться было не с кем. Зло оказывалось многоликим, и все лики были нечеткими и слишком обыденными. Поневоле приходилось думать, что в мире вовсе нет Зла, а только зло или даже «зло». В такие моменты ему казалось, что Гитлер — не более чем заурядный бюрократ, да и сам Сатана — дегенерат с отсутствием чувства юмора, что и заставляет его радоваться своим тупым шуткам.

От великих битв со злом, происходивших в прошлом, осталась только Сэнди Макдугалл, рассказывающая про разбитый нос своего сына, и он подрастет и будет бить

своего сына, и так без конца. Матерь Божия, помоги мне выиграть машину в лотерею.

Это было не просто глупо. Это ужасало своей полной бессмысленностью, как на земле, так и на небесах. Что там — небесные карусели, рулетка и бесплатный Делл ежедневно?

Он поглядел на часы. Шесть минут первого, и никакого Фреда Астора. Но О-ап подействовал. Пятно исчезло, и теперь мисс Кэрлесс не станет смотреть на него с жалостью. Аминь.

Глава седьмая

МЭТТ

1

В конце третьего урока в понедельник Мэтт вышел во двор, где его уже ждал Бен Мейрс.

— Добрый день, — сказал Мэтт. — Рано вы пришли.

Бен пожал ему руку.

— Семейная привычка. Скажите, так ваши дети правда меня не съедят?

— Да нет. Пойдем.

Мэтт был слегка удивлен. Бен надел спортивную куртку и слишком широкие брюки. Те, кого он приводил в класс раньше, одевались более экстравагантно. Год назад он пригласил известную поэтессу, читавшую лекции в Портленде, прийти и поговорить с детьми о поэзии. Она явилась в шортах и туфлях на каблуке. В этом крылся подсознательный призыв: посмотрите на меня. Вот я какая. Будьте любезны играть по моим правилам.

Но он после тридцати с лишним лет преподавания думал, что никто не может изменить правил игры. Это иллюзия людей недалеких и самодовольных.

— Ничего у вас школа, — сказал Бен, оглядываясь. — Я учился не в такой. Там окна были, как бойницы.

— А в колледже вы учились, Бен?

— Пытался. Но там меня вышибли. Чтобы стать известным, надо ведь пострадать, так? Когда я писал «Дочь Конвея», я развозил кока-колу.

— Расскажите это детям. Им будет интересно.

— Вы любите свою работу? — спросил Бен.

— Конечно.

Прозвонил звонок, отдаваясь эхом в пустом коридоре, по которому медленно плелся одинокий ученик.

— Как у вас с наркотиками?

— Как в любой американской школе. Но больше пьют.

— А марихуана?

— Я пытался поставить этот вопрос, но администрация воспротивилась. Зачем им лишние проблемы? Я кое-что делал сам, но в результате только заработал несварение желудка.

— Как это?

— Тсс, — сказал Мэтт. — Большой Брат подслушивает. А вот и мой класс.

— О Господи.

— Не волнуйтесь, — Мэтт пропустил его вперед. — Добрый день, ребята. Это мистер Бен Мейрс.

2

Сначала Бен подумал, что ошибся адресом.

Когда Мэтт Берк пригласил его на ужин, он сказал, что живет в маленьком домике красного кирпича, но не предупредил насчет вырывающегося из этого домика громкого рок-н-ролла.

Бен позвонил, не дождался ответа и позвонил опять. Музыка стихла, и голос Мэтта прокричал:

— Входите! Не заперто.

Он вошел, с любопытством осматриваясь. Передняя дверь открывалась прямо в комнату, стандартно обставленную и оснащенную древним телевизором и приемником, из которого и исходили, видимо, предыдущие звуки музыки.

Мэтт в полосатом переднике появился из кухонной двери. Вокруг него витал аромат соуса для спагетти.

— Извините за шум, — сказал он. — Я немного увлекся.

— Хорошая музыка.

— Я стал рок-фанатом еще во времена Бадди Холли. Очень люблю до сих пор. Хотите есть?

— Ага, — сказал Бен. — Спасибо, что спросили. Я здесь съел больше, чем за последние пять лет.

— Наш город к этому располагает. Ничего, если я покормлю Вас на кухне? Пару месяцев назад я продал обеденный стол за двести долларов. Он у меня был старинный и приглянулся скупщику антиквариата. Нового еще не купил.

— Да ничего. Я потомственный едок на кухне.

Кухня оказалась маленькой и чистой. На четырехконфорочной плите дымилась кастрюля спагетти. На небольшом столике стояли две тарелки и бокалы с персонажами мультфильмов. Веселые картинки, подумал Бен, все больше чувствуя себя здесь своим.

— У меня есть «Бурбон», ржаное и водка, — сказал Мэтт. — Ничего изысканного.

— «Бурбон» с содовой будет в самый раз.

— Чудесно. Сейчас сделаем.

Смешивая свой напиток, Бен сказал:

— Ваши дети мне понравились. Хорошие вопросы задавали.

— «Как сформировались ваши идеи?» — передразнил Мэтт щебет Рути Крокетт.

— Она немного волновалась.

— Еще бы. Слушайте, там в холодильнике стоит бутылочка «Лансера». Специально купил.

— Но Мэтт.

— Ничего-ничего. Не каждый день у нас бывает настоящий писатель.

Бен прикончил содержимое стакана, взял у Мэтта тарелку спагетти и нырнул в нее вилкой.

— Фантастика, — произнес он с полным ртом. — Мама миа!

— Ну так, — гордо сказал Мэтт.

Бен удивленно поглядел на свою мгновенно опустевшую тарелку и смущенно улыбнулся.

— Еще?

— Полтарелки, не больше. Чудесные спагетти.

Мэтт положил полную.

— Не доедите вы — доест мой кот. Бедное животное.

Весит двадцать фунтов.

— Господи, как же я его не заметил?

Мэтт улыбнулся.

— Он сейчас в отлучке. О чем вы сейчас пишете?

— Да так, вещичка на публику. Если честно, я пишу ее ради денег. Искусство прекрасно, но надо что-то и кушать.

— И как перспективы?

— Туманные.

— Пошли в комнату? — предложил Мэтт. — Кресла, конечно, жесткие, но все же удобнее этого кошмара. Вы наелись?

— Еще чуть-чуть, и лопну.

В комнате Мэтт принялся сосредоточенно набивать громадную трубку. Справившись с этой работой и выпустив клуб дыма, он взглянул на Бена.

— Нет, — сказал он. — Отсюда его не видно.

— Кого?

— Дома Марстенов. Могу поспорить, что вы ищите его взглядом.

Бен принужденно рассмеялся.

— Да нет.

— Вы в новой книге описываете город наподобие Салемс-Лот?

— Город и людей. Там будет несколько убийств. Я возьму одно из них и покажу его с начала до конца, поминутно. Ткну читателя в это носом. Я решил это сделать, когда пропал Ральфи Глик.

— Вы слышали об исчезновениях детей в 30-х?

Бен внимательно посмотрел на него.

— А вы знаете об этом?

— Конечно. Многие старики еще помнят. Я тогда не жил в Лоте, но Мэйбл Вертс, Глинис Мэйберри и Милт Кроссен видели это. Некоторые из них уже заметили связь.

— Какую связь?

— Вы знаете, о чем я. Это ведь ясно.

— Знаю. Когда в этом доме жили, пропало четверо детей. Теперь в нем опять живут — и исчез Ральфи Глик.

— Вы думаете, это совпадение?

— Хотелось бы верить, — осторожно сказал Бен. Он помнил о предостережении Сьюзен. — Но я просматривал подшивки «Леджера» с 39-го по 70-й. За этот период исчезло трое детей. Одного позже обнаружили в Бостоне — он выглядел старше своих лет и устроился на работу. Другого через месяц выловили из Андроскоггина. Еще одного откопали возле дороги 116. Все объяснимо.

— Может, и исчезновение Глика можно объяснить?

— Может быть.

— Но вы так не думаете. Что вы знаете про этого Стрэйкера?

— Ничего. И я не уверен, что хочу про него что-то узнать. Если он окажется самым обычным бизнесменом, это может отбить у меня все вдохновение.

— Не думаю, что это так. Он открыл сегодня свой магазин. Там были Сьюзи Нортон с матерью... да и большинство наших дам сбежались из любопытства. Даже Мэйбл Вертс пришла. Любопытный это субъект. Одет, как фронт, совершенно лысый, очень любезен.

Говорят, уже продал кое-что.

— Чудесно, — усмехнулся Бен. — А что слышно про другого?

— Он в деловой поездке. Но вообще этот дом заставляет меня нервничать. Вы правильно сказали, что он как божок, следит за нами с холма.

Бен кивнул.

— И вот исчез еще один мальчик. Брат Ральфи, Дэнни Глик. Умер от анемии.

— А что здесь странного? Ужасно, конечно...

— Я дружу с местным врачом, молодым Джимми Коди. Хороший парень, хотя несколько легкомысленный. Как-нибудь познакомлю.

— Спасибо.

— Я говорил с ним на днях и упомянул про Дэнни. И Джимми сказал, что говорил с доктором Горби, который его лечил. У ребенка его возраста содержание красных кровяных клеток 85-98 процентов. У Дэнни обнаружили всего сорок пять.

— Господи!

— Они давали ему B12, и все шло нормально. Его уже собирались выписывать. Тут вдруг раз — и смерть.

— Только не говорите про это Мэйбл Вертс, — сказал Бен. — Она тут же разнесет слух, что в больнице действует банда отравителей.

— Я не говорил об этом никому, кроме вас. И не собираюсь говорить. И еще, Бен: не советую вам открывничать о содержании вашей будущей книги. Если кто-нибудь, та же Лоретта Стэрчер, спросит, о чем она, скажите, что об архитектуре.

— Мне уже дали такой совет.

— Сьюзен Нортон?

Бен встал:

— Кстати о Сьюзен...

— Дела рыцарские, — сказал Мэтт. — Мне тоже пора в школу. Репетируем третий акт «Проблемы Чарли», комедии большой социальной значимости.

— И какие же у него проблемы?

— Прыщи, — Мэтт ухмыльнулся.

Они вышли вместе. Бен подумал, что в этот момент Мэтт больше напоминает пожилого автоинструктора, чем почтенного учителя английского — если бы не его интеллигентное лицо.

— Послушайте, — спросил Мэтт, когда они подошли к стоянке, — что вы делаете в пятницу вечером?

— Еще не знаю. Может, пойдем в кино со Сьюзен.

— У меня другое предложение, — сказал Мэтт. — Может, соберемся вдвоем и сходим на разведку в дом Марстенов, взглянуть на новых владельцев? От лица города, естественно.

— Можно, — сказал Бен. — Простая вежливость. Я скажу Сьюзен. Думаю, она согласится.

— Вот и хорошо.

Мэтт помахал рукой, когда Бен ехал прочь на своем «Ситроене». Он стоял, пока шум машины не затих вдаль, засунув руки в карманы и глядя на дом на холме.

Репетиция длилась недолго, и около девяти Мэтт заглянул к Деллу выпить пива. Если уж этот Джимми Коди не может вылечить его от бессонницы, он вылечит себя сам.

У Делла было не очень много народа по будням, когда не играла музыка. Мэтт разглядел только троих знакомых: Хорька Крейга, нянчившего в уголке бутылку пива, Флойда Тиббитса с насупленными бровями (он уже три раза на этой неделе говорил со Сьюзен, дважды по телефону и один раз лично, у них дома, и эти разговоры ему очень не понравились) и Майка Райерсона, сидящего у стены с сонным видом.

Мэтт подошел к стойке, где Делл Марки вытирал стаканы и смотрел телевизор.

— Привет, Мэтт. Как дела?

— Нормально. Мало сегодня народу.

— Что поделать, — пожал плечами Делл. — Бутылку или кружку?

— Лучше бутылку.

Делл достал пиво, открыл и дал Мэтту. Мэтт уплатил и после некоторых колебаний направился к столику Майка.

Тот когда-то тоже учился у него, как почти все, кто вырос в Лоте, и нравился Мэтту. Он учился неплохо при довольно среднем интеллекте, потому что старался и всегда выпрашивал то, что не мог понять. Вдобавок у него было хорошее чувство юмора и оригинальность, делавшие его любимцем всего класса.

— Привет, Майк, — сказал он. — Можно, я присяду?

Майк поднял глаза, и Мэтт испугался, встретив его глаза. Первой мыслью было «наркотики».

— Конечно, мистер Берк. Садитесь, — голос его был слабым. В лице — ни кровинки, под глазами синие тени. Сами глаза казались расширенными и почти безумными. Руки медленно блуждали по поверхности стола. Рядом стоял нетронутый стакан с пивом.

— Что с вами, Майк? — спросил Мэтт, ставя свой стакан рядом. Его руки тоже начинали дрожать.

В его жизни было много горестей, и одна из самых горьких — печальный конец многих его учеников. Билл Ройко разбился во Вьетнаме на вертолете. Салли Гриэр, одна из самых красивых и смысленных девочек в его классе, была убита своим дружком, когда сказала, что хочет с ним расстаться. Гари Колмэн ослеп от какой-то непонятной нервной болезни. Дуг, брат Бадди Мэйберри, единственный приличный человек в этом семействе, утонул в Садовом ручье. И наркотики, медленная смерть.

— Что? — медленно переспросил Майк. — Не знаю, мистер Берк. Ничего хорошего.

— А что случилось? — осторожно осведомился Мэтт.

Майк нерешительно посмотрел на него.

— Кололся? Или это травка?

— Нет, не кололся. Похоже, я заболел.

— Правда?

— Я никогда не кололся, — сказал Майк, словно выдавливая из себя слова невероятным усилием. — Травку покуривал, но это было давно. Я заболел... еще с понедельника. Я заснул на Хармони-Хилл ночью в воскресенье. Проснулся только утром, — он медленно покачал головой. — С тех пор я просто места себе не нахожу. С каждым днем все хуже, — он вздохнул, и этот вздох, казалось, заставил его задрожать, как сухой лист.

Мэтт подался вперед.

— Так это случилось после похорон Дэнни Глика?

— Ну да. Я вернулся, когда все разошлись, но этот хренов...

— Простите, мистер Берк, — этот Ройял Сноу не пришел. Я ждал его до темноты, а потом начал закапывать и заболел, потому что... ох, голова болит, не могу думать.

— Ты помнишь что-нибудь?

— Помню? — Майк уставился в глубину стакана, наблюдая, как пузырьки поднимаются на поверхность и исчезают в воздухе.

— Помню пение, — сказал он. — Самое чудесное, какое я когда-нибудь слышал. И я чувствовал, что... что я тону. Но это было приятно. Только глаза...

Он вздрогнул.

— Какие глаза?

— Красные. Очень страшные.

— Чьи?

— Не помню. Не было никаких глаз. Мне все приснилось. — Он тряхнул головой. — Не помню ничего. Проснулся утром на земле и даже не мог сперва подняться — так я устал. Но в конце концов смог. Солнце стояло уже высоко, и я боялся получить солнечный удар. Поэтому я ушел в лес и там уснул. Проспал до... не знаю, до четырех или до пяти. Когда я проснулся, я был весь в листьях. Потом встал и пошел к грузовику, — он медленно провел рукой по лицу. — Оказалось, что я все-таки закончил работу. А я и не помнил. Странно.

— Закончил?

— Могила оказалась закопанной. Ройял или еще кто, не знаю, закопали все. Доверху.

— А где ты был ночью в понедельник?

— Дома. Где же еще?

— А утром во вторник как ты себя чувствовал?

— А я не вставал целый день. Спал до самого вечера.

— А сейчас как?

— Ужасно. Ноги как резина. Хотел попить воды и чуть не сблевал. Чувствую себя слабым, как котенок. Есть не могу. Как только что-нибудь глотаю — боль в желудке. Как после сильного похмелья.

— Так ты что, ничего не ел?

— Я пробовал, но меня стошнило. После этого, правда, полегчало. Я вышел и немного прошелся, а потом опять пошел спать, — его пальцы продолжали рассеянно блуждать по столу. — Перед сном мне вдруг стало страшно, как маленькому. Я даже встал и проверил, закрыты ли окна. И заснул с включенным светом.

— А что было утром?

— Ничего... проспал до девяти вечера, — он криво усмехнулся. — Я еще подумал, что скоро буду спать целыми сутками, и все решат, что я уже умер.

Мэтт с угрюмым видом слушал. Флloyd Тиббитс встал и опустил монетку в музыкальный автомат.

— Странно, — продолжал Майк. — Окно над моей постелью оказалось открыто, когда я встал. Я же сам его закрывал. Мне снилось... что кто-то постучал в окно, и я встал... чтобы его впустить. Как будто это старый друг, который замерз... или голоден.

— Кто это был?

— Это же сон, мистер Берк.

— Но во сне кто это был?

— Не знаю. Я хотел пойти поесть, но одной мысли меня чуть не стошнило.

— И что ты делал?

— Смотрел телевизор. Мне было лучше. Потом пошел спать.

— А ты запер окна?

— Нет.

— И опять проспал весь день?

— Проснулся на закате.

— Опять ослабленный?

— Похоже на то, — он снова провел по лицу рукой. — Мне так плохо! — выкрикнул он дрожащим голосом. — Может, это грипп, мистер Берк? Может, это не так опасно?

— Не знаю.

— Я думал, пиво мне поможет, но я не могу пить. Я сделал глоток и поперхнулся. Вся эта неделя... как страшный сон. И я боюсь. Я ужасно боюсь, — он закрыл лицо руками, и Мэтт увидел, что он плачет.

— Майк?

Тот не реагировал.

— Майк, — он осторожно отнял руки Майка от лица. — Пошли ко мне. Переночуешь в комнате для гостей. Хочешь?

— Хорошо, — Майк медленно утер глаза рукавом.

— А завтра я отведу тебя к доктору Коди.

— Хорошо.

— Пошли.

Он хотел позвонить Бену Мейрсу и не стал.

Когда Мэтт постучал, Майк Райерсон произнес:

— Войдите.

Мэтт принес ему пижаму.

— Должно быть, великовата...

— Не беспокойтесь, мистер Берк. Посплю в трусах.

Он уже разделся, и Мэтт увидел, что кожа его ужасно побледнела. Под кожей проступали ребра.

— Подними голову, Майк. Вот так.

Майк послушно поднял голову.

— Откуда у тебя эти ранки?

Майк потрогал рукой шею.

— Не знаю.

Мэтт постоял, потом подошел к окну и запер его. Снаружи нависла темнота.

— Позови меня, если что-нибудь понадобится. Все, что угодно. Даже если увидишь страшный сон. Ты понял меня, Майк?

— Да.

— Хорошо. Я буду прямо по коридору.

— Ладно.

Мэтт вышел, раздумывая, все ли он сделал правильно.

5

Он не мог уснуть и не позвонил Бену только потому, что знал — у Евы все уже спят. В пансионе живут в основном старики, и если телефон звонит среди ночи — значит, кто-то умер.

Он лежал в постели, глядя, как светящиеся стрелки его часов движутся от одиннадцати к двенадцати. В доме стояла неестественная тишина — быть может, из-за того, что он чутко вслушивался в каждый звук. Дом был старым и выстроенным крепко, в нем ничего не трещало. Слышны были только тиканье часов и слабый свист ветра снаружи. По Таггарт-стрим-роуд не проезжала ни одна машина.

«То, о чем ты думаешь, это безумие».

Но шаг за шагом он приближался к этой мысли. Конечно, как человек образованный, он сразу подумал об этом, когда услышал от Джимми Коди о случае с Дэнни Гликом. Они тогда вместе посмеялись над этим.

«Царапины? Нет, это не царапины. Это укусы».

Все говорило ему, что такого не бывает; это просто плоды буйной фантазии, как «Кристалл» Кольриджа или истории Брэма Стокера. Конечно, монстры существуют; это те, кто держит палец на атомной кнопке, убийцы, насильники. Но не это. Все объяснимо. Метка дьявола на женской груди — просто родинка; вернувшийся домой из могилы в саване очнулся от летаргии; домовой в шкафу, которого боятся дети — стопка одеял. Кое-кто уверен и в том, что уже умер Бог, величайший из монстров.

«Он весь побелел».

Тишина. Мэтт подумал: «Он спит, как камень». А почему бы ему не спать... без страшных снов? Он встал, включил лампу и поглядел в окно. Там виднелась крыша дома Марстенов, облитая лунным светом.

«Мне страшно».

Хуже того: он смертельно испугался. Он перебирал в уме все древние средства: чеснок, святая вода, распятие. У него ничего не было. По вероисповеданию он относился к методистам, но всегда думал, что Джон Гроггинс просто старый мудак.

Единственный священный предмет в доме...

В молчащем доме ясно раздались слова, сказанные сонным голосом Майка Райерсона.

— Да. Входи.

Дыхание Мэтта замерло, потом вырвалось наружу беззвучным криком. Кого, ради всего святого, впускают в его дом?

Тихий скрип отворяемого окна.

Он мог спуститься. Беги и скорее возьми Библию из гардероба в столовой. Открой дверь в комнату для гостей, подними Библию и скажи: «Во имя Отца, и Сына, И Святого Духа, изыди...»

Но кто там был?

«Позови меня, если что-нибудь понадобится».

«Но я не могу, Майк. Я стар. Мне страшно».

Ночь овладела его сознанием, окружив его ужасающими образами. Белые лица, огромные глаза, острые клыки тянулись к нему из теней, таящихся по углам.

Он застонал и закрыл лицо руками.

«Не могу. Мне страшно».

Он не мог встать, даже когда повернулась ручка двери в его комнату. Он был парализован страхом и только проклинал себя за то, что этим вечером пошел к Деллу.

«Мне страшно».

И когда он без сил сидел на кровати, спрятав лицо в ладони, в ужасающем молчании дома вдруг раздался высокий, злобный смех. Смех ребенка.

...И потом — сосущие звуки.

Часть Вторая ИМПЕРАТОР КРЕМ-БРЮЛЕ

*«Больших сигар любитель пусть придет
и мускулистыми ручищами собьет
ленивый крем из сладкой белой пены.
Пушай девчонки на себя натянут
все лучшие наряды, а ребята
пусть обернут цветы в газетную бумагу.
Пусть кончится все для нее на земле.
Единственный император — это император
крем-брюле.*

*Достаньте из большого гардероба
ее рубашку, ту, где не хватает
трех пуговиц, расшитую цветами.
Укройте ей и руки, и лицо,
а если на ноги материи не хватит,
теперь уже ей холодно не будет.
Зажгите лампу — страшно в этой мгле!
Единственный император — это император
крем-брюле».*
(Уоллес Стивенс)

*«В колонне этой есть
просвет. Ты видишь в нем
царицу мертвых?»*
(Георгиос Сеферис)

Глава восьмая

БЕН (3)

1

Стучали, должно быть, долго, потому что эхо этого стука блуждало по закоулкам его сна, пока он медленно приходил в себя. Снаружи было темно, и потянувшись за часами, он уронил их на пол. Это окончательно сбило его с толку.

— Кто там? — спросил он.

— Это Ева, мистер Мейрс. — Вас к телефону.

Он встал, натянул штаны и открыл дверь. Там стояла Ева Миллер в ночной рубашке с недовольным лицом только что разбуженного человека. Они посмотрели друг на друга, и он подумал: «Умер кто-то?»

— Издалека?

— Нет, это Мэттью Берк.

От этого знания ему не стало легче.

— Который час?

— Чуть больше четырех. Мистер Берк кажется очень взволнованным.

Бен сошел вниз и взял трубку.

— Мэтт, это Бен.

Мэтт хрипло дышал в телефон.

— Бен, вы можете приехать? Прямо сейчас?

— Да, конечно. А в чем дело? Вы что, заболели?

— Не по телефону. Приезжайте скорее.

— Буду через десять минут.

— Бен?

— Да-да.

— Есть у вас крест? Или медальон святого Христофора? Что-нибудь вроде этого?

— Н-нет. Я баптист... был.

— Ну ладно. Приезжайте.

Бен повесил трубку и быстро поднялся к себе. Ева все еще стояла там, на ее лице читалась тревога и подозрение — сочетание желания узнать, что случилось, с нежеланием и даже страхом.

— Мистер Берк заболел?

— Говорит, что нет. Он просто попросил... Ева, а вы католичка?

— Мой муж был католик.

— Есть у вас крест или медальон Святого Христофора?

— Где-то в спальне был крестик моего мужа... я могу...

— Да посмотрите, пожалуйста.

Она пошла спальню, шаркая шлепанцами по ковру. Бен зашел к себе, влез в рубашку и оделся. Когда он выходил, Ева вынесла ему крестик. Он тускло отсвечивал серебром.

— Спасибо, — сказал Бен и взял его.

— Это мистер Берк вас просил?

— Да.

Она словно окончательно проснулась.

— Он же не католик. И в церковь не ходит.

— Он ничего мне не объяснил.

— О, — она кивнула, пытаясь понять. — Будьте с ним осторожнее. Он очень дорог для меня.

— Конечно, я понимаю.

— Надеюсь, с мистером Берком все будет в порядке.

Он сошел вниз и вышел на крыльцо. Почему-то он не положил крестик на сиденье, а надел его себе на шею. Серебро приятно холодило грудь под рубашкой и, заводя машину, он слегка успокоился.

2

В доме Мэтта горели все окна, и, когда фары машины Бена осветили фасад, хозяин отпер дверь и впустил его.

Он вошел, готовый почти ко всему, но лицо Мэтта его ошеломило. Мэтт был мертвенно-бледен, губы дрожали, глаза расширились до предела.

— Пошли на кухню, — сказал он.

Бен вошел, и свет в холле осветил крест на его груди.

— Вы все-таки нашли.

— Это Евы. Так что случилось?

Мэтт повторил:

— На кухню.

Когда они поднялись на второй этаж и вошли в кухню, Бена ждал еще один сюрприз. Стол, где они ели спагетти, был теперь пуст, кроме трех предметов. На нем находились чашка кофе, старинная Библия и револьвер.

— Да что с вами, Мэтт? У вас ужасный вид.

— И может быть, мне все это приснилось, но слава Богу, что вы здесь, — он взял револьвер и принялся нервно крутить его в руках.

— Рассказывайте. И хватит играть с этой штукой. Он заряжен?

Мэтт послушно положил оружие и запустил руку в волосы.

— Да, заряжен. Хотя не думаю, что это помогло бы..., если только в себя, — он рассмеялся надтреснутым смехом, похожим на звон стекла.

— Прекратите.

Суровость в голосе Бена несколько отрезвила Мэтта. Он тряхнул головой, не как люди, а скорее, как животные, отряхивающиеся от воды.

— Там наверху мертвец, — сообщил он.

— Кто?

— Майк Райерсон. Он работает в городе. Сторож кладбища.

— А вы уверены, что он мертв?

— Уверен, хотя я не подходил к нему. Я не посмел. С другой стороны он, может быть, и не мертв.

— Мэтт, что вы говорите?

— Конечно, я говорю чепуху, и мысли у меня не лучше. Но мне некому было позвонить, кроме вас. Во всем Салемс-Лот только вы можете..., — он снова тряхнул

головой и начал снова. — Мы с вами говорили про Дэнни Глика.

— Ну.

— И как он мог умереть от анемии... Наши деды сказали бы «в расцвете сил».

— Ну.

— Майк хоронил его и Майк нашел пса Вина Пуринтона на воротах кладбища. Я встретил его у Делла вчера вечером, и...

3

— ...и не мог туда пойти, — закончил он. — Не мог. Я просидел на кровати до четырех утра. Потом прокрался вниз, как вор, и позвонил. Что вы обо всем этом думаете?

Бен снял с шеи крестик, и теперь он покачивался у него на указательном пальце. Было уже почти пять, и небо на востоке начало розоветь.

— Я думаю, нужно пойти в эту комнату и посмотреть. Прямо сейчас.

— Теперь, при свете, мне все это кажется страшным сном, — Мэтт опять хрипло засмеялся. — Хорошо бы, если бы это было так. Если Майк сейчас спит, как ребенок.

— Пойдем посмотрим.

Мэтт сглотнул слюну.

— Пошли, — он устремил глаза на стол и затем вопросительно взглянул на Бена.

— Конечно, — сказал Бен и надел ему на шею крест.

— Так я правда буду чувствовать себя лучше. Как вы думаете, мне позволят надеть его, когда повезут в психушку?

— Хотите взять пистолет?

— Да нет. А то еще суну его в карман и ненароком отстрелю себе яйца.

Они поднялись наверх. Там был короткий коридор, с одной стороны которого виднелась дверь в спальню Мэтта, освещенная призрачным электрическим светом.

— С другой стороны, — сказал Мэтт.

Они прошли коридор и остановились перед дверью в комнату для гостей. Бен не вполне поверил в ужасы, рассказанные Мэттом, но то, что он испытал когда-то сам, обдало его теперь волной удушливого страха.

«Откроешь дверь, а он свисает с балки с почерневшим лицом, а потом он откроет глаза и будет смотреть на тебя, как будто рад, что...»

Это жуткое воспоминание на какой-то момент почти парализовало его. Он будто вдыхал запах штукатурки и гниения. Бену казалось, что за легкой деревянной дверью этой комнаты его ждут все тайны ада.

Наконец он повернул ручку и толкнул дверь. Мэтт выглядывал из-за его плеча, крепко сжимая крестик Евы.

Окно комнаты выходило прямо на восток, и верхний край солнца уже показался над горизонтом. Первые лучи осветили комнату и золотыми бликами отразились на простыне, прикрывающей грудь Майка Райерсона.

Бен посмотрел на Мэтта и кивнул.

— Все в порядке, — прошептал он. — Спит.

— Окно открыто, — пробормотал в ответ Мэтт. — Я запер его, когда уходил.

Бен перевел глаза на простыню, которой был укрыт Майк. На ней виднелось маленькое пятнышко засохшей крови.

— Кажется, он не дышит, — сказал Мэтт.

Бен шагнул вперед и остановился.

— Майк! Майк Райерсон! Вставайте!

Никакой реакции. Майк лежал спокойно, лицом вверх, и Бен подумал, что он в этих первых лучах солнца выглядит не просто здоровым, но прекрасным, как греческая статуя. Легкий румянец играл на его щеках, а на коже не было и следа мертвенной бледности, о которой упоминал Мэтт, — она казалась свежей и розовой.

— Конечно, он жив, — заявил он уверенно. — Просто спит. Майк! — он шагнул вперед и легонько потряс Майка. Левая рука, до того лежащая на груди, упала на пол с безжизненным стуком.

Мэтт потрогал упавшую руку, прижал палец к запястью — пульса нет.

Он положил руку обратно на грудь, но она падала. Он кое-как пристроил ее с гримасой отвращения.

Бен не верил своим глазам. Он же просто спит. Здоровый румянец, розовая кожа, губы, приоткрытые для дыхания... его охватило чувство нереальности происходящего. Он потрогал плечо Райерсона. Кожа была холодной.

Послюнив палец, он поднес его к полуоткрытым губам. Дыхания не было.

Они с Мэттом посмотрели друг на друга.

— А следы на шее? — спросил Мэтт.

Бен осторожно приподнял голову Майка. Это потревожило левую руку, и она снова ударилась о пол.

На шее Майка не было никаких следов.

4

Они снова сидели за кухонным столом. 5. 35. Они слышали мычание коров Гриффена, которых выгоняли пастись на склон холма.

— Правильно, следы исчезли, — сказал внезапно Мэтт. — Когда жертва умирает, уколы исчезают.

— Знаю, — сказал Бен. Он помнил «дракулу» Стокера и хаммеровские фильмы с Кристофером Ли.

— Нужно пробить ему сердце ясеневым колом.

— Не советую, — сказал Бен, отхлебнув кофе. — Будет чертовски трудно объяснить это коронеру. Вас привлекут за осквернение трупов.

— Вы что думаете, я спятил?

— Нет, — ответил Бен, почти не раздумывая.

— Вы мне верите насчет этих следов?

— Не знаю. Похоже, что да. С чего бы вам мне врать? У вас нет никаких причин. Вы ввали бы, если бы убили его сами.

— Наверно, — сказал Мэтт, пристально глядя на него.

— Но против этого говорят три вещи. Во-первых, нет мотивов. Простите меня, Мэтт, но для классических причин — ревность или деньги — вы уже слишком стары. Во-вторых, каким образом? Если яд, то почему нет ника-

ких следов? Он выглядит совершенно безмятежным. От
яда так не умирают.

— А третья причина?

— Ни один убийца в здравом уме не станет выдумывать
такую историю, какую вы мне рассказали.

— Ну, насчет здравого ума я не знаю, — Мэтт вздох-
нул.

— Я не думаю, что вы сошли с ума, — сказал Бен,
подчеркивая первое слово. — Говорите вы вполне здраво.

— Но вы же не врач. А сумасшедшие иногда очень
убедительно симулируют здоровье.

— Верно. Так что нам делать?

— Осталось смириться с фактом.

— Вот уж нет. Здесь мертвец, и вскоре это обнаружит-
ся. Констебль будет вас допрашивать, и врачи тоже захотят
узнать, как все случилось. Мэтт, могло ли быть, что Майк
всю неделю проходил с каким-нибудь вирусом и умер у
вас в доме?

Первые за все время Мэтт проявил признаки оживле-
ния.

— Бен, я же рассказывал, что он мне говорил! Я сам
видел следы у него на шее! И я слышал, как он пригласил
кого-то ко мне в дом! Потом, я слышал... о Боже, я слышал
этот смех! — в глазах его снова появился ужас.

— Ну хорошо, — Бен встал и подошел к окну, пытаюсь
собраться с мыслями. Как он и говорил Сьюзен, он не
контролировал ситуацию.

Он смотрел на дом Марстенов.

— Мэтт, вы знаете, что будет, если вы хотя бы заикне-
тесь кому-нибудь об этом?

Мэтт не ответил.

— Люди начнут переглядываться и перешептываться за
вашей спиной. Дети станут дразнить вас вставными клы-
ками, которые они надевают на Хэллуин. Кто-нибудь
сочинит стишок, что-нибудь вроде: «Раз, два, три, четыре,
пять — кровь я буду пить опять». Коллеги начнут коситься
на вас. Вам будут звонить шутники и говорить, что это
Дэнни Глик или Майк Райерсон. Вся ваша жизнь станет
кошмаром. Вас за полгода выживут отсюда.

— Да нет. Они же меня знают.

— Кого они знают? Старого чудака, живущего на Тагтарт-стрим-роуд. Для них подозрительно уже то, что вы не женаты. И чем я могу помочь? Я видел только тело. А если я и захочу подтвердить ваш рассказ, я ведь чужак. Они еще придумают, что мы с вами любовники.

Мэтт смотрел на него со все нарастающим ужасом.

— Позвольте договорить. Мэтт, вы не сможете больше здесь жить.

— Так значит, мне нельзя ничего говорить?

— Нельзя. У вас есть теория о том, кто убил Майка Райерсона. Я могу ее принять или не принять. Я не думаю, что вы спятили, но не могу поверить, что Дэнни Глик восстал из мертвых и целую неделю высасывал кровь из Майка. Но это можно проверить. И вы в этом поможете.

— Как?

— Позвоните вашему доктору. Его фамилия Коди? Потом позвоните Перкинсу Гиллспаю. Нужно дать делу законный ход. Расскажите все, как будто вы ничего не слышали. Вы пришли к Деллу, встретили там Майка, и он пожаловался на недомогание. Вы отвезли его к себе, утром не могли разбудить и позвонили мне.

— И все?

— Все. А Коди даже не говорите, что он умер.

— Не умер...

— Господи, ну откуда мы это знаем? Вы не нашли у него пульса; я не нашел дыхания. Если на этом основании записывать его в покойники, особенно при его цветущем виде...

— Вы это тоже заметили?

— Еще бы. Он выглядит совсем как восковая фигура.

— Вот-вот, — сказал Мэтт. — Вы все говорите верно... как сказал бы любой другой. Может, я и спятил...

Бен приготовился возражать, но Мэтт остановил его.

— Но предположим... чисто гипотетически..., что я прав. Неужели вы не допускаете ни малейшей такой возможности? Возможности, что Майк может... вернуться?

— Эту возможность можно опять же принять или отвергнуть в зависимости от того, что мы выясним. Первое предположение: Майк умер от болезни — вирус или еще что-нибудь. Кто может это установить?

Мэтт пожал плечами.

— Думаю, медицинская экспертиза.

— Конечно. Она же выяснит и причину смерти. Если его отравили или угостили конфеткой с иголкой внутри...

— Вы же исключили убийство.

— Но я не эксперт.

— А если эксперты установят «смерть от неизвестной причины»?

— Тогда, — сказал Бен, — мы и пойдем на его могилу и увидим, восстанет ли он. Если так случится — хотя я очень в этом сомневаюсь, — мы примем меры. Если же нет, то все станет ясно.

— Ясно, что я сошел с ума, — медленно проговорил Мэтт. — Бен, я клянусь именем матери, что видел эти метки, слышал, как открылось окно и...

— Я вам верю, — спокойно сказал Бен.

Мэтт прервался. Лицо его выражало негодование.

— Правда?

— Иными словами, я не верю, что вы сошли с ума или видели галлюцинацию. У меня тоже был опыт... связанный с этим проклятым домом на холме... который заставляет меня верить таким историям. Когда-нибудь я вам расскажу.

— Почему не сейчас.

— Сейчас некогда. Вам пора звонить. И я задам еще один вопрос. Подумайте над ним. У вас есть враги?

— Нет, насколько я знаю.

— Может, какой-нибудь бывший ученик?

Мэтт, хорошо знавший пределы своего влияния на учеников, только усмехнулся.

— Ладно, — сказал Бен. — Поверю и на этот раз. Ох, не нравится мне все это. Сперва эта собака, потом Ральфи Глик, и его брат, и Майк Райерсон. Может, все это и связано. Но... нет, не могу поверить.

— Позвоню Коди, — сказал Мэтт, вставая. — Перкинса, наверное, еще нет.

— И позвоните в школу, что вы заболели.

— Конечно, — Мэтт снова усмехнулся. — Впервые за три года пропускаю занятия. Но повод серьезный.

Он пошел в комнату и набрал номер. Жена Коды сказала, что он уже на работе, и он позвонил в больницу и рассказал доктору всю историю.

Повесив трубку, он крикнул на кухню:

— Джимми будет через час.

— Хорошо, — отозвался Бен. — Тогда я поднимаюсь вверх.

— Не трогайте там ничего.

— Ладно.

Поднимаясь, он слышал, как Мэтт отвечает на вопросы Перкинса Гиллспая. Когда он вошел в холл, слова слились в неразличимое бормотание.

Когда он коснулся двери комнаты для гостей, страх опять вернулся. Он уже видел, как открывает дверь. Комната казалась больше, будто увиденная глазами ребенка. Тело лежало, как они его оставили, левая рука на полу, щека прижата к подушке. Глаза его внезапно открылись, в них светилось слепое, животное торжество. Дверь за спиной захлопнулась. Левая рука поднялась, сжимаясь в клешню; на губах появилась кровожадная усмешка, открывшая неправдоподобно острые и длинные клыки...

Он шагнул вперед и негнуцимися пальцами толкнул дверь. Тело лежало, как они его оставили, левая рука на полу, щека...

— Перкинс едет, — сказал Мэтт откуда-то сзади, и Бен едва не закричал.

5

Бен подумал об удачности фразы: «дать делу ход». Так и видишь, как крутятся колесики и шестеренки хитроумного приспособления.

Первым появился Перкинс Гиллспай в зеленом галстуке. Он еще не вполне проснулся, но сказал, что уже позвонил медицинскому эксперту графства.

— И он сказал, что занят, сукин сын, — Перкинс сунул в рот «Пэлл-Мэлл», — но отправил сюда помощника и еще одного парня. Вы трогали тело?

— Рука упала с кровати, — сказал Бен. — Я пытался положить ее на место, но не смог.

Перкинс оглядел его с ног до головы и ничего не сказал. Бен вспомнил стук костяшек пальцев о деревянный пол и едва сдержал истерический смехок.

Мэтт провел констебля наверх, и он несколько раз прошелся вокруг тела.

— А вы уверены, что он мертв? — осведомился он наконец. — Пробовали его разбудить?

Следом приехал доктор Джеймс Коди. После обмена приветствиями («Рад видеть», — сказал Перкинс, закури-вая новую сигарету), Мэтт повел их всех наверх. Теперь, подумал Бен, по законам жанра мы увидим, что он исчез. Ему опять с трудом удалось подавить смех.

Коди откинул простыню и какое-то время с изумлением смотрел на тело. Со спокойствием, удивившим Бена, Мэтт Берк заявил:

— Это напоминает мне то, что ты говорил про Дэнни Глика, Джимми.

— Я сказал это по секрету, мистер Берк, — ответил Джимми Коди. — Если родители Глика узнают об этом, они могут подать на меня в суд.

— Неужели они выиграют дело?

— Думаю, нет, — сказал Джимми, вздохнув.

— Так что там насчет Глика? — насторожился Перкинс.

— Ничего, — сказал Джимми. — Никакой связи, — он послушал тело стетоскопом, потом приподнял веко и заглянул в неподвижный глаз.

— Боже! — воскликнул Бен, заметив судорожное сокращение.

— Интересный рефлекс, — задумчиво произнес Джимми, отпуская веко. Оно сомкнулось медленно, как будто труп моргал. — Дэвид Прайн и Джон Хопкинс отмечают у некоторых трупов сокращение глазных мышц до девяти часов после смерти.

— Теперь он будет проявлять свою эрудицию, — с досадой сказал Мэтт.

— Вам просто завидно, старый ворчун, — отпарировал Джимми, извлекая из сумки молоточки. Прекрасно, подумал Бен. Он ведет себя так с любым пациентом, даже с трупом. Ему опять захотелось смеяться.

— Он умер? — спросил Перкинс, стряхивая пепел в пустую цветочную вазу. Мэтт насторожился.

— Да, конечно, — ответил Джимми. Он встал, откинул простыню совсем и поднял правую ногу. Она не двигалась. Бен заметил желтые холмики мозолей на пятках Майка Райерсона и вспомнил стихотворение Уоллеса Стивенса о мертвой женщине.

— «Пусть кончится все для нее на земле, — процитировал он вслух. — Единственный император — это император крем-брюле».

Мэтт испуганно взглянул на него.

— Что это? — спросил Перкинс.

— Стихи, — ответил Мэтт. — Это из стихотворения о смерти.

— А звучит, как шутка, — заметил Перкинс, опять стряхивая пепел в вазу.

6

— А нас познакомили? — спросил Джимми, глядя на Бена.

— Только мимоходом, — ответил Мэтт. — Джимми Коди, наш коновал, и Бен Мейрс, наш писака. В таком духе.

— Вот так он всегда, — заметил Джимми. — Привык у себя в школе.

Они пожали друг другу руки над трупом.

— Помогите мне его перевернуть, мистер Мейрс.

С некоторым отвращением Бен подчинился. Тело было прохладным, но еще не остыло до конца. Джимми осмотрел спину, потом оттянул резинку трусов.

— Зачем это вы? — спросил Перкинс.

— Пытаюсь определить время смерти. Кровь замедляет движение, когда прекращается ее нагнетание.

— Вообще-то это работа эксперта.

— Он все равно отправит сюда Брента Норберта, вы же знаете, — сказал Джимми. — А Норберт никогда не откажется от моей помощи.

— Норберт не найдет и собственной задницы, если ему не помочь, — сказал Перкинс, выкидывая окуроч в окно. — Кстати, Мэтт, от вашего окна отвалился ставень. Он внизу, на газоне.

— Правда? — спросил Мэтт, следя за своим тоном.

— Ну.

Коди достал из сумки термометр, сунул его в задний проход Райерсона и засек время. На часах было без четверти семь.

— Я сойду вниз, — сказал Мэтт как-то сдавленно.

— Вообще-то вы все можете идти, — добавил Джимми. — Я еще немного поработаю. Сделаете кофе, мистер Берк?

— Конечно.

Они вышли, и Бен закрыл дверь. Последний взгляд надолго сохранил в его памяти эту сцену: комната, ярко освещенная солнцем, белая простыня и рыжие волосы Коди, наклонившегося над лежащим телом.

Мэтт уже сварил кофе, когда к дому на стареньком «додже» подкатил Брентон Норберт, помощник медицинского эксперта. С ним приехал человек с большой фотокамерой.

— Где? — спросил Норберт.

Гиллспай ткнул пальцем наверх.

— Там Джим Коди.

— Вот радость, — буркнул Норберт. Они с фотографом поднялись по лестнице и скрылись за дверью.

Перкинс Гиллспай налил в свой кофе сливок, пока они не перелились через край, проверил температуру с помощью пальца, вытер его о штаны, зажег очередную сигарету и спросил:

— Так как вы здесь оказались, мистер Мейрс?

Тут Бен с Мэттом и начали свой длинный рассказ, в котором не было прямой лжи, но было множество небольших отклонений от истины, недоговорок и умолча-

ний. Бен подумал о словах Мэтта, что он позвонил ему из-за того, что он единственный в Салемс-Лот человек, способный выслушать эту историю. Что ж, если даже Мэтт и спятил, в умении разбираться в людях ему не откажешь. И это тоже заставляло Бена волноваться.

7

В полдесятого все было закончено.

Приехал катафалк Карла Формэна и увез тело. Джими Коди вернулся на работу. Норберт со своим фотографом уехали в Портленд к эксперту.

Перкинс Гиллспай постоял на крыльце, глядя, как катафалк медленно удаляется от дома.

— Да, вряд ли Майк, когда разъезжал на этой штуке, думал, как скоро он сам окажется в кузове, — он повернулся к Бену. — Вы не уедете в ближайшем времени из Лота? Нужно будет дать показания.

— Не уеду.

Констебль смерил его взглядом бледно-голубых глаз.

— Думаю, вам придется поговорить с полицейскими чинами в Огасте.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Бен.

— Слыхал я, что вы гуляете с дочкой Билла Нортон?

— Признаю свою вину.

— Хорошая девчонка, — сказал Перкинс без улыбки. Катафалк уже скрылся из виду; его гудение слилось с общим городским шумом. — Похоже, она уже не видится с Флойдом Тиббитсом.

— Вам нужно будет что-то писать, Перк? — вежливо осведомился Мэтт.

Констебль тяжело вздохнул, стряхивая пепел.

— А как же! Два экземпляра, три экземпляра, туда-сюда-обратно. Работы в последнюю неделю больше, чем блох на собаке. Может, все из-за этого проклятого дома Марстенов?

Лица Бена и Мэтта были непроницаемы.

— Ладно, всего хорошего, — он подтянул брюки и направился к машине. Открыв дверцу, он опять повернулся к ним. — Вы ничего от меня не скрываете, а?

— Перкинс, — сказал Мэтт, — что тут скрывать? Он умер.

Констебль посмотрел на них некоторое время и вздохнул.

— Надеюсь, — сказал он. — Но все это очень странно.

Пес, потом мальчишка Гликов, потом другой, а теперь вот Майк. Этого хватит на год для такого городишка, как наш. А то и на три года.

Он сел, завел машину и уехал, погудев на прощанье.

— Вот и все, — Мэтт вздохнул.

— Ага, — согласился Бен. — Я совсем выдохся.

— И я, но я чувствую... жуть. Знаете, как дети произносят это слово?

— Понимаю.

— Это как накуриться наркотика: даже обычные вещи кажутся страшными, — он провел рукой по лицу. — Господи, я, наверное, правда похож на ненормального.

— И да, и нет, — сказал Бен, положив руку Мэтту на плечо. — Гиллспай прав. Что-то происходит. И мне все больше кажется, что это связано с домом Марстенов. Кроме меня, только эти люди недавно появились в городе. А в себе я уверен. Мы поедем туда вечером? Помните наш разговор?

— Если хотите.

— Хочу. А сейчас вам нужно поспать. Я свяжусь со Сьюзен, и мы заедем за вами к вечеру.

— Ладно, — Мэтт замялся. — Я еще кое-что не сказал вам.

— Что?

— Смех, который я слышал — или думал, что слышал, — был смехом ребенка. Жутким, бездушным, но явно детским. Если вспомнить историю Майка, сразу кажется, что это Дэнни Глик.

— Да, конечно.

— Как вы думаете, его бальзамировали?

— Не очень тщательно. Они должны были выпустить из него кровь и заменить формальдегидом или еще какой-нибудь жидкостью. И извлечь внутренности.

— Интересно, сделали ли это с Дэнни? — спросил Мэтт.

— Вы достаточно знакомы с Карлом Формэном, чтобы узнать у него это?

— Да, я думаю, что смогу это сделать.

— Тогда сделайте.

Они поглядели друг на друга еще немного, и в этом взгляде была некоторая напряженность; Мэтт пытался совместить весь свой рациональный опыт с явной иррациональностью случившегося, а Бен — подобрать слова для того, что он чувствовал, но не мог понять.

8

Когда он вошел, Ева гладила и одновременно смотрела лотерею по телевизору. Выигрыш там дошел до сорока пяти долларов, и ведущий в очередной раз крутил стеклянный барабан с номерами телефонов.

— Я слышала, — сказала она, когда он доставал из холодильника коку. — Бедный Майк.

— Да, паршиво, — он полез в карман и извлек оттуда крестик.

— А они узнали...

— Нет еще, — прервал ее Бен. — Я очень устал, миссис Миллер. Я, пожалуй, пойду посплю.

— Конечно. Наверху жарко, даже в это время года. Поспите внизу, если хотите. Белье чистое.

— Нет, спасибо. Я лучше у себя.

— Да все привыкают к своему, — сказала она со значением. — Зачем, интересно, мистеру Берку понадобился крест Ральфа?

Бен остановился на лестнице.

— Наверное, он думал, что Майк Райерсон католик.

— Не мог он этого думать, — возразила Ева, переворачивая рубашку. — Он же учил его. Вся их семья — лютеране.

Бен ничего не ответил. Он поднялся к себе, разделся и рухнул на кровать. Он уснул быстро и не видел снов.

Проснулся он в четверть шестого. Кожа его покрылась потом, простыня валялась на полу. Но в голове тем не менее прояснилось. Утренние события представлялись невероятно далекими, и фантази Мэтта Берка потеряли убедительность. Даже предстоящий вечером визит казался не таким уж страшным.

10

Он решил, что позвонит Сьюзен от Спенсера и встретится с ней там. Они могли потом пойти в парк, и там он рассказал бы ей всю историю. Пока они едут к Мэтту, он выслушает ее мнение, а там сам Мэтт изложит ей свою версию. А после — в дом Марстенов. При этой мысли в нем опять зашевелился страх.

Он был так погружен в свои мысли, что не замечал, что в его машине кто-то сидит, пока не открылась дверца и навстречу ему не поднялась чья-то высокая фигура. Медленно возвращаясь к реальности, он в изумлении глядел на то, что казалось ожившим огородным пугалом. Заходящее солнце освещало старую шляпу, надвинутую на глаза; громадные черные очки: изодранное пальто с поднятым воротником; рабочие перчатки на руках.

— Кто... — начал Бен.

Фигура приблизилась. В воздух взметнулись кулаки. Резко запахло нафталином.

— Это ты, сукин сын, увел мою девушку, — медленно, скрипучим голосом проговорил Флойд Тиббитс. — Я тебя убью.

И прежде чем Бен сумел осмыслить сказанное, Флойд набросился на него.

Глава девятая СЬЮЗЕН (2)

1

Сьюзен вернулась домой из Портленда около трех дня, волоча три шуршащих пакета — на восемьдесят долларов. Две новых юбки и шерстяная кофточка.

— Сьюзи, это ты? — голос матери.

— Я, я. Я купила...

— Пойди сюда. Мне нужно поговорить с тобой.

Она немедленно узнала этот тон, хотя не слышала его со школьных времен, когда мать предостерегала ее от дружбы с очередным мальчиком.

Положив пакеты, она вошла в комнату. Мать становилась все холоднее в отношении Бена Мейрса, и Сьюзен подозревала, что сейчас будет высказано Последнее и Окончательное Предупреждение.

Мать сидела в качалке и вязала. Телевизор был выключен. Плохие знаки.

— Думаю, ты еще не слышала новостей, — сказала миссис Нортон. Ее спицы задвигались быстрее, разматывая темно-зеленую пряжу. Наверное, теплый шарф.

— Ты ведь рано уехала.

— Новостей?

— Прошлой ночью в доме у Мэттью Берка умер Майк Райерсон, и первым там очутился твой Бен Мейрс.

— Майк... Бен... что?

Миссис Нортон мрачно улыбнулась.

— Мэйбл позвонила часов в десять и все мне рассказала. Мистер Берк сказал, что встретил Майка в таверне

у Делла — не знаю уж, как он там очутился, — и пригласил его к себе, потому что Майк плохо выглядел. Ночью он умер. Ни никто не знает, что там делал мистер Мейрс.

— Они же знакомы, — рассеянно сказала Сьюзен. — Бен говорил, что они даже сдружились... а что с Майком, мама?

Но миссис Нортон было не так легко заставить сменить тему.

— Просто некоторые считают, что в Салемс-Лот происходит чересчур много событий с тех пор, как здесь появился мистер Бен Мейрс.

— Какая ерунда! — воскликнула Сьюзен. — Лучше скажи, что с Майком...

— Еще неизвестно. Думаю, что он заразился чем-нибудь от мальчишки Гликов.

— А почему именно он? Почему не родители?

— Молодежь всегда думает, что знает все, — сказала миссис Нортон неизвестно кому. Спицы замелькали еще быстрее.

Сьюзен встала.

— Нужно выйти и посмотреть...

— Посиди еще немного, — сказала миссис Нортон. — Я не закончила.

Сьюзен села опять.

— Иногда молодежь не знает всего, что нужно знать, — сказала миссис Нортон с обманчивой мягкостью, что Сьюзен сейчас же уловила.

— Ты о чем, мама?

— Знаешь, несколько лет назад мистер Бен Мейрс попал в аварию. Тогда он только что выпустил вторую книгу. Он был пьян и разбился на мотоцикле. Его жена погибла.

Сьюзен встала.

— Я не желаю больше слушать.

— Я говорю это для твоего же блага, — спокойно сказала миссис Нортон.

— Кто тебе рассказал? — спросила Сьюзен. Она не чувствовала прежнего гнева или желания убежать наверх от

этого спокойного, всезнающего голоса. Нет, только холодное, отстраненное внимание. — Конечно, Мэйбл Вертс?

— Неважно. Но это правда.

— Да, конечно. И мы победили во Вьетнаме, а Иисус каждый день проезжает через город на осле.

— Мэйбл подумала, что его фамилия кажется знакомой, и пролистала старые газеты...

— Ты имеешь в виду скандальные? Которые пишут про астрологию и публикуют фотографии всяких катастроф и голых актрис? Да, это ценный источник! — она иронически рассмеялась.

— Но там было написано черным по белому. Эта его жена — если она действительно была его женой — сидела сзади, и он налетел на едущий грузовик. Его проверили прямо на месте. Прямо... на... месте, — каждое слово подчеркивалось энергичным движением спиц.

— Тогда почему он не в тюрьме?

— О, эти знаменитости хорошо знают людей, — сказала мать с спокойной убежденностью. — Если у вас достаточно денег, всегда можно выкрутиться. Как в этой истории с Кеннеди.

— А его что, судили?

— Я говорю, его проверили пря...

— Ты говорила. Но они что, обнаружили алкоголь?

— Говорю, что он был пьян! — на ее щеках начали проступать красные пятна. — Тебя не станут проверять, если ты трезвый! Его жена умерла! Совсем как в Чаппакуиддике! Точь-в-точь!

— Я перееду в город, — медленно сказала Сьюзен. — Я уже давно собиралась. Может, так будет лучше, мама. Для нас обеих. Я говорила с Бэбс Гриффен, и она сказала, что есть прекрасная четырехкомнатная квартира на Систерз-Лайн...

— О, она обиделась! — сказала миссис Нортон потолку. — Кто-то посмел разрушить идеальный образ мистера Мейрса, и она настолько обиделась, что собирается бежать... к нему.

— Мама, что с тобой? — спросила Сьюзен с отчаянием. — Ты никогда такого не говорила!

Энн Нортон резко встала. Вязанье упало с ее колен, но она этого даже не заметила. Она схватила Сьюзен за плечи и резко встряхнула.

— Ну-ка слушай! Я не хочу, чтобы ты как шлюха, путалась со всяким подонком, который заморочит тебе голову красивыми словами! Ты меня слышишь?

Тут Сьюзен ударила ее по лицу.

Глаза Энн Нортон моргнули, потом расширились в неом удивлении. Какой-то момент они смотрели друг на друга в шоке. Сьюзен всхлипнула.

— Пойду наверх, — сказала она. — Я съеду не позже втреника.

— Флэйд приходил, — сказала миссис Нортон. Лицо ее еще горело от удара, следы от пальцев дочери выступили на щеке, как восклицательный знак.

— С Флэйдом все кончено, — четко проговорила Сьюзен. — Постарайся это понять. Поговори со своей подружкой Мэйбл, может, тогда ты это поймешь получше.

— Флэйд тебя любит, Сьюзен. Это его... раздавило. Он мне все рассказал. Он открыл мне свое сердце. В конце он заплакал... как ребенок.

Сьюзен подумала, что на Флэйда это вовсе не похоже.

— Ну, и чего ты от меня хочешь, мама? Ты что, так уже свыклась с мыслью о внуках-блондинах? Я давно чувствовал, что ты не успокоишься, пока я не выйду за того, кого ты выберешь сама. Выйду замуж, рожу и как можно скорее превращусь в клушу. Так ведь? Но откуда ты знаешь, что я этого хочу?

— Сьюзен, ты сама не знаешь, чего хочешь.

Она сказала это с такой убежденностью, что Сьюзен сначала чуть не поверила в это. Она увидала со стороны, как они с матерью стоят друг против друга — она у двери, мать у кресла, — связанные нитями зеленой пряжи, как эти нити вытягиваются и рвутся, одна за другой.

— Нет, мама. Я знаю, чего я хочу. Это Бен Мейрс.

Она повернулась и пошла наверх.

Мать крикнула вслед:

— На что ты снимешь комнату? У тебя же нет денег!

— Три сотни найдется, — спокойно ответила Сьюзен. — И я думаю, меня возьмут на работу к Спенсеру. Мистер Лабри мне уже предлагал.

— И он будет заглядывать тебе под юбку, — сказала миссис Нортон, но уже тоном ниже. Гнев прошел, и теперь она казалась скорее испуганной.

— А я буду носить брюки.

— Дорогая, не сходи с ума. Я только хотела, как лу...

— Оставь, мама. Прости, что я тебя ударила. Я ужасно жалею. Я так тебя люблю. Но мне нужно переехать. Ты должна понять.

— Смотри, — миссис Нортон совсем расстроилась. — Все же подумай о том, что я сказала. Я повидала немало таких, как твой Бен Мейрс. Все они...

— Хватит.

Сьюзен скрылась.

Мать еще пыталась говорить с ней:

— Когда Флойд уходил, он выглядел просто ужасно. Он...

Но дверь в комнату Сьюзен уже закрылась.

Она упала на кровать, которая еще недавно была уставлена мягкими игрушками, и лежала, глядя в стену и пытаясь ни о чем не думать. Над кроватью висели постеры Сьерра-клуба, и когда-то вокруг них она вешала вырезанные из «Роллинг стоун» или «Крим» портреты кумиров юности — Джима Моррисона, Джона Леннона, Чака Берри. Теперь те дни казались ей невероятно далекими.

Она словно видела крупный заголовок в бульварной газете: «Молодой писатель с женой попали в аварию на мотоцикле». Статья с многозначительными умолчаниями. И фото какого-нибудь провинциального фотографа, достаточно кровавое — как раз для Мэйбл Бертс.

И хуже всего были ее собственные сомнения. «Дура, неужели ты думала, что до знакомства с тобой он хранился под стеклянным колпаком?» Но что-то от всего этого осталось — что-то кроме обиды на мать, какая-то чернота по краям ее мыслей.

Она отогнала это, прикрыла лицо рукой и застыла в этой неудобной позе, пока снизу не раздался пронзительный телефонный звонок и следом — голос матери:

— Сьюзен! Это тебя!

Она сошла вниз, отметив, что уже полшестого. Солнце клонилось к западу. Миссис Нортон готовила ужин на кухне. Отца еще не было.

— Алло?

— Сьюзен? — голос был знакомым, но она не смогла сразу узнать, кому он принадлежит.

— Да. Кто это?

— Это Ева Миллер. У меня плохие новости.

— Что-нибудь с Беном? — во рту у нее мгновенно пересохло. Рука метнулась к горлу. Миссис Нортон выглянула из дверей кухни.

— Да, была драка. Днем зашел Флойд Тиббитс...

— Флойд?

Миссис Нортон насторожилась.

— ...и я сказала, что мистер Мейрс спит. Он говорил нормально, даже вежливо, но был очень странно одет. Я даже спросила, все ли с ним в порядке. На нем было старое пальто, дурацкая шляпа, и он все время держал руки в карманах. Я забыла сказать об этом мистеру Мейрсу, когда он встал. Это все так...

— Что случилось? — Сьюзен почти кричала.

— Флойд его избил. Прямо на стоянке. Шелдон Корсон и Эд Крейг едва оттащил его.

— А Бен? Что с Беном?

— Не очень хорошо.

— Что? Что случилось? — она стиснула трубку.

— Мистер Мейрс стукнулся головой об автомобиль. Карл Формэн отвез его в больницу, и он был без сознания. Больше я ничего не знаю. Если ты...

Она повесила трубку, кинулась к шкафу и сняла с вешалки плащ.

— Сьюзен, кто это?

— Это твой прекрасный Флойд Тиббитс, — проговорила Сьюзен, с трудом сдерживая слезы. — Он отправил Бена в больницу.

Не дожидаясь реакции, она выбежала из дома.

В больнице она была в полседьмого. Она сидела в неудобном пластиковом кресле, рассеянно проглядывая номер «Домашней хозяйки» и думая: «Я осталась совсем одна». Как по-дурачки все вышло. Она подумала было позвонить Мэтту Берку, но побоялась, что доктор придет и не застанет ее.

Без десяти семь, наконец, появился доктор с какими-то бумагами в руке.

— Мисс Нортон?

— Да, это я. С Беном все в порядке?

— Неуместный вопрос в таком месте, — он заметил страх на ее лице и быстро добавил. — Все нормально, но мы хотим поддержать его здесь два-три дня. У него легкое сотрясение, множественные ушибы и один глаз совсем черный.

— Могу я видеть его?

— Нет, не сегодня. Ему необходимо спокойствие.

— Ну, хоть на минуту? Пожалуйста! На одну минуту?

Он вздохнул.

— Можете взглянуть на него, если хотите. Он, может быть, спит. Во всяком случае, ничего не говорите ему, пока он не обратится к вам первым.

Он подвел ее к палате на третьем этаже в дальнем конце пахнущего лекарствами коридора. Человек на другой кровати, читающий журнал, взглянул на них с любопытством.

Бен лежал с закрытыми глазами, накрытый простыней до подбородка. Он был так бледен и недвижим, что в какой-то ужасный момент Сьюзен подумала, что он мертв, что он умер, пока они с доктором говорили внизу. Потом она увидела, что грудь его мерно вздымается, и испытала громадное облегчение. Она вгляделась в его лицо, с трудом узнавая его под бинтами, закрывавшими левую часть головы.

Я люблю его, подумала она опять. Выздоровливай, Бен. Выздоровливай скорее, заканчивай свою книгу, и мы уедем из Лота вместе, если я нужна тебе. В Лоте нам обоим теперь плохо.

— Я думаю, вам лучше уйти, — сказал доктор. — Может быть, завтра...

Бен заворочался и слегка застонал. Глаза его моргнули, потом медленно открылись. В них еще стоял сон, но он уже увидел ее и протянул к ней руку. На ее глазах заблестели слезы, она улыбнулась и сжала его руку.

Он пошевелил губами и она нагнулась ниже.

— У вас тут какие-то убийцы.

— Бен, мне так жаль!

— Надеюсь, я успел выбить ему парочку зубов, — прошептал Бен. — Не так уж плохо для писателя.

— Бен...

— Я думаю, хватит, мистер, Мейрс, — вмешался доктор.

— Всею свое время.

— Еще немного, — проговорил с усилием Бен и потом пробормотал что-то неразборчивое.

— Что, милый? — Сьюзен нагнулась еще ниже.

— Уже темно?

— Да.

— Сходи к нему.

— К Мэтту?

Он кивнул.

— Скажи... Я просил рассказать тебе все. И спроси, знаком ли он... с отцом Каллагэном. Он поймет.

— Хорошо. Я передам. А теперь спи. Спи, Бен.

— Ага. Я люблю тебя, — он проговорил что-то еще, два раза; потом глаза его закрылись.

— Что он сказал? — спросил доктор.

— Что-то вроде «запирай окна», — ответила Сьюзен в раздумье.

3

Когда она выходила, внизу сидели Ева Миллер и Хорек Крейг. На Еве было старое пальто с облезлым меховым воротником, а Хорек облачился в мотоциклетную куртку, слишком большую для него. Сьюзен с теплотой посмотрела на них.

— Как он? — спросила Ева.

— Все будет нормально, я думаю, — повторила она диагноз доктора, и лицо Евы прояснилось.

— Я так рада. Мистер Мейрс такой хороший человек...

У меня никогда не случалось ничего подобного. Перкинс Гиллспай запер Флойда в участок. Хотя он не пьян. Скорее всего, это наркотики.

Сьюзен кивнула головой.

— Это совсем непохоже на Флойда.

Воцарилось тягостное молчание.

— Бен — чудный парень, — сказал Хорек. — Надеюсь, он скоро поправится.

— Конечно, согласилась Сьюзен. — Ева, скажите, у святого Андрея служит отец Каллагэн?

— Да, а что?

— Так... интересно. Ладно, спасибо вам, что пришли. Если хотите, зайдите завтра.

— Обязательно, — сказал Хорек. — Зайдем, правда, Ева?

— Он провел ей рукой по талии, но сразу же убрал руку под строгим взглядом.

Сьюзен вышла на улицу и села в машину.

4

Мэтт не крикнул «Входите!» в ответ на ее стук, как он обычно делал. Вместо этого она услышала осторожный голос, который с трудом узнала:

— Кто там?

— Сьюзи Нортон, мистер Берк.

Он отпер дверь, и она поразилась происшедшей в нем перемене. Он казался не просто старым, а совсем дряхлым. Чуть позже она заметила у него на шее тяжелый золотой крест. В сочетании этого дорогого украшения с его старой фланелевой рубашкой было что-то смешное, но она не засмеялась.

— Входи. А где Бен?

Она сказала ему, и его лицо вытянулось.

— Значит, Флloyd Тиббитс поступил, как многие, кому не повезло в любви? Что ж, это случилось в самый неподходящий момент. Майка Райерсона днем привезли из Портленда к Формэну для подготовки к похоронам. И я надеялся, что наш поход в дом Марстенов...

— Какой поход?

— Хочешь кофе? — спросил он, будто не слышал.

— Нет. Я хочу узнать у вас, что случилось. Бен сказал, что Вы знаете.

— Бену легко сказать, чтобы я рассказал тебе все. Труднее это сделать. Но я попытаюсь.

— Что...

Он остановил ее.

— Сперва ответь мне. Вы с матерью были в этом новом магазине?

Она удивленно подняла брови.

— Да. А что?

— Можешь сказать мне свои впечатления об этом месте и особенно о его владельце?

— О мистере Стрэйкере?

— Да.

— О, он просто очарователен, — сказала она. — Можно даже сказать «галантен». Он похвалил платье Глинис Мэйберри, и она раскраснелась, как школьница. И спросил миссис Боддин про бинт на руке... знаете, она обожглась горячим жиром. Дал ей рецепт компресса. А когда зашла Мэйбл... она даже прыснула.

— Что?

— Он предложил ей кресло. Такое большое, из красного дерева, как трон. Сам принес его из дальней комнаты, и все время улыбался. А оно весит фунтов триста. Он поставил его посреди магазина и усадил туда Мэйбл. За руку, представляете. Она хихикала. Вы когда-нибудь видели, как Мэйбл хихикает? Еще он угощал всех кофе. Очень крепким и очень хорошим.

— Тебе он понравился? — спросил Мэтт, пристально глядя на нее.

— Он что, связан со всем этим? — спросила она.

— Очень может быть.

— Ну, хорошо. Я вам скажу свою, женскую, точку зрения. И понравился, и нет. С одной стороны, он, конечно, впечатляет. Пожилой, обаятельный, галантный. Глядя на него, понимаешь, что если он возьмет меню во французском ресторане, то будет знать там все, каждую марку вина и даже год. Не то, что наши увальни. В то же время, он такой гибкий... как танцор. И уж конечно его лысина тоже очень привлекает, — она улыбнулась чуточку оборонительно, зная, что краснеет, и думая, не сказала ли она больше, чем нужно.

— Но потом...

Она пожала плечами.

— Ну... это трудно определить. Думаю, под его галантностью что-то кроется. Какой-то цинизм, будто-то он играет роль, чтобы одурачить всех нас. И еще кажется, что он в глубине довольно злой. Не знаю даже, почему.

— Кто-нибудь купил у него вещи?

— Немного, но он казался довольным. Мама купила полочку для сувениров из Югославии, а миссис Петри — маленький столик, вот и все. Он просил всех заходить еще и рассказать всем знакомым о его магазине. Очень по-европейски.

— И что, все были очарованы?

— Большей частью, да, — сказала Сьюзен, вспоминая, как Бену не понравился восторг ее матери.

— А его партнера вы не видели?

— Мистера Барлоу? Нет, он ведь в Нью-Йорке, в деловой поездке.

— Так ли? — спросил Мэтт самого себя. — Странно таинственный мистер Барлоу.

— Мистер Берк, не лучше ли вам рассказать мне все? Он тяжело вздохнул.

— Попробуюсь. Меня очень встревожило то, что ты рассказала. Очень встревожило.

— Что?

— Я начну с того, — сказал он, — как я прошлым вечером встретил у Делла Майка Райерсона... это было как будто сто лет назад.

Когда он окончил рассказ, было уже двадцать минут девятого, и они выпили по две чашки кофе.

— Вот и все, — сказал Мэтт. — Теперь я могу сказать, что я Наполеон. Или поведать об астральной связи с Тулуз-Лотреком.

— Не глупите, — сказала она. — Что-то случилось, но не то, что Вы думаете.

— Я не думаю, я видел. И слышал.

— Может быть, Майк сам все это говорил. В припадке. Или вы уснули, и вам это приснилось. Я часто так засыпаю минут на двадцать.

Он устало пожал плечами.

— Как я могу тебе доказать? Я слушал то, что слышал. Я не спал. И вот что меня тревожит. По преданиям, вампир не может просто войти в дом и высосать кровь у человека. Его должны впустить. Вот Майк и впустил Дэнни Глика. А Майка я впустил сам!

— Мэтт, Бен рассказывал вам про свою новую книгу?

Он достал трубку, но не стал закуривать.

— Совсем немного. Только, про то, что она как-то связана с домом Марстенов.

— Он не говорил про то, что он пережил в этом доме в детстве?

Он поглядел на нее с удивлением.

— В доме? Нет.

— Он хотел тогда быть принятым в компанию, а условием было войти в дом Марстенов и принести оттуда что-нибудь. Он это сделал, но перед тем, как уйти, поднялся наверх, в ту самую спальню, где повесился Хьюги. И когда он открыл дверь, то увидел висящего Хьюги... И тот открыл глаза. Бен тогда убежал, и это мучило его двадцать четыре года. Вот и вернулся в Лот, чтобы все это описать и как-то привести в систему.

— О, Господи, — проговорил Мэтт.

— У него... теория об этом доме. Частью из собственного опыта, частью из того, что он узнал о Хьюге Марстене.

— Что тот был дьяволопоклонником?

Она уставилась на него.

— Откуда вы знаете?

— Не все сплетни в маленьких городках выходят наружу, — мрачно усмехнулся он. — Есть и тайны. Одна из этих тайн касается Хьюги Марстена. Ее знают только дюжина местных старожил — и, конечно, же, Майкл Вертс. Это было очень давно, но они все еще не любят об этом говорить. Даже Майкл. Конечно, они говорят о его смерти. Но если спросить их о десяти годах, что он прожил здесь с женой, они будто воды в рот набирают. Ходили слухи, что Хьюберт Марстен похищал детей и приносил их в жертву. Я как раз удивился, откуда Бен про это знает. Ведь все как сговорились об этом молчать.

— Он это узнал не здесь.

— Он говорил. Я согласен с ним, что зло, сотворенное человеком, не исчезает с его смертью. Что дом Марстенов стал хранилищем этого зла, его рассадником.

— Да. Он говорил то же самое.

Мэтт сухо усмехнулся.

— Мы ведь читали одни и те же книги. А ты, что думаешь, Сьюзен? Простирается ли твоя философия за пределы земли и неба?

— Нет, — ответила она не очень уверенно. — Дом — это только дом. Зло умирает вместе с людьми.

— Ты думаешь, я заразил Бена собственными ненормальными мыслями?

— Нет, конечно. Я вовсе не думаю, что вы ненормальный. Но, мистер, Берк, поймите...

— Тихо!

Он подался вперед, прислушиваясь. Все тихо... может быть, где-то скрипнула половица. Она вопросительно посмотрела на него. Он только покачал головой.

— О чем ты говорила?

— Это просто совпадение, что он именно в этот момент приехал сюда, чтобы изгнать демонов своего детства. В городе ходит много слухов о доме Марстенов и об этом магазине... но и про Бена тоже ходят слухи. Изгнание демонов может обернуться против самого изгоняющего.

Мне кажется, Бену нужно отсюда уехать, да и вам я советую взять отпуск.

Заговорив об изгнании демонов, она вспомнила о просьбе Бена. Однако, решила не упоминать о ней. Теперь было ясно, в чем дело. И она не хотела подливать масла в огонь. Когда Бен ее спросит, она скажет, что забыла.

— Я думаю, как это все безумно звучит, — сказал Мэтт. — Даже для меня, хотя я слышал, как открылось окно, и этот смех, и видел утром упавший ставень. Но если это тебя успокоит, могу сообщить, что реакция Бена показалась мне очень здоровой.

Он подошел к этому с точки зрения логики, а иначе... — он опять встревожился, прислушиваясь к чему-то в глубине дома. В этот раз молчание длилось дольше, и, когда он заговорил, ее испугала уверенность в его голосе:

— Там наверху кто-то есть.

Она вслушалась. Ничего.

— Вам кажется.

— Я знаю свой дом, — сказал он упрямо. — Кто-то в комнате для гостей... слышите?

И она услышала. Явственный скрип досок, как во многих старых домах, без видимых причин. Но Сьюзен уловила в этом звуке что-то еще пугающее, хоть и неясное.

— Я схожу туда, — сказал он.

— Нет!

Она выпалила это машинально, тут же подумав:

«Те, кто сидят у камина, думают, что ветер в трубе — это крик банши».

— Я прошлой ночью испугался, не смог ничего сделать и допустил это. Но теперь я пойду.

— Мистер Берк...

Они оба почему-то заговорили шепотом, словно боясь, что их услышат. Может там, наверху, вор?

— погоди, — сказал он. Когда я вернусь, мы еще поговорим. Обо всем.

Прежде, чем она успела возразить, он встал и осторожно, почти крадучись, начал подниматься по ступенькам.

По пути он оглянулся, но она не уловила выражения его глаз.

Она подумала о нереальности происходящего. Всего две минуты назад они спокойно беседовали при вполне рациональном электрическом свете. И вот она уже испугалась. Вопрос: если на год запереть психиатра в комнате с человеком, считающим себя Наполеоном, то кто выйдет оттуда — два нормальных человека или два Наполеона? Ответ: еще неизвестно.

Она открыла рот и сказала:

— Мы с Беном в воскресенье ездили по дороге номер 1 в Кэмден — знаете, там снимали «Пейтон-плейс», там такая милая церквушка...

Она обнаружила, что не может продолжать, хотя изо всех сил сжала руки. На ее ум все эти истории о вампирах и не повлияли; он оставался ясным. Страх исходил откуда-то из спинного мозга, из центров, гораздо более древних, чем ум.

6

Эта лестница оказалась для Мэтта Берка самым трудным подъемом во всей его жизни. Но вот она кончилась. Ничего пока не случилось. Кроме, может быть, одной вещи.

Восьмилетним мальчишкой он ходил в школу во вторую смену. Дом его находился в миле от дороги, и выходить оттуда днем, после обеда, было очень приятно. Но возвращаться в сумерках, когда вдоль тропинки тянутся длинные, изгибающиеся тени, и ты идешь совсем один...

Один. Вот главное слово, самое страшное в английском языке.

Убийца, который приходит во мраке.

«Ад» — просто его неудачный синоним.

По пути он проходил разваливающуюся методистскую церковь, вырисовывающуюся темным пятном на фоне деревьев. Когда он миновал ее слепые окна, звук собственных шагов казался невыносимо громким, дыхание вырывалось изо рта со свистом, и он поневоле, начинал

думать о том, что находилось внутри — о гниющих молитвенниках, перевернутых скамьях, о поваленном алтаре, где теперь только мыши справляют свои праздники. И еще о том, что может там быть кроме мышей — о чудовищах, которые, быть может, смотрят на него своими зелеными, безумными глазами. И когда-нибудь разбитая дверь откроется, и оттуда выйдет то, что одним своим видом сведет его с ума. Но как объяснить это отцу и матери — дневным существам? Это было все равно, что объяснить им, как в три года одеяло у его ног превратилось в клубок змей. Ни один ребенок не свободен от таких страхов, подумал он. Если страх нельзя выразить словами, он непобедим. А страхи, запертые в детских мозгах, особенно трудно выразить на языке взрослых. И после захода солнца вы вдруг обнаруживаете, что эти страхи не умерли — просто затаились в своих детских гробиках. Они ждут вас. Он не включил свет, только взбирался по ступенькам, сжимая крест влажной от пота рукой. Добравшись до верхней площадки, он оглядел коридор. Дверь в комнату для гостей была приоткрыта. Он закрывал ее сам. Снизу донесся неразборчивый звук голоса Сьюзен. Стараюсь не шуметь, он подошел к двери и остановился. Основа всех страхов, подумал он, чуть-чуть приоткрытая дверь.

Он толкнул ее.

На кровати лежал Майк Райерсон.

Лунный свет посеребрил комнату, преобразив ее в сонную лагуну. Мэтт потряс головой. Ему показалось, что он каким-то чудом перенесся в прошлую ночь. Нужно сойти вниз и позвонить Бену, потому что он еще не в больнице...

Майк открыл глаза.

Они блеснули в лунном свете серебром и кровью. Чистые, как вымытая посуда. В них не было человеческих мыслей или чувств. «Глаза — окна души» — сказал Вордсворт. Эти окна открывались в пустую комнату.

Майк сел, простыня сползла с его груди, и Мэтт увидел грубый шов, оставленный медицинским экспертом или паталогоанатомом.

Майк усмехнулся; клыки его были белыми и острыми. Сама усмешка выражалась только в сокращении мускулов рта; глаза оставались безучастными.

— Посмотри на меня, — четко произнес Майк.

Мэтт посмотрел. Да, глаза совершенно пустые, но очень глубокие. В них можно было видеть свое серебристое отражение, которое словно манило к себе, призывая забыть страх, забыть обо всем...

Он неуклюже отступил, вскрикнул:

— Нет! Нет! — и поднял крест.

Увидев это, Майк Райерсон зашипел, словно его ошпарили. Руки его взметнулись в воздух. Мэтт сделал шаг к нему. Райерсон отшатнулся.

— Уходи! — прохрипел Мэтт. — Я отменяю свое приглашение!

Райерсон издал высокий крик, полный боли и ненависти, и сделал четыре дрожащих шага назад, к окну. Уткнувшись в подоконник, он зашатался, балансируя на краю.

— Я приду, когда ты уснешь, учитель.

Он выскочил в ночь, вытянув руки, бледное тело его блестело, как мрамор, выделялись только метки швов.

Мэтт, застонав, подошел к окну и поглядел вниз. Луна не освещала ничего — только безликую пляску теней внизу, под снопом света, падающего из окон комнаты. Может быть, это просто пыль. Тени на миг слились в жуткую, отдаленно напоминающую человека, форму — и растаяли в ночи. Он повернулся, чтобы бежать, и тут его грудь сдавило болью. Он схватился за сердце. Боль наступала пульсирующими волнами. Крест поплыл у него перед глазами. Он подошел к двери, держась рукой за грудь. Перед ним в темноте все еще парило видение падающего в темноте Майка Райерсона.

— Мистер Берк!

— Позвони Джеймсу Коди, — выдавил он из холодеющих губ. — Моему врачу. У меня сердечный приступ. Он свалился на пол лицом вниз.

Она нашла телефон в справочнике.

— Доктор дома? Срочный вызов.

— Да, — голос звучал спокойно. — Сейчас.

— Доктор Коди слушает.

— Это Сьюзен Нортон. Я дома у мистера Берка. У него сердечный приступ.

— Что? У мистера Берка?

— Да. Он без сознания. Могу я...

— Вызовите скорую помощь, — быстро сказал он. — Камберленд 841-4000. Оставайтесь с ним. Укройте одеялом, но не трогайте. Ясно?

— Да.

— Я буду через двадцать минут.

Она смотрела в лестничный пролет, все еще не веря. Ей хотелось, чтобы ничего этого не было, чтобы с Мэттом ничего не случилось, чтобы она не испытывала этот давящий непонятный страх. Она не поверила ни во что из того, о чем говорил ей Мэтт — и вот теперь — это неверие рухнуло. И она чувствовала себя опустошенной.

Она слышала голос Мэтта и чьи-то ужасные слова: «Я приду, когда, ты уснешь, учитель». В голосе, произнесшем их, было не больше человеческого, чем в собачьем лае.

Она поднялась наверх, заставляя себя преодолевать ступеньку за ступенькой. Не помог даже свет, горящий в коридоре. Мэтт лежал без движения там, где она его оставила, хрипло, прерывисто дыша. Она расстегнула две верхних пуговицы его рубашки и дыхание немного облегчилось. После этого она зашла в комнату для гостей, чтобы взять одеяло.

Там было холодно. Окно распахнуто. На кровати лежал только матрас, но в шкафу виднелась стопка одеял. Когда она повернулась туда, что-то блеснуло по полу в лунном свете, и она нагнулась, чтобы поднять этот предмет. Она немедленно его узнала. Кольцо выпускника Камберленд-

ский объединенной высшей школы. Ни внутренней кромке
инициалы: МКР.

Майкл Кори Райерсон.

В этот момент, стоя в темноте, она вдруг поверила.
Поверила во все. В горле в нее родился крик, но она
смогла его подавить. Только кольцо выкатилось из ее
пальцев и лежало возле окна на полу, так же безучастно
серебрясь в свете осенней луны.

Глава десятая

ГОРОД (3)

1

Город знал о темноте.

Он знал о темноте, наступающей, когда земля поворачивается к солнцу другой стороной, и о темноте человеческой души. Город — это соединение трех частей, больших, чем просто части. Город — это люди, которые в нем живут; это здания, возведенные для жизни или для дел; это его земля. Люди — англо-шотландцы и французы. Были, конечно, и другие — горстка, подобно шепотке перца в солонке, но их было немного. Этот плавильный котел переплавил лишь несколько элементов. Дома здесь строились в основном из дерева. Большинство их, неизвестно почему, имело ложные фасады, но люди знали, что кроется за ними, как знали, что Лоретта Стэрчер носит накладной бюст. Земля состояла из гранита, покрытого тонким слоем плодородной почвы, и пахать ее было тяжелым, неблагодарным трудом. Борона выгребала наружу большие куски гранита и ломалась о них. В мае, когда земля подсыхала, вам с вашими сыновьями приходилось раз десять вытаскивать из нее камни, прежде чем пахать, и складывать их в большие кучи. От этой работы грязь застревала под ногтями, и пальцы делались толстыми и нечувствительными, и все равно, пройдя не больше двух рядов на тракторе, вы обязательно ломали одно из лезвий. И заменив лезвие, пока ваш старший сын держит борону, вы слышали, как над вашим ухом кровожадно пищит первый москит, и думали, не этот ли звук слышат безумцы

перед тем, как убить своих детей, открыть газовый кран или вышибить себе мозги выстрелом из револьвера; а потом потные пальцы сына соскользнут, и лезвие, которое вы держите, врежется вам в руку, и вам захочется бросить все это, пойти напиться или отправиться в закладной банк и объявить о своем банкротстве, но даже в этот момент вы любите землю, хотя ненавидите ее и знаете о темноте. Земля держит вас, и дом держит, и женщина, в которую вы влюбились еще в школе (только тогда она была девочкой, и вы ничего не знали о девочках, кроме того, что вам хочется одну из них, и потом вы влюбились в нее, а она в вас, и никто уже не мог разобраться в этой путанице), и дети вас держат, дети, которых вы сделали в скрипучей двухспальной кровати. Вы с ней делали детей после заката, в темноте — шестерых, семерых, а то и десятерых. Вас держит банк, и машина, и магазины Сейрса в Льюистоне и Джона Дира — в Брансуике. И еще вас держит город, который вы знаете так же хорошо, как форму груди своей жены. Вы знаете, кого вы встретите в магазине Кроссена, если зайдете туда днем, и знаете, кто с кем спит, даже до того, как они сами это узнают; как Реджи Сойер знал это о своей жене и парне из телефонной компании; вы знаете, куда ведут дороги, и куда вы пойдете в пятницу с Хэнком и Нолли Гарденером выпить пива. Вы знаете, как пройти в апреле через болото и не замочить ног. Вы знаете все. И все это знает вас; знает, как вы устало сползаете с сиденья трактора, когда закончена дневная пахота; и как на сердце у вас появляется опухоль, о которой доктор говорит, что это просто киста; и как вы считаете в уме расходы за прошлый месяц. И ясно, что вам не поверят, когда вы станете рассказывать, что на будущий год поедете с женой и детьми в Диснейленд или купите новый цветной телевизор — даже если вы сами верите в это. Жизнь в городе проходит на виду у всех, и все знают даже то, о чем вы с женой говорите по вечерам в своей скрипучей кровати. И в темноте вы тоже принадлежите городу, и город — вам, и вы спите вместе, как мертвецы, как камни на вашем поле. Это нельзя назвать жизнью; это медленное умирание дней, и когда в город

приходит смерть, она кажется такой же обыденной, сонной и сладкой, как жизнь. Как будто город предчувствует приход смерти и знает, в каком обличье она явится.

Город имеет свои тайны и хранит их. Люди не знают их всех. Они знают, что жена старого Альби Крэйна сбежала в Нью-Йорк с заезжим коммивояжером — но не знают, что потом она вернулась, и Альби разможил ей череп и бросил в старый колодец с грузом, привязанным к ногам; и двадцать лет спустя Альби мирно умер в своей постели, как умрет потом его сын Джо, и только когда-нибудь мальчишка спустится в колодец, когда он окончательно высохнет, и найдет там скелет, слепо скалящийся с каменного дна, зеленый и поросший мхом, с ожерельем на шее — подарком коммивояжера.

Они знают, что Хьюби Марстен убил свою жену, но не знают, что он сделал с ней до этого, как не знают и того, чем они занимались на прогретой солнцем кухне, пропитанной сладким запахом жимолости, так похожим на сладкое зловоние открытой могилы. Они не знают, что она сама просила его сделать это.

Кое-кто из старожиллов — Мэйбл Вертс, Глинис Мэйберри, Обри Херси, — помнят, что Ларри Маклсоб нашел в камине какие-то обгоревшие бумаги, но никто из них не знает, что это была двенадцатилетняя переписка между Хьюби Марстеном и австрийским антикваром по фамилии Бройхен, или что эта переписка началась по предложению одного бостонского торговца книгами, умершего нехорошей смертью в 1933 году, или что Хьюби сам сжег все эти письма, наблюдая, как пламя пожирает тонкую, кремового цвета, бумагу и изящный почерк. Они не знают, что, делая это, он улыбался, как теперь улыбается Ларри Крокетт, думая о бумагах на владение земель, надежно хранящихся в портлендском банке.

Они знают, что Норетта Симонс, вдова старого Пройдохи Симонса, умерла в страшных мучениях от рака, но не знают, что под половицей у нее осталось спрятано больше тридцати тысяч долларов — страховка, которой она не пользовалась и о которой совершенно забыла.

Они помнят, что в сентябре 51-го огонь уничтожил половину города, но не знают, что это был поджог, и тот, кто сделал это, мирно закончил школу в 53-м и после ворочал большими деньгами на Уолл-стрите, а если бы они это и знали, то никогда не узнали бы, почему он сделал это, и что мучило его все двадцать лет, пока закупорка сосудов мозга не свела его в могилу в возрасте сорока шести лет.

Они не знают, что преподобный Джон Гроггинс иногда просыпается от страшного сна, в котором он является в воскресный класс для девочек и видит, что они сидят обнаженные и манят его к себе;

или что Флойд Тиббитс всю пятницу провел в оцепенении, чувствуя, как солнце палит его странно побледневшую кожу, смутно припоминая свой разговор с Энн Нортон и совсем не помня о нападении на Бена Мейрса, но с холодной радостью предвкушая закат и ожидая чего-то необычного и великого;

или что у Хала Гриффена в шкафу спрятано шесть похабных книжек, над которыми он мастурбирует при каждом удобном случае;

или что у Джорджа Миддлера полный чемодан шелковых сорочек, лифчиков и трусиков, и что иногда он запирается у себя в магазине на все запоры и на цепочку, и становится перед большим зеркалом, и потом, когда его дыхание учащается, падает на колени и мастурбирует;

или что Карл Формэн пытался закричать и не мог, когда Майк Райерсон начал ворочаться на железном столе в покойницкой, и крик застыл у него в горле, как стекло, когда Майк открыл глаза и сел;

или что десятимесячный Рэнди Макдугалл не мог даже сопротивляться, когда Дэнни Глик проскользнул в окошко над его кроватью и вонзил зубы в шею, еще горящую от шлепков матери.

У города есть тайны, и одни из них становятся известными, а другие нет. Город хранит их все с равно неприкосновенным видом.

Город приемлет дьявола так же, как и Бога. Он знает о темноте. И этого достаточно.

Сэнди Макдугалл знала, что что-то случилось, когда проснулась, но не могла сказать, что. Другая половина кровати была пуста; у Роя выходной, и он уехал рыбачить с друзьями. Вернется только днем. Ничего не подгорело, ребенок молчит. Что же случилось?

Солнце. Солнце ей мешало.

Оно высоко поднялось за окном, играя лучами в листьях большого клена. Но... Рэнди ведь всегда будил ее, когда солнце едва вставало над горизонтом...

Глаза ее метнулись к часам. Десять минут десятого.

— Рэнди? — позвала она, бросившись в ночной рубашке в узкий коридор трейлера. — Рэнди, детка!

Детская спальня тонула в полумраке. Свет падал из маленького окошка, над открытой кроватью. Но она же накрывала ее!

Кровать была пуста.

— Рэнди? — прошептала она.

И увидела его.

Маленькое тельце в полуразмотавшихся пеленках лежало в углу, словно узел тряпья. Одна нога комично вывернулась, как восклицательный знак.

— Рэнди!!!

Она упала на колени и схватила ребенка. Он был холодным.

— Рэнди, дорогой, Рэнди, Рэнди, ну вставай...

Синяки прошли. Все прошли. Кожа ребенка была чистой и свежей; впервые за последнее время он показался ей красивым, и при виде этой красоты она закричала — жутким, отчаянным криком.

— Рэнди! Вставай! Рэнди? Рэнди?

Она вскочила вместе с ним и кинулась назад в коридор. На кухне стоял высокий стульчик над подносом с остатками вчерашнего ужина Рэнди. Она усадила его на стул, ярко освещенный солнцем. Голова Рэнди дернулась, и он медленно отполз в тень за высокой ручкой стула.

— Рэнди? — сказала она, улыбнувшись. Глаза ее выкатились из глазниц, как кусочки голубого мрамора. —

Ну проснись, Рэнди. Завтрак, Рэнди. Ты проголодался? Ну пожалуйста, о боже, пожалуйста...

Она полезла в висячий шкафчик над плитой и нашла там коробку детского питания. Доставая ее, она уронила бутылку с подсолнечным маслом, залившим пол и плитку липкими брызгами. Еще она вытащила банку шоколадного крема Гербера и взяла маленькую пластиковую ложечку.

— Смотри, Рэнди. Вот твой любимый. Просыпайся, посмотри, какой шоколад. Шоколад, Рэнди. Шоко-шоко-шоколад, — ужас опять охватил ее. — Проснись! — закричала она, забрызгав слюной его лицо. — Проснись проснись ну ради Бога маленькое дерьмо ПРОСНИСЬ ЖЕ!

Она отвернула крышку и налила шоколад в ложечку. Рука ее, уже знающая правду, так дрожала, что большая часть пролилась на пол. Она просунула ложку между его губ, и ее содержимое плюхнулось на поднос. Ложка глухо стукнулась о его зубы.

— Рэнди, — простонала она. — Хватит дурачить маму.

Она приоткрыла его рот пальцами и кое-как пропихнула туда ложку.

— Вот, — сказала Сэнди Макдугалл. На губах ее появилась неопишуемая сумасшедшая улыбка. Она опустилась на стул, расслабив мускулы. Вот теперь все нормально. Теперь он поймет, что она любит его, и бросит свои дурацкие шутки.

— Вкусно? — пролепетала она. — Шоколад вкусный, Рэнди? Что же ты не улыбаешься маме? Будь хорошим мальчиком и улыбнись маме.

Она протянула дрожащие пальцы и оттянула углы его рта.

Шоколад вылился на поднос — плюм!

Она завизжала.

3

Тони Глик проснулся утром в субботу от того, что его жена, Марджори, внезапно упала на пол.

— Марджи? — позвал он, спуская ноги с кровати. — Марджи?

После долгой паузы она ответила:

— Ничего, Тони, все в порядке.

Он сел на кровати, невидящим взглядом глядя на свои ноги. На нем были полосатые пижамные штаны. Волосы на голове свалились в воронье гнездо. Волосы у него густые и черные, и сыновья унаследовали их. Многие считали его евреем, но эти итальянские волосы показывали, что они ошибаются. Его дед носил фамилию Глик-куччи. Когда ему сказали, что в Америке можно преуспеть только с американской фамилией, короткой и четкой, он превратился в Глика, не подумав, что этим он просто сменил одно нацменьшинство на другое. Тело Тони Глика было смуглым и сильным, а на лице застыло изумление, как у пьяницы, которого выставили из бара.

Он уже неделю не ходил на работу и очень много спал. Когда он спал, горе проходило. Снов он не видел. Он ложился в полвосьмого, вставал в десять утра и еще спал после обеда. Время, прошедшее между сценой на похоронах Дэнни и этим солнечным субботним утром, казалось нереальным. Люди приносили им еду. Запеканки, пироги, соленья. Марджи сказала, что не знает, куда они все это денут. Им обоим не хотелось есть. Вечером в среду он пытался полюбить жену, но в итоге они оба расплакались.

Марджи выглядела совсем плохо. Ее метод успокоения состоял в уборке дома, и она прибиралась с маниакальной тщательностью. Дом наполнился плеском воды и гудением пылесоса и весь пропитался едкими запахами лизола и аммиака. Она упаковывала в коробки всю детскую одежду и игрушки для Армии спасения. Когда он в четверг утром вышел в коридор, все эти коробки, аккуратно надписанные, выстроились вдоль стенки. Он никогда в жизни не видел ничего ужаснее. Она вытащила во двор все ковры и дорожки и немилосердно выколачивала из них пыль. И даже в полубессознательном состоянии Тони заметил, как она побледнела с четверга или с пятницы; даже ее губы, казалось, потеряли свой естественный цвет. Под глазами глубоко залегли коричневые тени.

Все эти мысли пронеслись у него в голове прежде, чем он успел их высказать, и он уже хотел снова улечься спать,

когда она вновь упала и на этот раз не откликнулась на зов.

Он встал, пошел в комнату и увидел, что она лежит на полу, глядя невидящими глазами в потолок. Она переставляла мебель, и все вещи были сдвинуты с мест, придавая комнате странный, незнакомый вид.

Что-то с ней было не так, и ее вид даже согнал с него часть оцепенения. Она лежала в задравшемся халате, ноги ее были цвета мрамора, весь загар, который она приобрела во время краткого отпуска этим летом, сошел с них. Руки слепо шарили вокруг. Рот ее приоткрылся, словно ей не хватало воздуха, и ему показалось, что у нее как-то странно выступают зубы, но было слишком темно, чтобы это понять.

— Марджи, дорогая!

Она попыталась ответить и не смогла, и тогда его охватил страх. Он встал, чтобы позвонить доктору.

Он уже взял трубку, когда она выговорила:

— Нет... не надо...

Это сопровождалось хриплым вздохом. Она кое-как села, и в тишине дома ее дыхание казалось оглушительным.

— Помоги... забери меня... солнце жжется...

Он подошел и поднял ее, изумленный легкостью ее тела. Она, казалось, весила не больше вязанки дров.

— ...диван...

Он положил ее туда, в тень. Казалось, ей стало лучше, дыхание сделалось более ровным. На мгновение она закрыла глаза, и он снова удивился белизне ее зубов на фоне бледных губ. Он нагнулся, чтобы поцеловать ее.

— Давай я позвоню доктору, — сказал он.

— Нет. Мне уже лучше. Солнце меня... обжигает. Даже странно. Вот теперь хорошо, — щеки ее немного порозовели.

— Ты уверена?

— Да. Я в порядке.

— Ты слишком много работаешь, дорогая.

— Да, — сказала она безучастно.

Он погладил ее рукой по волосам.

— Мы переживем это, Марджи. Переживем. Вот увидишь.

— Я ужасно выгляжу, — сказала она. — Я знаю. Я смотрелась в зеркало вчера вечером и с трудом себя узнала. На минуту я, — тут она слегка улыбнулась, — я подумала, что вовсе не отражаюсь, что от меня уже ничего не осталось, и я такая... такая бледная...

— Я все же позвоню доктору Рердону.

Но она, казалось, не слышала.

— Мне последние ночи снится чудесный сон, Тони. Такой реальный. Будто Дэнни приходит ко мне. Он говорит: «Мама, мама, я так рад, что я дома». И еще говорит...

— Что же он говорит? — спросил он.

— Говорит, что он... снова маленький. Снова грудной. И я даю ему грудь... и потом такая сладость, но и чуть-чуть больно, как будто он меня кусает — ох, наверное, это звучит ужасно. Как все эти рассказы психиатров.

— Нет, — сказал он. — Нет.

Он стал на колени рядом с ней, и она слабыми руками обняла его за шею. Руки были холодными.

— Не надо доктора, Тони, пожалуйста, я не буду сегодня работать.

— Ну ладно, — сказал он.

— Это такой чудесный сон, Тони, — опять сказала она. Движение ее губ и белизна зубов за ними вдруг показались ему необычайно привлекательными. Он почувствовал возбуждение. — Я хочу, чтобы он мне опять приснился.

— Может быть, — сказал он, глядя ее волосы. — Может, и приснится.

4

— О Господи, ну и вид у тебя, — сказал Бен.

Но здесь, среди больничной белизны и чахлой зелени, Сьюзен Нортон все равно казалась цветущей. На ней была ярко-желтая блузка с черными полосками и короткая джинсовая юбка.

— У тебя не лучше, — ответила она, подходя к нему.

Он впился в ее губы, лаская рукой теплую поверхность ее бедра.

— Эй, эй, — сказала она, шутливо отталкивая его. — Они тебя за это выгонят.

— Не выгонят.

— Ну, тогда меня.

Они поглядели друг на друга.

— Я тебя люблю, Бен.

— Я тебя тоже.

— Если бы я могла залезть к тебе прямо сейчас...

— Подожди, пока меня развяжут.

— А как я объясню это сестрам?

— Скажешь, что делаешь мне массаж.

Она, смеясь, покачала головой, потом придвинула стул.

— В городе много всего случилось.

Он нахмурился.

— Что же?

— Я даже не знаю, как тебе сказать; я ведь и сама еще не верю.

— Ладно, скажи, а я уж сам разберусь.

— Как твое состояние, Бен?

— Нормально. Ничего серьезного. Доктор Мэтта, Коди...

— Нет, что ты думаешь? Ты веришь во все эти истории про графа Дракулу?

— О. Так значит, Мэтт тебе рассказал?

— Мэтт здесь, в больнице. Этажом выше, там, где реанимация.

— Что? — он приподнялся на локтях. — Что с ним стряслось?

— Сердечный приступ.

— Сердечный?

— Доктор Коди говорит, что у него стабильное состояние. Хотя приступ тяжелый, но с тех пор ему не становилось хуже. Я была у него, когда это случилось.

— Расскажи мне все, что помнишь.

Радость исчезла с его лица. Теперь оно было собранным и предельно внимательным.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Как я отношусь к рассказу Бена?

— Да.

— Давай я лучше скажу, что ты думаешь. Ты думаешь, что дом Марстенов довел меня до такого состояния, что скоро я начну ловить чертей у себя на пузе, так ведь?

— Да, примерно так. Только я никогда не думала об этом в таких... в таких резких выражениях.

— Я знаю, Сьюзен. Если хочешь, я попытаюсь тебе объяснить, о чем я думаю. Тебе это не повредит. К тому же у тебя такой вид, будто ты упала с лестницы. Ты что-то видела?

— Да... но я не верю, не могу...

— погоди. Это «не могу» всему и мешает. Такое абсолютное, дурацкое слово «не могу». Я тоже не верил Мэтту, Сьюзен, потому что в такие вещи невозможно поверить. Легче всего было бы решить, что он сошел с ума. Тебе так не показалось?

— Нет. Нет, но...

— Стоп, — он поднял руку. — Ты все еще думаешь, что этого «не может быть»?

— Наверное, да.

— Мне он вовсе не показался сумасшедшим. Мы с тобой знаем, что параноидные фантазии не возникают за одну ночь. Они развиваются постепенно, и их нужно холить и лелеять. Ты слышала в городе какие-нибудь разговоры о странностях Мэтта? Интересовался ли он всякими вещами типа переселения душ или спиритизма? Или участвовал в Лиге охотников за тарелками? Может, его когда-нибудь арестовывали?

— Нет, — сказала она. — Никогда. Но Бен... мне трудно говорить так про Мэтта, но есть ведь люди, которые сходят с ума внезапно.

— Не думаю, — сказал он спокойно. — Всегда бывают признаки. Иногда ты не замечаешь их, но они всегда есть. Вот скажи, поверила бы ты показаниям Мэтта по поводу аварии?

— Да...

— А если бы он сказал, что Майка убили?

— Да, наверное.

— А этому не веришь.

— Бен, — я просто не могу...

— Ну вот, опять! — он увидел, что она собирается протестовать, и остановил ее движением руки. — Я вовсе не смеюсь над тобой, Сьюзен. Я повторяю ход своих собственных мыслей. Поняла?

— Поняла. Продолжай.

— Второй моей мыслью было, что кто-то разыграл его. Какой-то негодяй или враг.

— Я об этом тоже думала.

— Мэтт сказал, что у него нет врагов. И я ему верю.

— Враги есть у всех.

— Но разные. Не забывай одной важной вещи — здесь замешан мертвец. Если кто-то решил подшутить над Мэттом, зачем для этого убивать Майка Райерсона? Оно ведь правда умер. Да и потом, по словам Мэтта, он встретил Майка по чистой случайности. Никто не приводил его в тот вечер к Деллу. Никаких звонков или записок. Такой случайности достаточно, чтобы отвергнуть идею заговора.

— Так что же остается из рациональных объяснений?

— Что Мэтту все это приснилось. Что Майк умер от естественной, хотя и неизвестной, причины.

— Но ты в это не веришь.

— Я не верю, что ему снилось открывшееся окно. Оно в самом деле открылось, и ставень свалился вниз. Я видел его, и Перкинс Гиллспай тоже. И я видел еще кое-что. Земля под окном очень мягкая. Чтобы подняться на второй этаж и открыть ставни, нужна лестница, и она оставила бы там следы. Но никаких следов лестницы там не видно. Вот так. Ставни открыты снаружи, и никаких следов.

Они поглядели друг на друга.

Он подытожил:

— Утром я все это еще раз обдумал. Чем больше я думал, тем больше верил Мэтту. И наконец я избавился от этого своего «не может быть». А теперь расскажи, что случилось у Мэтта. Если это объясняется рационально, я буду только рад.

— Нет, — сказал она мрачно. — Все было хуже. Он только закончил рассказывать мне про Майка, и вдруг сказал, что слышит шум наверху. Он был очень напуган, но пошел туда, — она положила руки ему на колени, и он крепко сжал их, будто боялся, что они улетят. — Сначала все было тихо, а потом Мэтт что-то крикнул, вроде того, что он отменяет свое приглашение. А потом... нет, я правда не знаю...

— Говори. Не тяни.

— Мне показалось, что кто-то — кто-то другой — зашипел. Потом удар, как будто что-то упало. А потом голос: «Я приду, когда ты уснешь, учитель». Вот так. И еще, когда я пошла за одеялом для Мэтта, я нашла вот это.

Она вынула из кармана кольцо и протянула ему.

Бен взял его и поднес к свету, чтобы прочитать инициалы.

— «М.К.Р.» Майк Райерсон?

— Майк Кори Райерсон. Я его уронила, а потом снова подняла — думала, что Мэтт захочет его увидеть. Оставь у себя, я не хочу до него дотрагиваться.

— От этого тебе...

— Плохо. Очень плохо, — она непроизвольно потрянула головой. — Но весь мой здравый смысл против этого, Бен. Я еще могла бы поверить, что Мэтт зачем-то убил Майка и сочинил всю эту историю для своего оправдания. Оторвал ставень. Разыграл спектакль, пока я была внизу, подбросил кольцо...

— И устроил себе сердечный приступ, чтобы все казалось более реальным, — сухо закончил Бен. — Я все еще надеюсь найти этому рациональные объяснения. Хоть какие-нибудь. Почти молю об этом. Монстры в фильмах ужасов кажутся смешными, но в реальной жизни, особенно ночью, это совсем не так. Конечно, ставень могло оторвать ветром. И еще — Мэтт человек образованный, и вполне мог узнать рецепт яда и отравить Майка. Правда, тот ничего не ел.

— Ты судишь об этом по словам самого Мэтта, — отпарировала она.

— А с чего ему было лгать, если он знал, что желудок покойника все равно осмотрят? Но оставим это. В любом случае Мэтт получил сердечный приступ. Отчего?

Она беспомощно покачала головой.

— А если у нас нет никаких объяснений, почему бы не принять эту версию? Конечно, я могу представить себе, как объяснить бы это Эллери Куин, но жизнь все же не детектив.

— Но это... это же безумие, Бен.

— Как и Хиросима.

— Перестань! — внезапно взорвалась она. — Перестань играть в эти игры! Тебе это не идет! Все это бабушкины сказки пополам с сумасшествием, а ты хочешь...

— погоди, — сказал он. — пойми, о чем я. Весь мир вот-вот готов взорваться, а ты не можешь поверить в каких-то вампиров.

— Но это в моем городе — упрямо сказала она. — Если здесь что-то случается, это реальность, а не философия.

— С этим я не могу согласиться, — сказал он, поправляя бинты. — Хотя твой бывший ухажер, наверное, думает иначе.

— Извини. Я совсем не думала, что Флойд способен на такое. Не могу понять.

— Где он сейчас?

— В вытрезвителе. Перкинс Гиллспай сказал маме, что отправит его в графство — к шерифу Маккаслину, — но сперва узнает, хочешь ли ты подавать на него в суд.

— А ты что думаешь?

— Ничего. Он меня больше не интересует.

— Я не буду этого делать. Только хочу поговорить с ним.

— О нас?

— О том, почему на не было пальто, шляпа, темные очки... и еще резиновые перчатки.

— Что?

— Да-да, — сказал он, глядя на нее. — Солнце еще не зашло, и светило на него. По-моему, ему это не нравилось.

Они молча смотрели друг на друга. Сказать было нечего.

5

Когда Нолли принес Флойду завтрак из кафе «экс-елент», Флойд еще спал. Нолли показалось, что не стоит будить его только для того, чтобы он съел пару сваренных Полиной Диккенс яиц и пять-шесть кусочков ветчины, и отнес все это обратно и остался выпить кофе. Полина готовила чудесный кофе — одно это говорило в ее пользу. Но когда он принес Флойду ланч, тот лежал в том же положении. Нолли слегка испугался, поставил поднос и постучал ложкой по прутьям решетки.

— Эй, Флойд! Обедать пора!

Флойд не шевелился, и Нолли достал из кармана ключ и отпер дверь, хотя и не без колебаний. В последней серии «Гансмоук» один крутой парень так же притворился спящим, чтобы сбежать из тюрьмы. Нолли не считал Флойда очень уж крутым, но этот Мейрс тоже казался не таким уж слабым.

Он еще немного постоял у двери, держа ложку в одной руки и ключ в другой, рослый парень в белой рубашке, всегда темной в подмышках от пота. Он играл в бейсбол, а по выходным ездил в Портленд в ночные бары — их список лежал у него в бумажнике рядом с лютеранским календариком. Он был общительным человеком, медленно реагирующим и медленно соображающим. В силу этих причин он стоял еще там несколько минут, стуча ложкой по прутьям и изо всех сил желая, чтобы Флойд пошевелился или сделал что-нибудь. Он уже хотел звать Перкинса, когда тот появился сам.

— Что ты тут делаешь, Нолли? Музыкой решил заняться?

Нолли покраснел.

— Флойд не шевелится, Перк. Я боюсь, что он... заболел.

— Ага, и ты думаешь, ему полегчает, если ты будешь колотить этой ложкой? — Перкинс толкнул дверь.

— Флойд! — он потряс его за плечо. — Что с то...

Флойд свалился а пол, как мешок.

— Вот черт, — сказал Нолли. — Он же умер.

Но Перкинс не слышал. Он смотрел на застывшее лицо Флойда. До Нолли медленно доходил тот факт, что Перкинс испуган.

— В чем дело, — Перк?

— Ничего, — сказал Перкинс. — Пошли-ка отсюда. Господи, только бы до него не дотрагиваться.

Нолли смотрел на труп Флойда с растущим ужасом.

— Пошли, — повторил Перкинс. — Надо вызвать до к-тора.

6

В середине дня Фрэнклин Боддин и Вирджил Рэтбун подъехали к деревянным воротам в конце Берн-роуд, в двух милях от кладбища Хармони-хилл. Они сидели в «шевроле» Франклина 57-го года, который сошел с конвейера в первом году второго срока президентства Айка кремовым, но теперь был смешанного красно-дерьмового цвета. В кузове лежало то, что Фрэнклин называл Ерундовиной. Они привозили на свалку полный кузов этой Ерундовины каждый месяц, и большей частью она состояла из пустых бутылок из-под пива, вина и водки «Попов» и из пустых пивных жестянок.

— Закрыто, — сказал Фрэнклин Боддин, прочитав надпись на воротах. — Опять мы в жопе, — он отшвырнул бутылку «Доусона», допив последний глоток, и вытер рот ладонью. — Сегодня что, суббота?

— Конечно, — ответил Вирджил Рэтбун, хотя он не знал, суббота сегодня или среда, и не знал даже, какой сейчас месяц — настолько он был пьян.

— Но по субботам свалка ведь не закрыта, — сказал Фрэнклин. Вместо одной таблички он видел три. Он прочитал еще раз. На всех трех одно и то же: «Закрыто». Ярко-красной краской, без сомнения, той самой, что стояла в банке за дверью у Дада Роджерса.

— Никогда ее по субботам не закрывали, — сказал Вирджил. Он попытался отхлебнуть из своей бутылки, но

промахнулся и залил пивом левое плечо. — А черт, опять пятно будет.

— Закрыто, — повторил Фрэнклин с растущим раздражением. — Этот сукин сын слишком много о себе воображает. Я ему покажу «закрыто», — и он нажал на газ. Пиво вылилось из бутылки, которую он зажал между ног, и залило ему штаны.

— Давай, Фрэнклин! — завопил Вирджил, смачно рыгнув. Пикап боднул ворота, отбросив одну их створку на обочину, и устремился дальше, виляя из стороны в сторону. Чайки взмыли в воздух кричащей тучей.

В четверти мили за воротами Бернс-роуд (здесь называемая уже Дамп-роуд) выходила на обширную пустошь, где и располагалась свалка. Заросли ольхи и кленов расступались, открывая голую землю, которую периодически запахивали бульдозером, стоящим в сарае у Дада. За этой пустошью находился карьер, куда в будущем должна была переместиться свалка. Тряпки, железо битое стекло и алюминий образовывали гигантские дюны.

— Чертов горбун, он что, всю неделю тут ничего не жег? — проворчал Фрэнклин. Он обеими ногам надавил на тормоз, и машина, завизжав, остановилась. — Напился, что ли?

— Я никогда не думал, что Дад пьет, — сказал Вирджил, выкидывая в окно опустевшую бутылку. Другую он пинком вышвырнул в дверь, но остатки пива успели залит ему ногу.

— Все горбуны пьют, — уверенно заявил Фрэнклин. Он потер окошко рукавом. — Пошли посмотрим, где он там.

Когда машина умолкла, воцарилась тишина. Кроме неумолчных криков чаек, не было слышно ни звука.

— Как ту тихо, — прошептал Вирджил.

Они вылезли и направились к борту. Открыв замки, они принялись выкидывать из кузова Ерундовину. Они давно привыкли к этой работе. Фрэнклин с Вирджилом относились к той части города, которую не показывают туристам — и потому, что город не любил вспоминать об их существовании, и потому, что им самим не было до

города никакого дела. Если вы увидите на дороге пикап Фрэнклина, вы забудете о нем, как только он скроется за поворотом. Если вы проедете мимо их лачуги с тянущимся из трубы дымком, вы ее просто не заметите. Если вы встретите Вирджила в Камберленде с бутылкой благотворительной водки в кармане, вы равнодушно скажете «привет» и потом даже не вспомните об этом. Дерек Боддин, отец Ричи (свернутого тирана начальной школы на Стэнли-стрит), был родным братом Фрэнклина, но он никогда не вспоминал об этом.

Когда кузов опустел, Фрэнклин выкинул из него последнюю банку — звяк! — и подтянул штаны.

— Пошли поищем Дада, — предложил он.

Они спрыгнули вниз и направились к лачуге Дада. Дверь была закрыта.

— Дад! — крикнул Фрэнклин. — Эй, Дад Роджерс! — он пнул дверь так, что задрожало все строение. Замок внутри слетел с легким треском, и дверь отворилась. Внутри было пусто, только пахло чем-то приторным, что вызвало у них гримасу отвращения — хотя они-то в жизни нанюхались всякого. Фрэнклину этот запах напомнил соленые огурцы, пролежавшие несколько лет, с побелевшим пузырящимся рассолом.

— Вот сукин сын, — сказал Вирджил. — Хуже гангрены.

Но в хижине присутствовали признаки жизни. На крюке над койкой висела рубашка Дада, погнутый стул был отодвинут от стола, постель застелена по-армейски. Возле двери стояла банка краски со свежими потеками.

— Меня стошнит, если мы не уйдем — прохрипел Вирджил. Его лицо начало зеленеть.

Фрэнклин, который чувствовал себя не лучше, попятился и закрыл дверь.

Они прошлись по свалке, где было пусто, как на лунной поверхности.

— Нет его, — сказал Фрэнклин. — Валяется пьяный где-нибудь в лесу.

— Фрэнк?

— Ну, чего еще?

— Дверь ведь заперта изнутри. Если его там нет, то кто же ее запер?

Пораженный, Фрэнклин повернулся и посмотрел на хижину. «Через окно», — хотел он сказать, но окно было всего-навсего прямоугольным отверстием, через которое Дад не смог бы протиснуться даже без горба.

— Брось, — сказал он с досадой. — Нет его, и ладно. Поехал отсюда.

Они влезли в пикап, и Фрэнклин почувствовал, как что-то пробивается сквозь опьянение — какое-то чувство жути, чувство, что случилось что-то страшное. Будто свалка имела сердце, и оно билось медленно и неостановимо. Ему вдруг захотелось побыстрее уехать.

— Что-то крыс не видно, — сказал Вирджил.

Ни крыс, ни кого; — только чайки. Фрэнклин попытался вспомнить, когда на свалке не было крыс. Он не помнил. И ему это тоже не понравилось.

— Может он рассыпал отраву, а, Фрэнк?

— Поехали, черт с ним, — сказал Фрэнклин.

7

После ужина Бена пустили к Мэтту Берку. Только посмотреть, пока Мэтт спит. Но кислородную подушку уже убрали, и сестра сказала, что завтра утром Мэтт почти наверняка сможет говорить.

Бен подумал, что он ужасно постарел. Лежа здесь, с торчащей из ворота больничной пижамы морщинистой шеей, он выглядел жалким и беззащитным. Если это правда, подумал Бен, то эти люди не поймут тебя, Мэтт. Ты попал в цитадель неверия, где кошмары лечат скальпелем и уколами, а не Библией или заклинаниями. Если в их стройной жизненной системе вдруг обнаружится зияющий пробел, они его просто не заметят. Не захотят замечать.

Он подошел к изголовью и осторожно приподнял голову Мэтта. На шее не было никаких отметин.

Он немного помедлил, потом подошел к шкафчику. Там лежали вещи Мэтта, а на внутренней ручке висел тот самый крест, с которым его видела Сьюзен.

Бен снял его и надел Мэтту на шею.
— Эй, что вы делаете?
У двери стояла сестра с уткой и кувшином воды.
— Надеваю ему крест, — сказал Бен.
— Он что, католик?
— Теперь да, — ответил Бен мрачно.

8

Уже стемнело, когда в дверь дома Сойеров на Дип-Кат-роуд тихонько постучали. Бонни Сойер с легкой улыбкой пошла открывать. На ней были только короткий передник и туфли на каблуках.

Когда она открыла дверь, глаза Кори Брайента расширились.

— Бо..., — только и сказал он. — Бо... Бо... Бонни?

— Что с тобой, Кори? — она непринужденно оперлась на ручку двери, зная, что это еще больше подчеркивает ее грудь. В то же время она скрестила ноги, предоставив ему любоваться ее бедрами.

— Бонни, а если...

— Телефонист? — спросила она, улыбаясь. Потом взяла его руку и положила на свою упругую грудь. — Послушай-ка мой телефон.

С отчаянной решимостью, как утопающий, схвативший сосок вместо соломинки, он притиснул ее к себе.

Его руки скользнули к ее ягодицам, и передник тревожно зашуршал, сдавленный их телами.

— О-о, — выдохнула она, все сильнее вращая бедрами. — Можете проверить мой микрофон, мистер телефонист? Я как раз жду важного звонка...

Он сгреб ее в охапку и пинком затворил дверь. Ей не было нужды показывать ему дорогу к кровати, он уже хорошо ее запомнил.

— Ты уверена, что он не вернется?

Ее глаза блестели в темноте.

— Вы о ком, мистер телефонист? А, о моем дорогом муже... нет, он в Берлингтоне, штат Вермонт.

Он опустил ее на кровать, раздвигая ноги.

— Включи свет, — прошептала она медленно, — Я хочу видеть, как ты это делаешь.

Он включил лампу над кроватью и повернул к ней. Ее передник сбил на сторону. Глаза казались бездонными.

— Сними это, — показал он рукой.

— Сними сам, — сказала она. — Пожалуйста, мистер телефонист.

Он протянул руку. С ней он всегда чувствовал себя неопытным школьником, и руки его дрожали, будто воздух вокруг нее был наэлектризован. Он никогда не переставал думать о ней и часто видел ее во сне, блестящую, загорелую, дрожащую от желания. Ее изобретательность не знала границ.

— Нет, встань на колени, — сказала она. — Встань на колени предо мной.

Он неуклюже опустился на колени и потянулся к завязкам передника. Она подняла ноги в туфлях ему на плечи. Он начал целовать внутреннюю часть бедер, твердую и теплую под его губами.

— Так, так Кори, давай, давай, да...

— Да-а, вот это картинка.

Бонни Сойер закричала.

Кори Брайент ошеломленно поднял глаза.

В двери спальни стоял Реджи Сойер. В руке он сжимал двухстволку.

Кори почувствовал, что по ногам его потекла теплая жидкость.

— Так-так, — сказал Реджи, входя в комнату. Он улыбался. — Я проспорил этому ублюдку Микки Сильвестеру ящик пива. Обидно.

Бонни первой подала голос.

— Реджи, послушай. Это не то, что ты думаешь. Он ворвался, прямо как сумасшедший...

— Заткнись, сука, — он все еще улыбался. Высокий мужчина, одетый в тот же стального оттенка костюм, в котором был, когда она два часа назад целовала его на прощанье.

— Послушайте, — слабым голосом сказал Кори. — Прошу Вас. Пожалуйста, не убивайте меня. Даже если я

заслужил. Вы же не хотите в тюрьму. Побейте, если хотите, только не уби...

— Вставай с колен, Перри Мэйсон, — продолжая улыбаться, проговорил Реджи Сойер. — У тебя ширинка расстегнута.

— Послушайте, мистер Сойер...

— О, зови меня Реджи. Мы ведь почти родственники. Можно сказать, мужа одной жены.

— Реджи, это не то, что ты думаешь, он меня изна...

Реджи посмотрел на нее все с той же снисходительной улыбкой.

— Если ты скажешь еще слово, я забью его тебе в глотку.

Бонни начала всхлипывать. Лицо ее приобрело оттенок свежего кефира.

— Мистер Сойер... Реджи...

— Твоя фамилия Брайент, так ведь? Ты сын Пита Брайента?

Кори отчаянно кивнул головой.

— Да, верно. Верно. Послу...

— Я иногда продавал ему бензин, когда работал у Джима Уэббера. Это было четыре или пять лет назад, когда я еще не встретился с этой вот сучкой. Твой отец знает, что ты здесь?

— Нет, сэр, вы разобьете ему сердце. Вы можете побить меня, но если вы меня застрелите, моего отца это убьет, и вы будете отвечать за двух...

— Да нет, думаю, он правда не знает. Пойдем-ка в комнату, поговорим немного, — он улыбнулся Кори, словно давая понять, что не причинит ему вреда, а потом повернулся к Бонни, которая глядела на него, выпучив глаза. — А ты, киска, посиди здесь, иначе никогда не узнаешь, чем кончится твой любимый фильм. Пошли, Брайент, — он указал дорогу дулом ружья.

Кори, немного успокоившись, поплелся в комнату. Ноги его не гнулись. Под лопаткой ныло. «Вот куда он и выстрелит, прямо между лопаток. Интересно, успею ли я увидеть, как мои кишки размажутся по стенке?»

— Повернись, — сказал Реджи.

Кори послушался. Он начал плакать. Он не знал, поможет это или нет, но не мог сдержаться. Все равно он уже обмочился.

Ружья больше не было направлено дулом книзу. Оба ствола смотрели прямо в лицо Кори. Они казались жерлами бездонных колодцев.

— Ты знаешь, что ты сделал? — спросил Реджи. Улыбка пропала. Теперь его лицо сделалось каменным. Кори не ответил. Что за вопрос? Он только продолжал плакать.

— Ты спал с чужой женой, Кори. Так тебя зовут?

Кори кивнул, стряхнув слезы со щек.

— Ты знаешь, что делают с такими людьми, если поймают?

Кори опять кивнул.

— Возьми-ка этот ствол, Кори. Курок срабатывает при давлении пять фунтов, а сейчас где-то три. Так что, давай, возьми... как ты брал за грудь мою жену.

Кори протянул дрожащую руку и обхватил ствол ружья. Металл пронизал его ладонь холодом смерти. В горле его родился долгий, протяжный стон.

— Засунь себе в рот, Кори. Оба ствола. Вот так. Да, большой у тебя рот, полижи-ка его. Ты хорошо умеешь лизать, ведь так?

Челюсти Кори раздвинулись до предела. Во рту чувствовался вкус смазки, и его едва не стошнило. Холодная сталь упиралась в небо.

— Закрой глаза, Кори.

Но Кори продолжал смотреть на него; глаза его расширились до размера чайных блюдец.

Реджи опять улыбнулся.

— Закрой свои младенческие глазки, Кори.

Кори подчинился.

Сейчас он вывихнет челюсть.

Реджи нажал на оба курка. Они отозвались холостым «клик-клик».

Кори свалился на пол в глубоком обмороке.

Реджи еще немного посмотрел на него, улыбаясь, потом пошел в спальню.

— Вот и я, Бонни. — Как ты, готова?
Бонни Сойер зарыдала.

9

Кори Брайент, спотыкаясь, шел по Дип-Кат-роуд к месту, где он оставил служебную машину. От него несло мочой. Глаза тупо глядели вперед. С левой стороны головы у него был большой синяк, который он посадил, ударившись об пол. Ботинки противно шаркали по мягкой земле. Он пытался не думать ни о чем, кроме этого шарканья, не думать о внезапно и горько рухнувшей жизни. Было уже четверть девятого.

Реджи Сойер все еще улыбался, выставляя Кори через заднюю дверь. Глухие рыдания Бонни, доносившиеся из спальни, не могли заглушить его слов. «Теперь иди на дорогу. Полезай в свой грузовик и возвращайся в город. Без четверти десять отходил автобус на Бостон. Из Бостона езжай, куда захочешь. Сядешь в автобус у Спенсера. Если я еще увижу тебя, убью. С ней все будет в порядке. Это для нее хороший урок. Поносит пару недель кофту с длинным рукавом, но лицо я ей не трону. А ты убирайся из Салемс-Лот, пока не станешь снова человеком».

И вот он шел по дороге, как и велел ему Реджи Сойер. Он уедет из Бостона на юг... куда-нибудь. У него в банке есть больше тысячи долларов. Мать всегда говорила, что он очень экономный. Он мог взять эти деньги и жить на них, пока не найдет работу и будет работать день и ночь, чтобы забыть то, что случилось — вкус ружейной смазки и запах собственной мочи.

— Добрый вечер, мистер Брайент.

Кори сдавленно вскрикнул и уставился в темноту, ничего вначале не видя. Ветер раскачивал ветви, заставляя тени плясать по дороге. Внезапно его глаза увидели среди теней что-то более четкое, стоящее у каменной стены, одевающей дорогу от фермы Карла Смита. Тень напоминала человека, но было в ней что-то... что-то...

— Кто вы?

— Ваш друг, мистер Брайент.

Тень выступила вперед. В призрачном свете Кори разглядел мужчину средних лет с черными усами и яркими, необычайно глубокими, глазами.

— Вам не повезло, мистер Брайент.

— Откуда вы знаете про мои дела?

— Я много знаю. Это моя профессия. Закурите?

— Спасибо, — он благодарно схватил протянутую сигарету и сунул ее в рот. Незнакомец зажег огонь, и при свете спички Кори увидел, что у него выступающие славянские скулы и черные волосы, зачесанные назад от высокого бледного лба. Потом спичка погасла, и Кори вдохнул острый аромат. Итальянская сигарета, отметил он, но это лучше, чем никакая. Он начал немного успокаиваться.

— Кто вы? — повторил он свой вопрос.

Незнакомей засмеялся неожиданно звучным смехом, который поплыл в воздухе, как дымок сигареты. Кори.

— Имена! — сказал он. — О эта американская страсть к именам! Купите у меня машину, потому что я — Билл Смит! Обедайте у меня! Смотрите меня по телевизору! Моя фамилия Барлоу, если вам от этого легче, — и он опять рассмеялся. Кори почувствовал, что его шубы тоже расползаются в улыбке, и почему-то испугался. Все его несчастья показались далекими и малозначащими в сравнении с искрами смеха в этих темных глазах.

— Вы ведь иностранец? — спросил Кори.

— Я из многих стран, но лично мне. Эта страна... этот город... представляется полным иностранцев. Понимаете? — он опять рассмеялся во все горло, и Кори на этот раз присоединился к нему.

— Иностранцев, да, — продолжил он, — но очень симпатичных, полнокровных и полных жизни. Знаете ли вы, какие у вас в городе прекрасные люди, мистер Брайент?

Кори только хмыкнул, немного смущенный. Но он не мог оторвать глаз от незнакомца.

— Они никогда не знают голода или нужды, ваши люди. Уже два поколения они ничего такого не испытывали, да и раньше это было, как голос из дальней комнаты. Они

думают, что знают боль, но это боль ребенка, который уронил на землю свое мороженое. Во всем этом нет — как это по-английски? — томления. Они весьма энергично пьют друг у друга кровь. Вы в это верите?

— Да, — сказал Кори. Глядя в глаза незнакомцу, он видел многие вещи, и все они были удивительны.

— У вас страна парадоксов. В других странах, если человек много ест день за днем, он делается толстым... сонным... свиноподобным. Но здесь... чем больше у вас есть, тем вы агрессивнее. Понимаете? Как мистер Сойер. Имеет так много и не может уделить вам какие-то крохи со своего стола. Тоже как ребенок, который отталкивает другого от торта, хотя сам не может его съесть. Разве не так?

— Так, — кивнул Кори. Глаза Барлоу смотрели так понимающе. Все видится на...

— Все видится на расстоянии, так?

— Так! — воскликнул Кори. Он поднял палец в знак полнейшего согласия. Забытая сигарета выпала из его руки и, дымясь, упала в траву.

— Я давно мечтал о таком тихом месте, как ваше, — вдохновенно продолжал незнакомец. — Я мог бы поехать в большие города, но что я найду там? Пфф! Перебегать улицу! Дышать вонючим дымом! Общаться с тупыми, лишенными воображения, дилетантами, чье общество — как это? — ах да, омерзительно мне! Разве можно сравнить сельскую простоту с холодной изощренностью большого города... любого города Америки? Нет! Нет и еще раз нет! Я плевал на ваши города!

— О да! — прошептал Кори.

— И вот я приехал сюда, в город, куда меня пригласил один замечательный человек, теперь, к сожалению, безвременно ушедший из жизни. Люди здесь все еще полнокровны, они так наполнены агрессивностью и тьмой, что для этого нет английских слов. «Покол», «Вурдалак». «Эйялик». Понимаете, о чем я?

— Да, — прошептал Кори.

— Люди здесь не заковали жизненную силу, полученную от матери-земли, в оболочку из стекла и бетона. Их

руки глубоко погружены в воды жизни. Они вырывают жизнь из чрева земли! Разве не так?

— Так!

Незнакомец одобрительно хмыкнул и положил руку на плечо Кори.

— Ты славный парень. Славный и крепкий. Я думаю, ты не хочешь покидать этот чудесный город?

— Нет..., — прошептал Кори, но внезапно его охватили сомнения. Вновь вернулся страх. Но нет... разве этот человек может ему повредить?

— И не надо! Оставайся здесь всегда!

Кори, дрожа, смотрел, как голова Барлоу клонится к нему.

— И ты еще отомстишь тем, кто не хочет поделиться с другими!

Кори Брайент ступил в реку забвения, и ее воды поглотили его, и они были красными.

10

В девять вечера, когда ходячие больные собрались у телевизора, телефон у кровати Бена зазвонил. Это была Сьюзен, и голос ее дрожал.

— Бен, Флойд Тиббитс мертв. Он умер у себя в камере вечером. Доктор Коди говорит, что это анемия — но я же его знала! У него всегда было высокое давление, потому его и в армию не взяли!

— Помедленнее, — сказал Бен, садясь.

— И еще. На юге живет семья по фамилии Макдугалл.

Там умер десятимесячный ребенок. Миссис Макдугалл Увезли в больницу.

— Ты знаешь, отчего он умер?

— Моя мама спрашивала у миссис Эванс, и ты позволила старому доктору Плоумэну. Он ничего не сказал, но миссис Эванс рассказала маме, что у ребенка ничего не нашли... кроме того, что он мертв.

— И мы с Мэттом, как два идиота, сидим здесь и ничего не можем поделать, — сказал Бен скорее себе, чем Сьюзен. — Словно кто-то это запланировал.

— И еще.
— Что?
— Карл Формэн пропал. И вместе с ним тело Майка Райерсона.
— Я так и думал, — услышал он собственные слова. — Я завтра отсюда удеру.
— А они выпустят тебя так быстро?
— Вряд ли они будут возражать, — он сказал это машинально, думая уже о другом. — У тебя есть крест?
— У меня? — она, казалось, удивлена. — Конечно нет.
— Я не шучу, Сьюзен — я никогда не был более серьезен. Ты можешь достать где-нибудь?
— Конечно, у Мэри Боддин. Я сейчас схо...
— Нет! Не выходи на улицу. Сделай лучше сама, хотя бы из двух палочек. Положишь на кровать перед сном.
— Бен, я все еще не верю. Может быть, маньяк, думающий, что он вампир, но...
— Верь во что хочешь, только сделай крест.
— Но...
— Ты сделаешь это? Хотя бы ради меня?
С сомнением:
— Хорошо, Бен.
— Можешь прийти ко мне завтра в девять?
— Да.
— Хорошо. Мы вместе поднимемся к Мэтту. А потом поговорим с доктором Коди.
— Он решит, что ты сошел с ума, Бен. Ты разве не знаешь?
— Может быть. Но в темноте все это кажется более реальным, правда?
— Да, — сказала она тихо. — О Господи, да.
Без всяких причин он подумал о Миранде и о ее смерти; скрежет мотоцикла на мокром асфальте, ее крик, его паника и гудение грузовика, все ближе и ближе.
— Сьюзен?
— Да.
— Будь осторожна. Пожалуйста.
Повесив трубку, он отнес телефон на место и принялся смотреть телевизор. Он чувствовал себя беззащитным. У

него не было креста. Он поглядел за окно, но увидел там только темноту. Старый, детский страх снова начал подкрадываться к нему, и он повернулся к телевизору, где Дорис Дэй мыла с шампунем лохматого пса.

11

Морг в Портленде — это холодное помещение, целиком выложенное зеленым кафелем. На полу и стенах он болотного цвета, а на потолке — светлее. В стенах видны прямоугольные двери, что очень похоже на большой билетный автомат на автобусной станции. Все это освещают длинные флуоресцентные лампы. Не очень приятный декор, но клиенты не жалуются.

Без четверти десять в субботу двое санитаров внесли накрытое простыней тело молодого гомосексуалиста, застреленного в баре. Это было первое поступление этого вечера; жертвы дорожных происшествий обычно появлялись не раньше часа.

Бадди Баскомб рассказывал старый французский анекдот про вагинальный дезодорант, когда вдруг, осекшись на полуслове, уставился на ряд дверок под литерами M-Z. Две из них были открыты.

Они с Бобом Гринбергом оставили новоприбывшего и поспешили туда. Бадди заглянул в глубь первой камеры.

«Тиббетс, Флойд Мартин.

Пол: М

Поступил: 10.4.75.

Дата вскрытия: 10.5.75.

Подпись: Дж. М. Коди, врач».

Пусто.

— Эй! — крикнул ему Гринберг. — Эта херня пустая! Что за шутки!

— Я все время сидел за столом, — сказал Бадди. — Никто не проходил. Должно быть, это случилось в дежурство Карти. Как того звали?

— Макдугалл, Рэндалл Фратус. А что такое «реб.»?

— Ребенок, — машинально ответил Бадди. — О Господи, только этого не хватало.

12

Что-то разбудило его.

Он лежал в темноте, глядя в потолок.

Шум. Был какой-то шум.

Вот опять какое-то скрежетание.

Марк Петри повернулся и посмотрел в окно. На него через стекло смотрел Дэнни Глик, с могильно-бледной кожей, с красными, дикими глазами. Вокруг его губ запеклась какая-то темная жидкость, и, когда он увидел Марка, он улыбнулся, обнажив острые длинные зубы.

— Впусти меня, — прошептал он, Марк не знал, возникли эти слова в темноте за окном или в его мозгу.

Он понял, что испугался — тело реагировало быстрее мысли. Он никогда еще так не боялся, даже когда поплыл от лодки в Попхэм-бич и думал, что тонет. Но его ум за доли секунды определил ситуацию. Ему угрожала смертельная опасность.

— Впусти меня, Марк. Я хочу поиграть с тобой.

На чем могло держаться это жуткое существо? Его комната находилась на втором этаже и за ней не было карниза. Если только он на чем-нибудь повис... или парит на невидимых крыльях, как чудовищная ночная бабочка.

— Марк... Вот я и пришел, Марк. Пusti...

«Конечно. Их должны пригласить», — он знал это из журналов, тех самых, которые, по мнению матери, могли ему повредить.

Он встал с кровати, едва не упав. Только потом он понял, что «страх» было слишком слабым словом. Даже слово «ужас» не выражало его чувств. Бледное лицо за окном пыталось улыбаться, но в темноте Марк видел лишь жуткую гримасу — кровавую маску трагедии.

Но если посмотреть ему в глаза, все покажется не так уж страшно. Тогда ты увидишь, что нужно только открыть окно и сказать: «Заходи, Дэнни», — и потом станет совсем

не страшно, потому что ты станешь одним из них, вместе с Дэнни и вместе с ним. Ты станешь...

«Нет! Вот так они тебя и схватят!»

Он отвел глаза и собрал всю свою силу воли.

«Марк,пусти меня! Я приказываю тебе! Он приказывает!»

Марк снова начал приближаться к окну. Помощи ждать неоткуда. Нет спасения от этого голоса. По мере того, как он приближался, злобное лицо с той стороны стекла делалось все радостнее. Ногти, черные от земли, царапали стекло.

«Подумай о чем-нибудь. Скорее!»

— Карл, — прошептал он хрипло. — Карл у Клары украл кораллы. А Клара у Карла украла кларнет».

Дэнни Глик зашипел.

— Марк! Открой окно!

Он ослабевал. Шепчущий голос преодолевал все преграды. Взгляд Марка упал на столик с пластиковыми монстрами, теперь казавшимися милыми и смешными...

Тут он заметил что-то.

Пластиковое привидение гуляло по пластиковому кладбищу, где один из памятников был сделан в форме креста.

Не раздумывая, Марк схватил крест, зажал его в кулаке и громко сказал:

— Ну, попробуй, войди!

На лице отразился злобный восторг. Окно распахнулось, и Дэнни ввалился в него. Изо рта его исходил неопиcуемый запах: зловоние открытой могилы. Холодные, бледные, как рыбье брюхо, пальцы тянулись к плечам Марка. Голова по-собачьи склонилась, верхняя губа поползла вверх, обнажая сияющие клыки.

Марк поднял свой крест и ткнул им в щеку Дэнни Глика.

Его вопль был ужасным... и беззвучным. Он отозвался только в коридорах мозга Марка. Триумфальная улыбка на лице существа мгновенно преобразилась в гримасу агонии. Бледная кожа задымилась, и в какое-то мгновение, прежде чем он исчез, Марк почуял в воздухе запах паленого мяса.

И потом все исчезло, как будто ничего и не было.

Но крест еще некоторое время светился, словно подсвеченный изнутри. Потом погас, оставив лишь синий ответ в глазах.

Сквозь пол он услышал щелканье выключателя в спальне родителей и голос отца:

— Что там такое?

13

Через две минуты открылась дверь.

— Сын, — тихо спросил Генри Петри, — ты спишь?

— Нет, — сонным голосом ответил Марк.

— Тебе что, приснился страшный сон?

— Наверное, да... не помню.

— Ты кричал во сне.

— Извини.

— Ничего, — он помедлил и потом сказал, будто вспомнив сына совсем маленьким. — Может, хочешь воды?

— Нет, папа, спасибо.

Генри Петри быстро оглядел комнату, не в силах осмыслить внезапно охвативший его страх, и успокоился — все казалось нормальным. Окно закрыто. Ничего не упало.

— Марк, что-нибудь случилось?

— Нет, папа.

— Ладно... спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Дверь тихо закрылась, и отец начал спускаться по ступенькам. Марк, наконец, почувствовал облегчение. Со взрослым в этот момент могла бы случиться истерика. Но Марк только чувствовал, как ужас овевает его, как холодный ветер — тело пловца. Когда ужас начал проходить, его сменило опустошение.

Прежде, чем провалиться в сон, он нашел в себе силы удивиться в который раз странностям взрослых. Они глушат алкоголем или отгоняют снотворным такие обыкновенные, простые страхи, как работа, деньги, любит ли

меня жена, есть ли у меня друзья. Они не сталкиваются со страхами, которые переживает любой ребенок, лежащий без сна в темной комнате. Ребенку никто не верит, и никто не вылечит его от страха, что кто-то смотрит на него с потолка. Или прячется под кроватью. Он должен вести свой бой в одиночку, ночь за ночью, с единственной надеждой на постепенное угасание воображения, которое зовется «взрослением».

Все эти мысли проносились в его мозгу в более простой форме. Прошлой ночью Мэтт Берк столкнулся с кошмаром и получил сердечный приступ; этой ночью то же случилось с Марком Петри, но он уже через десять минут спал, все еще зажав в правой руке пластиковый крест. Вот в чем разница между взрослыми и детьми.

Глава одиннадцатая

БЕН (4)

1

В десять минут десятого утром в субботу Бен начал уже всерьез беспокоиться о Сьюзен, когда зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Ты где?

— Успокойся. Я наверху у Мэтта Берка. Мы желаем, чтобы ты поделил наше общество, как только сможешь.

— Почему ты не...

— Я заходила. Ты спал, как ягненок.

— Как там Мэтт?

— Поднимайся, сам увидишь, — сказала она, но он уже влезал в халат.

2

Мэтт выглядел намного лучше и казался почти помолодевшим. Сьюзен сидела у его изголовья в ярко-голубом платье. Когда Бен вошел, Мэтт поднял руку в знак приветствия.

Бен уселся на один из ужасно неудобных больничных стульев.

— Как вы себя чувствуете?

— Получше, хотя слабость еще есть. Они вечером взяли у меня кровь на анализ, а утром дали на завтрак яйцо — пашот. Ослабнешь тут, пожалуй.

Бен мимоходом поцеловал Сьюзен, заметив на ее лице странное спокойствие.

— Случилось еще что-нибудь?

— Я ничего не слышала. Но я ушла из дома в семь, а город по субботам просыпается чуть позже.

Бен перевел взгляд на Мэтта:

— Ну, и что вы обо всем этом скажете?

— То же, что и раньше, — сказал Мэтт, слегка нахмурившись. На шее у него поблескивал крестик, надетый Беном. — В любом случае, спасибо за это. Здорово успокаивает, хотя я и купил его на распродаже у Вулворта в прошлую пятницу.

— Как ваше состояние?

— Как говорит доктор Коди, «стабильное». По данным ЭКГ, это был всего лишь небольшой сердечный приступ... без образования тромба. Хочется на это надеяться. Но неделю я здесь проваляюсь, это точно, — он внимательно поглядел на Бена. — Он сказал, что такие приступы обычно случаются от сильного шока, но я ничего не стал рассказывать. Это правильно?

— Было правильно, но все уже изменилось. Теперь мы со Сьюзен хотим пойти к Коди и все ему выложить. Если он не поверит мне, мы отошлем его к вам.

— Уж я ему понараскажу, — сказал Мэтт свирепо. — Этот сукин сын не позволяет мне курить трубку.

— Сьюзен уже рассказала, что случилось в городе с прошлой ночи?

— Нет. Она сказала, что подождет, пока мы соберемся все вместе.

— Тогда, может быть, вы расскажете о том, что произошло у вас в доме?

Лицо Мэтта помрачнело, и в какой-то момент Бен опять увидел лицо дряхлого старика.

— Если вы не хотите...

— Нет, конечно, расскажу. Хорошо, если вы мне поверите, — он громко усмехнулся. — Я всегда считал, что меня не так-то легко удивить. Но поразительно, как мозг всегда сопротивляется тому, что ему не нравится или угрожает. Как волшебная доска в детстве. Не нравится рисунок — положи доску плашмя, и он исчезнет.

— Но линии проступят на черном обороте и останутся навсегда, — сказала Сьюзен.

— Именно так, — он улыбнулся ей. — Очень верное сравнение для соотношения сознания и бессознательного. Бедный Фрейд об этом и не подозревал. Но мы не о том. Вы слышали про это от Сьюзен?

— Да, но...

— Конечно. Я только хотел убедиться, что мне не нужно начинать с самого начала.

Он рассказал всю историю ровным голосом, прервавшись только раз, когда заглянувшая сиделка спросила, не хочет ли он имбирного пива. Мэтт сказал, что с удовольствием высосет его через соломинку, пока рассказывает. Бен заметил, что, когда он дошел до момента, касающегося того, как Майк выскочил в окно, кубики льда в стакане начали тихонько позвякивать. Но голос его не дрожал; он оставался таким же ровным, каким, без сомнения, был на уроках. Бен в который уже раз восхитился им.

Когда он закончил, воцарилось молчание, и Мэтт был вынужден прервать его сам.

— Итак, — сказал он, — не видели ли вы сами того, что могло бы вас убедить?

— Мы об этом уже говорили, — сказала Сьюзен. — Пусть Бен расскажет.

Слегка смущенный, Бен изложил свои наблюдения по поводу упавшего ставня и лестницы. Мэтт захлопал в ладоши.

— Браво! Великий сыщик!

Мэтт посмотрел на Сьюзен.

— А вы, мисс Нортон, пишущая такие замечательные, стройные сочинения с параграфами, сложенными, как кирпичики? Что вы думаете?

Она взглянула на свои руки, лежащие на коленях, и снова подняла глаза на него.

— Бен прочитал мне вчера лекцию о значении слов «не может быть», и я не хочу использовать их. Но мне очень трудно поверить, что по Салеме-Лот разгуливают вампиры. Не поймите меня превратно. Я тоже думаю, что что-то происходит. Что-то... ужасное. Но... такое...

Он протянул руку и коснулся ее рук.

— Понимаю, Сьюзен. Но ты можешь кое-что сделать для меня?

— Если смогу.

— Давайте мы... все трое... предположим, что все это реально. Примем это, как факт, до тех пор, пока он не будет опровергнут. Только до тех пор. Научный метод, понимаете? Мы с Беном уже дискутировали о его применении. И никто больше меня не желает, чтобы он был опровергнут.

— Но вы не верите в это?

— Нет, — сказал он тихо. — После долгого разговора с собой я принял решение. Я верю в то, что я видел.

— Оставим вопросы веры и неверия на потом, — сказал Бен. — Лучше решим, что мы можем сделать сейчас.

— Правильно. Какие у вас идеи?

— Я хочу предложить вам заняться изысканиями. При вашей профессии вы как раз подходите для этого. И вы все равно не можете передвигаться.

Глаза Мэтта заблестели, как у мальчишки.

— Я позвоню Лоретте Стэрчер, когда откроется библиотека. Она принесет мне книги.

— Сегодня воскресенье, — напомнила Сьюзен. — Библиотека закрыта.

— Ничего, для меня откроют, — сказал Мэтт, — а если нет, то я узнаю почему.

— Изучите все, что касается этого предмета. И с мифической, и с медицинской стороны. Понимаете? Все книги.

— Заведу тетрадь, — сказал Мэтт. — Буду делать выписки. Черт, впервые с того времени, как попал сюда, я чувствую себя человеком! А вы что собираетесь делать?

— Сперва к доктору Коду. Он осматривал и Райерсона, и Флойда Тиббитса. Может быть, мы уговорим его произвести эксгумацию тела Дэнни Глика.

— Он сможет это сделать? — спросила Сьюзен Мэтта.

— Джимми Коду тоже учился у меня. Общительный, неглупый парень. Терпеть не может ханжества. Что с ним сделали колледж и медицинское училище, я не знаю.

— Все это кажется слишком запутанным, — сказала Сьюзен. — Говорить с доктором Коди, чтобы нарваться на его насмешки... Не лучше ли просто отправиться в дом Марстенов, как мы собирались на той неделе?

— Нет, — сказал Бен. — И я скажу, почему. Раз мы договорились считать все это реальностью, то нужно быть безумцем, чтобы совать голову в пасть льва.

— Я думала, вампиры днем спят.

— Кем бы там ни был Стрэйкер, он не вампир, — сказал Бен, — если только старые легенды не врут. Он днем довольно активен. В лучшем случае мы просто вернемся ни с чем, а в худшем — он продержит нас там до темноты. А уж тогда мы столкнемся кое с чем похуже.

— Барлоу? — спросила Сьюзен.

Бен пожал плечами.

— Почему бы и нет? Эта история с деловой поездкой давно уже не похожа на правду.

В ее глазах осталось упрямство, но она не стала возражать.

— А что, если Коди вас действительно высмеет? — спросил Мэтт. — Хорошо еще, если он не вызовет сразу же «скорую помощь».

— Мы сводим его на кладбище на закате, — сказал Бен. — Пусть посмотрит на могилу Дэнни Глика.

Мэтт привстал с постели.

— Обещайте мне быть осторожным, Бен!

— Конечно, — сказала Сьюзен успокаивающим тоном. — Мы ведь уже надели кресты.

— Если она шутит, то я нет, — сказал Бен. — Мы примем все меры предосторожности.

— Свяжитесь с отцом Каллагэном. Пусть он даст вам немного святой воды... и, если можно причастия.

— А что он за человек? спросил Бен.

Мэтт пожал плечами.

— Немного странный. Может быть, пьет. В любом случае, он вежливый и достаточно грамотный. По-моему, у него есть чувство юмора.

— А вы уверены, что он... что он пьет? — спросила Сьюзен с некоторым удивлением.

— Не то, чтобы точно. Но мой бывший ученик, Брэд Кэмпбелл, работает в винном магазине в Ярмуте и часто видит там Каллагэна. Он предпочитает «Джим-Бим». Не плохой вкус.

— А с ним можно поговорить?

— Не знаю. Попробуйте.

— Так вы его совсем не знаете?

— Очень мало. Он пишет историю католической церкви в Новой Англии и много знает о поэтах нашего так называемого золотого века — Уитвере, Лонгфелло, Расселе, Холмсе. Я попросил его в прошлом году выступить на уроке американской литературы. Ребятам понравилось.

— Я схожу к нему, — сказал Бен.

В палату заглянула сестра, а следом появился доктор Коди со стетоскопом на шее.

— Опять беспокоите моего пациента? — сказал он весело.

— Гораздо меньше, чем ты, — сказал Мэтт. — Отдай мою трубку.

— Не получишь.

— Чертов шарлатан, — пробормотал Мэтт.

Коди отдернул зеленую шторку, окружающую кровать полукругом.

— Боюсь, мне придется попросить вас выйти на минуту. Как ваша голова, мистер Мейрс?

— Спасибо, в порядке.

— Вы слышали про Флойда Тиббитса?

— Сьюзен мне сказала. Я хотел бы поговорить с вами, если у вас найдется время.

— Конечно, когда закончу обход. Часов в одиннадцать, если хотите.

— Хорошо.

Коди опять задернул шторку.

— Теперь попрошу вас со Сьюзен...

— Вот видите, в какой я изоляции, — сказал горестно Мэтт. — Не подойдешь без пароля и сотни долларов.

Из-за шторы они слышали слова Коди:

— В следующий раз я под наркозом вырежу у тебя язык и лобные доли мозга.

Они улыгнулись, как молодые влюбленные в солнечный день, когда на них ничто не давит, но эта улыбка тут же исчезла. Момент для нее был явно неподходящим.

3

Когда Джимми Коди, наконец, вошел в палату Бена, было двадцать минут двенадцатого.

— Я хотел рассказать вам... — начал Бен.

— Сперва голова, потом разговор, — прервал его Коди. Он осторожно поднял волосы и сдвинул бинт. Бен подпрыгнул.

— Болит еще, — сказал сочувственно Коди и снова закрыл рану.

После этого он посветил Бену в глаза лампой и постучал его по колену молоточком. Внезапно Бен подумал, не тот ли это молоток, которым он обследовал Майка Райерсона.

— Состояние улучшается, — сказал он, убирая инструменты. — Как девичья фамилия вашей матери?

— Эшфорд, — ответил Бен. Ему уже задавали подобные вопросы, когда он только-только пришел в себя.

— А первая учительница?

— Миссис Перкинс. Она еще завивала волосы.

— Второе имя матери?

— Мертон.

— Были ли случаи головокружения или тошноты?

— Нет.

— Какие-либо нарушения обоняния, зрения или...

— Нет, нет и нет. Я чувствую себя отлично.

— Посмотрим, — сказал с сомнением Коди. — Не видите предметы раздвоенными?

— Нет, с тех пор, как выпил галлон самогона.

— Ну ладно. Пусть это будет на вашей совести. Теперь о чем вы хотите говорить? Полагаю, о Флойде Тиббитсе и младенце Макдугаллов. Могу сказать только то, что уже сказал Перкинсу Гиллспаю. Во-первых, я рад, что их не успели записать; одного скандала в столетие для маленького городка вполне достаточно. Во-вторых, черт меня

побери, если я знаю, что все это значит. Мы не можем подозревать...

Он прервался, заметив удивление на их лицах.

— Да вы что? Ничего не знаете?

— Что? — спросил Бен.

— Прямо как в этих фильмах Бориса Карлоффа. Кто-то прошлой ночью стащил из камберлендского морга их трупы.

— О Боже, — прошептала Сьюзен.

— В чем дело? — насторожился Коди. — Вы что-то знаете?

— Я начинаю думать, что да, — сказал Бен.

4

Они закончили рассказ без десяти двенадцать. Сиделка принесла Бену поднос с ланчем, и он стоял нетронутый возле кровати.

Последняя фраза была сказана, и они слышали только звон стекла и металла, словно в столовой.

— Вампиры, — сказал Джимми Коди. И потом. — Мэтт Берк, вот в чем дело. Чертовски трудно ему не поверить.

Бен и Сьюзен хранили молчание.

— И вы хотите, чтобы я эксгумировал Глика, — сказал он. Потом достал из сумки пузырек и протянул Бену.

— Аспирин. Принимали его?

— Конечно.

— Мой отец всегда говорил, что это лучший помощник врача.

Бен рассеянно крутил пузырек в руках. Он недостаточно хорошо знал Коди, чтобы понять его настроение, но был уверен, что немногие пациенты видели его таким — с мальчишеским, нахмуренным, озадаченным лицом. Он не хотел прерывать его.

— Очень хорош при артрите и ревматизме. Мы даже не знаем всех его возможностей. Вот отчего у вас болит голова? Мы знаем, что аспирин по своему химическому составу очень близок к ЛСД, но почему от одного голо-

вная боль проходит, а от другого вам кажется, будто из головы растут цветы? Все дело в том, что мы не знаем даже, что такое мозг. Самый образованный врач стоит на островке посреди океана неизвестности. Мы режем цыплят и пытаемся вычитать что-то в их крови. Все это слишком похоже на белую магию. Мои профессора вырвали бы на себе все волосы, если бы слышали меня сейчас. А уж если они узнают, что я дал разрешение на эксгумацию Глика, они просто сбесятся.

— Так вы дадите? — спросила Сьюзен в лоб.

— А чем это поможет? Если он умер, то умер. Если же нет, то что я, буду читать ему вслух конвенцию АМА? Я могу только сказать эксперту графства, что опасаясь появления инфекционного энцефалита.

— А это могло быть? — спросила она с надеждой.

— Вряд ли.

— Так что же можно сделать? — спросил Бен.

— Завтра. Если я чего-нибудь добьюсь, то, может быть, во вторник или в четверг...

— И что мы можем увидеть?

— Я понимаю, о чем вы. Глики отказались бальзамировать сына, так ведь?

— Да.

— И прошла уже неделя?

— Да.

— Когда гроб откроют, выйдет газ, и запах будет не из приятных. Тело могло распухнуть. Волосы отросли — они продолжают расти удивительно долго, — и ногти тоже. Глаза почти наверняка уже вытекли.

Сьюзен попыталась представить это, и ей стало нехорошо. Бен был рад, что не успел съесть ланч.

— Тело еще не успело разложиться, — продолжал Коди тоном учителя, — но на руках и на лице уже выступила жидкость, может быть, плесневые образования, называ... — он прервался. — Простите, я вас шокировал.

— Бывают вещи похуже этого, — заметил Бен, стараясь говорить непринужденно. — Предположим, ничего этого не будет? Вдруг тело будет выглядеть так же, как в первый день? Что тогда? Загоним кол в его сердце?

— Это трудно, — сказал Коди. — Во-первых, там будет эксперт или его помощник. Я не думаю, что даже Брент Норберт позволит мне вытащить кол и забить его в грудь мертвого ребенка.

— Ну, и что вы сделаете? — спросил Бен с любопытством.

— Да извинит меня Мэтт Берк, я не думаю, что это произойдет. Если тело все же окажется таким, то его отвезут в Медицинский центр Мэна для исследования. А там уж я понаблюдаю за ним после темноты.

— А если он встанет?

— Как и вы, я в это всерьез не верю.

— Но я верю в это все больше, — мрачно заметил Бен. — Вы позволите мне присутствовать при этом?

— Можно устроить.

— Хорошо, — Бен встал с кровати и направился к шкафу, где висела его одежда. — Я сейчас.

Сьюзен хихикнула, и Бен обернулся.

— В чем дело?

Коди ухмыльнулся.

— У нас шкафы открываются сбоку, мистер Мейрс.

— А, черт, — Бен обошел шкаф. — Слушайте, зовите меня Бен.

— На этом закончим, — сказал Коди, вставая. — Мы со Сьюзен вас покинем. Ждем вас внизу в кафе. Я хочу сегодня проверить вместе с вами одно дело.

— Какое?

— Гликов надо известить об истории с энцефалитом. Можете представиться моим коллегой. Ничего не говорите. Только чешите подбородок и делайте умное лицо.

— А их разрешение на эксгумацию требуется? — спросила Сьюзен.

— Только для проформы. Если они будут уж очень возражать, могут подать в суд, потеряют две недели и все равно ничего не добьются, — он прервался и посмотрел на них. — Меня в этой истории беспокоит другое. Дэнни Глик — единственный труп, местонахождение которого нам известно. Остальные исчезли.

Бен и Джимми Коди подъехали к дому Гликов в полвторого. Машина Тони Глика стояла у подъезда, но в доме было тихо. Когда на стук никто не ответил, они перешли через дорогу, к маленькому, сельского типа, домику в стиле 60-х годов. На почтовом ящике значилась фамилия Диккенс. В садике гулял розовый фламинго, а на их звонок выбежал веселый спаниель.

Следом появилась Полина Диккенс, официантка и совладелица кафе «Экселент». Она была в униформе.

— Привет, Полина, — сказал Джимми. — Ты не знаешь, где Глики?

— Как, ты ничего не слышал?

— Что такое?

— Миссис Глик умерла утром. Тони Глика увезли в госпиталь. Он в шоке.

Бен посмотрел на Коди. У него был вид человека, которого пнули в живот.

— А куда отвезли тело?

Полина провела руками по бокам, чтобы убедиться, что платье сидит хорошо.

— Час назад я говорила по телефону с Мэйбл Вертс, и она сказала, что Перкинс отвез тело в похоронное бюро к своему приятелю — еврею в Камберленд. Карла Фор-мэна так и не смогли найти.

— Спасибо, — медленно проговорил Коди.

— Как ужасно, — сказала она, глядя на пустой дом через дорогу. Автомобиль Тони Глика прикорнул рядом, как громадный пес, забытый на цепи. — Если бы я была суеверной, я бы просто испугалась.

— Чего, Полина? — спросил Коди.

— Да так... разное, — она невесело улыбнулась, потрогав пальцами цепочку на шее.

Медальон Святого Христофора.

Они снова сидели в машине. Полина стояла и молча смотрела, как они уезжают.

— Ну, и что теперь? — спросил Бен.

— Еврей — это Мори Грин, — сказал Джимми. — Наверное, нам придется съездить в Камберленд. Несколько лет назад сын Мори чуть не утонул в озере, а я с друзьями случайно оказался там и сделал парню искусственное дыхание. Запустил мотор. Может, после этого он согласится помочь мне.

— Ну и что? Наверняка эксперт заберет тело на вскрытие.

— Сомневаюсь. Сегодня же воскресенье. Эксперт ползает где-нибудь в лесу с молотком — он у нас геолог. А Норберт — помните Норберта?

Бен кивнул.

— Если ему и позвонят, он просто повесит трубку и будет себе смотреть телевизор. Если поехать к Мори Грину прямо сейчас, то мы сможем взглянуть на тело как раз после темноты.

— Ну ладно. Поехали.

Он вспомнил, что собирался позвонить отцу Каллагэну, но это могло и подождать. Все менялось очень быстро. Слишком быстро. Фантазии становились реальностью.

Они ехали молча до самого шоссе, думая каждый о своем. Бен думал о том, что Коди сказал в больнице. Карл Формэн исчез. Тела Флойда Тиббитса и малыша Макдугаллов исчезли — испарились из-под носа у двух санитаров. Майк Райерсон тоже исчез, и еще Бог знает кто. Сколько людей в городе могут потеряться незаметно и отсутствовать неделю... или месяц? Двести? Триста? Руки его вспотели.

— Это уже похоже на сон параноика, — сказал Джимми. — С академической точки зрения, самое опасное в этом то, что колония вампиров появилась здесь — в спальном городе Портленда, Льюистона и Гэйтс-

Фоллс. Предприятий, где могут заметить отсутствие рабочих, тут нет. Все три школы находятся в городе, и кто заметит, если ученики прогуляют больше дней, чем обычно? Кое-кто ездит в церковь в Камберленд, но еще больше сидит дома и смотрит телевизор. Все это может распространиться, как эпидемия, и никто не будет ничего знать.

— Да, — сказал Бен. — Дэнни Глик заразил Майка. Майк заразил... не знаю, может быть, Флойда. Малыш Макдугаллов заразил... отца? Мать? Где они?

— Я их не лечил. Думаю, доктор Плоумэн позвонил им утром и сказал, что их сын исчез. Но не знаю, точно ли он с ними говорил, и что случилось потом.

— Их нужно изолировать, — сказал Бен. Он начинал волноваться. — Вы правы. Те, кто проезжает через Лот на машине, могут даже не заметить, что здесь что-то не так. Обычный маленький городишко. Они не будут знать, что здесь прячется в домах, за закрытыми ставнями. Люди могут просто лежать в постелях... или в шкафах... под полом... ждать, когда зайдет солнце. И с каждым восходом на улицах будет все меньше народу. С каждым днем, — он сглотнул слюну.

— Ну-ну, спокойнее, — сказал Джимми. — Этого еще не случилось.

— И не должно случиться. Можно выдумать эпидемию — грипп, инфлюэнцу, сыпной тиф, не знаю — и объявить карантин прямо сейчас.

— Сомневаюсь. Не забывайте, что только один человек на самом деле что-то видел.

— Всех можно будет убедить.

— Все будет смеяться.

— Только не Полина Диккенс. Она хоть сейчас готова нарисовать крест на дверях.

— В эпоху Уотергейта и нефтяного кризиса она исклечение.

Остаток пути они проехали молча. Похоронное бюро Грина находилось на севере Камберленда. Перед задней дверью стояли два катафалка. Джимми выключил зажигание и взглянул на Бена.

- Готовы?
- Конечно.
- Тогда пошли.

8

Весь день в ней росло возмущение, и в два часа дня вырвалось наружу. Они делают глупость, разводя церемонии вокруг того, что (простите, мистер Берк), скорее всего, просто выдумка. Сьюзен решила идти в дом Марстенов сейчас же, днем.

Она сошла вниз и взяла сумочку. Энн Нортон пекла печенье, а отец смотрел телевизор в комнате.

- Ты куда? — спросила мать.
- Проедусь.
- Ужин в шесть. Постарайся не опаздывать.
- Я вернусь не позже пяти.

Она вышла и села в машину, свою собственность (не вполне; осталось еще шесть взносов), добытую ее собственным трудом. Совсем новая «Вега», выпущенная два года назад. Она выехала из гаража и помахала рукой матери, глядящей в окно кухни. Размолвка между ними продолжалась, хотя и безмолвная. Другие ссоры, самые бурные, проходили быстро, но эта казалась слишком серьезной, как объявление войны. Никаких перевязок, только ампутация. Она уже собрала вещи.

Она поехала по Брок-стрит, чувствуя растущую целеустремленность и энергию, и дом скрылся за углом. Она, наконец, решилась на что-то, пустилась в открытое море, и она должна победить!

Она свернула направо, проехав мимо фермы Карла Смита, где уже высились ярко-красные снеговые заграждения. Ряды настоящих кольев, длиной в три фута. Осознавая всю абсурдность своих действий, она вышла из машины, взяла один кол и положила на заднее сиденье. Она видела достаточно хаммеровских фильмов, и знала, как вбивается кол в сердце вампира, хотя не представляла, сможет ли она на самом деле пробить грудь человека этой штучкой.

Она поехала дальше, в сторону Камберленда. Слева показался магазинчик, открытый по воскресеньям, где ее отец обычно покупал «Санди таймс». Сьюзен вспомнила об одной вещи, увидев прилавок с украшениями.

Она купила газету и маленький золотой крестик. Всего на четыре доллара. Толстый продавец с недовольством оторвался от телевизора.

Она свернула на север, на Каунти-роуд, окруженную рядами деревьев. Солнечным днем все вокруг светилось и играло, и жизнь казалась прекрасной. Она подумала о Бене.

Солнце медленно клонилось к западу, заслоняясь время от времени летящими облаками, отчего на дорогу ложились сменяющие друг друга светлые и темные пятна. В такой день, подумала она, верится в счастливый конец всех тревог и бед.

Через пять миль она свернула на Брукс-роуд и вновь пересекла городскую черту. Дорога изгибалась среди лесистых холмов северо-запада, и солнце скрылось за верхушками обступавших путь деревьев. Домов вокруг не было. Большая часть земли здесь принадлежала бумажной компании, и то и дело появлялись знаки, запрещающие охотиться или входить в лес. Здесь, в сумрачной тени, она почувствовала себя менее уверенно. Туманные страхи показались реальными. Она уже не в первый раз спросила себя — зачем нормальным людям селиться в доме самоубийцы и не открывать окна до захода солнца?

Дорога пошла под уклон, а потом стала полого подниматься на западный край Марстен-хилла. Она уже видела между деревьев крышу дома.

Она заехала на заброшенную лесную дорогу и вышла из машины. После некоторых колебаний взяла кол и надела на шею крестик. Чувство абсурдности сохранялось, но еще больше она боялась, что кто-нибудь будет проезжать мимо и увидит, как она идет по дороге с колом в руке.

«Привет, Сьюзи, ты куда это?»

«Да вот, собралась в дом Марстенов убивать вампира. Но я обязательно управлюсь к шести».

Она решила идти через лес.

Обогнув развалины каменной ограды, она порадовалась, что надела тапочки. Нечего шеголять перед вампиром, тем более здесь полно иголок и сухих веток.

Среди сосен было градусов на десять холоднее. Землю покрывала хвоя, и ветер свистел в верхушках деревьев. Где-то шуршало какое-то мелкое животное. Внезапно она поняла, что отсюда не больше мили до ограды кладбища Хармони-Хилл.

Она пробиралась вперед, стараясь не шуметь. На середине холма она начала различать между деревьев очертания дома. И пришел страх. Она не могла четко определить его причины, и поэтому он походил на уже забытый страх, испытанный ею в доме Мэтта Берка. Она была уверена, что за ней никто не следит, светило солнце... и все же страх оставался. Он, казалось, исходил из той части мозга, которая обычно молчала и представлялась не более необходимой, чем аппендицит. Чувство уверенности пропало. Она почему-то вспомнила фильмы ужаса, где героиня взбирается на чердак по узкой лестнице, чтобы наткнуться в темной комнатке с сырыми каменными стенами — символическая могила — на страшного мистера Кобхэма. Смотря такие фильмы, она всегда думала: «Что за дура! Я бы никогда туда не пошла». И вот она идет, чувствуя, насколько сознание человека далеко от его подсознания. Инстинкт уже предупреждал об опасности, в то время, как мозг гнал все дальше и дальше на чердак, пока дверь не отворится — прямо в лицо скалящегося кошмара!

СТОП!

Она отогнала от себя эти мысли и обнаружила, что вспотела. Не глупи, сказала она себе. Обычный дом, только ставни закрыты. Иди туда и посмотри. Вот и все. От фасада ты увидишь собственный дом. Что, ради всего святого, может случиться с человеком в виду его собственного дома?

Но она продолжала красться вперед, а когда деревья не могли уже надежно закрывать ее, пошла пригнувшись, почти встав на четвереньки. Через пять минут лес кончился. Укрывшись за последними зарослями можжевель-

ника, она могла видеть западную стену дома, окруженную кустами жимолости. Осенняя трава пожелтела, но еще стояла высоко.

Внезапно в тишине прогудел мотор, заставив сердце в ее груди подпрыгнуть. Она вцепилась пальцами в землю, прикусив губу. Вскоре старый черный автомобиль выехал с подъезда дома и направился в сторону города. Прежде, чем он скрылся, она успела разглядеть сидящего: лысый череп, глубоко запавшие глаза, белый воротничок над темным костюмом. Стрэйкер наверное, поехал в магазин.

Она увидела, что большинство ставень сломаны. Можно пойти и заглянуть в окно. Может быть, она увидит там только следы ремонта: свежую штукатурку, обои, ведра и щетки. Все это не более романтично, чем футбол по телевизору.

Но страх оставался.

Внезапно он усилился, вопреки всем стройным доводам мозга, наполнив ее рот привкусом меди.

И еще до того, как на плечо ей легла рука, она знала, что сзади нее кто-то стоит.

9

Уже почти стемнело.

Бен встал со стула и подошел к окну, выходящему во двор похоронного бюро. Было без четверти семь, и тени заметно удлинились. Трава, несмотря на осень, еще зелена, и он подумал, что хороший могильщик будет беречь ее до самого снега. Символ вечности жизни в обители смерти. Мысль показалась ему гнетущей, и он повернулся.

— Курить хочется, — сказал он.

— Это отравы, — заметил Джимми, не оборачиваясь. Он смотрел вечернюю программу по маленькому «Сони» Мори Грина. — Я тоже когда-то курил, и до сих пор беру на ночное дежурство пачку. На всякий случай.

Бен взглянул на часы. 6.47. Календарь Грина извещал, что закат наступит в 7.02.

Джимми договорился обо всем быстро. Мори Грин, маленький человечек, открыл им дверь в белой рубашке

и расстегнутой черной жилетке. Его хмурое лицо озарилось радостной улыбкой.

— Шалом, Джимми! — воскликнул он. — Рад тебя видеть! Кого это ты привел?

— Хочу представить тебе моего очень хорошего друга. Мори Грин. Бен Мейрс.

Мори сжал руку Бена своими обеими. Его глаза блестели за стеклами больших темных очков.

— И вам шалом. Друг Джимми — мой друг. Входите. Я сейчас позвоню Рэчел...

— Не надо, — сказал Джимми. — Мы пришли с просьбой. Довольно серьезной.

Грин пристально поглядел на него.

— Серьезной, — повторил он тихо. — Что для меня может быть серьезнее того, что мой сын перешел в третий класс? Ничего, Джимми.

Джимми покраснел.

— Мори, это мог сделать любой.

— Не буду спорить. Проси. Что это вы так взволнованы? Что-то случилось?

— Да нет.

Он завел их маленькую кухню и, пока они говорили, быстро состряпал кофе в облезлой кастрюльке.

— Норберт еще не приезжал за миссис Глик?

— нет, и не звонил, — ответил Мори, ставя на стол сахар и сливки. — Бедная леди. Такое горе в семье. И она выглядит так чудесно, Джимми. Она лечилась у тебя?

— Нет, — сказал Джимми. — Но мы с Беном... хотим поглядеть на нее сегодня вечером. Посидеть с ней.

Грин застыл с кастрюлькой в руках.

— Посидеть? Ты хотел сказать «осмотреть»?

— Нет, — медленно выговорил Джимми. — Просо посидеть.

— Ты шутишь? — он поглядел на них испытующе. — Нет, вижу, что нет. Но зачем это?

— Я не могу сказать, Мори.

— О, — он налил кофе, сел напротив них и отхлебнул. — Не очень крепкий. Нормально. У нее что... какая-нибудь инфекция?

Джимми и Бен обменялись взглядами.
— Нет в общепринятом смысле слова.
— Ты хочешь, чтобы я никому не разболтал, да?
— Верно.
— А если Норберт придет?
— С ним я договорюсь, — сказал Джимми. — Скажу, что Рердон просил проверить ее на энцефалит. Он не станет проверять.
Грин кивнул.
— Ну что, Мори?
— Ладно. Я думал, ты попросишь о чем-то большем.
— Это больше, чем ты думаешь.
— Сейчас я долью кофе и пойду домой поглядеть, какую дрянь Рэчел приготовила на ужин. Вот ключ. Запрещь, когда будешь уходить.
Джимми сунул ключ в карман.
— Обязательно. Спасибо, Мори.
— Не за что. Только одна просьба в ответ.
— Какая?
— Если она что-нибудь скажет, запишите для потомства, — он хихикнул, но снова стал серьезным, заметив выражение их лиц.

10

Без пяти семь. Бен почувствовал растущее возбуждение.
— Хватит смотреть на часы, — сказал Джимми. — Быстрее они от этого все равно не пойдут.
Бен смущенно отвел глаза.
— Я что-то сомневаюсь, что вампиры — если они существуют — выходят после календарного заката. Еще довольно светло.
Но он встал и выключил телевизор.
Тишина накрыла комнату, как одеяло. Это был рабочий кабинет Мори Грина, и тело Марджори Глик лежало на железном столе с вывинчивающимися ножками. Бену он напомнил больничную каталку.
Джимми, когда они вошли, откинул простыню и осмотрел тело. Миссис Глик была одета в темно-красное до-

нашнее платье и тапочки. Левая голень забинтована. Бен отводил от нее глаза, но они снова и снова возвращались словно их притягивало.

— Что ты думаешь? — спросил он.

— Ближайшие три часа все решат. Но ее состояние очень напоминает Майка Райерсона — никаких признаков жизни, но удивительно здоровый вид, — он опять поднял простыню и ничего больше не говорил.

7.02.

— Где твой крест? — внезапно спросил Джимми.

— Крест? — удивился Бен. — Господи, у меня его нет!

— Ты никогда не был бойскаутом, — сказал Джимми, открывая сумку. — Зато я припас кое-что.

Он достал две палочки для осмотра горла и связал их под прямым углом бинтом.

— Благослови его, — сказал он Бену.

— Что? Я... не могу. Я не знаю, как.

— Подумай, — лицо Джимми сделалось суровым. — Ты же писатель и должен быть немного метафизиком. Скорее, ради Бога. Мне кажется, что-то должно случиться. Ты не чувствуешь?

Бен и правда почувствовал. В пурпурном закате тайлось что-то невидимое, но давящее, электризующее. Во рту у него пересохло, и он облизал губы перед тем, как заговорить.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — потом добавил, — и Девы Марии. Благослови этот крест и... и...

Вдруг слова откуда-то всплыли в его памяти.

— Господь мой пастырь, — начал он, и слова падали в темноту комнаты, как камни в глубокое озеро. — Он пустит меня пастись на зеленых лугах. Он поведет меня к тихим водам. Он очистит мою душу».

Голос Джимми стал повторять за ним.

— «Он поведет меня верной дорогой во славу свою. И хотя я пройду долиною смерти, я не убоюсь его...»

Казалось, стало труднее дышать. Бен почувствовал, что все тело его покрылось гусиной кожей.

Простыня, закрывающая тело Марджори Глик, зашевелилась. Из-под нее выползла рука, и пальцы начали шарить в воздухе.

— О Боже, что я вижу? — прошептал Джимми. Лицо его побледнело, веснушки выступили, как брызги на стеклах.

— Джимми, посмотри на крест!

Крест светился. Мерцание разливалось по руке Джимми, как кровь дракона.

Медленный, гулкий голос в тишине:

— Дэнни?

Тело под простыней зашевелилось. По углам комнаты метались тени.

— Дэнни, где ты, дорогой?

Простыня сползла лица на колени.

Лицо Марджори Глик светилось в полумраке, как бледный круг с черными впадинами глаз. Она заметила их, и рот изогнулся в ужасной усмешке. Последние блики света осветили ее блестящие зубы.

Она спустила ноги со стола; тапочек упал.

— Стой! — сказал ей Джимми. — Не двигайся!

В ответ она заворчала, как собака. Потом сползла со стола и, покачиваясь пошла к ним. Бен поймал себя на том, что смотрит ей в лицо, и поспешно отвел глаза. В глазах у нее были темные бездны, где его лицо отражалось и тонуло.

— Не смотри на нее, — предупредил он Джимми.

Они отступали, пока не дошли до узкого коридора перед лестницей.

— Попробуй крест, Бен.

Он почти забыл о нем. Теперь он поднял крест вверх, и он ярко вспыхнул. Миссис Глик издала шипящий, недовольный звук и заслонила лицо руками. Ее черты словно сжеглись, извиваясь, словно клубок змей. Она отступила на шаг назад.

— Действует! — воскликнул Джимми.

Бен наступал на нее, поднимая крест. Она попыталась схватить его рукой, но он быстро ударил ее крестом. Она издала дикий вопль.

Все последующее показалось Бену одним сплошным кошмаром. Хотя впереди были еще большие ужасы, он не раз видел во сне, как Марджори Глик пятится к столу, с которого свисает смятая простыня.

Она отступала, переводя глаза с ненавистного креста на шею Бена ниже подбородка. Звуки, издаваемые ею, состояли из совершенно нечеловеческого шипения, ворчания и хрипа, и казалось, что ею движет инстинкт слепой, словно она была каким-то гигантским насекомым. Бен подумал: «Если я опущу крест, она вцепится мне в горло ногтями, разорвет артерию и станет пить кровь, как путник в пустыне, умирающий от жажды. Она будет купаться в моей крови».

Джимми начал заходить слева. Она его не замечала. Глаза ее смотрели только на Бена с ненавистью... и со страхом.

Джимми обогнул стол и, когда она коснулась его схватил ее обеими руками за шею с конвульсивным криком.

Она завизжала и забилась в его руках. Бен увидел, как ногти Джимми впиваются в ее кожу, но в ранках не выступает кровь, как в безгубых ртах. Потом она оттолкнула его. Джимми отлетел и ударился об угол, сбросив на пол телевизор Мори Грина.

Она кинулась за ним, как паук, протянув вперед скрюченные руки. Джимми Коди закричал — высокий отчаянный крик погибающего.

Бен бросился на нее, споткнулся о телевизор и едва не упал. Он слышал ее хриплое дыхание, похожее на шорох соломы, и за этим — звук чавкающих, сосущих губ.

Он схватил ее за ворот платья и рванул, забыв про крест. Потом, как в замедленном кино, увидел ее язык, облизывающий губы.

Он успел поднять крест, прежде чем она схватила его. Закругленный край палочки, ставшей крестом, дотронулся до ее подбородка — и продолжил движение, не встречая сопротивления плоти. Отвратительный смрад паленого мяса. В этот раз ее крик был оглушительным. Он скорее почувствовал, чем увидел, как она отступила назад, спот-

кнулась о телевизор и упала, быстро вскочив с живостью волка. Глаза ее, все еще полные неуголимого голода, сузились от боли. Кожа на подбородке сморщилась и почернела. Она зашипела на него.

— Уходи, стерва, — прошептал он. — Уходи! Уходи!

Он поднял крест снова и стал загонять ее в угол. Там он хотел прижать ей крест ко лбу. Но когда она прижалась спиной к стене, из ее губ вырвался высокий надтреснутый смешок, заставивший его вздрогнуть. Это походило на скрежет вилки о сковородку.

— Все равно он смеется над вами! Все равно вас уже меньше!

И у него на глазах ее тело начало таять. Вот она еще здесь, смеется над ним — и вот уже тусклый свет уличного фонаря освещает пустую стену. Словно она просочилась в мельчайшие поры стены, как дым.

Она исчезла.

Позади закричал Джимми.

11

Он повернулся. Джимми уже поднялся на ноги, прижимая руки к шее. Пальцы были в крови.

— Она меня укусила! — простонал Джимми. О, Господи, она меня укусила!

Бен подошел к нему и попытался взять за руку, но Джимми его оттолкнул. Глаза его горели безумным огнем.

— Не трогай меня. Я заразный.

— Джимми...

— Принеси сумку, Бен. Скорее. Я чувствую, как это действует. Ради Бога, принеси мне мою сумку!

Сумка стояла в углу. Бен принес ее, и Джимми вытряхнул ее содержимое на стол. Его лицо стало мертвенно-бледным, залитым потом. Кровь струилась из маленькой рваной ранки на шее. Он сел на тол; дыхание с хрипом вырывалось у него изо рта.

— Она укусила меня, — выдохнул он в сумку. — Ее пасть... о Боже, ее проклятая грязная пасть...

Он нашел пузырек дезинфектора, отвинтил крышку и плеснул содержимое себе на горло. Жидкость потекла на его рубашку и на стол, смывая следы крови. Глаза его закрылись, и он застонал.

— Джимми, что...

— погоди, — пробормотал Джимми. — погоди. Уже лучше. Подожди чуть-чуть.

Он отставил пузырек. Теперь стало видно ранку, отмытую от крови. Бен заметил два следа зубов недалеко от шейной артерии.

Джимми достал из сумки ампулу и шприц, содрал с иглы предохранительную упаковку и погрузил ее в ампулу. Руки его так тряслись, что он едва не уронил шприц.

— Тетранус, — сказал он, подавая шприц Бену. — Уколи меня. Вот сюда, — он поднял руку, обнажив подмышку.

Бен взял иглу и вопросительно поглядел на Джимми. Тот кивнул. Бен ввел иглу.

Джимми дернулся, как ошпаренный. На момент тело его застыло в агонии, каждый мускул напрягся. Понемногу он расслабился, и Бен увидел на его лице слезы, смешанные с потом.

— Дай мне крест, — сказал он. — Если я все еще заражен, то... то это будет видно.

— Думаешь?

— Все может быть. Знаешь, когда ты пошел к ней, я хотел... хотел кинуться на тебя. Бог меня спас. Но я смотрел на этот крест и... меня чуть не стошнило.

Бен притронулся крестом к его шее. Ничего не произошло. Свечение уже померкло. Бен убрал крест.

— Слава Богу, — сказал Джимми. — Вот и все, — он опять порылся в сумке, отыскал две пилюли и сунул их в рот. — На всякий случай. Хорошо, что я сходил в сортир перед этим. Боюсь, я все же обоссался, но совсем чуть-чуть. Сможешь забинтовать мне шею?

— Думаю, да.

Джимми вручил ему бинт и хирургические ножницы. Наматывая бинт, он заметил, что кожа вокруг укусов стала

воспаленно-красной. Джимми поморщился, когда бинт коснулся раны.

— Еще пара минут, и я бы свихнулся. По-настоящему. Эти ее губы... — он передернулся. — И знаешь когда она делала это, мне нравилось. Это самое ужасное, Бен. Я даже испытывал возбуждение. Можешь поверить? Если бы не ты, я бы ей позволил...

— Не думай про это.

— Нужно еще кое-что сделать.

— Что?

— Подожди немного.

Бен закончил бинтовать и немного отошел.

— Что...

Тут Джимми ударил его. В глазах его вспыхнули искры, и он неуклюже плюхнулся на пол. Опомнившись, он увидел, что Джимми слез со стола и подходит к нему. Он успел вспомнить про крест, думая: «Вот так кончаются рассказы О'Генри, ты кретин, кретин...»

— Как ты? — осведомился Джимми. — Извини, но это было лучше сделать неожиданно.

— Какого черта...

Джимми уселся на пол рядом с ним.

— Я хочу рассказать тебе, что с нами произошло. Что я потом расскажу Мори Грину. А ты подтвердишь, если придется. Понимаешь?

— Вроде бы, — Бен потрогал челюсть и поморщился.

— Кто-то напал на нас, когда я осматривал тело миссис Глик. Ударил тебя и стал драться со мной. Ну, и во время драки укусил за шею. Потом скрылся, и мы не знаем, кто это был Вот и все. Понял?

Бен кивнул.

— На нем был темное пальто, может быть, синее, и зеленая вязаная шапка. Вот и все, что ты видел.

— Ты не пробовал писать до того, как сделаться доктором?

Джимми улыбнулся.

— Я могу так сочинять только при крайней необходимости. Ты все запомнил?

— Конечно. Но я не думаю, что они очень уж взволнуются. Это ведь не первое пропавшее тело.

— Надеюсь. Но теперь за это возьмется шериф графства, а это тебе не Перкинс Гиллспай. Нужно заранее обо всем договориться.

— Думаешь, нам следует сообщить ему?

— Помни, что с точки зрения властей, мы преступники. Мы не имеем никакого права тут находиться.

Сказав это, Джимми подошел к телефону и позвонил сперва Мори Грину, потом шерифу Гомеру Маккаслину.

12

Бен вернулся домой в пятнадцать минут первого и сварил себе в пустой кухне чашку крепкого кофе. Он пил его медленно, вспоминая все происшедшее с облегчением человека, только что удержавшегося от падения с карниза.

Шериф графства оказался высоким лысеющим мужчиной, жующим табак. Двигался он медленно, но глаза казались живыми и внимательными. Он достал из кармана громадную записную книжку на цепочке и толстую чернильную ручку. Он допросил Бена и Джимми, пока двое его помощников фотографировали их и брали отпечатки пальцев. Мори Грин молча стоял поодаль, то и дело с жалостью поглядывая на Джимми.

Что их привел в похоронное бюро?

Джимми рассказал историю с энцефалитом.

Знал ли об этом доктор Рердон?

Нет. Джимми подумал, что незачем зря волновать старика. Он известил бы его позже.

И что с энцефалитом? Эта женщина действительно была больна?

Нет, почти наверняка. Он закончил осмотр еще до того, как на них напали. Он не смог — или не успел — определить, от чего она умерла, но почти наверняка не от энцефалита.

Могут ли они описать этого типа?

Они отвечали в условленных выражениях. Бен добавил пару коричневых ботинок, и это стало чрезвычайно напоминать Труляля и Траляля.

Маккаслин задал еще пару вопросов, и Бен уже подумал, что все кончится благополучно, когда шериф повернулся к нему и спросил:

— А вы что там делали, Мейрс? Вы же не доктор.

Глаза его торжествующе сверкнули. Джимми открыл было рот, но шериф остановил его повелительным жестом.

Если целью вопроса было вызвать у Бена удивление, то этой цели он не достиг. Бен слишком переволновался за вечер.

— Я писатель, а не доктор. Я пишу романы. Один из персонажей моего нового романа — сын могильщика. Я хотел просто посмотреть, как это выглядит, вот и напросился в компанию к Джимми. Он просил меня не лезть в его работу, — он потрогал подбородок, где выступил небольшой синяк, и заключил, — Я увидел даже больше, чем ожидал.

Казалось, ответ Бена не удовлетворил шерифа.

— Это вы написали «Дочь Конвея»?

— Да.

— Моя жена читала отрывок в каком-то журнале. В «Космополитене», что ли. Очень смеялась. Я посмотрел, но не нашел ничего смешного в том, что девчонка сидит на игле.

— Нет, — сказал Бен, глядя в глаза Маккаслину. — Я тоже ничего смешного в этом не вижу.

— Сейчас вы пишете новый роман?

— Да.

— Хорошо, если Мори Грин вам помог, — заметил шериф. — Буду рад, если вы напишете эту часть со знанием дела.

— Я всегда исследую предмет, прежде чем описывать. Так гораздо легче.

Маккаслин покачал головой.

— Знаете, вся история звучит, как в книжках про Фу Маньчжу. Какой-то парень врывается, одолевает двух здоровых мужчин и уносит труп бедной женщины, умершей от неизвестной причины.

— Послушайте, Гомер... — начал Джимми.

— Не зовите меня «Гомер», — сказал Маккаслин. — Мне это не нравится. И вообще не нравится все это. Энцефалит ведь очень заразен?

— Да, конечно.

— А вы привели туда этого писателя. Зная, что она может быть заразной.

Джимми сердито пожал плечами.

— Я же не обсуждаю вашу работу, шериф. Энцефалит — это инфекция, которая медленно проникает в кровь. Я знаю, что для нас он не опасен. Не лучше ли вам попытаться найти того, кто выкрал тел миссис Глик — Фу Маньчжу или кто бы он ни был, — чем терять время с нами.

Маккаслин поглядел на свой солидный живот, закрыл записную книжку и сунул ее в недра кармана.

— Ладно, об этом мы еще поговорим, Джимми. Сильно сомневаюсь, что мы его найдем. Особенно если его нет.

Джимми поднял брови.

— Врете вы все, — сказал Маккаслин. — Я это знаю, мои ребята знают, и даже старый Мори знает. Не знаю, сколько вы врете — много или мало — но знаю, что могу вас уличить, потому что вы врете одинаково. Я мог бы засадить вас в кутузку, но по правилам вам полагается один телефонный звонок. А даже самый зеленый адвокатик знает, что закон в этом случае на вашей стороне. Поэтому я ничего такого не сделаю. Я чувствую, что вы врете не потому, что совершили что-то противозаконное. Вы что-то скрываете от меня. Что? — спросил он спокойно, без государственной важности в голосе. — Дело ведь очень серьезное. В Лоте умерло уже четверо, и все четыре тела исчезли. Я хочу знать, что случилось.

— Мы расскажем вам все, что мы знаем, — твердо сказал Джимми, глядя ему прямо в глаза. — Если вы захотите слушать, мы расскажем.

Маккаслин посмотрел на него почти с жалостью.

— Вы чертовски напуганы, — сказал он. — Вы оба. Вы похожи на тех парней в Корее, которых привозили с передовой.

Бен и Джимми ничего не ответили.

— Ладно, идите. Я хочу, чтобы вы явились ко мне завтра к десяти и все рассказали. Если вас не будет, я пошлю за вами патрульную машину.

— Вам не придется это делать, — сказал Бен.

— А вы лучше писали бы свои книги, — Маккаслин печально взглянул на него и опять покачал головой.

13

Бен встал из-за стола и отнес кофейную чашку в раковину. Он посмотрел в темное окно. Кто там, за ним? Марджори Глик, нашедшая, наконец, своего сына? Майк Райерсон? Флойд Тиббитс? Карл Формэн?

Он повернулся и пошел наверх.

Остаток ночи он проспал с включенной лампой, сжав в руке крест, связанный из палочек для осмотра горла. Перед тем, как уснуть, он подумал о Сьюзен. Все ли с ней в порядке?

Глава двенадцатая

МАРК

1

Когда он услышал отдаленный звук шагов, он притаился за стволом большой ели и стал ждать. Они не могут появляться днем, но это не значит, что у них не может быть помощников-людей; они могли им платить, но не только. Марк видел этого Стрэйкера, и глаза у него были, как у змеи. Казалось, он вполне способен сломать ребенку руку и улыбаться при этом.

Он сжал в кармане рукоятку отцовского пистолета. Против них пули не помогают — кроме, может быть, серебряных, — но Стрэйкеру вряд ли понравится получить между глаз из этой штуки.

Он перевел глаза вниз, на прислоненный к дереву длинный предмет, завернутый в тряпку. За их домом стояла поленница, полкорда ясеновых дров, которые они с отцом напилили в июле и августе. Генри Петри был методичным человеком, и Марк знал, что длина каждого полена — три фута. Отец знал нужную длину так же, как знал, что за осенью следует зима, и что ясень в камине горит лучше и жарче других деревьев.

Его сын, который знал про другие вещи, знал, что ясень как раз и нужен для таких людей... существ. Этим утром, когда отец с матерью отправились на прогулку, он взял одно из поленьев и обстругал его конец своим бойскаутским топориком. Грубо, но надежно.

Он увидел среди деревьев разноцветные пятна и отпрянул. Через мгновение он смог разглядеть того, кто осто-

рожно пробирался по лесу. Это была девушка. Облегчение смешалось с легким разочарованием. Это не слуга дьявола, а всего лишь дочка Нортонов.

Но тут он снова насторожился. У нее тоже был кол! Когда она подошла ближе, он усмехнулся про себя. Кол из снегового заграждения. Два удара обычного молотка переломят его в два счета.

Она хотела обойти его дерево справа. Поэтому он начал осторожно двигаться влево, стараясь не наступать на тонкие, предательски хрустящие веточки. Наконец они стали двигаться почти синхронно. Она шла осторожно, отметил он с одобрением. Это хорошо. Несмотря на дурацкий кол, он был доволен, что она тоже здесь. Но если она пройдет чуть-чуть дальше, ей несдобровать. Стрэйкер дома. Марк был здесь с полпервого и видел, как Стрэйкер выехал на дорогу, оглядел ее и вернулся. Марк как раз думал, что ему предпринять, когда появилась эта девушка.

Но может, она все знает. Вот она остановилась за кустами и стала наблюдать за домом. Конечно, знает. Иначе она не взяла бы с собой этот жалкий кол. Он подумал, что нужно предупредить ее о Стрэйкере. Ведь наверняка у нее нет оружия.

Он думал, как обнаружить свое присутствие и не напугать ее, когда услышал гудение мотора. Она подскочила, и он испугался, что она побежит и обнаружит себя. Но она снова прижалась к земле, словно боясь ее отпустить.

Машина Стрэйкера выехала с подъезда — она видела ее лучше, а он разглядел только черную крышу «паккарда», удаляющуюся в направлении города.

Он решил объединиться. Все лучше, чем лезть в этот дом поодиночке. Он уже почувствовал его тлетворную атмосферу, еще за полмили отсюда.

Теперь он осторожно подкрался ближе и положил руку ей на плечо. Он почувствовал, как она вздрогнула, понял, что за этим последует крик, и сказал:

— Не кричи. Все нормально. Это я.

Она не закричала. Повернулась и уставилась на него с совершенно белым лицом.

— К-кто «я»?

Он присел рядом.

— Я Марк Петри. Я тебя знаю; ты Сьюзен Нортон. Мой отец знаком с твоим.

— Петри? Генри Петри?

— Да, это мой отец.

— Что ты здесь делаешь? — она во все глаза смотрела на него, словно не веря в его реальность.

— То же, что и ты. Только твой кол не годится. Он слишком... — он пытался подобрать в своем словаре нужное слово и закончил, — слишком хлипкий.

Она посмотрела на свой колышек и покраснела.

— А, это. Я нашла его в лесу... и подумала, что кто-то мог потерять, так что...

Он перебил ее:

— Ты хочешь убить вампира, правда?

— С чего ты взял? Какие вампиры?

Он мрачно сказал:

— Вампир пытался поймать меня сегодня ночью. Ему это чуть не удалось.

— Это же абсурд. Такой большой мальчик, а веришь...

— Это был Дэнни Глик.

Она онемела. Потом взяла его за руку.

— Марк, скажи, ты ведь выдумал это?

— Нет, — коротко ответил он и рассказал ей всю историю.

— И ты пошел сюда один? — спросила она, когда он закончил. — Ты в это поверил и пошел сюда один?

— Поверил? — он казался удивленным. — Конечно. Я ведь сам видел.

На это было нечего возразить, и внезапно она устыдилась своих сомнений в правоте Мэтта и Бена.

— А ты как здесь оказалась?

Она поколебалась, потом сказала:

— В городе есть люди, подозревающие, что в этом доме живет кто-то. Он может оказаться... — она так и не могла произнести это слово, но он все равно кивнул.

Удивительно понятливый мальчишка.

Опустив все, что она могла бы добавить, она просто сказала:

— Вот я и решила пойти и посмотреть.

— И загнать в него это? — он кивнул на кол.

— Я не знаю, смогла ли бы я.

— Я смог бы, — сказал он спокойно. — После того, что я видел ночью. Дэнни висел у меня за окном, как большая муха. И его зубы... — он потряс головой, отгоняя воспоминание о ночном кошмаре.

— Твои родители знают, что ты здесь? — спросила она, уже зная ответ.

— Нет, — ответил он. — По воскресеньям они гуляют на природе. Иногда я хожу с ними. Сегодня они поехали на побережье.

— Ты совсем еще мальчик, — сказала она.

— Нет. И я ему это докажу, — он посмотрел на дом.

— Но ты уверен...

— Уверен. Разве ты не чувствуешь, что он здесь? Этот дом не вызывает у тебя страх?

— Да, — сказала она честно. Его логику, логику нервных окончаний, было трудно опровергнуть.

— А как мы это сделаем? — спросила она, автоматически доверив ему лидерство.

— Просто пойдем, найдем его и проткнем колом — моим колом — его сердце. Он, должно быть, в подвале. Они любят темные места. У тебя есть фонарик?

— Нет.

— А, черт, у меня тоже, — он топнул ногой. — Ну хоть крест-то есть?

— Да, — ответила она, показывая ему цепочку. Он кивнул и вытащил из-за ворота свой крест.

— Надеюсь, я успею вернуться до приезда родителей, — сказал он сердито. — Я взял его из шкапулки матери. Если она заметит, мне достанется, — он огляделся кругом. Тени начали удлиняться, и они оба почувствовали тревогу.

— Когда мы его найдем, не смотри ему в глаза, — предупредил Марк. — Он не может вылезти из своего гроба до темноты, но может зачаровать тебя взглядом. Знаешь какие-нибудь молитвы?

Они смотрели сквозь кусты на неухоженные лужайки дома Марстенов.

— Ну, «Отче наш»...

— Хорошо. Я тоже знаю. Скажем ее, когда будем загонять кол.

Он заметил на ее лице тревогу, смешанную с отвращением, и взял ее за руку.

— Слушай, мы должны. Боюсь, что этой ночью он сожрал полгорода. Если мы промедлим еще, будет поздно. Нужно сделать это как можно скорее.

— Этой ночью?

— Мне снилось, — сказал Марк спокойно, но глаза его потемнели. — Снилось, как они подходят к домам, и звонят по телефонам, и просят их впустить. Некоторые знают, но все равно пускают, потому что это легче, чем поверить во все это.

— Но это только сон.

— Я боюсь, что сегодня многие лежат в постели, закрыв ставни и задернув занавески, и думают, что у них простуда или грипп. Они чувствуют слабость и головную боль. Им не хочется есть. От одной мысли о еде их тошнит.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я читал журналы про монстров, — ответил он, — и посмотрел все фильмы, какие смог. Обычно я говорил маме, что иду смотреть Диснея. И всему этому нельзя верить. Они многое присочиняют, чтобы было страшнее.

Они смотрели на дом. Да, ну и команда, подумала Сьюзен. Старый учитель, свихнувшийся от книг; писатель, мучимый своими детскими кошмарами; мальчик, прошедший курс вампироведения по фильмам и комиксам. И я. Разве я верю? В этот бред?

Она верила. Как Марк и говорил, чем ближе к дому, тем больше чувствовалась опасность. Их разговор и мысли перебывались глубинным голосом, постоянно твердившим «берегись». Кожа ее похолодела от притока адреналина, сердце билось учащенно, колени отяжелели. Глаза обрели повышенную зоркость, замечая каждый протек краски на стене дома. И для всего этого не было видимых причин: людей с ружьями, лая собак, запаха дыма. Только внутренний голос.

Она заглянула в щель в ставне.

— Они там ничего не ремонтировали, — прошептала она. — Какой беспорядок.

— Дай посмотреть. Подними меня.

Она приподняла его к окну, и он увидел пустую комнату под слоем пыли, испещренной множеством следов; оборванные обои, два-три ветхих стула, изрезанный стол. В углах под потолком свисала паутина.

Прежде, чем она успела возразить, он дернул крючок, держащий ставни, и замок распался на два ржавых куса. Ставни с треском приоткрылись.

— Эй! — запротестовала она. — Не надо...

— А что ты хотела? Позвонить в дверь?

Он ткнул обломком ставня в стекло, которое упало внутрь с громким звоном. В нее вполз страх, теплый и липкий, оставляющий во рту привкус меди.

— Мы можем еще убежать, — сказала она скорее себе, чем ему.

Он посмотрел на нее без сочувствия. В его взгляде были только решимость и страх, не меньший, чем у нее.

— Иди, если хочешь, — сказал он.

— Нет, не пойду. Пошли быстрее.

Он вытащил куски разбитого стекла из рамы, взял в одну руку кол и рванул на себя окно. Путь был свободен. Сьюзен полезла первой. Страх все сильнее сдавливал ей живот, как жуткая беременность. Наконец она поняла, что чувствовал Мэтт Берк, когда он поднимался по ступенькам навстречу тому, что ждало его в комнате для гостей.

Она всегда осознанно или бессознательно вставляла страх в простенькое уравнение: страх = неизвестное. А потом сводила проблему к простым алгебраическим величинам, например: неизвестное = скрип (допустим) = скрипнувшая доска = нечего бояться. Это легко объясняло все страхи известного ей мира. Были, конечно, знакомые страхи (не заплывай далеко, не протягивай руку злой собаке, не иди гулять с незнакомыми парнями), но до настоящего момента она не могла представить, что существует такой страх. Все уравнения исчезли. Каждое движение казалось почти геройством.

Она вскарабкалась на подоконник, спрыгнула на пыльный пол и осмотрелась. Запах. Он исходил от стен почти видимыми миазмами. Она попыталась объяснить это мокрой штукатуркой или пометом всех животных, которые гнездятся за этими панелями — крыс, ондатр или даже енотов. Но этот запах был не животным. Он вызывал мысли о смерти.

— Эй, — тихо позвал Марк, появившись в окне. — Помоги.

Она нагнулась, подхватила его под мышки и подтянула вверх так, что он смог ухватиться за подоконник. Скоро он спрыгнул на пол, и опять воцарилась тишина.

Они вслушивались в нее, почти зачарованные. Им чудилось тонкое гудение — звук натянутых до предела нервов. Кругом была только мертвая тишина.

Но они знали, что они не одни.

2

— Пошли, — сказал он. — Посмотрим.

Он крепко сжал кол и в последний раз обернулся к окну.

Она медленно направилась к двери, и он пошел следом. У самой двери стоял небольшой столик с лежащей на нем книгой. Марк взял ее.

— Эй, — сказал он. — Ты знаешь латынь?

— В школе немного учила.

— Что это значит? — он указал на название.

Она, наморщив лоб, прочла вслух. Потом призналась:

— Не знаю.

Он наугад открыл книгу и вздрогнул. На картинке обнаженный человек протягивал кому-то невидимому труп ребенка. Он поскорей закрыл книгу, и они пошли в направлении кухни. Тени здесь были гуще. Солнце почти не освещало эту сторону дома.

— Чуешь запах? — спросил он.

— Да.

— Здесь еще сильнее, правда?

— Ага.

Он вспомнил их старый дом, где мать держала в погребе банки с помидорами. Как-то три банки протухли, и запах был похожим на этот.

— Господи, как я боюсь, — прошептала Сьюзен.

Он протянул руку, и она крепко сжала ее.

Линолеум на кухне потрескался, а напротив древней фарфоровой плиты почернел. Посередине стоял старый стол, на котором они увидели желтую тарелку с остатками гамбургера, вилку и нож.

Дверь в подвал была чуть-чуть приоткрыта.

— Нам туда, — сказал он.

— О, — слабо отозвалась она.

Дверь стояла перед ними, и за ней было совсем темно. Казалось, язык темноты облизывает порог кухни, дожидаясь ночи, чтобы утолить свой вечный голод. Она стояла рядом с Марком, глядя в эту темноту, не в силах пошевелиться.

Потом он потянул дверь на себя, и она открылась. Сьюзен заметила, как у него дрожит челюсть.

— Я думаю... — начал он, и тут она услышала что-то позади себя и обернулась, почувствовав внезапно, что уже поздно. Там стоял Стрэйкер. Ухмыляющийся.

Марк тоже повернулся, увидел и попытался бежать. Кулак Стрэйкера врезался ему в подбородок, и все померкло.

3

Когда Марк пришел в себя, его несли по какой-то лестнице, но не в подвал — не было ощущения зажатости, и воздух казался чуть посвежее. Он поводил глазами, но его голова была почти прижата к плечу безжалостной хваткой. Лестница привела на второй этаж. Теперь он это понял. Солнце еще не зашло. Слабая надежда.

Внезапно руки, державшие его, разжались, и он тяжело упал на пол, ударившись головой.

— Ты думал, я не знаю, что кто-то играет тут в прятки, а? — осведомился Стрэйкер. С пола он казался великаном. Лысая голова блестела в полумраке. С растущим

ужасом Марк заметил, что на плече у него висит моток веревки.

Он схватился за карман, где лежал пистолет.

Стрэйкер откинул назад голову и рассмеялся.

— Я забрал у тебя пистолет, мой мальчик. Дети не должны играть с оружием, которого не знают... и тем более водить юных леди в дома, куда их никто не приглашал.

— Что вы сделали со Сьюзен Нортон?

Стрэйкер улыбнулся.

— Я отвел ее туда, куда она так хотела попасть, мой друг. В подвал. Позже, когда зайдет солнце, она встретится с тем, с кем хотела. Ты его тоже увидишь; может быть сегодня, может быть завтра вечером. Конечно, он может отдать тебя этой девушке, но я все же думаю, что он захочет лично насладиться общением с тобой. Девушка займется своими собственными друзьями, не менее назойливыми, чем ты.

Марк попытался пнуть Стрэйкера в промежность, но тот отпрыгнул с легкостью танцора. Одновременно он выбросил вперед собственную ногу, ударив Марка под колени.

Марк больно прикусил губу, падая на пол.

— Вставай, мой мальчик, на ноги.

— Я... я не могу.

— Тогда ползи, — сочувственно посоветовал Стрэйкер. Он опять пнул Марка, на этот раз в бедро. Боль была ужасающей, но Марк только стиснул зубы. Он встал на колени, потом на ноги.

Они прошли через холл к дальней двери. Боль в ногах перешла в нытье.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Подвесить, как индейку, мой друг. Когда мой хозяин захочет увидеть тебя, ты освободишься.

— Как другие?

Стрэйкер только усмехнулся.

Когда Марк вошел в комнату, где когда-то повесился Хьюберт Марстен, в его мозгу начало происходить что-то странное. Страх не исчез, но он перестал сковывать его

мысли, которые замелькали с поразительной скоростью, выраженные не словами, а образами. Он чувствовал себя, как электрическая лампочка, получившая подпитку током неизвестно откуда.

Сама комната оказалась довольно прозаической. Разорванные обои свисали со стен, обнажая белую штукатурку и камень стен. Пол был покрыт слоем пыли и штукатурки, но на нем виднелся всего один след, как будто кто-то когда-то зашел сюда, посмотрел и тут же вышел. В комнате также виднелись стопки старых журналов, железная сетка от кровати и оловянная миска на каминной доске. Окно закрыто ставнями, но через проломы в них проникал свет, что заставило Марка подумать, что до захода солнца осталось не меньше часа.

Меньше чем за пять секунд он вошел в комнату, заметил все эти вещи и встал посередине, где ему велел Стрэйкер. За этот короткий период он продумал три варианта развития событий и три возможных выхода из них.

В первом он может внезапно подбежать к окну и попытаться пробиться сквозь стекло и ставни, как герой вестерна, чтобы упасть на то неизвестное, что находится внизу. В уме он уже представил, как падает на кучу ржавых железяк и дергается последние секунды жизни на их остриях, как червяк на крючке. Еще он видел, как ударяется о ставни, но они выдерживают, и Стрэйкер тащит его назад, исцарапанного и в порванной одежде.

В другом случае Стрэйкер свяжет его и уйдет. Он видел, как лежит на полу, наблюдая, как меркнет свет, отчаянно бьется и, наконец, слышит на лестнице шаги того, кто в миллион раз хуже, чем Стрэйкер.

В третьем случае он мог испробовать штуку, про которую читал летом в книжке про Гудини. Это был знаменитый фокусник, который освобождался из тюремных камер, банковских сейфов и железных сундуков, брошенных в реку. И там он вычитал, что Гудини задерживал дыхание и напрягал руки, когда его связывали. Если мускулы большие, то когда их потом расслабишь, остается довольно много места. Главное здесь — не паниковать и,

когда представится случай, спокойно подумать о своем спасении. Понемногу вы вспотеете, и это тоже хорошо. Скользкому телу легче освободиться.

— Повернись-ка, — сказал Стрэйкер. — Я тебя свяжу. Когда буду связывать, не шевелись. Если пошевелишься, я сделаю так, — он ткнул в сторону Марка большим пальцем, как голосующий на дороге, — и выдавлю тебе глаз. Понял?

Марк кивнул. Он сделал глубокий вдох и напряг все мускулы.

Стрэйкер накинул веревку на одну из балок.

— Ложись, — приказал он.

Марк подчинился.

Он связал руки Марка за спиной, сделал петлю и накинул ее на шею.

— Ты будешь висеть там же, где висел друг и помощник моего хозяина, мой мальчик. Гордись этим!

Стрэйкер улыбнулся и протянул веревку через промежность Марка. Тот застонал.

— Яйца болят? Ничего, это пройдет. Тебе ведь предстоит аскетическая жизнь, мой мальчик — долгая-долгая жизнь.

Он обмотал веревкой колени и еще раз руки. Дышать стало труднее, но Марк не выпускал воздух.

— Держись, мой мальчик, — удовлетворенно отметил Стрэйкер. — Твоя кожа вся в пупырышках. Она белая, но скоро будет еще белее. Но не бойся так. Мой хозяин добр. Его многие любят, в том числе и в вашем городе. Только маленький укол, как у доктора — и потом сладость. И ты опять станешь свободен. Увидишь папу с мамой. Но только когда они уснут.

Он встал и осмотрел дело своих рук.

— А сейчас я тебя ненадолго оставлю. Нужно позаботиться о твоей подружке. Когда мы снова увидимся, надеюсь, мы станем друзьями.

Он вышел, захлопнув дверь. В замке скрипнул ключ. Едва его шаги затихли, Марк выдохнул и с облегчением расслабил мускулы.

Веревки немного ослабли. Чуть-чуть.

Некоторое время он не двигался, собираясь с мыслями. Мозг его все еще работал со сверхъестественной скоростью. Из своего положения он мог видеть только пыльный пол и ржавую кроватную сетку. И еще кусок стены с отвалившимися обоями. Он сосредоточил внимание на одной точке стены и, глядя туда, вспомнил еще одно место в книге про Гудини. Там говорилось, что главное — это владеть собой. Не допускать страха или паники.

Он смотрел на стену, а время шло.

Стена была белой и выщербленной, как ветхий киноэкран. Он подумал, как он выглядит со стороны, маленький мальчик в синей рубашке и джинсах, лежащий на боку. Руки связаны за спиной, а на шее затянут узел, и каждое движение лишь затянет его еще крепче, пока мозг не застелет темная пелена.

Он смотрел на стену.

Тени там медленно двигались, хотя он лежал неподвижно. Он видел каждую черточку. Он достиг уровня концентрации индийских йогов и медиумов на спиритических сеансах. Он уже не думал ни о Стрэйкере, ни о гаснущем свете. Думал только о том, как освободиться.

Он смотрел на стену.

Наконец он начал потихоньку шевелить кистями. На пределе он мог соединить большие пальцы. Но он не спешил. Когда выступил пот, движения стали легче. Теперь уже его ладони касались друг друга. Узлы, держащие их, еще немного ослабли.

Чуть погодя он попробовал соединить пальцы. Лицо его выражало предельное внимание.

Прошло пять минут. Скользкие от пота руки двигались легче. Концентрация дала ему еще одно преимущество йогов — контроль над нервной системой. Поэтому из его пор выделялось больше пота, чем это могло бы быть при его медленных движениях. Руки стали мокрыми. Капли пота стекали со лба, падая в пыль темными пятнами.

Он начал двигать руками вверх-вниз, приводя в движение бицепсы. Теперь узел на одной руке ослаб настолько, что сполз на середину большого пальца. Мгновенная радость вспыхнула в нем, но он остановился и подождал,

пока она утихла. И начал снова. Вверх-вниз. Вверх-вниз. И вдруг, неожиданно, он почувствовал, что правая рука свободна.

Он повернул голову и посмотрел туда, не веря. Убедившись, что это так, он потянул петлю на левой руке. Она соскользнула.

Он протянул руки вперед, положил их на пол и на секунду закрыл глаза. Фокус Гудини подействовал.

Помогая левой рукой, он принялся распутывать правой узел на шее. Потом понял, что еще рано, и поспешил вытащить веревку из промежности, где уже чувствовалась ноющая боль.

Потом взялся за узел. Веревка медленно ослабевала и, наконец, отпустила шею, оставив на ней красные полосы, напоминающие татуировку. Он вытащил голову из петли, чувствуя, как перед глазами расцветают черные цветы.

Он сел и помотал головой, тяжело дыша и держась руками за низ живота. Его тошнило.

Когда боль немного утихла, он взглянул в окно. Свет, пробивающийся сквозь ставни, был теперь оттенка охры. Скоро закат. А дверь заперта.

Он сдернул веревку с балки и начал развязывать узлы на ногах. Они оказались чертовски крепкими, и его концентрация стала постепенно проходить.

Он освободил бедра, колени и, наконец, лодыжки. Встал, шатаясь, скинул безвредную теперь веревку и огляделся.

Шаги на лестнице.

Он в панике оглядел комнату. Две связки журналов. Оловянная миска. Железная сетка от кровати.

В отчаянии он подскочил к ней и ухватился за край. И тут какие-то неведомые боги, видя, сколько он сделал для своего спасения, сжалились над ним.

Когда шаги замерли перед дверью, он нащупал стальную ножку и одним ударом вырвал ее из пазов.

Дверь открылась. Марк стоял за ней, подняв ножку над головой, как игрушечный индеец — томагавк.

— Мой мальчик, я пришел те...

Он увидел пустые витки веревки и застыл в удивлении.

Для Марка эти секунды прошли невероятно медленно, как футбольный маневр при повторном показе. Он обеими руками опустил ножку на голову Стрэйкера, не изо всех сил — он берег их для дальнейших действий. Удар пришелся прямо в середину его лысого черепа. Глаза его, раскрытые в удивлении, сомкнулись от внезапной боли. Из раны неожиданно обильно хлынула кровь.

Тело Стрэйкера пошатнулось, и он неуклюже шагнул в комнату. Лицо искривилось в ужасной гримасе. Тут Марк ударил еще. На этот раз удар пришелся по лбу, и брызнула еще одна струя крови.

Он рухнул на пол, закатив глаза, как тряпичная кукла.

Марк расширенными глазами смотрел на него. Конец ножки был в крови, более темной, чем в фильмах, которые он видел. Ее вид вызывал тошноту, но при взгляде на тело Стрэйкера ничего подобного не возникало.

«Я его убил, — только и подумал он. — Хорошо».

Рука Стрэйкера пошевелилась.

Марк отшатнулся. Рука конвульсивно сжалась, и Стрэйкер уставился на него своими холодными глазами сквозь застывшую кровавую маску. Со стоном омерзения Марк принялся молотить дергающуюся руку ножкой, как молотком. Жуткий треск ломающихся пальцев. Наконец, рука бессильно застыла, и он, пятясь, вышел через дверь в холл.

Голова Стрэйкера лежала неподвижно, но рука еще шевелилась с поразительной живучестью, словно челюсть пса, ловящего во сне кошку.

Ножка выпала из его онемевших пальцев, и он продолжал пятиться. Страх вновь охватил его, и он повернулся и стал спускаться по ступенькам, держась за покосившиеся перила.

Внизу было темно.

Он вошел в кухню, крадучись, как лунатик. Заходящее солнце рассыпалось калейдоскопом золота и пурпура. За шестнадцать миль отсюда Бен Мейрс в похоронном бюро смотрел на часы, стрелка которых колебалась между 7.01 и 7.02.

Марк не знал об этом, но знал, что приходит время вампиров. Спускаться сейчас в подвал за Сьюзен значило пополнить ряды Бессмертных.

Но он подошел к двери и сделал три шага вниз, прежде чем страх сковал его почти ощутимой преградой. Он плакал, и все его тело тряслось мелкой дрожью.

— Сьюзен! — закричал он. — Беги!

— М-Марк? — ее слабый голос. — Я ничего не вижу. Тут темно...

Потом внезапный гулкий звук, как холостой выстрел, и следом — довольное, жуткое хихиканье.

Сьюзен закричала... звук, перешедший в сдавленный стон и затем в тишину.

И после — дружелюбный голос, удивительно похожий на голос его отца:

— Иди ко мне, мой мальчик. Я тебя жду.

Сила, заключенная в этом голосе, была столь велика, что он по чувствовал, что ноги сами влекут его вниз. Он сделал шаг, прежде чем смог опомниться.

— Ну иди же, — сказал голос, теперь уже ближе. За дружелюбием проступила сила приказа.

— Я знаю тебя! Ты Барлоу! — выкрикнул Марк в темноту.

И побежал.

Когда он достиг входной двери, страх настолько овладел всем его существом, что, если бы дверь оказалась запертой, он пробил бы в ней дыру, как вырезанный на бумаге силуэт.

Он выбежал из дома (совсем как когда-то маленький Бен Мейрс) и помчался по Брукс-роуд в направлении города и весьма сомнительного спасения. Разве после всего вампир не погонится за ним?

Свернув с дороги, он пробежал через лес, пересек Тагарт-стрим, пробрался через валежник на другой стороне и ворвался на свой собственный двор.

Он вошел через дверь кухни и заглянул в комнату, где сидела его мать с ясно читающимся на лице беспокойством, держа в руке телефонную трубку.

Она увидела его, и по лицу прошла волна облегчения.

— ...да, вот он...

Положив трубку на рычаг, она повернулась к нему. Он увидел, что она плакала.

— О, Марк... Где ты был?

— Он дома? — спросил отец из кабинета. Лицо его, хоть и невидимое, явственно нахмурилось.

— Где ты был? — она тряхнула его за плечи.

— А, — сказал он заплетающимся языком. — Упал, когда спешил домой.

Она не смогла ничего сказать. Особенность детства в том, что фантазия и реальность в нем не имеют четкой границы. Умный ребенок знает это и использует в нужных обстоятельствах.

— Я не знал, сколько времени, — добавил он.

Тут вышел отец.

5

Ночь перед рассветом.

Царапанье в окно.

Он мгновенно проснулся, не тратя времени на воспоминание. Сон и явь были поразительно похожи.

За стеклом в темноте — бледное лицо Сьюзен.

— Марк...пусти меня.

Он встал. Пол под босыми ногами был холодным. Он дрожал.

— Уходи, — сказал он. Он видел, что на ней надеты та же блузка, те же тапочки. Интересно, Волнуются ли ее родители? — подумал он. — Позвонили ли они в полицию?

— Это не так уж плохо, Марк, — сказала она, и глаза ее мерцали, как тусклый обсидиан. Она улыбнулась, обнажая острые, блестящие зубы. — Это прекрасно. Впусти, и я тебе покажу. Я тебя поцелую, Марк, как твоя мама никогда не целовала.

— Уходи, — повторил он.

— Рано или поздно один из нас поймает тебя, — сказала она. — Нас все больше. Впусти, Марк. Я... я проголодалась, — она попыталась улыбнуться, но улыбка превратилась в кошмарную гримасу, заставившую его содрогнуться.

Он поднял крест и прижал его к стеклу.

Она зашипела и отпрянула. Какое-то время ее силуэт еще висел в воздухе, туманясь и угасая, потом исчез. Но перед этим он успел увидеть (или ему показалось) выражение боли и страдания на ее лице.

Все опять стихло.

«Нас все больше».

Он подумал о родителях, которые мирно спали.

Кто-то знает об этом, говорила она... или подозревает.

Кто?

Писатель, конечно. Мейрс. Тот, что живет у Евы. Писатели много знают. Он найдет его. Прежде, чем она...

Он замер.

«Если она его уже не нашла».

Глава тринадцатая ОТЕЦ КАЛЛАГЭН

1

Тем же воскресным вечером отец Каллагэн нерешительно зашел в больничную палату Мэтта Берка. Стол и сама кровать были завалены книгами; некоторые из них запылились и пожелтели. Мэтт позвонил Лоретте Стерчер и, хотя библиотека по воскресеньям была действительно закрыта, для него она сделала исключение. Она появилась у него во главе процессии трех санитаров, нагруженных книгами, но ушла недовольной, поскольку он отказался ответить на вопрос о причинах столь странного интереса.

Отец Каллагэн с любопытством разглядывал учителя. Он выглядел больным, но не таким слабым и угнетенным, как большинство людей в подобной ситуации. Каллагэн знал, что обычно первой реакцией на рак, сердечный приступ или утрату какого-нибудь важного органа бывает обида и разочарование. Люди удивляются, обнаружив, что такой казавшийся близким друг, как собственное тело, отказывается им помогать. Логическое следствие — не заботиться больше о таком вероломном друге. Люди отказываются говорить с ним, выслушивать его просьбы и следовать его рекомендациям. Наконец приходит ужасная в своей простоте мысль, что тело, быть может, вовсе не друг, а коварный враг, агент какой-то внешней силы, желающей вашего уничтожения.

Однажды, порядком выпив, Каллагэн даже засел за статью на эту тему для «Католического журнала». Он проиллюстрировал ее замечательным рисунком, где был

изображен мозг, стоящий на карнизе небоскреба под названием «Человеческое тело». Здание охватывало пламя (на котором была надпись «рак», хотя ее можно было с успехом заменить дюжиной других). Подпись гласила: «слишком высоко». Протрезвев наутро, он разорвал написанное, а картинку сжег. Ей не было места в католической доктрине, по которой к вам в самый критический момент обязательно прилетит вертолет под названием «Христос» и спустит лестницу. Но он видел на практике правоту своих выводов — депрессию, переживаемую многими больными. Симптомами являлись тусклые глаза, тяжкие вздохи, а иногда и слезы при виде священника, этого черного ворона, прилетающего к больным и умирающим, чтобы напомнить им о присутствии смерти.

У Мэтта Берка эти симптомы отсутствовали. Он протянул руку, и, пожимая ее, отец Каллагэн удивился ее крепости.

— Рад вас видеть, отец Каллагэн.

— Я тоже. Хорошие учителя, как мудрые женщины, поистине бесценны.

— Даже такие старые агностики, как я?

— Особенно такие, — сказал Каллагэн, улыбаясь. — Я застал вас в момент слабости. Я всегда говорил, что в больницах мало атеистов, а в реанимации совсем нет агностиков.

— Ничего, скоро я отсюда выйду.

— Ну-ну. Я надеюсь еще, что вы придете ко мне на исповедь.

— Что ж, — сказал Мэтт, — это не так уж невероятно, как можно подумать.

Отец Каллагэн сел на стул, упершись коленями в изголовье кровати. Стопка книг обрушилась на него. Прежде чем опять сложить их, он прочитал заглавия.

«Дракула». «Гость Дракулы». «Поиски Дракулы». «Золотая ветвь». «Естественная история вампиров» — естественная? «Венгерские народные сказки». «Монстры тьмы». «Монстры в реальной жизни». «Дюссельдорфский монстр Петер Куртен». И... он сдул с последней обложки толстый слой пыли, обнажив фигуру, хищно склонившуюся над

спящей девицей. «Вампир Уорни или Кровавое пиршество». Ничего себе, подходящее чтение для пациента с сердечным приступом!

Мэтт улыбнулся.

— Когда-то я делал сообщение по бедному старому Уорни в университете. Профессор был шокирован. Его представления о фантазии простирались от «Беовульфа» всего лишь до «Писем Баламута». Мне в письменном виде велели сменить круг интересов.

— Случай Петера Куртена довольно интересен, — заметил отец Каллагэн.

— Вы слышали эту историю?

— Да. Я интересовался такими вещами в духовном училище. Я всегда считал, что для того, чтобы стать хорошим священником, нужно заглянуть в бездны человеческой души, как и на ее вершины. Конечно, просветленным зрением. Куртен, кажется, еще мальчиком утопил двух своих приятелей, когда они катались в лодке.

— Да, — сказал Мэтт. — И дважды пытался убить родителей девочки, которая отказалась встречаться с ним. А потом поджег их дом. Но меня интересовала другая часть его карьеры.

— Я понял это по вашему кругу чтения, — он взял журнал, где на обложке была изображена миловидная девица в облегающем костюме, высасывающая кровь из молодого человека, в лице которого крайний ужас мешался с предельной страстью. Журнал — и, очевидно, девица, — назывались «Вампирелла». Каллагэн положил его, заинтригованный.

— Куртен убил больше дюжины женщин, — сказал он. — Еще некоторых оглушил молотком. Если это было в нужное время, он пил их месячную кровь.

Мэтт Берк опять кивнул.

— Но немногие знают, что еще он убивал животных. В конце концов он оторвал головы двум лебедям в Дюссельдорфском парке и стал пить их кровь.

— А как это все связано с тем, что вы хотели мне рассказать? — спросил Каллагэн. — Мисс Кэрлесс сказала, что у вас ко мне важный разговор.

— Да, так оно и есть.

— Ну, и что дальше? Если вы хотели заинтриговать меня, то вы своего добились.

Мэтт спокойно поглядел на него.

— Мой хороший знакомый, Бен Мейрс, должен был позвонить вам сегодня. Но ваша домоправительница сказала, что он не звонил.

— Это так. С двух часов ни одного звонка.

— Я не могу его найти. Он ушел из больницы с моим доктором, Джеймсом Коди. Его тоже не было с тех пор. И Сьюзен Нортон, подругу Бена, я тоже не смог отыскать.

Она ушла в начале дня и сказала родителям, что вернется к пяти. Они уже беспокоятся.

Каллагэн чуть подался вперед. Он знал Билла Нортон, обращавшегося к нему с какой-то просьбой — что-то по поводу рабочих-католиков.

— Вы что-то подозреваете?

— Ответьте мне на один вопрос, — сказал Мэтт. — Только отнеситесь к нему серьезно и подумайте, прежде чем ответить. Вы ничего странного не замечаете в городе в последние дни?

Каллагэну показалось, что этот человек говорит с ним осторожно, боясь чем-то напугать. Чем-то страшным, что как-то связано со всеми этими книгами.

— Вампиры в Салемс-Лот? — осведомился он.

Каллагэн не раз сталкивался с умственными нарушениями у людей, перенесших тяжелое заболевание; прежде всего у людей впечатлительных — художников, музыкантов и даже одного плотника, постоянно думавшего о законченной постройке. Поэтому он просто сложил руки на коленях и ждал ответа.

— Трудно поверить в это, — сказал Мэтт. — Еще труднее будет, если вы решите, что я не в своем уме.

Каллагэн, пораженный таким проникновением в его мысли, с трудом сдержал непроницаемое выражение лица.

— Напротив, вы кажетесь очень здравомыслящим.

Мэтт вздохнул.

— Здравомыслие не исключает безумия, и вы это прекрасно знаете, — он присел на кровати, сдвинув ле-

жащие там книги. — Если Бог есть, то это Он наказал меня за мой академизм и нежелание ступить на землю. Вот уже второй раз за сегодня я вынужден делать дичайшее заявление без всякой надежды, что мне поверят. Все, чем я могу доказать свою нормальность — это возможность проверить мои слова, и я прошу отнестись к ним серьезно, пока вы не сможете этого сделать. Пока еще не поздно. Звучит, как фраза из бульварного романа, правда?

— Жизнь часто напоминает мелодраму, — заметил Каллагэн.

— Так ответьте на мой вопрос — не замечаете ли вы чего-нибудь странного в последние дни?

— Связанного с вампирами или...

— Связанного с чем угодно.

Каллагэн подумал.

— Свалка закрыта, — сказал он наконец. — Ворота сломаны. Я сам отвожу мусор; это помогает избавиться от фантазий о бедных, но довольных судьбой пролетариях. Дада Роджерса нигде не видно.

— А еще?

— Ну... Крокеттов утром не было на службе, а миссис Крокетт никогда еще ее не пропускала.

— Еще?

— Конечно же, бедная миссис Глик...

Мэтт приподнялся на локте.

— Миссис Глик? А что с ней?

— Умерла.

— От чего?

— Полина Диккенс думает, что от сердечного приступа, — сказал неуверенно Каллагэн.

— Кто-нибудь еще сегодня умер?

— Нет, — медленно ответил священник. — Но вообще-то смертность необычайно возросла. Майк Райерсон... Флойд Тиббитс... маленький Макдугалл...

Мэтт устало кивнул.

— Да, странно. Но еще несколько ночей, и я боюсь... боюсь, что...

— Давайте перестанем играть в прятки, — сказал Каллагэн.

— Хорошо. Уже сказано достаточно.

И он начал рассказывать с самого начала. Когда он закончил, для Джимми с Беном ужас уже прошел. Для Сьюзен Нортон он только начинался.

2

Когда он закончил, наступила тишина.

— Вот. Так, по-вашему, я сошел с ума?

— Нет, я не думаю, что вы сошли с ума. Кроме того, я тоже имею дело со сверхъестественным. Это мой хлеб.

— Но...

— Дайте мне тоже рассказать вам кое-что. Не ручаюсь за истинность, но я сам считаю, что это правда. У меня есть хороший друг, отец Реймонд Биссонет, который служит сейчас в Корнуолле, на так называемом Оловянном берегу. Слышали об этих местах?

— Кое-что.

— Лет пять назад он написал мне, что его вызвали в одну из деревень отслужить панихиду по умершей девушке. Его еще тогда удивило, что гроб ее был заполнен дикими розами. Особенно поразило его то, что во рту ее он увидел чеснок и тимьян.

— Но это же...

— Да, традиционные средства против вампиров. Народное поверье. Рей упомянул кстати — причем как само собой разумеющееся, — что девушку убил инкуб. Вы знаете, что это такое?

— Сексуальный вампир.

Она была помолвлена с парнем по фамилии Баннок, у которого была большая красная родинка на шее. Его сбила машина за две недели до свадьбы. Через два года за нее посватался другой мужчина. За неделю до свадьбы она неожиданно скончалась, успев рассказать родным и друзьям, что к ней ночью приходил Джон Баннок, и она согрешила с ним. Ее будущего мужа, как писал Рей, больше беспокоило ее возможное помешательство, чем мысль о посещении демона. Но так или иначе она умерла и была похоронена по церковному обряду.

Но на этом письмо не кончалось. Через два месяца после ее смерти Рей как-то прогуливался в тех местах и встретил у могилы девушки молодого человека с большой красной родинкой на шее. А он носил с собой фотоаппарат, снимал разные красивые виды. Я видел некоторые его работы — довольно профессионально. Так вот, он сфотографировал этого человека. Когда он показал снимки в деревне, реакция была поразительной.

Одна старая леди тут же упала в обморок, а мать умершей девушки начала молиться прямо на улице. Но на следующее утро Рей обнаружил, что фигура человека пропала с фото, и остались только виды кладбища.

— И вы верите в это? — спросил Пэтт.

— О да. И я думаю, что большинство людей верят. Обычный человек верит в духов, демонов и привидений, пожалуй, сильнее, чем писатель, пишущий про все это. Вспомните, Лавкрафт был атеистом, Эдгар По — полубезумным трансценденталистом, а Готорн — христианином только по названию.

— Вы неплохо осведомлены, — сказал Мэтт.

Священник пожал плечами.

— Я с детства интересуюсь подобными темами, и мое священство только усилило этот интерес. Но особенно меня интересует природа зла, — с кривой усмешкой он добавил. — Это мне часто вредит.

— Тогда... может быть, вы согласитесь мне помочь? Мне нужно немного святой воды и кусочек гостии.

— Вы ступаете на зыбкую теологическую почву.

— Почему же?

— Я не откажу вам, — сказал Каллагэн. — А если бы вы обратились к более молодому священнику, он сказал бы «да» сразу же, даже без вопросов. Вот в чем беда. Многие видят в церкви всего лишь безобидную символику, вроде шаманских нарядов. Молодой священник решил бы, что вы свихнулись, но дал бы вам святую воду, просто чтобы вас успокоить. Я так не могу. Если я дам вам гостию, то я сделаю это, как представитель Святой церкви и как представитель Христа на земле, — теперь он смотрел на Мэтта серьезно. — Может быть, я плохой священ-

ник — чересчур слабый, чересчур циничный, страдающий от недостатка... чего? Веры? или доверия?.. но я еще верю в мистическую силу церкви, и поэтому ваша просьба повергает меня в дрожь. Церковь — это не просто скопище застарелых идеалов, как считают эти молодые. Это не отряд духовных бойскаутов. Это Сила... и ее не так-то легко привести в движение. Вы это понимаете? Ваше понимание особенно важно.

— Понимаю.

— Видите ли, прежняя церковная концепция зла терпела в нашем столетии радикальные изменения. Знаете, что тому причиной?

— Я думаю, Фрейд.

— Очень хорошо. Церковь приняла эту новую концепцию зла с маленькой буквы. И дьявол уже не чудовище с хвостом и рогами и не змей, ползущий по саду, а просто психологический образ. Гигантское коллективное подсознание всех нас.

— Но еще хуже верить в хвостатых чертей с такими чуткими носами, что они бегут от одного только лука опытного церковника, — заметил Мэтт.

— Конечно, хуже. Но это хотя бы осязаемо. А изгнать дьявола Фрейда так же невозможно, как взять долг Шейлока — вырезать фунт мяса, не пролив ни капли крови. Церковь обращается к видимому злу — бомбардировки Камбоджи, война в Ирландии, мятежи в Гетто и еще миллион мельчайших зол, которых с каждым днем все больше. Священники участвуют в движении за гражданские права и в мирных походах. Церковь прочно утверждается на земле.

— И нет уже ведьм, инкубов и вампиров, — заключил Мэтт, — только избиения детей, изнасилования и драки.

— Вот-вот.

— И вам это не нравится, так ведь?

— Да, — сказал Каллагэн тихо. — Я думаю, что это отвратительно. Этим церковь признает, что Бог не умер, а только чуть-чуть состарился. Но что вы хотите от меня?

Мэтт сказал.

Каллагэн, подумав, спросил:

- Вы понимаете, что это значит?
- Это значит, что у вас появился шанс испытать вашу церковь и себя.
- Хорошо. Я согласен. С одним условием.
- Каким?
- Сперва все участники этой экспедиции должны пойти в магазин мистера Стрэйкера. И пусть мистер Мейрс открыто спросит его обо всем. Так мы сможем увидеть его реакцию. Может, он просто посмеется над нами.
- Это может его насторожить.
- Каллагэн покачал головой.
- Если мы трое — мистер Мейрс, доктор Коби и я — будем осторожны, его настороженность ничем не грозит.
- Ладно, — сказал Мэтт. — Я согласен. Осталось спросить Бена и Джимми Коби.
- Хорошо. Вас не обидит, если я признаюсь, что очень надеюсь на то, что все это только плод вашего воображения? Что я надеюсь, что этот Стрэйкер рассмеется нам в лицо?
- Нет. Я вас понимаю.
- Я надеюсь на это. И все же вы меня напугали.
- Я и сам боюсь, — тихо сказал Мэтт.

3

Но вернувшись домой, он не почувствовал испуга. Напротив, испытывал какое-то воодушевление, почти восторг. Впервые за последние годы ему не хотелось напиться.

Он пошел в ректорий, снял трубку и позвонил в пансион Евы Миллер.

— Алло? Миссис Миллер? Могу я поговорить с мистером Мейрсом?.. Его нет? Да, понимаю... Нет, ничего. Позвоню завтра. Всего хорошего.

Он положил трубку и подошел к окну.

Пьет ли Бен Мейрс где-нибудь пиво, или же все, что рассказал ему старый учитель — правда?

Если это так...

Он не мог оставаться в доме и вышел на заднее крыльцо, вдыхая свежий октябрьский воздух и вглядываясь в темно-

ту. Может, это вовсе не Фрейд. Может, виной всему электричество, убившее страхи человека более эффективно, чем кол, загнанный в сердце, убивает вампира.

Зло осталось, но теперь оно двигалось среди яркого, равнодушного света неоновых ламп и стоваттовых фонарей. Оно двигалось механически, как игрушечная заводная машина, выполняя чьи-то приказы. Да, все мы выполняем приказы и инструкции. Но откуда они исходят? «Я только выполняю приказы. Народ избрал меня». Но кто избрал народ?..

Что-то промелькнуло над головой, и Каллагэн поглядел вверх, отвлекшись от своих мыслей. Птица? Летучая мышь?

Он вслушивался в ночь и не слышал ничего, кроме гудения телефонных проводов.

«В ночь, когда приходит куджу, ты спишь, как мертвый». Кто это сказал?

Темно. Только напротив церкви светится фонарь, и тускло мерцает уличный свет на пересечении Брок-стрит и Джойнтнер-авеню. Все тихо.

«В ночь, когда приходит куджу, ты спишь, как мертвый».

Воодушевление внезапно прошло. Страх ледяной волной окатил его сердце. Он боялся не за жизнь и не за честь, и не боялся уже, что домоправительница узнает о его пьянстве. Такого страха он никогда еще не испытывал.

Он боялся за свою бессмертную душу.

Часть третья ПОКИНУТЫЙ ГОРОД

*«Я слышал как-то голос из темноты ночной:
иди ко мне, малютка, чтоб вечно спать со мной».*
(Старый рок-н-ролл).

*«И путники видят в том крае туманном,
сквозь окна, залитые красною мглой,
огромные формы в движении странном,
диктуемом дико звучащей струной.
Меж тем, как, гонимые быстрой рекою
сквозь бледную дверь, за которой беда,
выносятся тени и шумной толпою,
забывши улыбку, хохочут всегда».*
(Эдгар По. Заколдованный замок.
Пер. К.Бальмонта).

«Я сам скажу, что целый город опустел».
(Боб Дилан).

Глава четырнадцатая ГОРОД (4)

1

Из «Альманаха Старого Фермера»:

«Закат в воскресенье, 5 октября 1975 г., в 7.02 после полудня; восход в понедельник, 6 октября 1975 г., в 6.49. Период темноты в Джерусалемс-Лот в это время года, через тринадцать дней после осеннего равноденствия, длится одиннадцать часов и сорок семь минут. Луна новая. Старый Фермер говорит про этот день: «Собирай скорее урожай, пока солнце не зашло за край.»

Из сводок Портлендской метеостанции:

«Наивысшая температура в темное время суток 62° по Фаренгейту; отмечено в 7.05 после полудня. Самая низкая температура 47°; отмечено в 4.06 утра. Легкая облачность, без осадков. Ветер северо-западный, пять-десять миль в час.»

Из полицейской хроники графства Камберленд:
«Без происшествий».

2

Утром 6 октября никто в Джерусалемс-Лот не заметил появления новых мертвецов. Как и те, кто умер в предыдущие дни, они сохраняли все признаки жизни.

Рути Крокетт, пролежавшая без сил в постели весь уикэнд, исчезла утром в понедельник. Это исчезновение прошло незамеченным. Мать ее лежала в погребке на полке с соленьями, завернутая в брезент, а Ларри Крокетт,

проснувшийся в этот день необычайно поздно, просто подумал, что его дочь уже в школе. Он решил не ходить на службу, поскольку чувствовал себя больным и опустошенным. Грипп, или что-то в этом роде. Свет слепил ему глаза. Он встал и закрыл шторы, вздрагивая, когда свет попадал ему на руки. Нужно сделать другое окно, когда он выздоровеет. Испорченное стекло — это вам не шутка. Однажды придете домой, а там пожар, и эти ублюдки в страховой конторе еще заявят, что вы сами виноваты, и откажутся платить. Как только ему станет лучше... Он подумал о чашке кофе и тут же почувствовал спазмы в желудке. Промелькнула недоуменная мысль о том, куда делась жена, и тут же пропала. Он вернулся в постель, потрогал рукой горло, которое странно зудело, как после бритья, натянул простыню на мертвенно-бледные щеки и уснул.

Его дочь тем временем спала в эмалированной глубине рефрижератора рядом с Дадом Роджерсом — в сумеречном мире ее нового состояния он вовсе не вызывал у нее смеха или отвращения.

Исчезла и Лоретта Стэрчер, городской библиотекарь, хотя никто этого не заметил — она ведь была одинокой и малообщительной. Теперь она находилась на пыльном и темном третьем этаже публичной библиотеки. Этот этаж был постоянно заперт (единственный ключ от него она постоянно носила на шее), если только какой-либо особо доведенный читатель не смог бы убедить ее, что он достаточно умен и, главное, морален, чтобы читать собранные там книги.

Теперь она сама лежала там, первое издание подобного рода, совсем новое. Ее переплет, если можно так выразиться, был девственно чист.

И исчезновение Вирджил Рэтбуна тоже никого не взволновало. Фрэнклин Боддин, проснувшись в их каморке в девять утра, увидел, что койка Вирджил пуста, попытался подняться и поискать пива и тут же рухнул назад на негнущихся ногах.

«О Господи, — подумал он, — что же было вчера? Что мы такое пили?»

А под полом, среди листьев, опавших за два десятка лет, и скопища пивных жестянок, сброшенных туда сквозь щели, лежал Вирджил, дожидаясь ночи. Может быть, в темных глубинах его мозга ему мерещилась жидкость более крепкая, чем лучшее виски, более игристая, чем лучшее вино.

Ева Миллер не дождалась Хорька Крейга к завтраку, но не стала задумываться об этом. Она была слишком занята тем, чтобы все ее постояльцы получили завтрак и все необходимое. Потом она наводила порядок и мыла тарелки, которые опять оставили эти чертовы Гровер Веррил и Микки Сильвестер, игнорируя уже много лет висевший над раковиной призыв: «Пожалуйста, вымойте свою посуду».

Но, когда воцарилась тишина, и лихорадка завтрака сменилась обычной дневной рутинной, она все же вспомнила о нем. По понедельникам на Рэйлроуд-стрит собирали мусор, и обычно Хорек выносил на тротуар объемистые зеленые мешки, дожидаясь Ройяла Сноу с его ветхим грузовичком. Сегодня мешки стояли на крыльце.

Она подошла к его двери и осторожно постучала.

— Эд?

Ответа не было. В другой день она могла бы предположить, что он пьян, и отнести мешки сама, сжав губы чуть плотнее, чем обычно. Но сегодня ее одолело странное беспокойство, и она повернула ручку и просунула голову в дверь.

— Эд? — тихо позвала она.

Комната была пуста. Окно у изголовья кровати открыто, занавески колебались под легким ветерком. Постель была смята, и она машинально застелила ее, как делала это обычно. Тут она почувствовала что-то под ногой и поглядела вниз. Там лежало разбитое зеркало Крейга. Она подняла его и, нахмурившись, стала разглядывать. Это было зеркало его матери, и однажды он отказался продать его скупщику за десять долларов. А ведь тогда он уже начал пить.

Она взяла из шкафа совок и медленно смела в него осколки. Она знала, что накануне Хорек лег спать трез-

вым, а напиться после девяти вечера он не мог нигде, если только не ездил для этого к Деллу или в Камберленд.

Она выбросила куски разбитого зеркала в мусорное ведро, беспокоясь все сильнее. В ведре не было пустых бутылок, а пить втайне было не в обычае у Эда Крейга.

«Ладно. Он еще вернется».

Но это ее не успокоило. Не отдавая себе в этом отчета, она всегда чувствовала, что относится к Хорьку не просто как к другу.

— Мэм?

Она очнулась от своих мыслей, увидев на кухне незнакомца. Это был мальчик, одетый в вельветовые штаны и чистую голубую рубашку. «Вид у него, как будто он упал с велосипеда». Мальчик казался знакомым, но имени она не могла вспомнить. Похоже, он был из новых жителей Джойнтнер-авеню.

— Здесь живет мистер Мейрс?

Ева хотела спросить, почему он не в школе, но передумала. Вид у него был очень серьезный, даже печальный. Под глазами синели глубокие тени.

— Он спит.

— Можно, я подожду?

...Гомер Маккаслин отправился в дом Нортонов на Брок-стрит сразу из морга. Он был там в одиннадцать ночи. Миссис Нортон плакала, а Билл Нортон, хоть и казался спокойным, непрерывно курил. Лицо его было каменным.

Маккаслин сверил приметы девушки, полученные по телефону. Да, он позвонит, как только что-нибудь выяснится. Да, конечно, он оповестит все больницы в округе, это входит в обычный порядок (как, впрочем, и морт). Втайне он решил, что девушка просто рассорилась с родителями и сбежала. Мать упоминала, что они поругались, и Сьюзен собиралась уйти.

Как бы то ни было, теперь он ехал домой, слушая уютное потрескивание рации. Через несколько минут после полуночи в свете его фар блеснуло что-то металлическое — машина, стоящая посреди леса.

Он остановился и вылез. Машину оставили на старой лесной дороге. Это была «Чеве-Вега», светло-коричневая,

почти новая. Он достал из кармана свой объемистый блокнот, открыл его там, где была записана его беседа с Беном и Джимми и отыскал номер машины, указанный миссис Нортоном. Все совпадало. Это машина девушки. Похоже, дело было серьезным. Он потрогал капот. Холодный. Машина стояла здесь уже давно.

— Шериф?

Тихий, беззаботный голосок, как звон колокольчика. Отчего его рука потянулась к кобуре?

Повернувшись, он увидел дочку Нортонов, невероятно красивую, идущую к нему под руку с незнакомцем — молодым человеком с черными волосами, необычно зачесанными назад. Осветив фонариком его лицо, Маккаслин испытал странное ощущение, что свет проходит сквозь него. И еще — когда они шли, на сухом песке не оставалось следов. Он почувствовал страх и нервную дрожь, рука опустилась на кобуру... и тут же упала. Он просто стоял и ждал.

— Шериф, — снова сказала она, но теперь ее голос был низким и ласковым.

— Как мило, что вы пришли, — сказал незнакомец.

И они бросились на него.

Теперь его патрульная машина стояла в заросшем кустарником тупике дороги, едва заметная сквозь папоротник. Маккаслин, скорчившись, лежал в багажнике, не слыша регулярно взывавшее к нему радио.

Тем же утром Сьюзен навестила свою мать, но без большого вреда для той; как пиявка, отвалившаяся от ноги, она была удовлетворена. Но ее пригласили войти, и теперь она могла прийти снова... когда проголодается. А это будет ночью... каждую ночь.

Чарльз Гриффен разбудил жену утром в понедельник около пяти, недовольный и рассерженный. Снаружи мычали недоенные коровы. Он подвел итог этой ночи в пяти словах:

— Эти проклятые дети опять удрали.

Но это было не так. Просто Дэнни Глик пришел за Джеком Гриффеном, а Джек потом пошел в комнату к брату Хэлу, навсегда покончив с его страхом перед шко-

лой, книжками и гневом отца. Теперь они вдвоем лежали в большом стогу на сеновале, с соломой в волосах. Случайные мыши пробегали порой по их лицам.

Наконец, свет упал на землю, и все зло уснуло. Этот осенний день был тихим, свежим, полным солнца. Город, не знающий, что он уже мертв, взялся за свои дела, ничего не помня о прошедшей ночи. Закат, если верить Старому Фермеру, должен был наступить в 7.00 после полудня.

Дни становились короче. Впереди был Хэллуин, а за ним зима.

3

Когда Бен без четверти девять опустился вниз, Ева Миллер сказала ему из кухни:

— Вас на крыльце дожидается кое-кто.

Он кивнул и пошел к двери, еще в тапочках, ожидая увидеть Сьюзен или шерифа Маккаслина. Но посетителем оказался маленький, серьезного вида мальчик, сидящий на ступеньке и глядящий на медленно пробуждающийся город.

— Привет, — сказал Бен, и мальчик быстро обернулся.

Они смотрели друг на друга недолго, но Бен сразу испытал чувство тревоги и какой-то нереальности происходящего. Ему показалось, что мальчик напоминает его самого в детстве, но не только. Он почувствовал, что на них давит один и тот же тяжелый груз, и вспомнил свое знакомство с Сьюзен в парке и их легкий, непринужденный разговор, оказавшийся таким зловещим в свете будущих событий.

Быть может, мальчик тоже почувствовал что-то похожее, потому что глаза его заметно расширились, а рука схватилась за перила, словно ища опоры.

— Вы мистер Мейрс, — сказал мальчик тоном утверждения.

— Да. У тебя преимущество — ты меня знаешь.

— Меня зовут Марк Петри, — сказал мальчик. — У меня для вас плохие новости.

«Ну вот, опять», — подумал Бен с досадой, пытаясь приготовить себя к тому, что он может услышать, но все же это оказалось для него неожиданным.

— Сьюзен Нортон теперь с ними, — сказал мальчик. — Барлоу утащил ее в дом. Но я убил Стрэйнера. Во всяком случае, я так думаю.

Бен попытался говорить и не смог. В горле у него пересохло.

Мальчик кивнул, как будто ожидая такой реакции.

— Мы можем поехать куда-нибудь на вашей машине и поговорить. Я не хочу, чтобы меня тут видели. Я прогулял сегодня школу, а родители и так сердятся.

Бен сказал что-то, сам не зная что. После аварии с мотоциклом, в которой погибла Миранда, он очнулся на дороге почти невредимый (кроме небольшой царапины на левой руке, не следует этого забывать, «Пурпурное Сердце» давали и за меньшее), и шофер грузовика подошел к нему, отбрасывая две тени в свете фонаря и фар собственной машины — это был грузный лысый мужчина с ручкой, торчащей из кармана его белой рубашки, и на ручке можно было прочесть написанное золотом «Автобаза Фрэ», остальное таилось в кармане, но Бен был уверен, что окончанием было «нка», элементарно, мой дорогой Ватсон, элементарно. Шофер что-то сказал Бену, он не помнил, что именно, и осторожно взял его за руку, помогая подняться. Он увидел одну из босоножек Миранды, лежащую у колеса грузовика, оттолкнул водителя и, шатаясь, пошел туда, а водитель сделал пару шагов за ним и все повторял: «Парень, я не хотел этого делать». И Бен тупо смотрел на него, невредимый, кроме царапины на левой руке, желая сказать, что это случилось всего пять минут назад, что, может быть, в некоем параллельном мире они с Мирандой вывернули мотоцикл влево и продолжают путь в какое-то совсем другое будущее. Вокруг уже собрались люди, выбежавшие из винного магазина на одной стороне и из маленького бара с молоком и бутербродами на другой. И тогда он начал чувствовать то, что чувствовал сейчас: ужасное осознание происшедшего, одновременно физическое и душевное, сравнимое только с

чувством женщины после изнасилования. Желудок сдавила боль. Губы онемели. Во рту скопилась горькая слюна. Какой-то непрерывный звон проник в уши. Мысль снова вернулась к происшедшему, невыносимому, как яркий свет для глаз. Он снова оттолкнул доброжелательную руку шофера и подошел к босоножке. Он поднял ее и надел на руку. Внутри она была еще теплой от ее ноги. Он прошел еще чуть вперед и увидел ее раскинутые ноги под передними колесами грузовика — в желтых джинсах, которые она, смеясь натянула перед выходом из дома. Невозможно было поверить, что она мертва, хотя в это уже поверили его рот, его живот, его ноги. Он зарыдал, и именно в этот момент его засняли для газеты. Одна нога обута, одна босая. Люди смотрели на эту босую ногу так, словно никогда не видели ничего подобного. Он сделал еще шаг, наклонился и...

— Что-то мне нехорошо, — сказал он.

— Успокойтесь.

Бен подошел к своему «ситроену» и взялся за ручку дверцы. Он закрыл глаза, оглушенный внезапно навалившей темнотой, и в этой темноте перед ним возникло лицо Сьюзен, улыбающееся, и ее бездонные, наполненные любовью глаза. Он снова взглянул на мальчика. В голову ему пришла спасительная мысль, что тот лжет или просто спятил. Но на лице мальчика была только озабоченность. Надежда погасла.

— Поехали, — сказал он.

Мальчик влез в машину, и они тронулись. Ева Миллер наблюдала за ними из окна кухни, нахмурившись. Случилось что-то плохое. Она это чувствовала так же, как когда-то с темным и туманным ужасом почувствовала, что умер ее муж.

Она позвонила Лоретте Стэрчер. Телефон звонил долго, пока она не положила трубку. Ответа не было. Где же она могла быть? Библиотека по понедельникам была закрыта.

Она сидела какое-то время, глядя на телефон. В воздухе чувствовалось что-то пугающее — может быть, не менее страшное, чем пожар 51-го года.

Наконец она опять сняла трубку и набрала номер Мэйбл Вертс, которая была переполнена свежими слухами. Давно уже город не видел такого уикэнда.

4

Бен рулил, не выбирая дороги, а Марк рассказывал ему о случившемся. Он рассказал все, от ночного посещения Дэнни Глика до последней страшной ночи.

— Но ты уверен, что это была Сьюзен?

Марк Петри кивнул.

Бен развернул машину и поехал обратно в город.

— Вы куда? Неужели...

— Не туда. Еще рано.

5

— Все. Приехали.

Бен затормозил, и они вместе вылезли из машины. Это случилось на Брукс-роуд у подножия Марстен-Хилла.

На лесной дороге, где Гомер Маккаслин обнаружил машину Сьюзен. Они сразу увидели отблеск металла и пошли в ту сторону, не говоря ни слова. Зброшенная дорога совсем заросла травой где-то засвистела птица.

Они подошли к машине.

Бен заколебался. Его снова мутило. На руках выступил холодный пот.

— Пойди посмотри, — сказал он.

Марк подошел и заглянул в окошко.

— Ключи в зажигании, — сказал он.

Бен прошелся вдоль машины и споткнулся обо что-то. Поглядев вниз, он увидел револьвер 38-го калибра, лежащий в пыли. Он поднял его и повертел в руках. Револьвер очень походил на полицейское служебное оружие.

— Чей это пистолет? — спросил Марк, подходя к нему. В руках он держал ключи Сьюзен.

— Не знаю, — Бен для надежности щелкнул предохранителем и сунул оружие в карман.

Марк отдал ему ключи, и он как во сне направился к машине. Руки его тряслись, и ему не сразу удалось открыть багажник. Там лежали только запасное колесо и домкрат. Бен дышал учащенно, как после бега.

— Ну? — спросил Марк.

Бен какое-то время не мог ответить. Справившись с одышкой, он, наконец, сказал:

— Нам нужно навестить моего друга, Мэтта Берка, который сейчас в госпитале. Он занимается вампирами.

Мальчик настойчиво спросил:

— Так вы мне поверили?

— Да, — ответил Бен, ощущая, как это слово упало в пространство, словно приговор. — Да. Я верю тебе.

— Это мистер Берк из школы? Он знает обо всем?

— Да. И доктор тоже.

— Доктор Коди?

— Да.

Разговаривая, они смотрели на автомобиль, как на памятник какой-то древней, загадочной расы, случайно откопанный в этом лесу. Открытый багажник похож был на пасть, и когда Бен захлопнул его, резкий лязг эхом отозвался в его сердце.

— А когда мы поговорим, — сказал он, — мы пойдем в дом Марстенов и выкурим того сукиного сына, что засел там.

Марк посмотрел на него.

— Это не так-то легко. Она тоже хотела это сделать.

А теперь она... у него.

— Он еще пожалеет, что увидел Салемс-Лот, — сказал тихо Бен. — Поехали.

6

Они прибыли в госпиталь в половине десятого и обнаружили в палате у Мэтта Джимми Коди. Он взглянул на Бена без улыбки, а потом с интересом посмотрел на мальчика.

— У меня для тебя плохие новости, Бен. Сью Нортон исчезла.

Она стала вампиром, — сказал спокойно Бен, и Мэтт подпрыгнул на своей кровати.

— Ты в этом уверен? — ошарашенно спросил Джимми.

Бен указал пальцем на Марка Петри и представил его.

— В субботу ночью Марка навестил Дэнни Глик. Остальное он расскажет сам.

Марк рассказал все от начала до конца, как до этого Бену. Когда он закончил, первым опомнился Мэтт:

— Бен, нет слов, чтобы выразить, как я тебе сочувствую.

— Могу дать тебе чего-нибудь, если хочешь, — сказал Джимми.

— Джимми, я знаю, какое лекарство мне нужно. Я хочу сегодня же пойти к этому Барлоу. Сейчас же. Пока не стемнело.

— Ну что же, — сказал Джимми, — Я отменил уже все визиты на сегодня. Еще я звонил в офис шерифа, но Маккаслина там нет.

— Это можно объяснить, — сказал Бен, показывая им пистолет. Оружие в больничной палате выглядело странно и нелепо.

— Где ты его подобрал? — спросил Джимми.

— Возле машины Сьюзен.

— Что ж, тогда я понимаю. Маккаслин поехал к Нортонам после того, как побывал у нас. Там он записал данные машины, на которой уехала Сьюзен, и отправился ее искать. И вот...

Молчание повисло в комнате. Никому не хотелось продолжать.

— У Формэна до сих пор закрыто, — сказал Джимми. — И старики, которые живут у Кроссен, жалуются на грязь. Уже неделю никто не видел Дада Роджерса.

Они мрачно поглядели друг на друга.

— Прошлым вечером я говорил с отцом Каллагэном, — сказал Мэтт. — Он согласен пойти вместе с вами — ну, и с Марком, — в этот новый магазин и поговорить со Стрэйкером.

— Не думаю, что он найдет там кого-нибудь сегодня, — сказал спокойно Марк.

— А что ты выяснил о них? — спросил Джимми Мэтта. — Есть что-нибудь полезное?

— Что ж, я думаю, можно создать общую картину. Стрэйкер был чем-то вроде охранника и доверенного лица этого... существа. Он приехал в город задолго до появления самого Барлоу. Здесь необходимо было выполнить кое-какие обряды, чтобы добиться благосклонности Отца Тьмы. Так что и у Барлоу есть свой хозяин, — он внимательно оглядел их. — Я понял и то, почему нигде не нашли следов Ральфи Глика. Вероятно, он и стал приношением Барлоу. Стрэйкер принес его в жертву.

— Вот ублюдок, — хрипло сказал Джимми.

— А Дэнни Глик? — спросил Бен.

— Стрэйкер выпил его кровь. Дар хозяина. Первая кровь для преданного слуги. Потом, когда Барлоу появился, он стал делать это сам. Но Стрэйкер сослужил своему хозяину еще одну важную службу. Помните?

Какое-то время царило молчание, потом Марк неуверенно сказал:

— Собака, повешенная на ограде кладбища.

— Что? — переспросил Джимми. — Зачем? Зачем ему это понадобилось?

— Белые глаза, — сказал Марк и вопросительно поглядел на Мэтта, который подтвердил эти слова легким кивком.

— Целую ночь я корпел над этими книгами, не зная, что среди нас уже есть специалист, — мальчик слегка покраснел. — Марк говорит верно. По некоторым данным, отраженным в фольклоре, изгнать вампира можно было с помощью черной собаки с белыми пятнами у глаз — так называемыми «глазами ангела». Собака Уина была именно такой, с пятнами. Уин еще говорил, что это ее фары. Поэтому Стрэйкеру пришлось поймать ее, убить и повесить на ограде.

— А Барлоу? — спросил Джимми. — Как он попал в город?

Мэтт пожал плечами.

— Не могу сказать. Я думаю, что, если верить легендам, он может быть стар... очень стар. Он мог менять имя десять

раз, а то и тысячу. Он мог жить в разное время почти в каждой стране мира, хотя родом он, как я думаю, из Венгрии или Румынии. На самом деле неважно, как он попал в город... хотя я думаю, тут не обошлось без Ларри Крокетта. Сейчас он здесь, и это самое важное. Поэтому вам нужно сделать следующее: когда пойдете туда, возьмите с собой кол. И еще пистолет, если Стрэйкер не умер. Вот этот револьвер Маккаслина. Колом нужно пробить сердце вампира, чтобы он опять не ожил. Джимми, тебе нужно будет проследить за этим. Потом вы отрежете ему голову, положите в рот чеснок и повернете лицом вниз. В голливудских фильмах вампир, пронзенный колом, почти мгновенно рассыпается в прах. В реальности это может оказаться не так. В этом случае вы должны закрыть гроб и бросить его в проточную воду. Лучше всего в Ройял-ривер. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Хорошо. Еще вам надо взять банку со святой водой и кусочек причастия. И всем вам нужно исповедаться у отца Каллагэна.

— Я не думаю, что у нас тут есть католики, — сказал Бен.

— Я католик, — сказал Джимми. — Но в церковь не хожу.

— Все равно вам всем придется исповедаться и причаститься. Вы пойдете туда очищенные, омытые Христовой кровью... чистой, а не испорченной.

— Хорошо, — сказал Бен.

— Бен, ты спал со Сьюзен? Прости меня, но...

— Да, — сказал он.

— Тогда именно ты проткнешь сердце — сперва Барлоу, потом ей. Ты единственный из вас, кто может сделать это. Как ее муж. И ты не должен колебаться. Это освободит ее.

— Хорошо, — сказал он опять.

— И еще, — он обвел их взглядом, — вы не должны смотреть ему в глаза! Если вы это сделаете, он овладеет вами и натравит друг на друга. Вспомните Флойда Тиббитса. Поэтому и опасно брать с собой пистолет. Джимми,

возьми его и иди чуть позади остальных. Если ты будешь осматривать Барлоу или Сьюзен, передашь его Марку.

— Ясно, — кивнул Джимми.

— Не забудьте купить чеснок. И розы, если сможете. Маленький цветочный магазин в Камберленде еще открыт?

— Я думаю, да, — сказал Джимми.

— Каждому нужно взять белую розу. Воткнете в волосы или обернете вокруг шеи. И я повторяю — не смотрите ему в глаза! Я могу задержать вас и рассказать еще о многом, но уже пора. Уже десять часов, и у отца Каллагэна могут быть свои планы. Желаю вам удачи и молюсь за вас за всех. Конечно, для такого старого агностика, как я, это звучит шуткой, но я не думаю, что после всего остался агностиком. По-моему, это Карлейль сказал, что, когда человек изгнал Бога из своего сердца, его место занял сатана?

Никто не ответил, и Мэтт вздохнул.

— Джимми, дай мне взглянуть на твою шею.

Джимми присел на кровать и поднял подбородок. Ранки были еще видны, но уже подживали.

— Болит? — спросил Мэтт.

— Нет.

— Тебе очень повезло, — сказал он, глядя на Джимми.

— Думаю, мне повезло больше, чем когда-либо в жизни.

Мэтт опустил назад в постель. Его лицо выглядело усталым, глаза ввалились.

— Если позволите, я приму пилюлю, от которой отказался Бен.

— Позвать сиделку?

— Я посплю, пока вы делаете свое дело, — сказал Мэтт. — И есть еще кое-что... Ладно, пока довольно и этого, — глаза его переместились на Марка. — Ты вчера сделал большое дело, парень. Глупо и неосторожно, но все же сделал.

— За это заплатила она, — сказал спокойно Марк, сцепив вместе ладони. Пальцы его дрожали.

— Да, но можешь заплатить и ты. Любой из вас, и все вы вместе. Помните об этом! А сейчас я очень устал. Я

читал почти всю ночь. Позвоните мне, как только вы сделаете это.

Они вышли. В холле Бен посмотрел на Джимми и спросил:

— Он никого тебе не напоминает?

— Конечно, — ответил Джимми. — Ван Хельсинга.

7

В четверть одиннадцатого Ева Миллер спустилась в подвал за вареньем, чтобы отнести его заболевшей, по сведениям Мэйбл Вертс, миссис Нортон. Большую часть сентября Ева провела на кухне, маринуя овощи и закручивая банки с вареньем. В подвале у нее стояло больше двухсот стеклянных банок — заготовка была одним из ее любимых занятий. Позднее, с наступлением зимы к этому добавлялось еще приготовление пирогов.

Она учуяла запах, как только открыла дверь.

— Тухлая рыба, — пробормотала она, осторожно продвигаясь вперед, словно входя в воду. Ее муж сам построил этот подвал, выложив его камнем для холода. Щели были достаточно широкими, чтобы выдра или ондатра могли забраться в них и там издохнуть. Так случалось и раньше, но никогда еще запах не был таким сильным.

Она добралась донизу и пошла вдоль стены в тусклом свете двух пятидесятиваттных лампочек. Надо бы заменить на семидесятиваттные, подумала она. Она взяла банки, заботливо надписанные синими чернилами, и продолжала осмотр, заглядывая даже под полки. Ничего.

Она вернулась к ступенькам, ведущим на кухню, и остановилась там, оглядываясь. Подвал казался меньше с тех пор, как два года назад парни Ларри Крокетта устроили там полки. Там стояла печь, напоминающая абстрактную скульптуру богини Кали с множеством рук, протянутых во все стороны; ураганные ветры, начинающие дуть в октябре, заставляли беречь тепло. Еще там был закрытый брезентом бильярд Ральфа; с его смерти в 1959-м никто больше не играл на нем, но Ева все равно аккуратно чистила его каждый май. Больше ничего. Книжки, кото-

рые она собирала для больницы, лопата для снега со сломанной ручкой, ящик со старыми инструментами Ральфа и еще разные тряпки.

И еще этот запах.

Она посмотрела на низкую дверцу, ведущую еще глубже, но туда она не собиралась. Да и стены там были сплошными. Вряд ли какая-нибудь тварь могла забраться туда. Разве только...

Эд? — позвала она внезапно, без всякой причины.

Звук ее голоса в тишине напугал ее.

Слово замерло в полутьме подвала. Почему она прозвизжала его? Что Эд Крейг мог делать здесь?

Валяться пьяным? Вряд ли где-нибудь в городе было менее подходящее для этого место. Скорее всего, он просто отправился в лес со своим дружкой Вирджем Рэтбуном, пропивать какой-нибудь случайный заработок.

Но она задержалась еще на один миг. Запах гнили был невыносимым, просто ужасным. Она надеялась, что не придется дезинфицировать весь дом.

В последний раз оглядев подвал, она вышла.

8

Отец Каллагэн выслушал их, всех троих, и когда он покончил с этим, было уже полдвенадцатого. Они сидели в прохладной гостиной его дома, и солнце ярко светило в широкие окна. Глядя, как пылинки танцуют в солнечных лучах, отец Каллагэн вспомнил старую картинку: уборщица с веником застыла в изумлении, обнаружив, что смела кусок своей тени. Сейчас что-то напомнило ему это. Уже второй раз за двадцать четыре часа он сталкивался с вещами совершенно невероятными — теперь ему говорили о них известный писатель, достаточно рассудительный мальчик и уважаемый в городе врач. Но невероятное не делалось от этого менее невероятным. Нельзя снести свою тень. Кроме случаев, когда это происходит.

— Мне было бы легче поверить в то, что вы можете вызвать дождь или гром, — сказал он.

— Да-да, — сказал Джимми. — Я понимаю вас.

Он потрогал рукой шею.

Отец Каллагэн встал и извлек что-то из черной сумки Джимми — две бейсбольных биты с заостренными концами. Он повертел одну из них в руках и сказал:

— Не очень удобно для игры.

Никто не улыбнулся.

Каллагэн положил колы, подошел к окну и взглянул на улицу.

— Вы очень решительны, — сказал он. — И я надеюсь, что могу сообщить вам кое-что, что может вам помочь. В окошке мебельного магазина Барлоу и Стрэйкера выставлена табличка: «Закрито до дальнейших объявлений». Я сам ходил туда в девять часов, чтобы проверить слова мистера Берка об этом загадочном Стрэйкере. Магазин заперт, спереди и сзади.

— Можете сопоставить это с тем, что сказал Марк, — заметил Бен.

— Может быть. А может, это просто совпадение. Я спрашиваю вас еще раз: вы уверены, что католическая церковь должна участвовать в этом?

— Да, — сказал Бен. — Но если вы откажетесь, мы обойдемся без вас. Если придется, я пойду туда один.

— Не стоит, — сказал отец Каллагэн, поднимаясь. — Пойдемте в храм, джентльмены, и я выслушаю вашу исповедь.

9

Бен неуклюже стал на колени в полумраке исповедальни, мысли его путались, вызывая из памяти вихрь полуреальных образов: Сьюзен в парке; миссис Глик, отступающая от креста с открытым ртом; Флойд Тиббитс, вылезавший из машины в своем нелепом наряде; Марк Петри, заглядывающий в окошко машины Сьюзен. В первый и последний раз он подумал, что все происшедшее могло оказаться сном, и в какое-то мгновение ум его ухватился за эту спасительную возможность.

Тут он увидел что-то в углу исповедальни и поднял с пола. Это была коробочка из-под конфет, выпавшая,

должно быть, из кармана какого-нибудь малыша. Она была реальна. Его пальцы сжимали картон. И весь этот кошмар тоже был реальностью.

Маленькая дверца отворилась. Он взглянул туда, но ничего не увидел. Там была занавеска.

— Что я должен делать? — спросил он у занавески.

— Повторяйте: «Господи, помилуй меня, ибо я грешен».

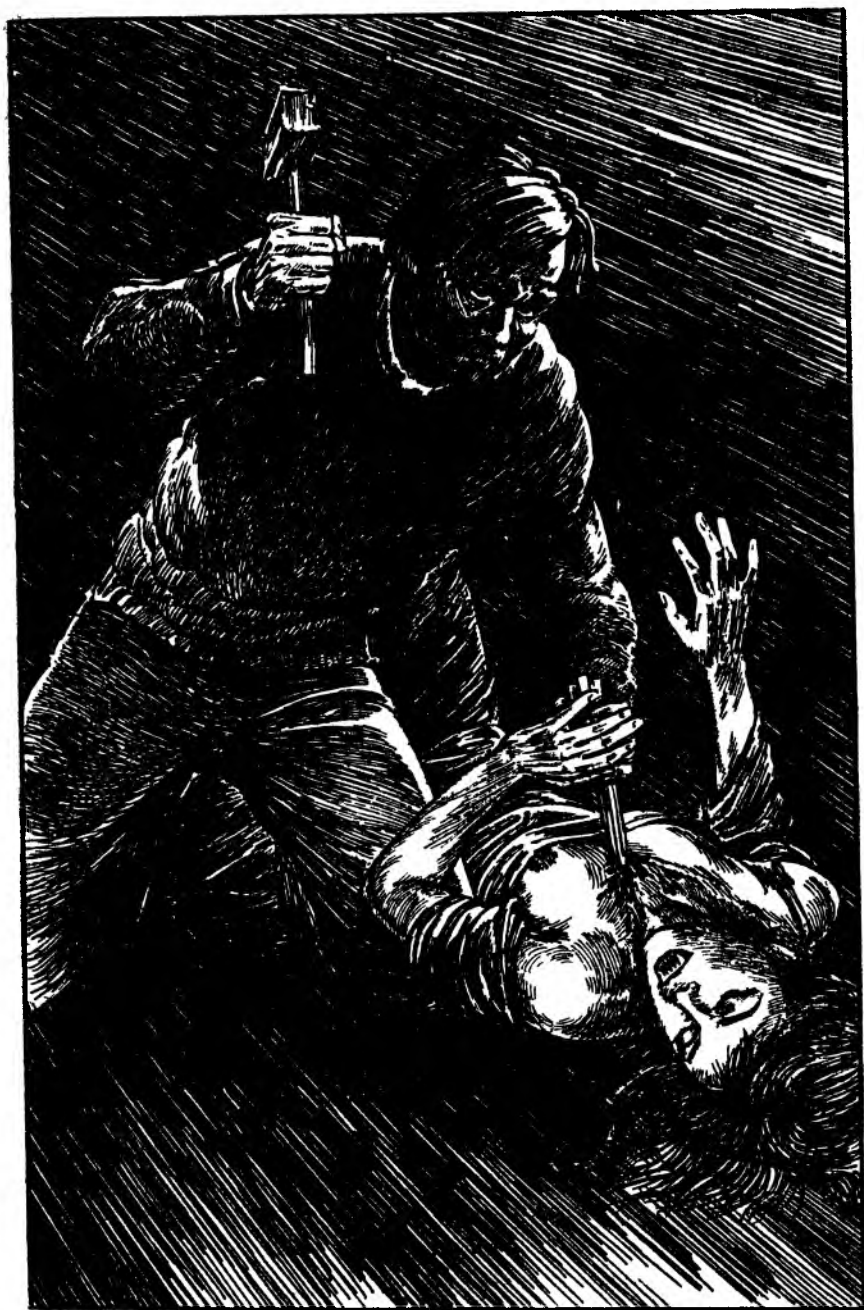
— Господи, помилуй меня, ибо я грешен, — повторил Бен странным, не своим голосом.

— Теперь расскажите мне о ваших грехах.

— Обо всех? — спросил Бен в недоумении.

— Можно выборочно, — сказал Каллагэн сухо. — Я знаю, что у вас еще много дел до темноты.

С трудом соображая и пытаясь следовать схеме Десяти заповедей, Бен начал говорить. Это оказалось легче, чем он думал. Не было никакого чувства облегчения — только неловкость от того, что приходится доверять едва знакомому человеку самые сокровенные тайны своей жизни. Еще он чувствовал странную завораживающую силу ритуала, напоминающую чем-то действие алкоголя. Во всем этом было нечто средневековое, очень древнее. Он вспомнил эпизод из картины Бергмана «Седьмая печать», где процессия кающихся проходит через зачумленный город. Кающиеся до крови хлещут себя березовыми ветками. Вся эта нереальность окончательно заставила его поверить в происходящее, отметаая успокоительную ложь, и он в конце концов почти видел слово «вампир», выписанное на темном экране его сознания — не размашистыми буквами названия кинофильма, а маленькими, эконоными буквами реальности. Он чувствовал себя перенесенным в другое время, беспомощным в тисках этого непонятного ритуала, существующего во времена, когда оборотни, инкубы и ведьмы кишели в крошечной тьме вокруг, а церковь была единственным лучом света. Впервые в своей жизни он чувствовал медленную, ужасающую поступь столетий, в сравнении с которыми вся его жизнь была мгновенной искрой в чудовищном механизме. Мэтт не говорил ему о понимании отцом Каллагэном церкви как

Силы, но Бен сам осознавал сейчас это. Он чувствовал эту Силу, сжимающую его до предела, делающую нагим и беззащитным. Он чувствовал ее так, как только может чувствовать нектолик, с детства не ходивший к исповеди.

Когда он поднялся, в лицо ему милосердно пахнуло свежим ветром их открытых дверей. Он вытер пот ладонью.

Каллагэн вышел из-за занавески.

— Еще не все, — сказал он.

Бен беспрекословно вернулся, но на колени вставать не стал. Каллагэн наложил на него покаяние: десять «Отче наш» и десять «Аве Мария».

— Я их не знаю, — сказал Бен.

— Я дам вам текст, — ответил голос из-за занавески. — Можете повторять их про себя, когда мы поедем в Камберленд.

Бен какой-то момент колебался, потом сказал:

— Вы знаете, Мэтт был прав. Когда говорил, что это труднее, чем нам кажется. Нам всем придется попотеть, пока это кончится.

— Да? — отозвался Каллагэн, то ли вежливо, то ли сомневаясь. Бен не мог этого сказать. Он поглядел на руки и увидел, что все еще держит коробочку. Конвульсивным движением руки он смял ее в бумажный комок.

10

Около часа дня они уселись в большой «бьюик» Джимми Коди и поехали. По дороге они молчали. Отец Дональд Каллагэн был в полном облачении — стихарь и белая епитрахиль, отороченная пурпуром. Он дал им маленькую склянку со святой водой и перекрестил каждого. В руках он держал серебряную дарохранительницу с несколькими частицами гостии.

Сначала они заехали в офис Джимми в Камберленде, и оттуда он вышел в мешковатой куртке, которую слегка оттопыривал револьвер Маккаслина. В руке он нес обычный молоток.

Бен взглянул на него с некоторым удивлением и краем глаза заметил, что отец Каллагэн и Марк тоже удивлены.

У молотка была синяя стальная головка и рифленая рукоятка.

— Грубо, да? — спросил Джимми.

Бен представил, как он бьет этим молотком по телу Сьюзен, прямо по ложбинке между ее грудей, и почувствовал тошноту, как бывает на самолете, попавшем в воздушную яму.

— Да, — сказал он, облизывая губы. — Действительно грубовато.

Они поехали в Камберленд. Там Бен с Джимми зашли в супермаркет и купили в овощном отделе весь чеснок — двенадцать коробок беловато-серых луковиц. Продавщица подняла брови и сказала:

— Хорошо, ребята, что мне с вами не ехать.

Когда они выходили, Бен рассеянно заметил:

— Интересно, почему на них так действует чеснок? Что-нибудь из Библии, или какое-то древнее проклятие, или...

— Я думаю, это аллергия, — сказал Джимми.

— Аллергия?

Каллагэн услышал конец диалога и попросил повторить, пока они ехали к цветочному магазину.

— Да, я согласен с доктором Коди, — сказал он. — Это может быть аллергия... если оно вообще подействует. Помните, это совсем не главное.

— Для священника вы рассуждаете странно, — сказал Марк.

— Почему же? Если я признаю существование вампиров (а я вынужден его признать), то должен признавать и то, что они выходят за рамки естественных законов природы. Фольклор говорит, что они не отражаются в зеркале, что они могут превращаться в летучих мышей или в волков — так называемые психопомпы, — что они могут вытягивать свои тела и протискиваться в самые узкие щели. И мы знаем, что они видят, и слышат... и уж конечно, имеют вкус. Быть может, они также чувствуют неудовольствие, боль...

— И любовь? — спросил Бен, глядя перед собой.

— Нет, — ответил Джимми. — Я думаю, любовь им недоступна. — Он подогнал машину к выстроенному в

форме буквы Г цветочному магазину, рядом с которым размещалась небольшая оранжерея.

Когда они вошли, над дверью зазвонил крошечный колокольчик, и в ноздри им ударил густой аромат цветов. Бен даже почувствовал легкую тошноту — тяжелый запах напомнил ему о похоронах.

— Добро пожаловать, — высокий человек в брезентовом фартуке подошел к ним, держа в одной руке горшок с цветами.

Бен едва начал объяснять, что им нужно, как человек в фартуке, покачивая головой, прервал его:

— Боюсь, вы опоздали. В прошлую пятницу какой-то тип приехал и скупил все розы — красные, белые и желтые. Теперь до среды больше не будет. Если хотите оставить заказ...

— Как он выглядел?

— Довольно странно, — ответил хозяин, ставя горшок на пол. — Высокий и совсем лысый. Глаза как сверла. Курил заграничные сигареты. Он выносил цветы три раза. Погрузил их в багажник очень старого автомобиля, по-моему «доджа»...

— «Паккард», — сказал Бен. — Черный «паккард».

— А, вы его знаете?

— Только понаслышке.

— Уплатил наличными. Это довольно необычно, если учесть размер покупки. Но раз уж вы его знаете, может, он продаст вам немного?

— Может быть, — сказал Бен.

Уже в машине они заговорили.

— Еще есть магазин в Фалмуте, — начал с сомнением отец Каллагэн.

— Нет! — сказал Бен. — Нет! — легкие нотки истерики в его голосе заставили всех посмотреть на него. — Если мы поедem в Фалмут и обнаружим, что Стрэйкер побывал и там, что тогда? Поедем в Портленд? Или в Бостон? Вы что, не понимаете, что это значит? Он же выследил нас! Он водит нас за нос!

— Бен, успокойся, — сказал Джимми. — Не думай, что мы так уж...

— Ты забыл, что сказал Мэтт? «Вы не должны думать, что, если он в дневное время спит, то он не сможет повредить вам». Посмотри на часы, Джимми.

Джимми посмотрел.

— Два пятнадцать, — сказал он медленно и посмотрел на небо, как бы сомневаясь в правоте этого. Но все правильно: тени уже становились длиннее.

— Он смеется над нами, — сказал Бен. — Опережает на четыре шага. Неужели вы всерьез думаете, что он не учитывает возможности сопротивления? Нам нужно ехать туда прямо сейчас, пока мы не потратили остаток дня на споры о том, сколько ангелов могут танцевать на острие иглы.

— Он прав, — сказал тихо Каллагэн. — Я думаю, нам стоит прекратить этот спор и ехать.

— Тогда поехали, — нетерпеливо сказал Марк.

Джимми вырулил со стоянки у цветочного магазина, проскрипев шинами на повороте. Хозяин видел, как уезжают трое мужчин, один из них в облачении священника, и мальчик, говорящие и ведущие себя как лунатики.

11

Коди подъехал к дому Марстенов со стороны Брукс-роуд, противоположной городу, и отец Каллагэн, поглядев с этого нового места на дом, подумал: «А он действительно нависает над городом. Странно, что я не замечал этого раньше. Этот холм возвышается над пересечением Брок-стрит и Джойнтнер-авеню, и отсюда видно все». Громадный дом вместе с обширным прилегающим участком возвышался как чудовищный саркофаг, воплощение рока.

И пустым его сделало убийство — самоубийство убийцы.

Отец Каллагэн открыл рот, чтобы сказать это, но предпочел промолчать.

Коди свернул с Брукс-роуд, и на мгновение дом скрылся за деревьями. Потом они расступились, и Коди подъехал к дому. «Паккард» стоял возле гаража, и Джимми, перед тем, как выйти, взял револьвер Маккаслена.

Каллагэн сразу почувствовал атмосферу этого места. Он взял распятие — память о матери — и повесил на шею рядом с собственным наперсным крестом. Среди этих уже опавших деревьев не пела ни одна птица. Высокая трава казалась еще суше и желтее, чем обычно в это время года; даже сама земля выглядела серой и бесплодной.

Ступеньки, ведущие на крыльцо, совсем покособились. Поверх старого заржавленного запора на двери блеснул новенький стальной замок.

— Может, в окно, как Марк? — с сомнением начал Джимми.

— Нет, — сказал Бен. — Прямо в переднюю дверь. Сломаем, если не сумеем открыть.

— Не думаю, что это необходимо, — сказал Каллагэн не своим голосом. Когда они остановились, он шагнул вперед, почти не размышляя. В нем вновь пробудилась старая энергия, казалось, утраченная навсегда, когда он подошел к двери этого дома, источавшего зло из всех своих пор. Но он не колебался. Все мысли об отступлении исчезли.

— Именем Господа нашего! — прокричал он, и в его голосе, хоть и хриплом, прозвучали такие повелительные ноты, что они все невольно подошли к нему ближе. — Я велю злу покинуть этот дом! Демоны, изыдите! — почти инстинктивно он приложил к двери распятие.

Внезапная вспышка — ее заметили все — резкий запах озона и треск, как будто кричал сам дом. Тут же сам собой разорвался фонарь над дверью, а большое окно слева, выходящее на лужайку, треснуло, усыпав траву осколками. Джимми вскрикнул. Новый замок лежал у их ног, сплавившийся в однородную массу. Марк попытался дотронуться до него и отдернул руку.

— Горячий, — объявил он.

Каллагэн отпрянул от двери, дрожа. Он смотрел на крест, который держал в руке.

— Это, без сомнения, самое примечательное, что случилось со мной за всю мою жизнь, — сказал он и поглядел на него, словно ожидая увидеть там Божий лик, но небо осталось безучастным.

Бен толкнул дверь, и она легко открылась. Но он ждал, что Каллагэн войдет первым. В холле Каллагэн посмотрел на Марка.

— Подвал, — сказал тот. — Туда можно пройти через кухню. Но... — он заколебался. — Что-то тут изменилось. Не знаю, что. Что-то не так, как было тогда.

Сперва они поднялись наверх, и хотя Бен шел не первым, он вновь почувствовал прилив старинного страха, когда они приближались к двери в конце холла. Тогда, почти через месяц после возвращения в Салемс-Лот, ему предстояло увидеть эту комнату второй раз. Когда Каллагэн толкнул дверь, он посмотрел туда... и почувствовал, как в горле у него рождается крик, который он смог подавить. Это был высокий, женский вопль.

На балке висел не Хьюберт Марстен и не его призрак.

Там висел Стрэйкер, и он свисал вниз головой, как свинья на мясницком крюке, с перерезанным от уха до уха горлом. Его остекленевшие глаза смотрели прямо на них... сквозь них.

Лицо его было совершенно белым.

12

— Господи, — сказал отец Каллагэн. — Господи!

Они медленно вошли в комнату, Каллагэн и Коди впереди, Бен и Марк следом.

Ноги Стрэйкера были связаны вместе; после этого его подтянули к балке и там привязали. Бену вдруг пришло в голову, что нужно было обладать невероятной силой, чтобы поднять тело Стрэйкера на такую высоту, откуда его свесившиеся руки даже не доставили до пола.

Джимми потрогал лоб мертвеца, потом взял его за руку.

— Он умер около восемнадцати часов назад, — объявил он, оттолкнув руку Стрэйкера. — Боже, что за ужасный способ... Не могу понять... Кто... зачем...

— Это сделал Барлоу, — сказал Марк. Он смотрел на труп, не мигая.

— Стрэйкеру конец, — сказал Джимми. — Он-то не вечен. Но зачем его так подвесили?

— Древний обычай, — сказал отец Каллагэн. — Подвесить тело врага или изменника так, чтобы его голова обращалась не к небу, а к земле. Так распяли святого Павла, переломив ему перед этим ноги.

Бен сказал хриплым, надтреснутым голосом:

— Он еще может достать нас. У него сотня всяких уловок. Пойдем отсюда.

Они сошли по ступенькам назад в кухню. Здесь Бен снова пропустил отца Каллагэна вперед. Какое-то время они молча глядели друг на друга, потом подошли к двери, ведущей в подвал.

13

Когда священник открыл дверь, Марк опять почувал запах тления — но теперь он был другим. Менее сильным. Менее зловещим.

Священник начал спускаться. Мальчику пришлось собраться в кулак все свои силы, чтобы следовать за отцом Каллагэном в эту гибельную бездну.

Джимми достал из сумки фонарик и включил его. Луч осветил пол, переместился на стену, некоторое время блуждал по ней и, наконец, нащупал стол. — Вот, — сказал он. — Смотрите!

Там лежал конверт, белый и блестящий в сплошной темноте.

— Какой-то подвох, — сказал отец Каллагэн. — Лучше его не трогать.

— Нет, — подал голос Марк. Он чувствовал одновременно облегчение и разочарование. — Его здесь нет. Он ушел. Это для нас. Может, это что-нибудь объяснит.

Бен подошел и взял конверт. Он повертел его в руках — в свете фонарика Джимми Марк мог видеть, что его пальцы дрожат, — и надорвал его.

Внутри был листок дорогой веленовой бумаги, и они все столпились, чтобы взглянуть на него. Джимми поднес фонарик к листку, исписанному элегантным старинным почерком. Они читали вместе, Марк чуть медленнее остальных.

4 октября.

«Мои дорогие юные друзья!

Как любезно с вашей стороны, что вы зашли!

Я никогда не чуждался общения; оно было одним из удовольствий моей долгой и зачастую одинокой жизни. Если бы вы пришли вечером, я с величайшим удовольствием приветствовал бы вас самолично. Но, как я и предполагал, вы выбрали для посещения день, поэтому я вынужден был удалиться.

Я оставляю вам маленький знак внимания: нечто очень близкое и дорогое для одного из вас. Вы найдете его в месте, где я имел обыкновение коротать свои дни, прежде чем решил сменить квартиру. Она очень мила, мистер Мейрс — и очень вкусна, если вы позволите мне эту маленькую остроту. Мне она больше не требуется, поэтому я оставляю ее вам, чтобы вы могли утолить и ваш голод, если захотите. Посмотрим, понравится ли она вам в ее нынешнем состоянии.

Дорогой Петри, вы лишили меня самого преданного и полезного слуги, какого я когда-либо имел. Вы вынудили меня самолично участвовать в его уничтожении; поверьте, что в этом случае мой обычный аппетит изменил мне. Вы подкрались к нему врасплох. За это я отплачу вам тем же. Сперва будут ваши родители. Этой ночью... Или следующей... или как-нибудь еще. Потом вы. В моей церкви вы будете играть роль певчего-кастрата.

И отец Каллагэн — вы позволите так к вам обращаться? Думаю, что да. Я предвидел ваше участие в игре сразу же, как прибыл в Джерусалемс-Лот, как хороший шахматный игрок предвидит ходы своего противника. Впрочем, католическая церковь — далеко не самый старый мой противник. Я уже был стар, когда она была юной, когда ее приверженцы таились в римских катакомбах и малевали рыб на стенах. Я уже был силен, когда эти хлебоеды и винопивцы, поклоняющиеся спасителя заблудших овечек, были слабы и ничтожны. Мои ритуалы были древними, когда ритуалов вашей церкви еще не было и в помине. Но не буду углубляться. Я знаю пути добра, как и пути зла. Я еще не пресытился.

И я достану вас. Как, спросите вы? Не носит ли отец Каллагэн знак креста, охраняющий его и ночью и днем? Нет ли у него чар и снадобий, христианских и языческих, способных отпугнуть меня? Да, да и еще раз да! Но я живу гораздо дольше вас. Я мудр. Я не змея, но Отец всех змей.

Но вы говорите, что этого мало. Да, этого мало. В конце концов, «отец» Каллагэн, я заставлю вас попать ногами вашу веру. Она слаба и полна колебаний. Ваша болтовня о любви — сплошное лицемерие. Только о бутылке толкуете искренно.

Мои дорогие друзья — мистер Мейрс, мистер Коди, юный Петри, отец Каллагэн — желаю успеха. Будьте как дома. Вино приготовлено специально для меня последним владельцем дома, которого я, к величайшему сожалению, не успел повидать. Если желаете, отведайте его, пока не окончите всех ваших дел. Мы еще встретимся, и я выскажу вам свои соображения в более удобное для меня время.

А пока — всего хорошего.

Барлоу.»

Дрожа, Бен почти уронил письмо на стол. Он посмотрел на остальных. Марк стоял, сжав кулаки, рот его скривился, будто он проглотил какую-то гадость. Лицо Джимми было бледным и на удивление мальчишеским. Отец Каллагэн держался прямо, но губы его дрожали.

И все они смотрели на него.

— Пошли, — сказал он.

14

Перкинс Гиллспай стоял на крыльце кирпичного муниципального здания, наводя на что-то свой цейссовский бинокль, когда Нолли Гарденер выскочил из патрульной машины, подтянул ремень и пошел к начальнику.

— Что там, Перк? — спросил он.

Перкинс молча передал ему бинокль, ткнув пальцем в направлении дома Марстенов.

Нолли взглянул. У дома стоял старый «паккард» и рядом с ним новый желтый «бьюик». Бинокль был не

достаточно сильным, чтобы разглядеть номер. Он опустил его.

— Машина доктора Коди, да?

— Похоже, что так, — Перкинс сунул в рот «Пэлл-Мэлл» и чиркнул спичкой о кирпичную стену.

— Я никогда не видел там машин, кроме этого «паккарда».

— Я тоже, — спокойно сказал Перкинс.

— Может, съездить туда и посмотреть? — спросил Нолли без обычного энтузиазма. Он служил в полиции уже пять лет, но по-прежнему приходил в восторг от своей работы.

— Нет, — ответил Перкинс. — Лучше оставить их в покое. — Он вынул из кармана часы и открыл серебристую крышку. Было только 3.41. Он сверил время с городскими часами и убрал свои обратно.

— Что там с Флоридом Тиббитсом и с малышом Мак-Дугаллов? — спросил Нолли.

— Ничего.

— А-а, — потянул Нолли недовольно. Перкинс всегда был неразборчив, но это было уже слишком. Он опять поднес к глазам бинокль; то же самое.

— В городе сегодня спокойно, — сделал Нолли еще попытку.

— Ну, — сказал Перкинс. Он смотрел на город спокойными голубыми глазами. На улицах было пусто.

Так продолжалось почти весь день. Отсутствовали даже мамы, гуляющие с детьми вокруг памятника.

— Что-то странное творится, — сказал Нолли.

— Ну, — опять ответил Перкинс.

В последний отчаянной попытке Нолли заговорил о том, о чем не говорил почти никогда: о погоде.

— Облачно, — заявил он. — Наверно, будет дождь.

Перкинс взглянул на него. Прямо над головой пронеслись облака, а на юго-западе собирались грозовые тучи.

— Ну, — сказал он, стряхивая пепел.

— Перк, с тобой все в порядке?

Перкинс Гиллспай покачал головой.

— Нет.

— Так в чем же дело?
— Я чертовски боюсь, — сказал Перкинс.
— Но чего? — удивился Нолли. — Чего?
— Не знаю, — сказал Перкинс и снова взял бинокль.
Он смотрел на дом Марстенов, пока Нолли в недоумении стоял рядом.

15

За столом, где лежало письмо, подвал изгибался, и там находился настоящий винный погреб. Бен подумал, что Хьюберт Марстен действительно был бутлегером. Там стояли маленькие и большие бочки, покрытые пылью и паутиной. Вдоль одной из стен возвышалась стойка со старинными бутылками. Некоторые были пусты, и там, где плескалось когда-то искрящееся бургундское, теперь гнездились пауки и мокрицы. В других вино давно превратилось в уксус, запах которого витал в воздухе, смешиваясь с царящим здесь зловонием распада.

— Нет, — сказал тихо Бен. — Я не могу.

— Вы должны, — сказал отец Каллагэн. — Я не говорю, что это легко или приятно. Но вы должны.

— Я не могу! — крикнул Бен, и эти слова эхом разнеслись под сводами подвала.

В центре его, освещенная лучом фонарика Джимми, лежала Сьюзен Нортон. От плеч до ног она была завернута в обычную белую простыню, и увидев ее лицо, они не могли произнести ни слова. Удивление было сильнее слов.

При жизни она была обычной хорошенькой девушкой, которую нельзя было назвать красавицей не из-за каких-либо изъянов, но скорее из-за ее скромной и непримечательной жизни. Но она обрела красоту. Мрачную красоту.

Смерть не наложила на нее своего отпечатка. Лицо сохранило румянец, а губы, не знающие косметики, остались свежими и розовыми. Лоб ее был бледным, но чистым; глаза закрыты, и под ними залегли глубокие тени. Одна рука лежала на груди, другая была вытянута вдоль тела. Она производила впечатление не ангельской прелести, но холодной, зловещей красоты. Что-то в ее лице заставило Джимми

подумать о тринадцатилетней сайгонской проститутке, отдающейся солдатам в темных подворотнях.

У этих девиц в чертах лица не было зла — только печальное знание мира. Лицо Сьюзен было другим, но он не мог определить отличия.

Каллагэн подошел ближе и потрогал пальцами левую сторону ее груди.

— Сюда, — сказал он. — В сердце.

— Нет, — повторил опять Бен. — Не могу.

— Вы ее любовник, — сказал мягко отец Каллагэн. — Можно сказать, муж. Вы не повредите ей, а, напротив, освободите. Только вы можете это сделать.

Бен молча смотрел на него. Марк достал из черной сумки Джимми кол и так же молча подал ему. Бен взял его рукой, которая, казалось, протянулась на мили.

«Если стараться не думать об этом, то может быть...»

Но не думать было невозможно. Внезапно он вспомнил сцену из «Дракулы», которая когда-то позабавила его. Это было, когда ван Хельсинг говорил Артуру Холмвуду, перед которым стояла та же ужасная задача: «Нам придется пройти через горькие воды, прежде чем мы достигнем сладких».

Будет ли у них эта сладость хоть когда-нибудь?

— Уберите! — простонал он. — Не заставляйте меня! Молчание.

Он почувствовал, как холодный липкий пот заливает его лоб, щеки, шею. Кол, еще четыре часа назад бывший простой бейсбольной битой, казалось, налился ужасной, неземной тяжестью.

Он поднял кол и прижал его к ее левой груди, рядом с последней пуговкой блузки. Острые вдавилось в ее тело, и он почувствовал, что угол его рта начал дергаться в произвольном тике.

— Она же не мертва, — сказал он. Его голос был хриплым и прерывистым. Последняя линия обороны.

— Нет, — непреклонно ответил Джимми. — Она бессмертна. — Он показал это, измерив ей давление. Давления не было. Он приложил стетоскоп к ее груди, и все они могли слышать молчание.

В руку Бена что-то вложили — еще годы спустя он не мог вспомнить, кто это сделал. Молоток. Обычный молоток с рифленой рукояткой. Верхушка блестела в лучах фонарика.

— Сделайте это поскорее, — сказал Каллагэн, — и выходите на свет. Мы доделаем остальное.

«Нам придется пройти через горькие воды, прежде чем мы достигнем сладких».

— Господи, прости, — прошептал Бен.

Он поднял молоток и опустил его.

Молоток опустился на верхушку кола, и с тех пор ему всегда мерещилось во сне, как дерево сразу подалось вниз, мягко вибрируя. Глаза ее, голубые и широкие, распахнулись, словно от силы удара. Кровь хлынула неожиданно ярким и обильным потоком, заливая его руки, лицо, рубашку. Весь подвал наполнился ее горячим, одуряющим запахом.

Она принялась извиваться. Руки ее конвульсивно хватали воздух, как птичьи крылья. Ноги в безумном танце колотились о край стола. Рот открылся, обнажив ужасные, волчьи клыки, и она принялась кричать. Из рта тоже текла кровь.

Молоток опять поднялся и опустился... еще раз... еще... еще.

В мозгу Бена кричали громадные черные вороны. Все вокруг было красным: его руки, кол, поднимающийся и опускающийся молоток. Фонарик прыгал в дрожащих руках Джимми, освещал безумное, искаженное лицо Сьюзен. Зубы ее вонзались в губы, раздирая их в клочья. Кровь залила белую простыню, которую Джимми перед тем отдернул, оставив на ней причудливые иероглифы.

Внезапно ее спина выгнулась подобно луку, а рот раскрылся так широко, что показалось, что у нее сломана челюсть. Из раны хлынула струя темной, почти черной, крови — крови сердца. Крик, который она испустила, исходил из самых потаенных глубин ее подсознания и глубже — из подсознательной бездны общей памяти человечества. Из рта и носа вытекла кровь... и что-то еще,

что-то призрачное, почти невидимое в слабом свете. Оно слилось с темнотой и исчезло.

Она вытянулась и обмякла. Изуродованные губы сомкнулись, выпустив остатки воздуха. Глаза в какой-то миг дрогнули, и Бен увидел — или ему показалось, — ту Сюэзен, что он встретил в парке.

Все было кончено.

Он отошел, выронил молоток и посмотрел на свои руки — дирижер, ужаснувшийся диким звукам своей симфонии.

— Бен, — отец Каллагэн положил ему руку на плечо. Он побежал.

Он кинулся вверх по ступенькам, упал и вскарабкался наверх на четвереньках. Теперь в нем соединились детский страх и страх взрослого. Если он повернется, то увидит Хьюби Марстена (а может, Стрэйкера) с веревкой, глубоко врезавшейся в шею, ухмыляющегося зелеными волчьими клыками. Он принялся кричать.

Где-то в отдалении послышался крик Каллагэна:

— Не пускайте его...

Он выбежал на кухню и оттуда — в заднюю дверь. Ступеньки заднего крыльца провалились под его тяжестью, и он свалился в грязь. Он встал на колени, пополз, потом поднялся на ноги и только тогда посмотрел назад.

Ничего.

Дом словно потерял всю свою силу, остатки зла покинули его. Это опять был просто дом.

Бен Мейрс стоял в полной тишине на заросшем заднем дворе, опустив голову, выдыхая в холодный воздух облака пара.

16

Осенью ночь приходила в город так:

Сперва солнце переставало нагревать воздух, напоминая, что близится зима, и что она будет долгой. Тени становятся длиннее. Они не густы, как летние: ведь нет ни листьев на деревьях, ни облаков в небе, чтобы сделать их гуще. Нет, это длинные, острые тени, вгрызающиеся в землю, как зубы.

Когда солнце спускается к горизонту, его яркая желтизна начинает темнеть, приобретать болезненный оттенок, пока не становится почти оранжевой. Это создает у горизонта причудливое сияние — окаймленный облаками пожар, полыхающий то красным, то оранжевым, то пурпурным. Иногда облака на горизонте расступаются, пропуская лучи незапятнанного желтого света, напоминающие об ушедшем лете.

Было шесть часов, время ужина (обедают в Лоте днем, вместо ланча). Мэйбл Вертс, которая всегда любила поесть, отчего и растолстела, сидела за грудкой цыпленка и чашкой чая «Липтон», держа рядом телефон. У Евы Миллер постоянные жильцы ели вместе то, что привыкли есть вместе: мясные консервы с бобами, спагетти и гамбургеры, привезенные из Фалмутского «Макдональдса». Сама Ева сидела в передней, рассеянно играя в «джин-рамми» с Гровером Веррилом и покрикивая на прочих. Они не могли вспомнить ее такой нервной и раздраженной, но знали, в чем дело, даже если она не отдавала себе в этом отчета.

Мистер и миссис Петри ели сэндвичи на кухне, пытаясь осмыслить звонок от здешнего католического священника отца Каллагэна: «Ваш сын со мной. С ним все в порядке. Скоро вы его увидите. Всего хорошего». Они обсудили этот звонок с местным полицейским Перкинсом Гиллспаем и решили еще немного подождать. Они уже заметили некоторые изменения в характере сына, который всегда был, как говорила мать, «очень глубоким мальчиком». Им казалось, что это связано с тем, что произошло с Ральфи и Дэнни Гликами.

Милт Кроссен ужинал хлебом и молоком у себя в магазине. С тех пор, как в 68-м умерла его жена, он отличался плохим аппетитом. Делберт Марки, владелец «Делла», методично уничтожал пять гамбургеров, которые предварительно поджарил в гриле. Он ел их с луком и горчицей и всегда любил говорить, что проклятая страсть к острому сведет его в могилу. Экономка отца Каллагэна, Рода Кэрлесс, не ела ничего. Она беспокоилась о священнике, который где-то задержался. Хэрриет Дарэм и ее

семья ели свиные отбивные. Карл Смит, вдовец с 1957-го, ужинал вареной картошкой и бутылкой пива. Дерек Боддин ел ветчину с брюссельской капустой. «ТЬфу», — говорил всегда Ричи Боддин, низвергнутый тиран. Брюссельская капуста. Ты будешь ее есть, или я шкуру с тебя спущу, отвечал отец, который сам ее терпеть не мог.

Реджи и Бонни Соьер ели ростбиф, жареную кукурузу, картофель фри, а на десерт — шоколадный пудинг в соусе. Это были любимые блюда Реджи. Бонни, синяки которой только начали подживать, подавала еду молча, потупившись. Реджи ел вдумчиво, не торопясь, прикончив за ужином три банки пива. Бонни глотала пищу стоя — сесть она не решалась. Аппетита не было, но она все равно ела, боясь рассердить Реджи. В ту ночь он избил ее, выкинул в туалет все ее таблетки и изнасиловал. С тех пор он насиловал ее каждую ночь.

В четверть седьмого ужин был почти везде закончен, сигареты и сигары выкурены, посуда перемыта. Детей переодели в пижамы и усадили смотреть телевизор, пока не придет время сна.

Рой Макдугалл, который сжег сковородку мяса, выругался и выкинул все в помойку. Натянув куртку, он поплелся к Деллу, оставив эту проклятую свинью — свою жену — дрыхнуть в спальне. Ребенок умер, жена спятила, ужин сгорел. Осталось только напиться. И еще, быть может, собрать вещи и сбежать из этого чертова городишка.

В маленькой квартирке на Тэггарт-стрит недалеко от Джойнтнер-авеню Джо Крэйн наслаждался покоем. Он прикончил фляжку очищенного и уселся перед телевизором, когда вдруг резкая боль пронзила левую сторону груди. «Что это? Сердце?» — подумал он и успел еще сделать шаг к телефону, когда боль скрутила его и бросила на четвереньки, как быка, оглушенного молотом мясника. Маленький цветной телевизор работал еще почти сутки, прежде чем тело обнаружили. Его смерть, наступившая в 6.51, была единственной в ту ночь естественной смертью в Джерусалемс-Лот.

К семи часам мешанина красок на горизонте сменилась яркой оранжевой полосой, как будто на краю Земли пылал

лесной пожар. На востоке уже зажглись звезды. Они мерцали, как мелкие алмазы. В эту пору в них не было уюта, не было теплоты. Они мерцали в прекрасном равнодушии.

Детям пришло время ложиться спать. Взрослые укладывали их в постели, смеясь над их просьбами не уходить, не выключать свет. Иногда они снисходительно открывали дверцы шкафов, чтобы показать, что там никто не сидит.

Над всем этим вставало на чудовищных крыльях безмолвие ночи. Пришло время вампиров.

17

Мэтт задремал, когда вошли Джимми с Беном, но сразу же проснулся, сжав рукой крест, который он держал рядом.

Глаза его ощупали Джимми, потом Бена... и застыли.

— Что случилось?

Джимми вкратце рассказал ему. Бен молчал.

— А ее тело?

— Мы с Каллагэном положили его лицом вниз в ящик в подвале — наверно, именно в нем Барлоу попал в город. Потом отнесли к реке и нагрузили ящик камнями. Мы были в машине Стрэйкера. Если кто-нибудь это видел, подумают на него.

— Правильно. А где Каллагэн? И мальчик?

— Пошли домой к Марку. Хотят все рассказать его родителям. Барлоу угрожал им особо.

— А они поверят?

— Если нет, Марк попросит отца позвонить тебе.

Мэтт кивнул. Он выглядел очень усталым.

— Бен, — сказал он, — садись ко мне.

Бен послушно подошел, лицо его ничего не выражало. Он сел, спрятав руки между коленей. Глаза его напоминали прожженные дыры.

— Тебе сейчас плохо, — сказал Мэтт, взяв руку Бена в свою. — Ничего. Время залечит. Главное — ты ее спас.

— Он играет с нами, — сказал Бен без выражения. — Он ловит нас поодиночке. Джимми, покажи ему письмо.

Джимми вручил Мэтту конверт. Мэтт достал письмо и внимательно прочитал его, едва не уткнувшись в бумагу носом. Губы его беззвучно шевелились. Положив листок, он сказал:

— Да. Это он. Он сильнее, чем я предполагал. И опаснее.

— Он оставил ее в насмешку, — сказал Бен все так же безучастно. — Сам он давно ушел. Бороться с ним — все равно, что с ветром. Мы для него клопы. Маленькие клопы, ползающие и развлекающие его.

Джимми открыл рот, чтобы что-то сказать, но Мэтт перебил его.

— Это вовсе не так, — сказал он. — Если бы он мог забрать Сьюзен с собой, он бы забрал. У него не так много слуг, чтобы расхотевать их ради шутки. Посмотри, Бен, сколько зла вам удалось ему причинить! Вы убили его приятеля Стрэйкера. Ему даже пришлось утолять им голод. Каково ему было очнуться от сна и обнаружить, что мальчик покончил с его самым верным помощником?

Он поднялся на кровати с некоторым усилием. Бен повернул голову, впервые выказав интерес с тех пор, как остальные вышли из дома и обнаружили его на заднем дворе.

— И это еще не главное, — продолжал Мэтт. — Вы изгнали его из его дома, который он выбрал сам. Джимми сказал, что отец Каллагэн освятил подвал и запечатал гостией все двери. Если он вернется туда, он умрет... и он это знает.

— Но он ушел, — сказал Бен. — Что это означает?

— Он ушел, — повторил Мэтт. — И где он будет спать теперь? В багажнике машины? В подвале какой-нибудь из своих жертв? Быть может, в развалинах старой церкви, сгоревшей в 51-м? Где бы это ни было, он не сможет там чувствовать себя в безопасности.

Бен ничего не ответил.

— Завтра вы начнете охоту, — сказал Мэтт, крепко сжав руку Бена. — Не только за Барлоу, но и за всей мелкой рыбешкой. Их голод не утолить ничем. Ночь принадлежит ему, но днем вы будете охотиться за ним,

пока он не удерет или пока вы не найдете его и не вытащите на свет!

Голова Бена во время этой речи медленно поднималась. Лицо его приобрело осмысленное выражение. На губах появилась легкая усмешка.

— Да, верно. Но только сейчас, а не завтра. Прямо сейчас...

Рука Мэтта сжала его плечо с неожиданной силой.

Не сейчас. Этой ночью мы будем вместе — ты, я, Джимми, отец Каллагэн, Марк и его родители. Он теперь знает... и боится. Только безумец или святой осмелится тронуть Барлоу ночью, когда он в силе. А мы — ни те, ни другие, — он закрыл глаза и тихо проговорил. — Я начинаю узнавать его. Я лежал здесь и играл в Майкрофта Холмса, пытаюсь представить себя на его месте. Он живет уже сотни лет, и он умен. Но он эгоцентрик, как видно из этого письма. Его «я» росло, как жемчужина, песчинка за песчинкой, пока не стало громадным, как мир. Он полон гордыни. Это можно использовать. И еще его жажда мести — ее нужно страшиться, но и на ней можно будет сыграть.

Мэтт открыл глаза и посмотрел на них. Он поднял крест.

— Это может остановить его, но не тех, кого он подчинил себе, вроде Флойда Тиббитса. Я думаю, этой ночью он попытается избавиться от кого-нибудь из нас... или от всех нас.

Он взглянул на Джимми.

— Зря вы отпустили Марка и отца Каллагэна к родителям Марка. Они могли бы позвонить и отсюда. Теперь же мы разделены... и я особенно боюсь за мальчика. Джимми, позвони им... позвони прямо сейчас.

— Хорошо, — он встал.

Мэтт посмотрел на Бена.

— Ты останешься с нами? Будешь драться?

— Да, — хрипло выговорил Бен. — Да.

Джимми вышел из комнаты, подошел к телефону и нашел в книге номер Петри. Он быстро набрал его и слушал с нарастающим ужасом короткие гудки, говорящие о неисправности связи.

— Он там, — сказал он.

Дежурная сестра повернулась на звук его голоса и испугалась, увидев его лицо.

18

Генри Петри был образованным человеком. Он окончил Северо-Восточный университет и имел докторскую степень по экономике. Он оставил престижную преподавательскую работу, чтобы занять пост в страховой компании, скорее из любопытства, чем из желания повысить свой доход. Ему хотелось проверить, как действуют в практических условиях его экономические теории. Действовали они неплохо. Будущим летом он надеялся на повышение, а к началу 80-х его целью было занять достаточно высокий пост в федеральной экономической структуре. Не от него сын унаследовал свою впечатлительность; логика Генри Петри была четкой и непоколебимой, и его мир по точности приближался к сложному механизму. На выборах 1972 года он голосовал за Никсона, хотя числился в демократических списках; не потому, что он считал Никсона самым честным — он не раз говаривал жене, что Ричард Никсон — старый бессовестный плут с ловкостью карманника, — но потому, что его противником был чокнутый мечтатель, который в два счета развалил бы экономику Штатов. Контркультуру конца шестидесятых он воспринимал со спокойной терпимостью, рожденной убеждением, что она тихо скончается из-за отсутствия финансовой базы. Его любовь к жене и сыну была не очень пылкой — вряд ли он стал бы писать стихи, — но твердой и постоянной. Он был всегда уверен в себе и в естественных законах физики, математики, экономики и (с некоторым допущением) социологии.

Он выслушал рассказ своего сына и священника, попивая кофе и прерывая их вопросами в тех местах, где рассказ становился сбивчивым или нечетким. Казалось, его спокойствие увеличивалось по мере того, как возрастали невероятность повествования и волнение его жены Джун. Когда они закончили, было уже пять минут седь-

мого. Генри Петри подвел итог в четырех четко выговоренных им слогах:

— Не-воз-мож-но.

Марк вздохнул, посмотрел на Каллагэна и сказал:

— Я же говорил, — он действительно говорил об этом, пока они ехали сюда на машине священника.

— Генри, не думаете же вы, что мы...

— Минутку.

Прикосновение его руки мгновенно успокоило миссис Петри. Она опустилась на стул и взяла Марка за руку, непроизвольно пытаясь оттянуть его от отца Каллагэна.

Генри Петри посмотрел на отца Каллагэна.

— Давайте попробуем обсудить все это, как два взрослых, разумных человека.

— Это может показаться невероятным, — сказал отец Каллагэн с мягкостью, — но это так. Мы пришли сюда специально из-за того, что Барлоу угрожал вам и вашей жене.

— Так вы действительно проткнули ту девушку колом?

— Не я. Мистер Мейрс.

— Тело все еще там?

— Они сбросили его в реку.

— Если это правда, — сказал Петри, — то вы втянули моего сына в преступление. Вы понимаете это?

— Да. Это было необходимо, мистер Петри. Если вы просто позвоните в больницу Мэтту Берку...

— О, я надеюсь, что разум еще вернется к вам, — сказал Петри, все еще улыбаясь натушной, как бы приклеенной, улыбкой. — Можете показать мне письмо этого Барлоу?

Каллагэн выругался про себя.

— Оно у доктора Коди. Нам уже пора ехать в больницу. Если вы поговорите...

Петри покачал головой:

— Пока я говорю с вами. По-моему, с вашим рассудком что-то не в порядке. А доктор Коди — наш семейный врач, мы его любим. Да и Мэттью Берк кажется мне достаточно разумным человеком, по крайней мере, он был им.

— Ну, так что же?

— Отец Каллагэн, подождите. Если дюжина свидетелей станут уверять вас, что громадная божья коровка прополз-

ла средь бела дня по городскому парку, распевая «Свит Аделин», вы поверите в это?

— Если эти свидетели заслуживают доверия, и если я буду уверен, что они не шутят, то я, пожалуй, буду готов этому поверить.

Все еще улыбаясь, Петри сказал:

— Вот в этом мы и расходимся.

— Ваш ум скован, — заметил отец Каллагэн.

— Нет. Просто он здоров.

— Вы чего-то недопонимаете. Разве в вашей компании принимают решения на основе внутреннего убеждения, а не внешних фактов? Это же нелогично, Петри!

Петри перестал смеяться и встал.

— То, что вы рассказали, просто ужасно. Вы втянули моего сына во что-то нехорошее и, возможно, опасное. Ваше счастье, если вы избежите ответственности за это. Я позвоню вашим друзьям и побеседую с ними, а потом уж мы решим, стоит ли ехать в больницу к мистеру Берку и обсуждать этот вопрос дальше.

— Я рад, что вы столь принципиальны, — сказал отец Каллагэн сухо.

Петри вошел в комнату и набрал номер. Гудков не было; на другом конце провода повисло молчание. Слегка удивленный, он нажал на рычаг. Никаких результатов. Он положил трубку и вернулся на кухню.

— Телефон, похоже, испортился, — сказал он.

Внезапно он уловил, как его сын и священник обменялись испуганными взглядами, и сам испугался.

— Знаете ли, — начал он с излишней эмоциональностью, — телефонной станции Джерусалемс-Лот вовсе не нужны вампиры, чтобы выйти из строя.

Тут погас свет.

19

Джимми почти бегом вернулся в палату Мэтта.

— Телефон в доме Петри не отвечает. По-моему, он там. О Господи, как глупо...

Бен подскочил на кровати. Лицо Мэтта окаменело.

— Вы видите, как он действует? — пробормотал он. — Как нагло? Если бы сейчас был день, мы смогли бы... но мы не можем. Уже все.

— Нужно поехать туда, — сказал Джимми.

Нет! Ни в коем случае! Если вы дорожите своими жизнями... и моей.

— Но там...

— Им уже не помочь! Что бы ни случилось, вам нельзя сейчас ехать туда!

Они в бездействии стояли возле двери.

Мэтт привстал, собрался с силами и мягко, но настойчиво, принялся их убеждать:

— Его «я» велико, и гордость безмерна. Это можно использовать. Но его ум тоже очень велик, и мы должны это учитывать. В письме он упоминает о шахматах, и я не сомневаюсь, что он превосходный игрок. Вы что, не понимаете, что он не мог заняться этим домом, не испортив предварительно телефон? Он сделал это, чтобы оставить нас в неведении. Он нас боится и понимает, что нас легче одолеть по очереди. Вы забыли это, и вот — первый провал. Если вы сейчас пойдете туда, то мы еще больше раздробим свои силы. Я один и прикован к постели; со мной он сладит легко, несмотря на все эти кресты и молитвы. Он может послать сюда одного из своих слуг с ножом или револьвером. Из тех, кто еще не сделался вампиром. И останетесь только вы с Беном, в ночи и в его власти. И весь Салемс-Лот будет его. Вы этого хотите?

Бен отреагировал первым.

— Нет, — сказал он.

— Я говорю это не из страха смерти, Бен. Поверь в это. И даже не из страха за вас. Я боюсь за город. Неважно, что уже случилось, но должен остаться кто-то, способный остановить это завтра.

— Да. И ему не поймать меня, пока я не отомщу за Сьюзен.

Воцарилось молчание. Его прервал Джимми Коди.

— Они еще могут спастись, — сказал он медленно. — Я думаю, он недооценивает Каллагэна и наверняка недо-

оценивает Марка. Этот мальчишка чертовски хорошо соображает.

— Что ж, будем надеяться, — сказал Мэтт и закрыл глаза.

Они стали ждать.

20

Отец Дональд Каллагэн стоял посреди кухни Петри, высоко подняв крест своей матери. На другой стороне, возле раковины стоял Барлоу, который одной рукой завернул руки Марка за спину, а другой сдавил ему шею. На полу, среди осколков стекла, лежали Генри и Джун Петри.

Каллагэн был изумлен. Все случилось с такой быстротой, что он не успел даже заметить. Только что он разумно (хотя и без толку) беседовал с Петри в ярком электрическом свете. Его еще раздражало упорное нежелание отца Марка поверить ему.

Он пытался понять, что же произошло потом.

Петри вернулся и сказал, что телефон не работает. Чуть позже погас свет. Джун Петри закричала. Упал стул. Какое-то время они бестолково блуждали в темноте, окликая друг друга. Затем разлетелось окошко над раковиной, засыпав линолеум осколками. Все это случилось за тридцать секунд, не больше.

Потом в кухню ворвалась какая-то тень, и Каллагэн стряхнул с себя оцепенение. Он сдернул с шеи крест, поднял его, и кухня тут же озарилась слабым призрачным светом.

Он увидел, как Марк пытается вытолкнуть свою мать в кухонную дверь. Генри Петри стоял рядом с внезапно отвисшей челюстью, бесконечно удивленный полной нелогичностью происходящего. А над ними нависало бледное, ухмыляющееся лицо, как на картинах Гойи, скалящее острые клыки. Красные глаза его пылали, как адские топки. Пальцы Барлоу вытянулись (Каллагэн удивился их длине и тонкости, как у пианиста), и тут он схватил одной рукой голову Генри Петри, а другой — голову Джун, и столкнул их с жутким, костяным треском. Они упали, как камни; Барлоу осуществил свою первую угрозу.

Марк пронзительно закричал и, не раздумывая, бросился на Барлоу.

— А вот и ты! — возгласил Барлоу своим звучным голосом. Марк подскочил к нему и моментально был схвачен.

Каллагэн двинулся вперед, подняв крест.

Триумфальная усмешка Барлоу мгновенно преобразилась в гримасу. Он отскочил к раковине, держа перед собой мальчика. Под их ногами звенело разбитое стекло.

— Именем Господа, — начал Каллагэн.

При упоминании Бога Барлоу пронзительно завизжал, будто его ущипнули, его рот раскрылся в отвратительной гримасе. На шее у него выступили жилы.

— Не подходи! — крикнул он. — Не подходи, шаман! Или я перегрызу ему горло!

Когда он это говорил, его верхняя губа поползла вверх, обнажая клыки, и голова стала опускаться, остановившись в нескольких дюймах от шеи Марка.

Каллагэн остановился.

— Теперь отойди, — сказал Барлоу, опять усмехаясь. — Ты на своей стороне, я на своей, идет?

Каллагэн медленно отошел, все еще держа крест перед собой на уровне глаз. Крест, казалось, налился тяжестью и давил на его руку так, что она оцепенела.

Они смотрели друг на друга.

— Вот мы и вместе! — сказал Барлоу с усмешкой. Лицо его было волевым, умным, даже привлекательным — в этом слабом свете оно казалось почти женоподобным. Где он видел похожее лицо? Когда он вспомнил, его внезапно пронизал ужас. Это было лицо мистера Флипа, его детского страха, который прятался в стенном шкафу. Ему не позволяли оставлять на ночь свет — отец с матерью считали, что детские страхи нужно встречать лицом к лицу, — и каждую ночь, когда закрывалась дверь, и шаги матери стихали, дверца шкафа тихонько открывалась, и ему мерещилось (или он видел?) белое лицо и горящие глаза мистера Флипа. И вот он опять пришел, с его бледным лицом, горящими глазами и красными, чувственными губами.

— Ну и что дальше? — спросил Каллагэн не своим голосом. Он глядел на неправдоподобно длинные пальцы Барлоу, сжимающие горло мальчика. Они были покрыты маленькими синеватыми пятнышками.

— Это зависит от тебя. Что ты дашь мне за этого гаденыша? — внезапно он вывернул запястья Марка, пытаясь заставить его закричать, но мальчик молчал.

— Ты у меня будешь кричать, — прошипел Барлоу, и его губы искривились в гримасе ненависти. — Ты будешь кричать, пока не лопнешь.

— Прекрати! — крикнул Каллагэн.

— Думаешь? — ненависть ушла с его лица. Опять вернулась мрачная усмешка. — Думаешь, стоит отпустить его... до следующей ночи?

— Да!

Мягко, чуть не вкрадчиво, Барлоу сказал:

— Тогда убери свой крест и побеседуем честно — белое против черного, моя вера против твоей?

— Ладно, — отозвался Каллагэн, но уже менее уверенно.

— Так давай! — губы Барлоу капризно скривились, высокий лоб блестел в призрачном свете.

— И я поверю, что ты его отпустишь? Скорее я могу посадить за пазуху гремучую змею и поверить, что она меня не укусит!

— Я сказал... смотри! — и Барлоу оттолкнул Марка и поднял обе руки вверх.

Марк какое-то время стоял в оцепенении, потом, не оглядываясь, кинулся к своим родителям.

— Беги, Марк! — крикнул Каллагэн. — Беги!

Марк посмотрел на него расширенными, остановившимися глазами.

— Они ведь мертвые...

— Беги!!

Марк медленно встал. Потом повернулся и посмотрел на Барлоу.

— Скоро, братишка, — промурлыкал Барлоу. — Скоро мы с тобой снова встретимся, и я...

Тут Марк плюнул ему в лицо.

Барлоу прервался. Лицо его потемнело от приступа гнева, сменившего прежнюю наигранную снисходительность. В какой-то момент Каллагэн уловил в глубине его глаз безумие.

— Ты на меня плюнул, — прошипел Барлоу. Он весь дрожал от гнева. Неверной походкой, как слепой, он сделал шаг в сторону мальчика.

— Вернись! — закричал Каллагэн, протягивая к нему крест.

Барлоу застонал и закрыл лицо руками. Крест светился неестественным, мерцающим светом, и Каллагэн едва не выронил его.

— Я убью тебя, — сказал Марк и выбежал за дверь.

Барлоу, казалось, вырос. Волосы его, зачесанные назад по европейской моде, были словно приклеены к черепу. На нем был темный костюм и галстук винного оттенка, безукоризненно завязанный. Теперь его глаза, запавшие в глазницы, блестели, как тусклый янтарь.

— Теперь твоя часть уговора, шаман.

— Я священник! — крикнул Каллагэн.

Барлоу криво усмехнулся.

— Священник, — повторил он, и это слово выскользнуло из его губ, как дохлая рыба.

Каллагэн застыл в нерешительности. Зачем класть крест? Выгнать его на улицу, а завтра...

Но какая-то глубинная часть его души противилась. Осмелиться нарушить обещание... Если он не положит крест, это будет разрешением... разрешением... кому? Если бы все не случилось так быстро, если бы у него было время подумать.

Сияние креста померкло.

Он смотрел на это расширенными глазами. Ужас сковал его, и он поднял голову и уставился на Барлоу. Тот шел к нему через кухню, и его улыбка стала широкой, почти чувственной.

— Стой, — хрипло сказал Каллагэн, отступив на шаг. — Велю тебе именем Господа!

Барлоу рассмеялся.

Крест теперь светился лишь чуть-чуть, по краям. Лицо вампира опять скрыла тень, собрав его черты в странные, варварские углы и линии.

Каллагэн отступил еще и наткнулся на кухонный стол.

— Дальше некуда, — промурлыкал Барлоу. Глаза его загорелись торжеством. — Печально наблюдать крушение веры. Ну что ж...

Крест в руке Каллагэн дрогнул и потух окончательно. Теперь это был всего-навсего кусок гипса, купленный его матерью в дублинской сувенирной лавчонке. Сила его, способная сокрушать стены и давившая его руку непосильным грузом, исчезла.

Барлоу выступил из темноты и вырвал у него бесполезный крест. Каллагэн жалобно вскрикнул, как тот ребенок много лет назад, которого каждую ночь оставляли наедине с мистером Флипом. Следующие звуки преследовали его до конца жизни: два сухих щелчка, когда Барлоу обломал кончики креста, и стук, когда он швырнул обломки на пол.

— Будь ты проклят! — прокричал он.

— С этой мелодрамой ты опоздал, — сказал Барлоу из темноты. В голосе его слышалось сожаление. — Ты что, забыл доктрины собственной церкви? Крест, хлеб и вино, исповедь — только символы. Без веры крест — простое дерево, хлеб — испеченное зерно, а вино — сок винограда. Если бы ты положил этот крест, ты скорее мог бы одолеть меня. Но я давно уже не встречал противника, равного мне. Эх ты, лжепророк! Мальчишка стоит десятка таких, как ты!

Внезапно необычайно длинные руки, протянувшиеся из темноты, схватили Каллагэна за плечи.

— Теперь ты не захочешь моей смерти, правда? У Бессмертных нет памяти; только голод и преданность хозяину. Я могу еще извлечь из тебя пользу. Положим, натравить тебя на твоих друзей. Но нужно ли это? Я думаю, без тебя они ничего не значат. Да и мальчишка им все расскажет. Я придумаю для тебя шутку получше, лжепророк.

Он вспомнил слова Мэтта: «Есть вещи хуже смерти».

Он попытался вырваться, но руки держали крепко. Потом одна разжалась. Послышалось шуршание одежды, следом режущий звук.

Руки ухватились за его шею.

— Давай, лжепророк. Переходи в истинную веру. Приими мое причастие.

Ужасная догадка поразила Каллагэна.

— Нет! Не надо... нет...

Но руки были неумолимы. Его голова клонилась все ниже.

— Давай, священник, — прошептал Барлоу.

Рот Каллагэна оказался прижатым к холодному горлу вампира, к тому месту, где пульсировала вена. Бесконечно долгое время он сдерживал дыхание, бешено мотая головой, размазывая хлещущую из вены кровь по лицу.

Наконец он стал пить.

21

Энн Нортон вылезла из своего автомобиля, не забрав ключи, и пошла через стоянку к освещенному вестибюлю больницы. Наверху сгустились тучи, накрапывал дождик. Она не смотрела вверх. Она шла прямо, глядя перед собой.

Теперь она очень отличалась от той женщины, которую увидел Бен Мейрс, когда Сьюзен впервые привела его к ним домой. Та женщина была среднего роста, одета в зеленое шерстяное платье, недорогое, но изящное. Та женщина была не слишком красива, но элегантна и приятна в общении; седеющие волосы она аккуратно завивала.

У той, кто сейчас подходила к больнице, на ногах были только тапочки; отсутствие чулок показывало вздутые вены (впрочем, не такие вздутые, как раньше; давление крови в них стало значительно ниже). На ней был изодранный желтый халат; волосы свалились в безобразные космы. Лицо побледнело, и под глазами лежали глубокие черные тени.

Она же говорила Сьюзен, предупреждала ее насчет этого Мейрса и его дружков, предостерегала ее. Мэтт Берк тоже с ними. Он их сообщник. Они убили ее дочь. Он сказал ей об этом.

Она весь день лежала в постели, больная и сонная. Когда ее муж отвечал на дурацкие вопросы каких-то людей, во сне ей явился Он. Лицо его было прекрасным

и благородным. Ястребиный нос, зачесанные назад волосы, пухлые, чувственные губы. И его глаза... красные и гипнотические. Когда он смотрит на тебя этими глазами, ты не можешь отвести взгляд... да и не хочешь.

Он рассказал ей, что она должна делать... и как ей потом оказаться снова рядом со своей дочерью, и с многими другими... и с ним. Кроме Сьюзен, ей больше всего хотелось быть рядом с ним, поскольку только Он мог дать ей то, что нужно.

У нее в кармане был револьвер ее мужа.

Она вошла в вестибюль и направилась к регистратуре. Если бы кто-нибудь попробовал остановить ее, она бы им показала. Нет-нет, без стрельбы; она не спустит курок, пока не войдет в палату Берка. Он велел ей так. Если они попытаются не пустить ее туда, Он никогда не придет к ней и не поцелует в ночи огненным, прекрасным поцелуем.

У окошечка сидела девушка в белом халате и в шапочке, разгадывающая кроссворд. Прямо по коридору была дежурная сестра.

Услышав шаги Энн, сестра вскинула голову с дежурной улыбкой, которая тут же померкла, когда она увидела женщину в халате, с пустыми, не видящими глазами. Наверное, пациентка.

— Мэм, что вы...

Энн Нортон выудила из кармана свой револьвер, нацелила его на сестру и велела:

— Повернись.

Рот сестры молча раскрылся. Из него вырывалось только учащенное дыхание.

— Не кричи. Я убью тебя, если ты крикнешь.

Сестра страшно побледнела.

— Повернись.

Сестра медленно повернулась. Энн взяла револьвер за ствол и приготовилась изо всех сил обрушить рукоятку на голову сестры.

В этот момент кто-то ударил ее по руке.

Револьвер вылетел из рук.

Женщина в драном желтом халате не закричала — нет, она издала странный, почти скулящий, горловой звук. После этого она кинулась к оружию, и человек, стоящий сзади, в испуге оттолкнул ее как можно дальше.

— Эй! — позвал он. — Эй, помогите!

Энн Нортон обернулась и зашипела на него с неистовой ненавистью, продолжая одновременно тянуться к револьверу. Побежал дежурный врач, который какое-то мгновение с изумлением глядел на эту сцену, потом нагнулся и поднял револьвер.

— О Господи, — сказал он. — Что за...

Она бросилась на него. Ее руки, сжавшиеся в клешни, скользнули по его лицу, оставляя на щеках багровые полосы. Он отдернул руку с оружием, и она, по-прежнему скуля, потянулась к ней.

Тут человек, схвативший ее первым, подскочил и попытался оттащить ее. Позже он говорил, что она напоминала мешок, полный змей. Тело ее под халатом был горячим и влажным, каждый мускул в нем дергался и содрогался.

Пока они боролись, дежурный врач ударил ее в челюсть. Глаза ее закатились, и она упала в обморок.

Врач и другой человек уставились друг на друга.

В этот момент сестра закричала. Она прижала руки ко рту, и от этого крик казался еще громче.

— Слушайте, откуда она тут взялась? — спросил человек.

— Понятия не имею, — ответил врач. — Что тут вообще произошло?

— Я пришел к своей сестре. Она родила. Тут ко мне подошел мальчик и сказал, что у этой женщины пистолет. И я...

— Какой мальчик?

Человек, пришедший навестить сестру, оглянулся. Вестибюль был полон людей, но все они были в том возрасте, когда допускается употреблять спиртное.

— Не вижу его. Но он был здесь. А этот пистолет заряжен?

— Думаю, да, — ответил врач.

— Откуда она взялась? — снова спросил человек.

23

Они увидели двух сестер, бегущих к двери, и услышали снизу какие-то крики. Бен взглянул на Джимми, но тот лишь пожал плечами. Мэтт смотрел на них, приоткрыв рот.

Бен запер дверь и потушил свет. Джимми схватился за ножку кровати. Когда они слышали за дверью шаги, Бен замер, готовый к нападению. Как только в дверь просунулась чья-то голова, он схватил ее и прижал к ее лбу крест, который держал в другой руке.

— Да пусти же!

Рука разжалась. Через мгновение зажегся свет. Мэтт привстал на кровати, глядя на Марка Петри, бьющегося в руках у Бена.

Джимми побежал к двери. Он уже готов был обнять мальчика, но вдруг остановился.

— Подними подбородок.

Марк поднял, показав им неповрежденную шею.

Джимми вздохнул с облегчением.

— Господи, никого за всю свою жизнь я не был так рад видеть. Где отец Каллагэн?

— Не знаю, — сказал Марк. — Барлоу схватил меня... убил моих родителей. Они мертвые. Мои родители мертвые. Он сказал отцу Каллагэну, что он отпустит меня, если тот бросит крест. Он обещал. Тогда я убежал. Но перед этим я плюнул в него. Я в него плюнул, а потом я убью его.

Он замер в двери. На лбу и щеках у него были царапины. Он бежал через лес по тропе, где нашли свой печальный конец братья Глики. Перебираясь через Таггарт-стрим, он замочил ноги до колен. Потом кто-то подвез его, но он не помнил, что.

Язык Бена был холодным. Он не мог ничего сказать.

— Бедный мальчик, — тихо сказал Мэтт. — Мой бедный храбрый мальчик.

Лицо Марка скривилось. Рот его задергался.

— Моя м-м-м-мама...

Он зашатался, и Бен поднял его на руки и укачивал, пока не хлынули слезы, залившие ему рубашку.

24

Отец Дональд Каллагэн не знал, сколько времени он блуждал в темноте. Он отправился по Джойнтнер-авеню, так и не найдя машину, оставленную им у дом Петри. Иногда он шел по середине мостовой, иногда сворачивал к обочине. Порой мимо проносились автомобили, бешено гудя и скрежеща шинами, когда им приходилось объезжать его. Один раз он свалился в канаву.

На улицах не было никого, кто мог бы его заметить; в эту ночь Салемс-Лот казался вымершим. В кафе было пусто, а у Спенсера сидела мисс Кугэн, читая журнал при тусклом свете лампы. Снаружи, под светящейся голубой собакой, горела красная неоновая надпись «Ав-тобус».

Они все боятся, подумал он. Какая-то потаенная часть души говорит им, что в городе опасно, и поэтому сегодня заперты даже те двери, которые не запирались годами.

Он был на улице один. И один не боялся. Он даже засмеялся, но смех прозвучал, как дикий, безумный лай. Ни один вампир не посмеет его тронуть. Других, быть может, но не его. Он отмечен Хозяином, и будет ходить, где хочет, пока Хозяин не позовет его...

Над ним высилась церковь Святого Андрея.

Он помедлил, потом подошел ближе. Он будет молиться. Всю ночь, если понадобится. Не новому богу, богу нищих и бесплатных обедов, но старому, истинному Богу, который устами Моисея учил платить оком за око. Дай мне еще шанс, Боже. Я буду каяться всю жизнь. Только один шанс.

Он поднялся по широким ступеням, пошатываясь и волоча ноги. На губах его запеклась кровь Барлоу.

Наверху он какое-то время задержался, а потом взялся за ручку двери.

Вспышка голубого света — и невидимая сила отбросила его назад. Боль пронзила его спину, потом голову, грудь, желудок. Он упал на четвереньки на гранитных ступенях.

Он лежал, дрожа, под начавшимся дождем. Рука болела. Он поднес ее к глазам — она была обожжена.

— Проклят, — прошептал он. — Я проклят, Господи, проклят.

Его начало трясти. Он обхватил плечи руками и сидел так на ступенях церкви, двери которой навсегда закрылись перед ним.

25

Марк Петри сидел на постели Мэтта, там же, где до того сидел Бен. Он вытер слезы рукавом и пытался держать себя под контролем, хотя глаза его все еще были распухшими и красными.

— Знаешь ли ты, — спросил его Мэтт, — что Салемс-Лот в отчаянном положении?

Марк кивнул.

— И сейчас его Бессмертные делают свое дело. Хватают людей. Всех им не взять — во всяком случае, сегодня, — но завтра они продолжат.

— Мэтт, я прошу тебя поспать, — сказал Джимми. — Мы никуда не уйдем, можешь не волноваться. Ты плохо выглядишь. Это было ужасным...

— Мой город гибнет у меня на глазах, а ты хочешь, чтобы я спал? — его глаза возмущенно вспыхнули на осунувшемся лице.

Джимми настойчиво сказал:

— Если ты хочешь увидеть результат, будь осторожнее. Я говорю это, как твой врач.

— Ладно. Еще минуточку, — он посмотрел на них троих. — Завтра вы должны вернуться в дом Марка. Вы возьмете колы. Много колов.

— Сколько? — тихо спросил Бен.

— Я думаю, трех сотен хватит, но на всякий случай надо заготовить побольше.

— Это невозможно, — сказал Джимми. — Их не может быть столько.

— Бессмертные жаждут, — напомнил Марк. — Лучше быть готовыми. Пойдете вместе. Не смейте разделяться, даже днем. Это надо делать, как облаву. Начать в одном конце города, закончить в другом.

— Мы никогда не отыщем их всех, — заметил Бен. — Даже если будем работать с утра до вечера.

— Вы сделаете все, что можете, Бен. Люди поверят вам. Кое-кто поможет, если вы докажете, что говорите правду. И когда снова придет ночь, часть их работы останется несделанной, — он вздохнул. — Жаль, что мы потеряли отца Каллагэна. Но несмотря на это, нужно действовать. Просто будьте осторожны. Будьте готовы солгать. И еще, помните: единственная для нас возможность выжить и победить — это стать в юридическом смысле слова убийцами.

Он внимательно поглядел в лицо каждому из них. Вероятно, увиденное им его удовлетворило, потому что после этого он повернулся к Марку.

— Ты знаешь, что главное нам надо сделать?

— Да, — сказал Марк. — Убить Барлоу.

Мэтт слегка усмехнулся.

— Не торопись. Сначала мы должны отыскать его. Не видел ли ты сегодня вечером чего-нибудь, что помогло бы выяснить, где он прячется? Или может быть, слышал? Или учуял? Подумай хорошенько! Ты знаешь, как для нас это важно!

Марк подумал. Бен никогда не видел, чтобы эту просьбу воспринимали так буквально. Он подпер подбородок ладонью и закрыл глаз. Казалось, он перебирает в памяти каждую деталь вечерних событий.

Наконец он открыл глаза, коротко оглядел их и покачал головой.

— Ничего.

Лицо Мэтта помрачнело, но он не смирился:

— Быть может, к его одежде прилип лист? Или грязь на его брюках? Глина на ботинках? — он беспокойно ерзал на постели. — Господи, неужели он был чистым, как яйцо?

Глаза Марка внезапно расширились.

— Что? — спросил Мэтт. Он сжал локоть мальчика. — Что ты вспомнил? Говори!

— Голубой мел, — сказал Марк. — Он схватил меня одной рукой за шею, и я мог ее видеть. У него длинные белые пальцы, и на двух из них были следы голубого мела. Совсем небольшие.

— Голубой мел, — задумчиво проговорил Мэтт.

— Школа, — сказал Бен. — Наверное, оттуда.

— Не высшая, — сказал Мэтт. — Мы всегда покупали мел у Деннисона и К^о в Портленде. Белый и желтый. Он много лет держался у меня под ногтями.

— Может, уроки рисования? — спросил Бен.

— В старших классах преподают только черчение. Они пользуются тушью, а не мелом. Марк, ты уверен, что это...

— Мел, — повторил мальчик, кивнув.

— Некоторые из учителей могут пользоваться цветным мелом, но где они могут его брать? Вы видели нашу школу — везде стекло и бетон.

— Может, в подвале?

Мэтт пожал плечами.

— Вряд ли. Там все время ходят люди, и для него это был бы слишком большой риск.

— А начальная школа? — спросил Джимми. — Они должны учить рисованию. И ставлю сто долларов, что они пользуются цветными мелками.

— Начальная школа на Стэнли-стрит построена в то же время, что и высшая. То же стекло и бетон. Много стеклянных окон, много солнца. Вряд ли ему это подходит. Они любят старые дом, полные легенд, темные, вроде...

— Вроде школы на Брок-стрит, — сказал Марк.

— Да, — Мэтт взглянул на Бена. Эта школа деревянная, трехэтажная, построена в одно время с домом Марстенов. В городе много говорили тогда, что она пожароопасна. В то время в Нью-Гэмпшире случился пожар в школе...

— Я помню, — пробормотал Джимми. — В Кобс-Ферри.

— Да. Трое детей сгорели заживо.

— Школа на Брок-стрит еще действует? — спросил Бен.

— Только первый этаж. Все здание перестали использовать, когда открылась школа на Стэнли-стрит.

— Барлоу может там прятаться?

— Думаю, что да, — сказал Марк с некоторым сомнением. — На втором и третьем этажах много пустых классов. Окна забиты досками из-за того, что дети часто бросали в них камни.

— Тогда может быть, — сказал Бен.

— Звучит убедительно, — согласился и Мэтт, выглядящий теперь очень усталым. — Но это слишком уж просто. Слишком доступно.

— Голубой мел, — пробормотал Джимми с отсутствующим видом.

— Не знаю, — сказал Мэтт сокрушенно. — Просто не знаю.

Джимми открыл свою черную сумку и извлек склянку с пилюлями.

— Две с водой. Прямо сейчас.

— Нет. Еще о многом нужно поговорить. Еще...

— Слишком большим риском для нас было бы потерять тебя, — твердо сказал Бен. — Теперь, когда отца Каллагэна нет, ты для нас важнее всего. Сделай, как он говорит.

Марк принес из ванной стакан воды, и Мэтт проглотил пилюлю.

Было без четверти десять.

В комнате стояла тишина. Бен подумал, что Мэтт выглядит ужасно старым, ужасно утомленным. Его седые волосы, казалось, поредели и высохли. Надо же было, думал Бен, чтобы под конец жизни зло явилось перед ним в такой жуткой, фантастической форме. Ведь всю жизнь он имел дело с умозрительным злом, которое восставало с книжных страниц при свете лампы и рассеивалось на рассвете.

— Я боюсь за него, — сказал тихо Джимми.

— Думаю, приступ был легким, — возразил Бен.

— Это только первый. Следующий может оказаться не таким легким. Это дело добьет его, если продлится еще немного, — он взял Мэтта за руку и осторожно прощупал пульс. — Это будет трагедией для нас, — закончил он.

Они сидели вокруг его кровати, по очереди засыпая и просыпаясь. Он проспал всю ночь, но Барлоу так и не появился. Очевидно у него были дела где-то в другом месте.

26

Мисс Кугэн читала рассказ под названием «Я пыталась задушить своего ребенка» из «Рассказов реальной жизни», когда открылась дверь и вошел первый ночной посетитель.

Никогда еще у нее не было так мало народу. Не забегала Рути Крокетт с подружками, чтобы выпить стакан газировки, и Лоретта Стэрчер не заходила за «Нью-Йорк Таймс». Газета еще лежала под прилавком. Лоретта была единственной в городе, кто регулярно читал «Таймс» (она называла ее именно так). На следующий день она относила газету в читальню.

Не заходил за ужином и мистер Лабри, но это было не удивительно. Мистер Лабри, вдовец из большого дома на Школьном холме близ фермы Гриффенов, мог ужинать у Делла гамбургерами с пивом. Если он не приходил до одиннадцати (а уже была четверть), она брала из ящика ключ и относила ему ужин сама.

Странно было, что не зашли обычные посетители после кино (старый кинотеатр «Нордика» находился на другой стороне улицы), чтобы купить мороженого и поболтать. Среди них были и ее старые знакомые, со школьных дней. Тогда они не носили, как Рути Крокетт и ее подруги, маек и джинсов в обтяжку, под которыми видны трусы. Ее воспоминания об этих днях были такими ностальгическими, что когда скрипнула дверь, она рассеяно подняла голову, словно ожидая увидеть там своих одноклассников, зашедших за мороженым.

Но это был мужчина, вроде бы знакомый, но какой-то странный. Только когда он подошел и поставил на прилавок свой чемоданчик, ей удалось узнать его.

— Отец Каллагэн! — сказала она, пытаясь скрыть удивление. Она никогда прежде не видела его без облаче-

ния. Он был в черном костюме и в синей рубашке, как простой рабочий.

Внезапно она испугалась. Его костюм был чистым, волосы аккуратно причесаны, но что-то в его лице...

Она вдруг вспомнила день двадцать лет назад, когда она вернулась из госпиталя, где умерла от сердечного приступа ее мать. Когда она сообщила об этом брату, он выглядел так же, как сейчас отец Каллагэн. Лицо его осунулось, глаза были пустыми и тусклыми. Кожа вокруг рта покраснела и потрескалась, словно ее долгое время оттирали в попытке что-то сделать.

— Мне нужен билет на автобус, — сказал он.

«Так и есть, — подумала она. — Бедняга. Кто-то умер, и его срочно вызывают на отпевание».

— Да-да, — быстро сказала она. — Куда...

— Когда первый автобус?

— Но куда?

— Куда угодно, — сказал он, разрушив ее теорию.

— Так... дайте подумать, — она нырнула в расписание. — Вот, одиннадцать десять на Портленд, далее Бостон, Хартфорд и Нью...

— Давайте, — сказал он. — Сколько?

— Но куда? До какого места? — теперь она была совершенно сбита с толку.

— До конца, — сказал он и усмехнулся. Она никогда не видела такой жуткой усмешки на человеческом лице и отстранилась. «Если он тронет меня, — подумала она, — я закричу».

— Т-т-тогда до Нью-Йорка. Двадцать девять долларов семьдесят пять центов.

Он достал кошелек, и тут она увидела, что его правая рука забинтована. Он достал деньги, и она уронила на пол целую пачку билетов, пытаясь оторвать верхний. Пока она подбирала их, он положил деньги на прилавок.

Она надела билет так быстро, как только могла, но все равно ей казалось, что время течет слишком медленно. Она чувствовала на себе его мертвый взгляд. Поставив печать, она положила билет на прилавок и быстро отдернула руку, чтобы не коснуться его руки.

— П-п-подождите где-нибудь в другом месте, отец Каллагэн. Я скоро закрываю, — она ощупью сунула вырубку в кассу, даже не пересчитав ее.

— Хорошо, — сказал он, засовывая билет в нагрудный карман. Не глядя на нее, он добавил. — И Господь пометил Каина своей метой, дабы встретившие его не убили его. И Каин ходил перед лицом Господа и жил, как изгнанник, к востоку от Эдема. Это Писание, мисс Кугэн. В нем ничего нельзя изменить.

— Да? — рассеянно сказала она. — Боюсь, что вам придется выйти. Мистер Лабри вот-вот придет, и ему может не понравиться... не понравиться, что я... что вы...

— Да-да, — согласился он и повернулся, чтобы уйти. На полдороги он обернулся опять.

— Вы живете в Фалмуте, мисс Кугэн?

— Да...

— У вас есть машина?

— Да, конечно. Я просто хотела попросить вас подождать автобуса где-нибудь...

— Поезжайте скорее домой, мисс Кугэн. Закройте все двери вашей машины и не останавливайтесь. Ни в коем случае. Даже если вас попросит кто-либо из ваших знакомых.

— Я никогда никого не подвожу, — сказала мисс Кугэн.

— Когда придете домой, не возвращайтесь в Джерусалемс-Лот, — продолжал Каллагэн. Он в упор посмотрел на нее. — Теперь это нехорошее место.

Она сказала с изумлением:

— Я не понимаю, о чем вы, но вам лучше все же подождать автобуса снаружи.

— Да. Конечно.

Он вышел.

Внезапно ее поразила тишина, нависшая вокруг. Неужели никто — никто — не ходил по городу после наступления темноты, кроме отца Каллагэна?

Да. Никто.

«Теперь это нехорошее место»

Она начала выключать светильники.

Над Лотом спустилась ночь.

В десять минут двенадцатого Чарли Родса разбудило протяжное гудение. Он подскочил на кровати.

«Мой автобус!»

И следующая мысль:

«Маленькие подонки!»

Дети уже пытались сотворить нечто подобное. Он знал эти их штучки. Они прокалывали ему шины. Он не видел, кто делал это, но догадывался. Под подозрением ходили Майк Филбрук и Оди Джеймс. Он знал, что это они — кто же еще?

«Ты уверен, что это они, Родс?»

«Я говорю тебе!»

Через неделю ему в офис позвонили:

«Родс, мы накрыли сегодня Энди Гарви».

«Да? Я не удивлен. И что он делал?»

«Боб Томас поймал его, когда он выпускал воздух из шин твоего автобуса».

Ладно, ну и что с того, если это Гарви, а не Филбрук с Джеймсом? Все они держатся заодно, одна шайка, все покрывают друг друга.

Теперь снаружи раздался мощный гудок:

«Уоу, уооу, уоооооу...»

— Сукины дети, — прошептал он, поднимаясь с постели. Он натянул штаны, не зажигая свет. Свет мог спугнуть маленьких гаденышей, а он этого не хотел.

В другой раз кто-то подложил ему на сиденье коровью лепешку, и он тоже подозревал, кто мог это сделать. Это можно было прочитать в его глазах. Но ничего, он разобрался с ним по-своему. Выкинул, как щенка, в четырех милях от дома — пускай идет хоть трое суток! Под конец тот заревел.

«Мистер Родс, я ничего не знаю. За что вы меня высадили?»

«Ты подложил мне на сиденье коровье дерьмо?»

«Не я, честное слово. Клянусь богом, не я».

Эти паршивцы способны с невинным взглядом врать собственной матери, и они часто именно это и делают. Он

высаживал этого мальчишку еще дважды, и под конец тот признался. Но Чарли все равно вышвырнул его еще раз — для урока.

«Уооооооу...».

Он схватил рубашку и старую теннисную ракетку, стоящую в углу. Видит Бог, завтра чья-то задница будет здорово болеть!

Он вышел с заднего двора и пошел вокруг дома туда, где стоял его большой желтый автобус. Ему вспомнилась армия, разведка.

Он задержался за кустом олеандра и взглянул на автобус. Да, они были там, целая орда, темные силуэты на фоне стекол. В нем разгорался старый боевой пыл, и он изо всех сил сжал ручку ракетки. Черт, они выбили — шесть, семь, восемь — восемь окон в его автобусе!

Он прокрался вдоль желтого борта к входной дверце. Она была открыта. Чарли рывком вскочил на ступеньки.

— А-а! Всем стоять! Выключите этот чертов гудок, или я...

Мальчишка, сидящий на водительском месте и нажимающий обеими руками на гудок, повернулся к нему и жутко осклабился. Это был Ричи Боддин. Чарли почувствовал, как внутри его что-то оборвалось. Он был белым — белым, как простыня — кроме черных углей глаз и губ, которые были ярко-красными.

И его зубы...

Чарли Родс поглядел в салон.

Неужели там Майк Филбрук? Оди Джеймс? Боже, здесь и сыновья Гриффена! Хэл и Джек, сидят рядом, в волосах у них солома. Но они никогда не ездили в моем автобусе!» Мэри Грегсон и Брент Тенни, прижавшиеся друг к другу. Она в пижаме, он в синих джинсах и фланелевой рубашке, вывернутой наизнанку, словно он забыл, как надо одеваться.

И Дэнни Глик. Но — о Боже! — он ведь умер; умер уже давно!

— Эй, — сказал он онемевшими губами. — Ребята.

Теннисная ракетка выпала из его рук. Раздался лязг, когда Ричи Боддин, продолжавший ухмыляться, нажал на

рычаг, закрывающий переднюю дверь. Теперь все они встали со своих мест.

— Нет, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Ребята... вы не поняли. Это же я. Чарли Родс. Вы... вы, — он поднял руки, показывая, что в них ничего нет, и начал отступать, пока не уперся спиной в ветровое стекло.

— Не надо, — прошептал он.

Они, ухмыляясь, подходили ближе.

— Прощу вас, не надо.

Они бросились на него.

28

Энн Нортон умерла во время краткого пути с первого этажа больницы на второй. Она содрогнулась, и из ее рта брызнула тоненькая струйка крови.

— Все, — сказал один из санитаров. — Выключайте сирену.

29

Еве Миллер снился сон.

Это был странный сон, очень реалистический. Пожар 51-го пылал под равнодушным небом, цвет которого менялся от бледно-голубого на горизонте до раскаленной белизны над головой. Солнце сверкало на нем, как начищенная медная монета. Повсюду пахло гарью; люди забросили дела и толпились на улицах, глядя на юго-запад, за луга, и на северо-запад, за лес. Дым стоял в воздухе все утро, но к полудню за фермой Гриффенов уже можно было разглядеть танцующие языки пламени. Раздувавший пожар западный ветер засыпал весь город белесым пеплом, похожим на ранний снег.

Ральф во сне был жив и пытался спасти их лесопилку. Но все перемешалось: там был и Эд, а с ним она встретилась только осенью 54-го.

Она смотрела на пожар из окон спальни, и она была обнаженной. Откуда-то к ней протянулись руки, грубые

загорелые руки на фоне ее белой кожи, и она знала, что это Эд, хотя не видела даже его отражения в стекле.

«Эд, — попыталась она сказать, — не надо. Еще рано. Еще нет девяти».

Но руки настойчиво скользили по ее животу, потом поднялись вверх и уверенно обхватили за груди.

Она попыталась сказать, что окно открыто, и любой, проходящий по улице, может обернуться и заметить их, но слова замерли у нее в горле, и вот уже она чувствовала, как его губы касаются ее рук, плеч и наконец с воодушевлением припадают к основанию шеи. Тут он укусил ее, больно, до крови, и она опять попробовала возразить: «Не оставляй следов, Ральф может заметить...»

Но возражать было невозможно, да ей и не хотелось. Ее уже не заботило, что кто-нибудь увидит их объятия.

Глаза ее мечтательно смотрели на огонь, пока его губы и зубы плясали над ее шеей, и дым теперь был черным, черным, как ночь, затмевающим раскаленное добела небо, превращающим день в ночь.

А потом пришла настоящая ночь, и город исчез, но огонь все еще пылал в темноте, вздымая свои причудливо колеблющиеся формы так, что среди них внезапно возникло залитое кровью лицо с ястребиным носом и глубоко запавшими, безумными глазами, с пухлыми чувственными губами и волосами, зачесанными назад.

— Гардероб, — сказал голос откуда-то издалека, и она поняла, что это Он. — На чердаке. Он подойдет, я думаю. А лестницу мы уберем... лучше подготовиться заранее.

Голос пропал. Угасло и пламя.

Осталась только темнота, и она в ней. Она сонно подумала, что сон мог бы продлиться и подольше, когда услышала другой голос — голос Эда:

— Дорогая, иди ко мне. Пора. Мы должны сделать, как Он велит.

— Эд? Эд!

Лицо его возникло сверху, не обожженное огнем, но страшно бледное и пустое. Но она все равно любила его... еще сильнее, чем раньше. Она жаждала его поцелуев.

— Пошли, Ева.

— Это же сон, Эд.

— Нет... не сон.

На мгновение она испугалась, а потом страх ушел. Вместо него пришло знание. И вместе со знанием — плод.

Она поглядела в зеркало и увидела в нем только свою спальню, пустую и тихую, но это неважно. Теперь им не нужны ключи.

Они проскользнули в щель меж дверью и притолокой, как тени.

30

В три часа ночи кровь струится в жилах медленно, а сон крепок. Душа или мирно спит в этот час или пробуждается в крайнем отчаянии. Середины нет. В три утра с лица мира, этой дешевой шлюхи, слезает грим, и открывается безносый оскал черепа. Всякое веселье становится нутужным, как в замке у Эдгара По, окруженном Красной Смертью. Ужас сменяется скукой. Любовь кажется сном.

Перкинс Гиллспай клевал носом за столом в полицейском участке над чашкой кофе, похожий на внезапно заболевшую обезьяну. Перед ним лежал неоконченный пасьянс. Среди ночи он слышал какие-то крики, странные трубные звуки в воздухе, топот бегущих ног. Он должен был выйти, чтобы узнать причину. Но он не мог, и его осунувшееся лицо отражало мучительное раздумье. Он надел на шею крест и образок святого Христофора, не зная точно, зачем это нужно, но это его успокаивало. Он решил про себя, что, если только он переживет эту ночь, на следующее утро он уйдет и оставит свою должность другому вместе со всем, что здесь творится.

Мэйбл Вертс сидела у себя на кухне над остывшей чашкой чая, впервые за многие годы задернув шторы и отложив бинокль. В первый раз за шестьдесят лет ей не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. Эта ночь несла с собой слишком мрачные сплетни.

Билл Нортон ехал в Камберлендскую больницу, куда его вызвали по телефону (тогда его жена была еще жива). Лицо его было деревянным и застывшим. Дворники ма-

шины мерно тикали, стирая струи дождя, который заметно усилился. Он старался не думать ни о чем.

Были и другие люди в городе, спящие или бодрствующие, кого не тронули в эту ночь — в основном, одинокие и пожилые, не имеющие друзей или близких родственников. Многие из них ни о чем и не подозревали.

Но те, кто не спал, зажигали весь свет, и проезжающие через город могли удивиться, что в эти предутренние часы городок так ярко освещен, и предположить какую-либо катастрофу или пожар.

Но в Джерусалемс-Лот никто из бодрствующих не знал правды. Самые сообразительные могли догадываться, но их догадки были смутны и бесформенны, как трехмесячный плод. И все равно они лезли на чердаки, в комоды, в ящики шкафов в бессознательном поиске каких-нибудь религиозных символов. Они медленно переходили из комнаты в комнату, осторожно ступая, словно их тела вдруг стали стеклянными, и включали везде свет, и не смотрели в окна.

Это тоже было важно — не смотреть в окна.

Не имело значение, какие там раздавались крики, неведомое было не самым страшным. Страшнее было заглянуть в лицо Медузы Горгоны.

31

Шум вторгся в его сон, как нож в твердое дерево; медленно, волокно за волокном. Сперва Реджи Сойер подумал, что он спит и видит во сне, как они с отцом в 60-м сколачивали сарай.

Но постепенно он осознал, что он не спит, а звук раздается снаружи. Страхнув с себя дремоту, он встал и поплелся к передней двери, где кто-то с регулярностью метронома стучал по дереву кулаком.

Он взглянул на Бонни, которая свернулась под одеялом. На часах было 4.15.

Он прикрыл за собой дверь и включил свет в холле. Перед входной дверью он остановился. Что-то здесь было не так. Никто не станет стучать в дверь в 4.15. Если в

семье что-нибудь случилось, они позвонили бы по телефону.

В 68-м он семь месяцев прослужил во Вьетнаме. Это был очень тяжелый год для американцев, и он немало повидал. Тогда он просыпался мгновенно; вот ты спишь, как камень, а через минуту уже вскакиваешь в полной темноте. Эта привычка у него исчезла вскоре после возвращения, и он даже гордился этим. Он же не машина — нажми кнопку, и Реджи вскочит, нажми другую, и Реджи убьет парочку желтых.

Но теперь снова сон мгновенно сполз с него, как змеиная кожа, и он стоял перед дверью в полном порядке.

А может, это парень Брайентов? Напился и пришел качать права. Умереть за Прекрасную даму.

Он вернулся в комнату и потянулся к ружью, висящему над камином. Света он не зажигал. Снял винтовку, которая тускло блеснула в свете, проникающем из холла, и опять подошел к двери. Стук продолжался.

— Эй, заходи, — позвал Реджи.

Долгая пауза. Потом ручка повернулась и сделала полный оборот. За открывшейся дверью стоял Кори Брайент.

Реджи почувствовал, как его сердце гулко ухнуло куда-то вниз. Брайент был в той же одежде, что и в ту ночь, когда Реджи выкинул его из дома, только теперь она была рваной и грязной. К рубашке пристали сухие листья. Полоса грязи на лбу подчеркивала его мертвенную бледность.

— Стой, где стоишь, — предупредил Реджи, поднимая винтовку и щелкая затвором.

Но Кори двинулся вперед, уставившись на Реджи глазами, в которых была пустота и еще что-то, хуже ненависти. Язык его жадно облизывал губы. Его башмаки, измазанные раскисшей грязью, оставляли на полу бурые следы. В его шагах было что-то непреклонное, не оставляющее надежды. Не было, казалось, того, что могло бы его остановить.

— Еще два шага, и я вышибу твои дурные мозги, — сказал Реджи пересохшим ртом. Этот парень был не пьян.

Он сошел с ума. Вдруг Реджи окончательно понял, что придется стрелять.

— Стой, — повторил он, но уже без всякой надежды. Кори Брайент не останавливается. Глаза его жадно пожирали лицо Реджи. Башмаки шлепали по полу.

Тут сзади закричала Бонни.

— Ступай в спальню, — сказал Реджи и отступил. Брайент теперь был всего в двух шагах от него. Белая рука потянулась к винтовке.

Реджи нажал на курок.

Выстрел прозвучал в тесном коридоре, как удар грома. Из обеих стволов вылетели яркие вспышки. Запах пороха заполонил воздух. Бонни закричала опять, еще пронзительнее. Рубашка Кори лопнула и почернела там, куда попали пули. Но открывшаяся за ней мертвая рыба белизна его груди осталась невредимой. Оцепеневшему Реджи показалось, что его плоть вовсе не была реальной плотью, а чем-то вроде газового облака.

Потом винтовка выпала из его рук. Неведомая сила отшвырнула его к стене, и он сполз вниз на ватных ногах. Брайент прошел мимо него к Бонни. Она смотрела на него, и Реджи мог видеть в ее глазах теплоту.

Кори обернулся и ухмыльнулся Реджи. Такой широкой, зловещей улыбкой улыбаются коровьи черепа в пустыне. Бонни протянула к нему руки. Они дрожали. Страх на ее лице сменился вожделением.

— Любимый, — сказала она.

Реджи закричал.

32

— Эй, — сказал водитель автобуса. — Хартфорд.

Каллагэн посмотрел в окно на странный пейзаж, кажущийся еще более странным в неверных первых лучах солнца. В Лоте они уже прячутся в свои дыры.

— Да, я знаю, — сказал он.

— Остановка двадцать минут. Не хотите ли перекусить?

Каллагэн достал забинтованной рукой кошелек из кармана, едва не уронив его. Странно, но обожженная рука

уже почти не болела. Но лучше бы болела. Боль была чем-то реальным. Во рту у него оставался вкус смерти, приторный, похожий на гнилое яблоко. И это все? Да. Но этого было достаточно.

Он отсчитал двадцать долларов.

— У вас не найдется бутылки?

— Мистер, правила...

— Я добавлю. Пинты мне хватит.

— Мистер, я не хочу, чтобы меня оштрафовали. Через два часа будем в Нью-Йорке, и там вы найдете все, что захотите.

Ты ошибаешься, приятель, подумал Каллагэн. Он опять заглянул в кошелек. Десятка, две пятерки и еще доллар. Он добавил к двадцати еще десять и протянул водителю.

— Пинты хватит, — сказал он. — Сдачи не надо.

Водитель перевел взгляд с денег на его запавшие, темные глаза, и в какой-то жуткий момент ему показалось, что он говорит с ожившим черепом, забывшим, что такое улыбка.

— Тридцать долларов за пинту? Мистер, вы спятили, — но он взял бумажки, пошел к кабине, потом вернулся. Деньги испарились. — Но не выдавайте в случае чего.

Каллагэн кивнул, нетерпеливо, как маленький мальчик.

Водитель посмотрел на него еще немного и отошел.

Какая-нибудь дешевка, подумал Каллагэн. Обожжет язык и огнем вольется в горло. Что-нибудь, что отобьет этот сладковатый вкус... или хотя бы заглушит его, пока он не доберется до места, где можно будет напиться вволю. Пить, пить, пить...

Тут он заплакал. Слез не было. Он чувствовал себя совершенно высохшим. Опустошенным. Только этот вкус.

«Ну скорее водитель».

Он выглянул в окно. На улице сидел мальчишка, опустив голову на руки. Каллагэн смотрел на него, пока автобус не тронулся, но тот так и не пошевелился.

Бен почувствовал чью-то руку на плече и мгновенно проснулся. Рядом послышался голос Марка:

— Доброе утро.

Он открыл глаза, дважды моргнул и выглянул в окно. Рассвет медленно проглядывал сквозь осенний дождик. Деревья окружающие больничный корпус с севера, уже почти совсем облетели, и черные ветки выделялись на сером небе, как громадные буквы неизвестного алфавита. Дорога 30, уходящая на восток, блестела, как тюлений мех, и едущие по ней машины еще не выключали фар.

Бен встал и осмотрелся вокруг. Мэтт спал, его грудь вздымалась и опускалась ровно, но с натугой. Джимми тоже спал, на одном из стульев. На его щеках выросла щетина, и Бен потрогал собственное лицо. Оно было колючим.

— Пора выходить, да? — спросил Марк.

Бен кивнул. Он подумал о предстоящем дне и о новых предстоящих ужасах и отогнал эти мысли. Единственный способ пройти через это — поменьше думать. Он посмотрел в лицо мальчика, и его встревожило застывшее выражение. Он потряс Джимми за плечо.

— Ммм, — отозвался Джимми, сползая со стола, как пловец, входящий в воду. Глаза его открылись, и какое-то время в них отражался ужас. Он бессмысленно глядел на них, не узнавая.

Потом он все понял и расслабился.

— Ффу, ну и сон мне снился.

Марк кивнул с полным пониманием.

Джимми посмотрел в окно и произнес «день» с таким выражением, как скряга произносит «деньги». Потом он встал, подошел к Мэтту и взял его за руку.

— Все в порядке? — спросил Марк.

— Похоже, ему лучше, чем было вечером, — сказал Джимми. — Бен, я думаю, будет лучше, если мы выйдем через служебный вход, если вчера кто-нибудь заметил Марка. Чем меньше риск, тем лучше.

— С мистером Берком ничего не случилось? — спросил Марк.

— Думаю, нет, — ответил Бен. — Я верю в его сообразительность. В любом случае, Барлоу придется ждать следующей ночи.

Они прокрались по коридору и спустились вниз в служебном лифте. Кухня в этот час — четверть восьмого — была пуста. Одна из поварих заметила их, помахала рукой и сказала: «Привет, док». Никто ей не ответил.

— Куда сначала? — спросил Джимми. — В школу на Брок-стрит?

— Нет, — сказал Бен. — Там сейчас слишком много народу. До сколько сейчас занимаются младшие классы, Марк?

— До двух.

— Будет еще светло, — сказал Бен. — Сперва в дом к Марку. За кольями.

34

Пока они подъезжали к городу, в «бьюике» Джимми сгустилась почти осязаемая пелена страха, и разговор стих. Когда Джимми свернул с шоссе туда, где зеленый указатель возвещал: «Дорога 12. Джерусалемс-Лот Камбер-Ленд», Бен подумал, что этой дорогой они со Сьюзен возвращались домой после своей близости.

— Там плохо, — сказал Джимми, и его мальчишеское лицо показалось вдруг испуганным и жалким. — Черт, я просто чую это по запаху.

И я, подумал Бен, хотя это скорее психический запах, чем реальный. Могильный смрад.

Дорога 12 была почти пуста. Они проехали молоковоз Вина Пуринтона, стоящий возле дороги. Мотор был заглушен, и Бен вышел, чтобы посмотреть. Когда он вернулся, Джимми вопросительно взглянул на него. Бен покачал головой:

— Его там нет. Внутри свет. Он стоит здесь уже давно.

Джимми стукнул кулаком по колену.

Когда они въехали в город, Джимми сказал с абсурдным облегчением:

— Смотри, у Кроссена открыто.

Да, Милт снимал щит со своего газетного киоска, и рядом стоял Лестер Сильвиус в желтом дождевике.

— Надеюсь, это не все, кто остался, — сказал Бен.

Милт заметил их и помахал, и Бену показалось, что на лицах обоих застыло напряжение. На двери похоронного бюро Формэна все еще висела табличка «Закррито». Хозяйственный магазин тоже был закрыт. Заперто было и у Спенсера. Закусочная работала, и, когда они проехали ее, Джимми притормозил у нового магазина. Наверху золотые буквы гласили: «Барлоу и Стрэйкер. Лучшая мебель». На двери, как и говорил Каллагэн, висела табличка, надписанная от руки изящным почерком: «Закррито до дальнейших объявлений».

— Зачем вы здесь остановились? — спросил Марк.

— Чтобы на всякий случай проверить, — сказал Джимми. — Он может решить, что здесь-то мы ни за что не станем его искать. И я еще знаю, что в таких магазинах иногда пользуются мелом. Надписывают ящики.

Они зашли сзади, и, пока Бен и Марк ежились под холодным дождем, Джимми локтем выбил стекло задней двери и открыл задвижку.

Воздух внутри был спертый и тяжелым, словно в помещении, запертом столетия, а не считанные дни. Бен просунул голову в торговый зал, но там было негде спрятаться. Непохоже, чтобы у Стрэйкера было много товара.

— Идите сюда! — хрипло позвал Джимми, и сердце Бена подпрыгнуло вверх.

Джимми и Марк стояли возле длинного ящика, который Джимми удалось приоткрыть с помощью молотка. В образовавшейся щели виднелись бледная рука и темный рукав.

Не раздумывая, Бен бросился к ящику. Джимми возился с молотком на другом конце.

— Бен, — сказал он, — ты можешь порезаться.

Но Бен не слышал. Он тряс ящик, не обращая внимания на оцарапанные руки. Они нашли его, проклятого убийцу, и сейчас он вгонит кол ему в сердце, как Сьюзен, как...

Он отшвырнул последние доски и увидел перед собой мертвое, бледное лицо Майка Райерсона.

Какое-то время они молчали, потом разом выдохнули... будто легкий ветерок пронесся по комнате.

— Ну, и что теперь? — спросил Джимми.

— Лучше сперва пойти в дом к Марку, — сказал Бен. В голосе его слышалась боль от разочарования. — У нас нет еще одного кола.

Они забросали ящик обломками крышки.

— Посмотри, у него на руках кровь, — сказал Джимми.

— После. Пошли.

Они вернулись назад, с облегчением выйдя под открытый воздух, и Джимми погнал «бьюик» по Джойнтнер-авеню к жилой части города. До дома Марка они добрались скорее, чем этого хотелось.

Старый «седан» отца Каллагэна по-прежнему стоял у дома рядом с «пинто» Генри Петри. Увидев это, Марк замер. Краска покинула его лицо.

— Я не пойду туда, — еле слышно прошептал он. — Извините. Я подожду здесь.

— Не за что извиняться, Марк, — сказал Джимми.

Он подъехал к дому, выключил мотор и вылез. Бен, чуть помедлив, положил руку на плечо мальчику.

— С тобой все в порядке?

— Конечно, — но это было незаметно. Подбородок его дрожал, а глаза потемнели. Внезапно он повернулся к Бену, и темнота ушла из его глаз, осталась просто боль.

— Закройте их, хорошо? Если они умерли, закройте их.

— Хорошо, — сказал Бен.

— Так будет лучше. Мой папа... он мог бы стать очень хорошим вампиром. Может, даже как сам Барлоу. Он... он все делал хорошо. Даже слишком.

— Попробуй не думать об этом, — сказал Бен, ненавидя себя за эти дурацкие слова. Марк посмотрел на него и слегка улыбнулся, одними губами.

— Дрова лежат сзади, — сказал он. — Внизу папин станок, с ним вам будет легче.

— Ладно, — сказал Бен. — Держись, если можешь. Но мальчик уже отвернулся, закрыв глаза рукой.

Они с Джимми поднялись по ступенькам.

35

— Каллагэна здесь нет, — сказал Джимми. Они обыскали здесь дом.

Бен нашел в себе силы сказать:

— Должно быть, Барлоу забрал его.

Он смотрел на обломки креста. Еще вчера он был у отца Каллагэна на шее. Это все, что осталось. Крест лежал рядом с телами супругов Петри, действительно мертвых.

Их столкнули головами с силой, достаточной, чтобы раздробить череп. Бен вспомнил невероятную силу миссис Глик и почувствовал тошноту.

— Пошли, — сказал он Джимми. — Нужно завернуть их во что-нибудь. Я обещал ему.

36

Они сняли с дивана покрывало и обернули им трупы. Бен пытался не смотреть и не думать о том, что они делают, но это ему не удавалось. Когда все уже было закончено, из свертка вывалилась рука — ухоженная, с лакированными ногтями, рука Джун Петри, — и он ногой запихнул ее обратно. Тела отчетливо вырисовывались под тканью, и он вспомнил фото из Вьетнама — Черные резиновые мешки с останками убитых солдат, напоминающие сумки для гольфа.

Они сошли вниз с охапками длинных желтых палок. Подвал был владением Генри Петри и хорошо отражал

свойства его личности. Над рабочим пространством по прямой линии нависали три сильных лампы с широкими металлическими колпаками, равномерно освещавшие станки и инструменты. Бен увидел, что он мастерила скворечник, должно быть, для будущей весны, и на столе был аккуратно разложен чертеж, придавленный в каждом углу специальными пресс-папье. Он работал добросовестно, хотя и без вдохновения, но теперь эта работа не будет закончена никогда. Пол был чисто подметен, но вокруг еще стоял чудесный запах свежих опилок.

— С этим мы быстро не справимся, — сказал Джимми.

— Знаю.

— Дрова, — пробормотал Джимми, и палки выпали из его рук с резким стуком и рассыпались по полу, как солома. Он издал истерический смешок.

— Джимми...

Но Джимми не дал ему говорить.

— Мы можем еще разобрать забор. Не мешало бы позаботиться и о ножках стульев и о бейсбольных битах.

— А что мы еще можем сделать?

Джимми взглянул на него и с видимым усилием взял себя в руки.

— Это как охота за сокровищами, — сказал он. — Пятьдесят шагов к северу от фермы Гриттенев и смотри под большим камнем. Ха. Мы еще можем уехать. У нас есть время.

— Ты этого хочешь?

— Нет. Но сегодня мы не закончим, Бен. На это могут уйти недели. Ты это выдержишь? Ты сможешь проделать это... то, что сделал со Сьюзен тысячу раз? Вытащишь их всех из шкафов и из разных вонючих дыр, когда они визжат и царапаются, и воткнуть им кол в сердце? Сможешь ты заниматься этим до ноября и не свихнуться?

Бен подумал об этом и не мог найти ответ.

— Не знаю, — признался он.

— Хорошо, а как же с детьми? Об этом ты подумал? Их ведь будет немало, он об этом позаботится. А Мэтт умрет за это время, я гарантирую. И что ты скажешь, когда полиция спросит тебя, что случилось в Салемс-Лот? Что

мы им скажем? «Простите, что мы вбили кое-кому колы в сердце»? Что делать, Бен?

— Откуда я могу знать? Разве у нас есть время остановиться и обдумать все это?

Внезапно они увидели, что стоят лицом к лицу и разговаривают почти враждебно.

— Бен, — сказал Джимми. — Бен.

— Извини, — Бен потупился.

— Ничего, это я виноват. На нас что-то давит... наверняка Барлоу хочет скорее с этим покончить, — он запустил руку в свою рыжую шевелюру и бесцельно оглядел мастерскую.

Внезапно взгляд его упал на что-то, лежащее на столе рядом с чертежом. Синий химический карандаш.

— Может, так будет лучше, — сказал он.

— Что?

— Оставайся здесь, Бен. Начинай делать колы. Если мы все займемся этим, то ничего не успеем. Давай ты будешь отделом производства, а мы с Марком — поисковой группой. Мы поедем искать в город искать их. Мы их найдем, так же, как нашли Майка. Я отмечу места этим вот карандашом. А завтра мы придем туда с кольями.

— А они не заметят этих отметок?

— Не думаю. Миссис Глик не очень-то хорошо сообщала. По-моему, ими двигает скорее инстинкт, чем какие-то мысли. Они могут потом спохватиться, но будет уже поздно.

— А почему бы мне не поехать с вами?

— Потому что я знаю город, и в городе знают меня, как знали еще моего отца. Живые сейчас прячутся в своих домах. Если постучишь ты, они не откроют. А если я — может быть. Потом, я знаю места, где можно скрываться, а ты нет. Сможешь запустить станок?

— Да, — ответил Бен.

Конечно же, Джимми был прав. Но он жалел, что не может пойти с ними и встретить этих лицом к лицу.

— Ладно. Поезжайте. До скорого, — Бен повернулся к станку, потом обернулся. — Если вы подождете полчасика, я выдам вам дюжину этих колов.

Джимми помедлил минуту, потом потупился.

— Я думаю, завтра... завтра будет лучше.

— Хорошо, — сказал Бен. — Иди. Слушай, возвращайтесь к трем. В школе к тому времени уже все разойдутся.

— Ладно.

Джимми поднялся наверх. По пути что-то — быть может, предчувствие — побудило его обернуться. Он увидел Бена в ярком свете ламп, склонившегося над станком.

Потом он вернулся.

Бен выключил станок и взглянул на него.

— Что-нибудь случилось?

— Погоди, — сказал Джимми. — Дай вспомнить.

Бен поднял брови.

— Когда я оглянулся и увидел тебя, то о чем-то подумал. А теперь забыл.

— Это важно?

— Не знаю, — он помялся, но так ничего и не вспомнил. Вид Бена в этой мастерской что-то напомнил ему. Что-то нехорошее. Но... нет, не вспомнить.

Он поднялся наверх, но все же оглянулся еще раз. Потом прошел через кухню и сел в машину. Дождь уже едва моросил.

37

Машина Роя Макдугалла, стоявшая у подъезда и выглядевшая запущенной, заставили Джимми предположить худшее.

Они с Марком вылезли, Джимми нес с собой черную сумку. Поднявшись на крыльцо, Джимми позвонил. Звонок не работал, и он начал стучать. На стук не выглянул никто ни в этом доме, ни в соседнем. Там у подъезда тоже стоял автомобиль.

Джимми толкнул дверь, но она оказалась заперта.

— В машине сзади лежит молоток, — сказал он. Марк принес его, и Джимми разбил стекло двери рядом с ручкой. Просунув руку, он отпер дверь. Они вошли.

Зловоние было нестерпимым, и Джимми заткнул нос. Не такое сильное, как в доме Марстенов, оно, однако, было там же — запах гниения и смерти. Джимми вдруг вспомнил, как в детстве они с приятелем ездили на мопедах собирать пустые бутылки, когда сходил снег. В одной из этих бутылок (апельсиновый лимонад) он увидел маленькое тельце полевой мыши. От ее запаха его тут же стошнило. Этот запах был таким же — старый пот и гнилое мясо вместе взятые. Он почувствовал тошноту.

— Они тут, — сказал Марк. — Где-то.

Они методически обыскали дом — кухня, комната, две спальни. Открыли все шкафы. Джимми рассчитывал найти что-нибудь в шкафу в хозяйской спальне, но там оказалась только куча старого тряпья.

— Подвала нет? — спросил Марк.

— Нет, но могут быть какие-то тайники.

Они еще раз осмотрелись и нашли маленькую дверь, ведущую в бетонный фундамент дома. На ней висел старый замок. Пяти ударов молотка Джимми оказалось достаточно, и, рванув дверь, он отшатнулся от волны смрада.

— Вот где они, — сказал Марк.

Войдя, Джимми увидел три пары ног, уложенных в ряд, как трупы на поле брани. Одна пара была в рабочих ботинках, другая в шлепанцах, третья — детская — босая.

Семейная сцена, мелькнула у Джимми безумная мысль. «Ридерс Дайджест», где же ты? Вот и ребенок. Как нам сделать это с маленьким ребенком?

Он пометил дверь синим карандашом и повесил сломанный замок обратно.

— Пошли дальше, — сказал он.

— Подождите, — возразил Марк. — Давайте вытащим одного из них наружу.

— Выт... Зачем?

— Может, дневной свет убьет их, — сказал Марк. — Может, нам не придется возиться с колами.

Джимми почувствовал некоторую надежду.

— Ладно. Только кого?

— Не ребенка. Отца. Возьмите его за ноги.

— Ну хорошо, — сказал Джимми. Рот у него сразу высох, и слова прозвучали сишло.

Он снял с Роя Макдугалла ботинки и потащил. Марк взялся за другую ногу, и вдвоем они вытащили его на солнце.

То, что случилось потом, было почти неопиcуемо. Макдугалл начал извиваться, едва свет попал на него. На теле у него выступил пот, кожа пожелтела. Под тонкой кожей прикрытых век выкатились глазные яблоки. Ноги медленно и сонно дергались, верхняя губа поползла вверх, обнажая клыки, похожие на собачьи. Руки начали хватать землю, одна из них уцепилась за рубашку Марка, и он отбросил ее с криком омерзения.

Рой повернулся и пополз назад к своему убежищу на четвереньках, измазав грязью лицо и руки. Джимми заметил, что на свету у него началось какое-то полуискусственное дыхание, прекратившееся, как только он вернулся в тень. Тогда же закончилось и потовыделение.

Вернувшись на прежнее место, Макдугалл вытянулся и больше не шевелился.

— Закройте их, — сказал Марк дрожащим голосом. — Пожалуйста, закройте.

Джимми повесил замок на дверь. Перед глазами его все еще стоял Макдугалл, извивающийся в грязи, как огромная змея. Ему казалось, что это зрелище никогда не изгладится из его памяти — даже если он проживет еще сто лет.

38

Они стояли под дождем, дрожа и глядя друг на друга.

— Что, пойдем дальше? — спросил, наконец, Марк.

— Да. Макдугаллы должны были первыми напасть на соседей.

Они перешли через дорогу, и уже у дверей запах разложения ударил им в нос. На дверной табличке была фамилия Эванс. Джимми кивнул. Дэвид Эванс и его семья. Он работал автомехаником в ремонтной мастерской в

Гэйтс-Фоллс. Пару лет назад он его лечил от чего-то вроде кисты.

Здесь звонок работал, но никто не отвечал. Миссис Эванс они нашли в постели. Там же в другой кровати лежали двое детишек в одинаковых пижамах. Дэйва Эванса они искали дольше. Он спрятался на чердаке над маленьким гаражом.

Джимми сделал метку на входной двери и на двери гаража.

— Дело идет, — сказал он.

Марк невпопад спросил:

— Можете подождать? Мне нужно вымыть руки.

— Конечно, — ответил Джимми. — Я бы тоже не отказался. Думаю, Эвансы уже не станут возражать.

Они вошли, и Джимми сел на один из стульев в комнате, закрыв глаза. Скоро он услышал звук льющейся воды в ванной.

На темном экране глаз он видел стол могильщика, дрожащую простыню, сползающую с тела Марджори Глик, ее вытянутую в воздухе руку...

Он открыл глаза.

В этом доме было уютнее, чем у Макдугаллов. Он никогда не встречал миссис Эванс, но был уверен, что в этом чувствовалась ее рука. В маленькой кладовке стояли детские игрушки. Бедные дети, подумал он.

Там были велосипед, разные пластмассовые игры и игрушечная бензоколонка, игрушечный бильярд.

Внезапно он подскочил.

«Голубой мел. Три лампы в ряд. Люди вокруг зеленого стола в ярком свете, метящие кончики пальцев голубым мелом».

— Марк! — закричал он, вскакивая со стула. — Марк! Марк выбежал из ванной посмотреть, что случилось.

В полтретьего навестить Мэтта пришел его давний ученик (64-й, «А» класс по литературе). Он спрашивал Мэтта, неужели он действительно верит в существование

тайных сил. Мэтт не мог вспомнить, зовут его Герберт или Гарольд.

Мэтт, читавший «Таинственные исчезновения», когда вошел Герберт-Гарольд, со вздохом отложил книгу. Он ждал звонка, хоть и знал, что до трех они не смогут попасть в школу на Брук-Стрит. Он надеялся узнать, что случилось с отцом Каллагеном. День, казалось, проходил с тревожащей быстротой — а еще говорят, что в больнице время течет медленнее.

Он начал рассказывать Герберту-Гарольду о городке Момсон, штат Вермонт, про который только что прочитал. Он счел ее особенно интересной, поскольку подумал, что там могло случиться то же, что в Джерусалемс-Лот.

— Все исчезли, — сказал он Герберту-Гарольду, слушавшему с вежливой, но не очень скрываемой, скукой. — Маленький городок в северном Вермонте. Население 312 человек по переписи 1920 года. В августе 23-го женщина в Нью-Йорке забеспокоилась, что ей не пишет сестра. Они с мужем поехали туда и первыми сообщили об этом в газеты, хотя я не сомневаюсь, что соседи знали об этих исчезновениях. Так вот, они приехали в город и никого там не нашли. Все дома стояли пустыми, и в одном месте стол даже был накрыт к ужину. Эта история наделала шуму в свое время. Автор этой книги упоминает, что в соседних городах люди рассказывают странные вещи... про духов и все такое. На некоторых сараях до сих пор можно видеть кресты. Вот фотографии некоторых зданий Момсона. Что ты об этом думаешь?

Герберт-Гарольд вежливо поглядел на фото. Обычный городишко с несколькими домами и магазинами. Некоторые отвалились, может быть, под тяжестью снега. Таких городов в стране пруд пруди. Старик просто впадет в маразм. Герберт-Гарольд подумал о своей старой тетке, вообразившей, что ее дочь убила ее любимого попугая и подсунула ей вместо курицы. У этих стариков всегда какие-то странности.

— Очень интересно, — промямлил он. — Но не думаете же вы... мистер Берк? Мистер Берк, вам плохо! Вы... эй, сестра! Сестра!

Глаза Мэтта усталились в одну точку. Одна рука сжала угол простыни, другая упала на грудь. Лицо его сделалось бледным, в центре лба пульсировала жила.

«Слишком скоро, — успел подумать он. — Жаль...»

Боль, набегающая волнами, несла его в темноту. Последней мыслью было: «Где же они?»

Потом все померкло.

Герберт-Гарольд выскочил из палаты, опрокинув стол и уронив стопку книг. Сестра уже спешила навстречу.

— Там мистер Берк, — сказал Герберт-Гарольд. Он еще держал книгу, раскрытую на фотографии Момсона, штат Вермонт.

Сестра кивнула и вошла в палату. Мэтт лежал тихо, с закрытыми глазами.

— Он что...? — спросил с опаской Герберт-Гарольд.

— Думаю, что да, — коротко ответила сестра, нажимая кнопку вызова. — Вам теперь лучше уйти.

Теперь она снова была спокойна и пожалела о недоеденном ланче.

40

— Но в Лоте нет бильярда, — сказал Марк. — Ближайший в Гэйтс-Фолле. Разве он может прятаться там?

— Нет, — сказал Джимми. — Уверен, что нет. Но у некоторых могли быть бильярдные столы дома.

— Наверное, да.

— Я еще что-то припоминаю, — сказал Джимми.

Он закрыл глаза и прикрыл их руками. Было что-то еще, что ассоциировалось у него в сознании с пластмассой. Что же это? Пластмассовые игрушки, пластмассовая посуда для пикников, пластмассовые коврики...

Внезапно перед ним явственно предстала картина бильярдного стола, закрытого пластмассовым ковриком, в сочетании с голосом, произносящим: «Надо бы продать его, пока он не заплесневел — Эд Крейг говорит, что он может, — но это же Ральфа...».

Он открыл глаза.

— Я знаю, — сказал он. — Знаю, где Барлоу. Он в подвале в пансионе Евы Миллер.

И это было так; теперь он знал. Он чувствовал это. Глаза Марка ярко сверкнули.

— Так поехали туда!

— Погоди.

Он подошел к телефону, нашел в книге номер Евы и медленно набрал. Ответа не было. Десять гудков, одиннадцать. Двенадцать. Он положил трубку, испуганный. У Евы было по меньшей мере десять жильцов, многие из них старики. В доме всегда кто-нибудь оставался.

Он посмотрел на часы. Было четверть четвертого, и время шло.

— Поехали, — сказал он.

— А Бен?

Джимми сказал мрачно:

— Позвонить мы не можем. В твоём доме не работает телефон. Если мы поедем сейчас к Еве, у нас ещё останется время уехать, если мы ошиблись. Если же мы правы, то мы вернёмся, захватим Бена и покончим со всем этим.

— Дайте мне только надеть рубашку, — сказал Марк и побежал в ванную.

41

«Ситроен» Бена ещё стоял возле дома, усыпанный теперь мокрыми листьями с росших вокруг вязов. Ветер дул сильнее, но дождь опять кончился. Вывеска «Комнаты Евы» раскачивалась на ветру. Дом стоял тихий и зловещий, будто чего-то ожидающий, и Джимми ощутил неприятную дрожь. Он был теперь похож на дом Марстенов. Он подумал, не совершал ли кто-нибудь здесь самоубийства. Ева должна была это знать, но он сомневался, что она сказала бы это... или ещё что-нибудь.

— Превосходно, — сказал он задумчиво. — Устроиться в местном пансионате и окружить себя верными слугами.

— Вы уверены, что нам не нужно съездить за Беном.

— Потом. Пошли.

Они вышли из машины и подошли к крыльцу. Оно было незакрыто. Когда они вошли в кухню Евы, они почуяли знакомый запах.

Джимми вспомнил давний разговор с Евой — это было четыре года назад, когда он только начал работать. Ева зашла к нему в офис. Его отец лечил ее долгие годы, и когда он сменил его и даже вел прием в том же кабинете, она пришла к нему без записи. Они поговорили о Ральфе, который уже двенадцать лет как умер, и она сказала, что дух Ральфа все еще живет в доме — временами она находит на чердаке или в ящике комода какие-то вещи, которых раньше там не было. И этот бильярдный стол. Он занимал много места, но она не решалась его продать — ведь он был Ральфа.

Они прошли через кухню к двери подвала, и Джимми открыл ее. Зловоние стало еще сильнее. Он надавил выключатель, но света не было. Конечно, они должны были его сломать.

— Посмотри, — сказал он Марку. — У нее где-нибудь должен быть фонарик или свечи.

Марк начал искать, открывая шкафы. Он заметил, что стойка для ножей над раковиной пуста, но не придал этому значения. Сердце его билось болезненно медленно, как приглушенный тамтам. Ему казалось, что он дошел до предела — его ум не мыслил, а лишь реагировал. Углом глаза он поймал какое-то движение и повернул голову, но ничего не увидел.

Он прошел в холл и там увидел гардероб, в третьем ящике которого и отыскался большой фонарик на четырех батарейках. Он понес его обратно.

— Вот он Жи... ..

Треск, потом тяжелый стон.

Дверь в подвал была открыта.

Оттуда раздался вопль.

Когда Марк выбрался из пансиона Евы, было уже двадцать минут пятого. Глаза его замерли и потускнели, рубашка промокла от крови.

Внезапно он закричал.

Звук этот исходил откуда-то из живота, проходил сквозь сжатую спазмом глотку и вырывался изо рта, как крик раненого зайца. Он кричал, пока не почувствовал, что сходит с ума, что его горло разрывается, и режущая боль терзает голосовые связки. И даже когда он смог преодолеть весь страх, всю боль, все потери последующих дней — осталось ужасное давление, волнами идущее из подвала, где таился Барлоу.

Он вышел на крыльцо, жадно хватал губами ветер. Бен. Нужно найти Бена. Но его будто сковала летаргия. Что толку? Барлоу победил. Они были дураками, что бросили ему вызов. Теперь и Джимми заплатил за это, как раньше Сьюзен и священник.

Но твердость понемногу возвращалась.

На трясущихся ногах он сошел с крыльца и побрел к «бьюику» Джимми. Ключи торчали в зажигании.

«Найти Бена. Это последний шанс».

Его ноги не доставали до педали. Он привстал и повернул ключ. Мотор заурчал. Он включил сцепление и нажал на газ. Машина тронулась с места. Он опустил ногу на тормоз, и тут же ее отбросило в сторону.

«Я не могу ее вести!»

Тут он, казалось, услышал педантичный голос отца: «Ты должен быть осторожен, Марк, когда ведешь машину. Автомобиль — единственный транспорт, не до конца регулируемый федеральными законами. В результате все водители, по существу, непрофессионалы. Поэтому ты должен быть крайне внимательным. Нажимай на газ, как будто между твоей ногой и педалью лежит яйцо. Когда ведешь машину с автоматической трансмиссией, как наша, левой ногой можно вообще не пользоваться. Только правой; на тормоз, а потом на газ.

Он опустил ногу на тормоз, и автомобиль попятился назад и уткнулся в ограждение. Тогда он надавил газ, и машина подалась вперед. Поймав руль, он кое-как, виляя из стороны в сторону, двинулся по пустым улицам к своему дому. Правой рукой он нащупал радио и включил его на полную громкость. Он плакал.

43

Бен шел по Джойнтнер-авеню в город, когда навстречу показался судорожно виляющий «Бьюик» Джимми. Он помахал ему и подбежал. Машина остановилась, заехав левым передним колесом на тротуар.

Он потерял много времени, выстуговывая колы и, посмотрев на часы, был удивлен, обнаружив, что уже почти пять. Он выключил станок, заткнул пару готовых колов за пояс и поднялся к телефону. Он уже положил руку на трубку, когда вспомнил, что он не работает.

Встревоженный, он вышел на улицу и осмотрел обе машины, Петри и отца Каллагана. Ключей ни в одной не было. Он мог вернуться в дом и поискать в карманах Генри Петри, но это было уже слишком. Он быстро пошел к городу, ища глазами «бьюик». Он уже решил идти прямо в школу на Брук-Стрит, когда увидел машину.

Он подбежал к сиденью водителя и увидел там Марка Петри... одного. Марк оцепенело смотрел на него. Губы его шевелились, но он не мог ничего сказать.

— Что случилось? Где Джимми?

— Джимми умер, — выговорил, наконец, мальчик деревянным голосом. — Барлоу опять перехитрил нас. Он в подвале в пансионе миссис Миллер. И Джимми там. Я слез туда помочь ему и не мог выбраться. Потом нашел доску и по ней вылез наверх, но сперва я думал, что останусь там... до т-т-темноты...

— Да что случилось? О чем ты говоришь?

— Джимми вспомнил про голубой мел, понимаете? Мы тогда были в доме Эвансов. Голубой мел — это бильярд. В подвале у миссис Миллер стоит бильярдный стол ее мужа. Джимми позвонил в пансион, но там никто не отвечал.

Он поднял к Бену заплаканное лицо.

— Он попросил меня найти фонарик, потому что там не было света, как в доме Марстенов. Я начал искать... и заметил, что в стойке над умывальником нет ни одного ножа, но не подумал об этом. Это я убил его. Это моя вина, моя...

Бен резко толкнул его.

— Прекрати, Марк. Прекрати!

Марк поднес руки ко рту, словно для того, чтобы не пустить наружу истерические рыдания. Его расширенные глаза смотрели на Бена. Наконец он смог продолжать.

— Я нашел фонарик в шкафу. И в это время Джимми упал вниз и начал кричать. Я тоже мог упасть, но он предупредил меня. Последнее, что он крикнул: «Осторожно, Марк!»

— Ну и что потом? — настаивал Бен.

— Барлоу и остальные убрали лестницу. Остальные только немного, чтобы было похоже... похоже на... — он потряс головой. — В темноте Джимми подумал, что лестница там, понимаете?

— Да, — сказал Бен. Он все понял, и ему стало плохо. — И эти ножи...

— Они воткнули их в пол внизу. Отломали рукоятки и воткнули лезвия в пол там, куда должен был... упасть...

— О Боже, — беспомощно сказал Бен. Он обнял Марка за плечи. — Но ты уверен, что он умер?

— Да. Его... проткнуло в полудюжине мест. Кровь...

Бен посмотрел на часы. Без десяти пять. Снова это ощущение уходящего времени.

— Куда мы теперь? — спросил слабо Марк.

— В город. Позвоним Мэтту, а потом поговорим с Перкинсом Гиллспаем. Мы прикончим Барлоу до темноты. Обязательно.

Марк безнадежно усмехнулся.

— Джимми говорил то же самое. Но он опять нас перехитрил. Это пытались сделать и люди лучше нас. Бен посмотрел на мальчика и увидел, что надо что-то делать.

— Ты что, боишься? — спросил он.

— Да, боюсь, — просто ответил Марк. — А вы?

— И я, — ответил Бен, — но мне уже все равно. Я потерял любимую девушку. Я правда ее любил. Мы оба потеряли Джимми. Ты потерял отца и мать. Они лежат в комнате, завернутые в покрывало с дивана, — это было жестоко, но необходимо. И последний удар. — Может, хочешь пойти посмотреть?

Марк отстранился от него с перекосившимся лицом.

— Ты мне нужен, — сказал Бен более мягким тоном. — Мне плевать, кто там пытался остановить его раньше, будь это хоть сам Аттила со своими гуннами. Я хочу сделать свой выстрел. И хочу, чтобы ты был со мной. Ты нужен мне, — и это была правда, чистая и неприкрытая.

— Хорошо, — сказал Марк. Он поглядел на свои колени, где его руки сцепились в безумной пантомиме.

— Поднимайся, — сказал Бен.

Марк безнадежно посмотрел на него.

— Я попробую.

44

Заправка Сонни в конце Джойнтнер-авеню работала, и сам Сонни Джеймс (выставивший свое прозвище в стиле кантри на громадном цветном плакате в окошке) встретил их у входа. Это был крошечный, гномоподобный человек, чьи редкие волосы были всегда коротко подстрижены, открывая для обозрения розовую лысину.

— Привет, мистер Мейрс, как дела? Где ваш «ситроен»?

— Сломался, Сонни. Где Пит? — Пит Кук был помощником Сонни и жил в городе, в отличие от самого Сонни.

— Сегодня он не появлялся. Ну, ладно. Все какие-то дохлые. Сам город как будто вымер.

Бен почувствовал, как в животе у него рождается истерический смех и рвется наружу неудержимой волной.

— Можно от вас позвонить? — осведомился он.

— Конечно. Привет, парень! Ты почему не в школе?

— Мы катались с мистером Мейрсом, — сказал Марк, — и у меня пошла кровь из носа.

— Хм, бывает. Это может быть повышенное давление. Нужно тебе проветриться, — он отошел за машину.

Бен вошел в здание станции и отыскал телефон.

— Камберлендская больница. Что вам угодно?

— Я хотел бы поговорить с мистером Берком. Палата 402. — Молчание. Бен уже хотел переспросить, когда голос в трубке спросил:

— А кто это говорит?

— Бенджамин Мейрс.

Внезапно он подумал о возможности смерти Мэтта. Могло ли такое случиться? Нет, конечно — это было бы уже чересчур. — С ним все в порядке?

— Вы его родственник?

— Нет, просто друг. А что...

— Мистер Берк скончался сегодня в 3.07, мистер Мейрс. Если вы можете подождать, я схожу посмотрю, не появился ли доктор Коди. Он может...

Голос еще что-то говорил, но Бен уже не слышал, хотя по-прежнему прижимал трубку к уху. Он вдруг понял, как много значил для них Мэтт, и как трудно им будет без него. Мэтт умер. Сердечный приступ. Выглядело это так, словно сам Господь отвернул от них свое лицо.

«Остались только я и Марк. Сьюзен, Джимми, отец Каллагэн, Мэтт. Никого нет».

Паника обуяла его, и он молча пытался ей противостоять.

Машинально он опустил трубку на рычаг, прервав на середине недоуменный вопрос с другого конца.

Он вышел на улицу. Было десять минут шестого. На западе тучи расступались.

— Наговорил не больше, чем на три доллара, — жизне-радостно заметил Сонни. — Это машина доктора Коди, так ведь? она всегда напоминает мне один старый фильм, где...

Бен дал ему три доллара.

— Извините, Сонни. у меня несчастье.

Улыбка сошла с лица Сонни.

— Мне очень жаль, мистер Мейрс. Плохие новости от издателя?

— можно сказать и так, — он сел за руль, захлопнул дверцу и тронулся, оставив за спиной Сонни в его желтом дождевике.

— Мэтт умер? — спросил Марк, глядя на него.

— Да. Сердечный приступ. Как ты узнал?

— По вашему лицу. Увидел ваше лицо.

На часах было 5.15.

45

Перкинс Гиллспай стоял на маленьком крыльце муниципального здания, куря «Пэлл-Мэлл» и глядя на западный край неба. Он рассеянно повернулся к Бену и Марку. Лицо его казалось печальным и тусклым, как стакан с водой в дешевой закусочной.

— Как дела, констебль? — спросил Бен.

— Понемногу, — отозвался Перкинс. Он сосредоточенно отрывал заусенец на пальце. — Смотрю вот, как вы тут катаетесь. Похоже, этот парень проезжал недавно один?

— Да, — ответил Марк.

— Слишком быстро. Смотри, как бы твоим родителям не досталось за тебя.

— Констебль, — сказал Бен, — мы хотим рассказать вам, что здесь случилось.

Перкинс Гиллспай выплюнул сигарету, не отрывая руку от ограды крыльца. Не глядя на них, он спокойно сказал:

— А я не хочу слышать.

Они усталились на него, не веря своим ушам.

— Нолли сегодня не появлялся, — сказал Перкинс так же спокойно. — Он позвонил вечером и сказал, что нашел машину Гомера Маккаслина в лесу. После этого он больше не звонил, — медленно, как человек, находящийся под водой, он полез в карман и достал еще одну сигарету. Потом начал бесцельно крутить ее между пальцев. — Все это меня доведет. Бен попытался еще раз.

— Гиллспай, это человек, который поселился в доме Марстенов. Его фамилия Барлоу. Он сейчас в подвале пансиона Евы Миллер.

— Да? — спросил Перкинс без особого удивления. — Он что, вампир? Как во всех этих книжках двадцать лет назад?

Бен не ответил. Он все больше и больше чувствовал себя человеком, проснувшимся от ночного кошмара и обнаружившим, что он продолжается под неумолчное тиканье невидимых часов.

— Я уезжаю, сказал Перкинс. — Все вещи уже в машине. Пушка и свисток у меня на столе. Поеду навестить сестру в Киттери. Сдается мне, здесь стало небезопасно.

Бен услышал откуда-то издали собственные слова:

— Проклятый трус. Кусок дерьма. Город еще жив, а ты бежишь.

— Он уже умер, сказал Перкинс, поднося к сигарете зажженную спичку. — Потому Он и появился. Он давно уже умер. Лет двадцать назад. Вся страна идет к этому. Мы с Нолли пару недель назад ездили в Фалмут в кино. В этом вестерне было больше крови, чем я видел за все годы в Корее. Дети жрали поп-корн и хихикали, — он неопределенно указал рукой на город, лежащий неподвижно в слабеющем закатном свете. — Может, им понравится быть вампирами. Но не мне. И не Нолли... до этого вечера. Я уезжаю.

Бен беспомощно смотрел на него.

— Вы лучше полезайте в машину и сматывайтесь тоже, — сказал Перкинс. — Город обойдется без нас. Ему уже ничем не поможешь.

«Верно, — подумал Бен. — Почему бы нам так и не сделать?»

Тут Марк сказал, что-то нарушившее ход его мысли:

— Потому что он злой, мистер. Он очень злой. Вот и все.

— Да? — спросил Перкинс. Он кивнул и выпустил дым. — Ну тогда ладно, — он поглядел на здание высшей школы. — Здесь уже все вымерло. Дети не ходят в школу, магазины закрылись, звонишь кому-нибудь домой — тебе не отвечают. Мне звонили из полиции, и я сказал им это.

Но они там все придурки. Им легко давать советы, когда они там, а я здесь. И учителя все уже там.

Подумав про Мэтта, Бен сказал:

— Не все.

— Неважно, — сказал Перкинс. Взгляд его упал на колы за поясом Бена. — Вы хотите что-нибудь сделать с этим типом?

— Да.

— Тогда возьмите мое ружье, если хотите. Нолли его любил. Ему нравилось величие оружия. Никогда не понимал этого. В городе ведь нет даже банка, который можно было бы ограбить. Но он будет хорошим вампиром.

Марк глядел на него с нарастающим ужасом, и Бен понял, что он готов убежать. Это было хуже всего.

— Пошли, — бросил он мальчику. — С ним все ясно.

— Ладно, сказал Перкинс, продолжая рассматривать город застывшими глазами. — А вообще-то сегодня тихо. Я видел Мэйбл Вертс с ее биноклем, но не думаю, что она что-нибудь заметит. Ночью будет поинтересней.

Они пошли к машине. Было уже 5.30.

46

Они подъехали к церкви святого Андрея без четверти шесть. Удлинившиеся тени падали от церкви на ректорат, словно проклятие. Бен нашел на сиденье черную сумку Джимми и открыл ее. В ней он отыскал несколько маленьких ампул и вылил их содержимое за окно, сохранив корпуса.

— Зачем это?

— Нужно наполнить их святой водой, — сказал Бен. — Пошли.

Они направились к церкви и поднялись по ступеням к входу. У открытой двери Марк остановился и прошептал:

— Смотрите.

Ручка двери почернела и оплавилась, как будто через нее пропустили мощный электрический разряд.

— Это тебе что-нибудь напоминает? — спросил Бен.

— Нет, но...- Марк покачал головой, отгоняя какую-то смутную мысль. Он толкнул дверь, и они вошли. В церкви

было прохладно и пусто, и казалось, что заброшены алтари всех вер, белых и черных.

Два ряда скамей разделялись центральным проходом, по бокам которого стояли два гипсовых ангела, держащих бутылки со святой водой. Лица их безмятежно улыбались.

Бен достал из кармана ампулы.

— Омой лицо и руки, — велел он.

Марк в изумлении посмотрел на него.

— Этот же свят...

— Святыня? ничего. Давай.

Они смочили руки водой и протерли лицо, как только что проснувшиеся люди, умывающиеся холодной водой, чтобы прийти в себя.

Бен уже вынул из кармана первую ампулу и начал ее наполнять, когда сзади раздался крик:

— Эй! Что вы делаете?

Бен обернулся. Это была Рода Кэрлесс, домоправительница отца Каллагена, сидевшая в первом ряду и бесцельно перебиравшая четки. На ней было черное платье, висевшее на ее тощей фигуре. Волосы растрепаны, похоже, она теребила их руками.

— Где отец Каллагэн? Что вы делаете? — голос ее был почти истерическим.

— Кто вы? — спросил Бен.

— Я миссис Кэрлесс, домоправительница отца Каллагэна. Где он? Что вы делаете? — руки ее начали дрожать.

— Отец Каллагэн уехал, — сказал Бен так вежливо, как только мог.

— О, — она закрыла глаза. — Это как-то связано с тем, что происходит в городе?

— Да.

— Я так и знала, — сказала она. — Я ни о чем не спрашивала. Он сильный человек. Они говорили, что он недостойн занимать место отца Бержерона, но это неправда. Они сами были недостойны его.

Она смотрела на них, широко раскрыв глаза. Из левого глаза выкатилась слеза и покатилась по щеке.

— Он не вернется?

— Я не знаю, — тихо сказал Бен.

— Они говорили, что он пьяница, — сказала она, будто не слыша. — А разве хоть один ирландский священник не прикладывался к бутылке? Никто из этих лицемеров не стоит и пальца его! Он выше их! — ее голос, почти крик, поднимался к лепному потолку. — Он был священник, а не святоша!

Бен и Марк слушали ее, не прерывая. В этот день их уже ничто не могло удивить. Они уже не ощущали себя мстителями или спасителями; они забыли об этом. Они просто жили.

— Когда вы видели его в последний раз, он был здоров? — спросила она их, не вытирая слез, которые лились из ее глаз.

— Да, — ответил Марк, вспомнив отца Каллагэна на кухне, с крестом в поднятой руке.

— И вы теперь делаете его дело?

— Да, — опять сказал Марк.

— Тогда делайте, — почти приказала она. — Чего же вы ждете? — и она быстро пошла прочь в своем черном платье, единственный плакальщик на совершившихся вокруг грандиозных похоронах.

47

Опять у Евы — в последний раз. Было уже десять минут седьмого. Солнце висело у горизонта, почти касаясь верхушек сосен.

Бен подогнал машину к дому и поглядел вверх, на окно своей комнаты. Оно было незанавешенным, и он видел пишущую машинку, рукопись и стеклянный шар наверху ее. Странно, что он видел все это отсюда, видел четко, как будто все в мире осталось здоровым и нормальным.

Он перевел взгляд на заднее крыльцо. Плетеные стулья, на которых они со Сьюзен впервые поцеловались, стояли рядом, как и тогда. Дверь, ведущая в кухню, была открыта.

— Не могу, — пробормотал Марк. — Я правда не могу. Глаза его были белыми и расширенными. Он поднял колени и почти скрючился на сиденье.

— Ты должен, — сказал Бен. Он взял две ампулы со святой водой. Марк резко очнулся, словно прикосновение их могло его обжечь.

— Пойдем, — сказал Бен. Он уже исчерпал запас аргументов. — Пойдем. Пойдем же.

— Нет.

— Марк!

— Нет!

— Марк, ты мне нужен. Остались только мы с тобой.

— С меня довольно! — крикнул Марк. — Я больше не могу! Как ты не понимаешь, что я не могу на него смотреть?

— Марк, мы должны сделать это. Ты это знаешь? Марк взял ампулы и медленно сжал их в руке.

— О Боже, — прошептал он. — Боже, — потом посмотрел на Бена и кивнул. Это движение было резким и судорожным. — Пошли.

— Где молоток? — спросил Бен, когда они вышли.

— Остался у Джимми.

— Ясно.

Они поднялись по ступенькам крыльца. Угасающее солнце зловеще отсвечивало красным сквозь просвет в тучах. Внутри, на кухне, запах смерти был почти осязаемым, давящим на них, как гранит. Дверь в подвал так и осталась открытой.

— Я боюсь, — сказал Марк с дрожью в голосе.

— Ты молодец. Где тот фонарик?

— В подвале. Я оставил его, когда...

— Ладно. — Они стояли у темного входа. Как Марк и говорил, ступеньки казались целыми. — Иди за мной.

Бен подумал: «Скоро я умру!»

Мысль была совершенно естественной, в ней не было страха или сожаления. Обычные эмоции растворились в атмосфере зла, царящей в этом месте. Пока он, спотыкаясь и скользя, спускался по доске, по которой Марк выбрался

из подвала, он чувствовал только неестественное ледяное спокойствие. Он увидел, что руки его светятся, как будто он сам стал духом. Это его не удивило.

«Пусть кончится все для нее на земле. Единственный император — это император крем-брюле? Кто это сказал? Мэтт? Мэтт умер. Сьюзен умерла. Миранда умерла. Уоллес Стивенс тоже умер. «Я не должен смотреть туда, если дойду». Но он смотрел. И все было не так уж плохо. Не так плохо, как Его смерть. Джимми еще держал пистолет Маккаслина в кармане. Если они дойдут до заката, можно будет взять его. Сначала мальчика, потом себя. Плохо, но лучше, чем Его смерть.

Он прыгнул на пол и помог спуститься марку. Глаза мальчика скользнули вокруг, остановились на том, что лежало у их ног, и снова метнулись вверх.

— Не могу смотреть на это, — сказал он шепотом.

— Отвернись.

Марк отвернулся, а Бен опустил на колени. Он видел множество ран, из которых, как драконьи зубы, торчали блестящие лезвия. Он осторожно перевернул тело.

«Я не должен смотреть туда».

— О, Джимми, — попытался он сказать, но слова замерли в горле. Он полубоялся Джимми левой рукой, а правой стал выдергивать из него ножи Барлоу. Их было шесть, и Джимми потерял много крови.

На полке лежали старые занавески. Он завернул в них тело после того, как взял револьвер, фонарик и молоток.

Он встал и попытался включить фонарик. Пластик треснул, но лампочка осталась целой. Он осветил вокруг. Ничего. Провел по стенам. Ничего, кроме старой мебели. Ряды консервов, шкаф с инструментами. Лестница из кухни. Ступеньки, ведущие в никуда.

— Где же он? — пробормотал Бен. он не мог вспомнить часы. 6.23. Во сколько закат? Он не мог вспомнить. Не позже, чем в 6.55. у них чуть больше получаса.

— Где он, — крикнул он. — Я его чувствую, но где он?

— Там? — закричал Марк, указывая куда-то, светящейся рукой.

— Что это?

Бен посветил фонариком. Гардероб.

— Он не такой большой, — сказал он марку. — И стоит прямо у стены.

— Посмотрим за ним.

Бен пожал плечами. Они подошли к гардеробу и взялись за него. Он почувствовал неожиданный прилив сил. Или это изменилось что-то в воздухе?

Бен поглядел вверх, в открытую дверь кухни. Свет заметно потускнел.

— Он слишком тяжелый, — сказал Марк.

— Ничего, — сказал Бен. — Оттащим волоком. Поднатужимся. Марк налег на дерево плечом. Глаза его блеснули на бледном лице.

— Порядок.

Они навалились на гардероб, и он отодвинулся, звякнув остатками свадебного сервиза Евы Миллер.

— Я так и знал! — закричал Марк с торжеством.

Там была маленькая дверца, высотой по грудь, заслоненная гардеробом. На ней блеснул новый замок.

Два удара молотком. Бесполезно. «О, Боже», — тихо пробормотал Бен. Какое разочарование! Остановиться в двух шагах от цели из-за пятидолларового замка...

Нет уж. Он будет грызть эту дверь зубами.

Он снова посветил вокруг и увидел невдалеке подвешенные к стене инструменты, среди которых был и топор с заботливо закрытым лезвием.

Он подбежал туда и сдернул топор со стены. Вынув из кармана одну из ампул, он открыл ее. Святая вода пролилась на пол, где немедленно стала светиться. Он открыл другую ампулу и обрызгал святой водой лезвие топора. Оно тоже засветилось призрачным бледным светом.

Теперь, когда он взялся за рукоятку, он почувствовал силу, нет — правду в своих действиях. Некоторое время он стоял, держа топор и глядя на его сверкающее лезвие. Его переполняло чувство уверенности, правильности того, что он делает. Впервые за многие недели он не колебался между верой и неверием, не искал спасительных лазеек ума.

Сила проходила через его руки, как электричество.

Лезвие светилось все ярче.

— Давай! — умолял Марк. — Быстрее! Пожалуйста!

Бен Мейрс размахнулся и ударил впереди себя топором, описавшим у него перед глазами сияющую арку. Лезвие врезалось в дерево с глухим звуком. Полетели щепки.

Он выдернул топор, поднял и опустил опять... и опять... и опять. Он чувствовал, как сокращаются мускулы на его спине и на руках, двигаясь с незнакомой ему раньше уверенностью. От каждого удара щепки разлетались вокруг, как шрапнель. На пятом ударе лезвие ушло в пустоту, и он начал расширять брешь с лихорадочной скоростью.

Марк смотрел на него с изумлением. Холодный голубой огонь перекинулся с лезвия топора на его рукоятку и на руки Бена, и он работал будто в огненном столбе. Голова его склонилась, мускулы шеи напряглись, один глаз был открыт и светился, другой почти закрылся. Он действовал, как человек, имеющий силу, и Марк не знал (или, может быть, только догадывался), что сила эта была не совсем христианской; добро ее было более природным, не таким книжным. Это походило на выходящую из скал руду. Это была сила; это была власть; это было нечто,двигающее механизм всей вселенной.

И дверь в нижний подвал Евы Миллер не могла устоять перед этой силой. Топор двигался с почти невероятной скоростью; он превратился в мост, в радугу между плечами Бена и крошащимся деревом двери.

Он нанес последний удар и выдернул топор. Он поднес руки к глазам. Они светились.

Он показал их мальчику, и тот вздрогнул.

— Я люблю тебя, — сказал Бен.

Они обнялись.

Нижний овал был маленьким и почти пустым. Там стояли несколько пыльных бутылей, какие-то ящики вед-

ро со старой проросшей картошкой. И еще там лежали тела. Гроб Барлоу стоял в дальнем углу, прислоненный к стене, как египетский саркофаг в музее, и его крышка тускло мерцала на свету.

Напротив гроба, окружая его, лежали люди, с которыми Бен жил и делил стол: Ева Миллер; Хорек Крейг; Мэйг Малликэн со второго этажа; Джон Сноу, страдающий артритом и поэтому редко выходящий к завтраку; Винни Апшоу; Гровер Веррил.

Они перешагнули через распростертые тела и подошли к гробу. Бен поглядел на часы; было уже 6.40.

— Надо вытащить его туда, — сказал он. — Туда, где Джимми.

— Он, наверно, весит целую тонну, — сказал Марк.

— Мы должны, — сказал он, почти приказал, и ухватился за край гроба. Дерево было неприятно на ощупь и за многие годы стало тяжелым, как камень. Казалось, в нем не было никаких пор, никаких неровностей, за которые можно ухватиться. Но ему было легко.

Он потянул его немного вперед, чувствуя, как тяжесть поддается под невидимым противовесом. Внутри что-то сдвинулось. Бен принял вес на одну руку.

— Давай, — сказал он. — Твой конец.

Марк взялся за гроб и легко поднял его. На лице мальчика отразилось изумление.

— Кажется, я могу сделать это одним пальцем.

— Ты и вправду можешь. Теперь мы можем многое. Но нужно поторопиться.

Они протащили гроб через дверцу. Он не проходил, и пришлось наклонять его в разные стороны.

Они достигли места, где лежал Джимми, завернутый в занавески Евы Миллер.

— Вот он, Джимми, — сказал Бен. — Вот этот ублю-док. Ставь его, Марк.

Он снова посмотрел на часы. Было 6.45. Теперь свет, проникающий из кухни, был пепельно-серым.

— Ну? — спросил Марк.

Они посмотрели друг на друга.

— Нужно открыть, — сказал Бен. — Держи.

Он отдал Марку кол и молоток, оставив у себя револьвер. Потом он просунул лезвие топора в щель между крышкой и основанием гроба. Крышка подалась и отскочила, с грохотом упав на пол.

Из-за хлынувшего на них зловония они отшатнулись и не сразу смогли рассмотреть то, что находилось внутри. А посмотрев туда, уже не могли оторвать взгляда.

— Не смотри ему в глаза, — успел шепнуть Бен.

Совет оказался напрасным. Глаза Барлоу были закрыты. Он спал. Спал, вытянувшись на спине, в своем темном костюме и белой сорочке. Ноги его были укрыты простыней, голова покоилась на желтой сатиновой подушке. На губах застыла усмешка.

Бен почувствовал дрожь. Казалось, Барлоу только притворяется спящим, решив сыграть с ними последнюю игру. Сейчас, как только он нагнется к нему...

«Не думай об этом».

— Скорее, — прошептал Марк.

Бен взял кол и молоток. Стараясь не глядеть в лицо Барлоу, он откинул простыню и приставил острие бывшей бейсбольной биты к месту, где должно было находиться сердце. Он похолодел от мысли о том, что будет, если на этот раз не подействует...

«Не думай об этом. Просто делай».

Острие вдавилось в ткань. В облике Барлоу что-то начало меняться. По телу его пробежала дрожь.

Бен поднял молоток. Глаза Барлоу открылись. Руки его взметнулись вверх, скрючившись и хватая воздух.

— Свет! — крикнул Бен.

Марк устремил луч фонарика прямо в лицо Барлоу. Бен опустил молоток, и Барлоу закричал. Одна его рука, холодная, как лед, схватила Бена за левую руку, держащую кол.

Бен прыгнул в гроб, придавив коленями ноги Барлоу, отворачиваясь от его искаженного страхом и ненавистью лица.

— Отпустите меня! — кричал Барлоу.

— Вот тебе, убудок, — прошептал Бен. — Вот тебе, мразь! Получай!

Он снова опустил молоток. Кровь брызнула ему в лицо, на мгновение ослепив. Голова Барлоу моталась туда-сюда на подушке.

— Отпустите, вы не смеете, вы не смеете, вы не...

Он опускал молоток снова и снова. Кровь хлынула из ноздрей Барлоу, потом из его рта. Тело начало биться в гробу, как рыба на крючке. Руки скользнули по щекам Бена, оставляя глубокие царапины.

— Отпустиииииииии!!!

Бен еще раз опустил молоток, и кровь, хлещущая из груди Барлоу, сделалась черной.

Потом все кончилось.

Распад длился не более двух секунд, слишком быстро, чтобы поверить в это спустя годы, но достаточно медленно для того, чтобы все эти годы вновь и вновь являться в ночных кошмарах.

Кожа пожелтела, сморщилась, покрылась пузырями, как старый холст. Глаза поблекли и подернулись белым. Волосы поседели и осыпались, как сухие перья. Тело внутри темного костюма иссохло. Рот открывался все шире, соединяясь с носом и открывая кольца оскаленных зубов. Ногти на пальцах почернели и отвалились, и вот уже это были просто кости, на которых раскачивались перстни, шелкая, как кастаньеты. Из-под простыни выбивались клубы пыли. Лысая голова — превратилась в череп. В какое-то мгновение вид этого распадающегося чудовища ужаснул Бена, и он отшатнулся с криком, но от зрелища последнего преобразования Барлоу невозможно было оторваться; оно завораживало. Череп перекашивался по подушке из стороны в сторону; голые челюсти распахнулись в безмолвном крике, лишенные голосовых связок. Пальцы скелета прыгали и шелкали, как танцующие марионетки.

Зловоние на миг усилилось и пропало с легким дуновением, оставив быстро сменяющие друг друга запахи: газ; гниющая плоть; библиотечная пыль; просто пыль.

Потом все исчезло. Пляшущие пальцы рассыпались в прах. Рот и нос черепа слились, провалились внутрь. Пустые глазницы расширились, храня выражение ужаса и

удивления, встретились и пропали. Череп распался, как древняя китайская ваза. Одежда лежала ровно и неподвижно, будто в прачечной.

Но и это еще не было концом — даже пылинки в гробу метались и сталкивались, как маленькие демоны. Внезапно он почувствовал, как что-то пронеслось мимо него, как сильный порыв ветра, заставив вздрогнуть. И в ту же минуту все окна в пансионе Евы Миллер вылетели наружу.

— Смотри, Бен! — завопил Марк. — Смотри!

Он оглянулся и увидел, как они выходят из нижнего подвала — Ева, Хорек, Мэйт, Гровер и другие. Пришло их время.

Крик Марка звенел в его ушах, как пожарный колокол, и он обнял мальчика за плечи.

— Святая вода, — проговорил он в его испуганное лицо. — Они не тронут нас!

Крики Марка перешли во всхлипывания.

— Пойдем наверх, — сказал Бен. — Скорее. — Он поднял мальчика и подождал, пока тот выберется из подвала. После этого он повернулся и посмотрел на них, на Бессмертных.

Они стояли в пятнадцати футах от него, глядя вперед с тупой ненавистью, в которой не было ничего человеческого.

— Ты убил Хозяина, — сказала Ева, и ему показалось, что он слышит в ее голосе печаль. — Как ты мог?

— Я еще вернусь, — сказал он. — Вернусь за вами.

Он подошел к доске и вскарабкался наверх, цепляясь руками. Доска трещала, но выдержала. Наверху он еще раз посмотрел вниз. Они столпились вокруг гроба, молча глядя внутрь. Они напомнили ему людей, собравшихся у тела Миранды в ту ночь.

Он обернулся, ища Марка, и увидел, что тот лежит лицом вниз у двери, ведущей на крыльцо.

Бен сказал себе, что мальчик просто испугался. Это могло быть и так. Во всяком случае, пульс его был сильным и регулярным. Он взял Марка на руки и перенес в «ситроен».

Он взялся за руль и включил зажигание. Когда он проезжал по Рэйлроуд-стрит, запоздалая реакция настигла его, и он коротко вскрикнул.

По улицам рыскали живые мертвецы.

В жару и в ознобе, с головой, полной диких звуков, он свернул на Джойнтнер-авеню и покинул Салемс-Лот.

Глава пятнадцатая

БЕН И МАРК

1

Марк очнулся довольно быстро, но некоторое время сидел с закрытыми глазами, слушая мерное гудение машины. Наконец он открыл глаза и выглянул в окно. Было уже совсем темно. Деревья проносились мимо смутными тенями, у встречных машин были включены фары. К нему снова вернулся страх, и он с криком схватился рукой за крест, висящий у него на шее.

— Успокойся, — сказал Бен. — Мы уже за двадцать миль от города.

Мальчик перегнулся к нему и подергал дверь. Потом другую. Потом он повернулся назад, проверяя, не прячется ли там кто-нибудь. Никого не было. Совсем никого.

Гудение «ситроена» успокаивало. Никого. Он закрыл глаза.

— Марк?

Не хочется отвечать.

— Марк, что с тобой?

Откуда-то издалека.

— Марк...

Все хорошо. Никого нет.

2

Бен остановился в мотеле на самой границе штата Нью-Хэмпшир, записавшись в книге, как Бен Коди с сыном. Марк вошел в комнату, все еще сжимая свой крест.

Глаза его метались из стороны в сторону, как загнанные зверьки. Он держал крест, пока Бен закрыл дверь, включил телевизор и немного посмотрел его. Две африканских страны начали войну. Президент схватил простуду, но не очень серьезную. Какой-то тип в Лос-Анджелесе свихнулся и убил четырнадцать человек. В Южном Мэне предсказывают дождь со снегом.

3

Салемс-Лот спал, и вампиры бродили по его улицам и по дорогам графства, неся с собой зло. Некоторые из них еще сохраняли сообразительность и пользовались этим, чтобы утолить голод. Лоуренс Крокетт позвонил Ройялу Сноу и пригласил к себе поиграть в криббидж. Как только Ройял переступил порог, Крокетт с женой набросилась на него. Глинис Мэйберри позвонила Мэйбл Вертс, сказав, что ей страшно, и она просит посидеть с ней, пока ее муж не вернется из Уотервилла. Мэйбл не могла не откликнуться на эту просьбу, и, когда она через десять минут открыла дверь, перед ней предстала совершенно голая Глинис с кошельком в руке, ухмыляющаяся мрачной улыбкой. Мэйбл успела закричать только один раз. Когда Делберт Марки вышел из своей опустевшей таверны в восемь часов, вышедшие из темноты Карл Формэн и Гомер Маккаслин объявили ему, что хотят выпить. Милта Кроссена навестили в его магазине несколько давних знакомых и покупателей. А к Джорджу Миддлеру пришли ребята из старших классов, которые часто сообщали ему новости. На этот раз его любопытство было удовлетворено сполна.

Туристы и прочие по-прежнему проезжали по дороге номер 12, не видя в Лоте ничего, кроме тридцатипяти-мильного ограничителя скорости. За городом они опять повышали скорость до шестидесяти с единственной мыслью: «Господи, что за сонный городишко!»

А город хранил свои тайны, и дом Марстенов возвышался над ним, как поверженный король.

Бен вернулся в город на следующий день, оставив Марка в комнате мотеля. По пути он заехал в хозяйственный магазин в Уэстбруке и купил там лопату и кирку.

Салемс-Лот безмолвно лежал под низким серым небом, с которого еще не начал поливать дождь. Несколько машин ездило по улицам. У Спенсера было открыто, но на кафе «Экселент» висел замок, меню при входе осталось незаполненным.

Пустые улицы пробрали его дрожью, он вспомнил старый рок-н-рольный альбом с изображением залитого кровью лица и надпись: «Они приходят только по ночам».

Сперва он заехал к Еве, поднялся на второй этаж и открыл свою дверь. Все осталось без изменений: смятая постель, стол, полная корзина для бумаг. Он вывалил ее содержимое в центр комнаты.

Взяв рукопись, он разорвал ее и уложил на вершину бумажной кучи. Потом поджег все это зажигалкой. Пламя облизало машинописные страницы, нашло их достаточно вкусными и принялось пережевывать. Листки чернели по краям, потом вспыхивали. Из кучи потянулся белесый дымок, и он открыл окно.

На подоконнике лежало пресс-папье — стеклянный шар, подобранный им во время того давнего визита в страшный дом. Потряси и смотри, как падает снег.

Он так и сделал, держа его перед глазами, как будто опять стал мальчишкой. Сквозь падающий снег можно было видеть маленький домик с ведущей к нему тропинкой. Ставни в домике были закрыты, но мальчик с воображением (вроде Марка Петри) легко мог представить, как их открывает длинная белая рука, как выглядывает бледное лицо, ухмыляющееся волчьими клыками, и приглашает в запредельный мир фальшивого снега, где не существует времени. Это лицо смотрело на него сейчас, бледное и полное неутолимого голода, лицо, которое никогда не увидит солнца и голубого неба.

Это было его собственное лицо.
Он швырнул пресс-папье в угол, и оно разбилось.
Он вышел из комнаты, не оборачиваясь.

5

Он спустился в подвал за телом Джимми, и это оказалось самым тяжелым. Гроб лежал там же, где они его оставили, пустой и полный пыли. Нет... не совсем пустой. Там лежал кол и еще что-то. Он почувствовал тошноту. Зубы. Зубы Барлоу — все, что от него осталось. Бен подошел и поднял их — и они дернулись в его руке, как белые моллюски, пытаясь сомкнуться и укусь его.

С криком отвращения он отшвырнул их.

— Боже, — прошептал он, вытирая руку о рубашку. — Господи Боже. Сделай так, чтобы все это кончилось.

Пускай он никогда не вернется.

6

Кое-как он вытащил из подвала тело Джимми, все еще завернутое в Евины занавески. Он погрузил сверток в «бьюик» Джимми и поехал к дому Петри, положив лопату и кирку на заднее сиденье рядом с черной сумкой. На лесной поляне за домом Петри он провел остаток утра и значительную часть дня, роя широкую могилу глубиной в четыре фута. В нее он опустил тела Джимми и четы Петри, которые были завернуты в пыльное покрывало.

Он начал засыпать могилу в половине третьего. Движения его ускорялись по мере того, как свет начал меркнуть. Пот заливал ему глаза не только от физических усилий.

Все было кончено к четырем часам. Он утоптал землю, как мог, и поехал обратно в город, положив лопату с киркой в багажник. Машину он оставил возле кафе «Экселент».

Какое-то время он стоял там, осматриваясь. Опустевшие деловые здания, казалось, следили за улицей. Начавшийся дождь капал медленно и печально, как слезы.

Маленький парк, где он впервые встретил Сьюзен, был пуст и заброшен. Никого не было и в муниципальном здании. В окошке конторы Ларри Крокетта еще белела надпись: «Скоро буду». Единственным звуком был шум дождя.

Он прошел по Рейлроуд-стрит и, вернувшись к Еве, он постоял возле машины, глядя на это место в последний раз.

Город был мертв. Он знал это твердо, так же, как твердо знал, что Миранда умерла, когда увидел ее босоножку, лежащую на дороге.

Он начал плакать. Он все еще плакал, когда проезжал мимо плаката: «Вы покидаете Джерусалемс-Лот, чудесный маленький городок. Приезжайте снова!»

Он выехал на шоссе. Между деревьев мелькнул дом Марстенов. Он направился к югу. Там был Марк.

Там была жизнь.

ЭПИЛОГ

*«Среди покинутых селений,
на пустоши, раздетой южном ветром,
перед цепью гор, что преграждают путь,
кому молиться нам
или кого бояться
в глухую пору осени?»*

*«Теперь она слепа:
ее ручные змеи
проели ей глаза»
(Георгиос Сеферис).*

Из вырезок, собранных Беном Мейрсом (все взяты из портлендской «Пресс-Геральд»):

19 ноября 1975 г. (стр. 27)

Джерусалемс-Лот. — Семья Чарльза В. Притчетта, купившая месяц назад ферму недалеко от этого городка в графстве Камберленд, теперь покидает ее из-за странных событий. Так заявили Чарльз и Аманда Притчетт, переехавшие сюда из Портленда. Ферма принадлежала прежде Чарльзу Гриффену, отец которого основал молочную компанию «Солнечное молоко», поглощенную в 1962 г. корпорацией Слифута. Чарльз Гриффен продал ферму, по словам Притчетта, за «смехотворно низкую цену». Первой обратила внимание на странный шум, раздающийся по ночам на сеновале, Аманда Притчетт...

4 января 1976 г. (стр. 10)

Джерусалемс-Лот. — Странная автомобильная катастрофа произошла сегодня ночью или на рассвете в маленьком городке Джерусалемс-Лот. Полиция предпо-

лагает, что машина, «седан» последней модели, следуя с превышением скорости, съехала с дороги и врезалась в одну из опор линии электропередач. Машина полностью разбита, но, хотя на переднем сиденье обнаружены следы крови, пассажиров в ней не было. Автомобиль, по данным полиции, зарегистрирован на имя мистера Гордона Филлипса из Скарборо. По сообщению соседа, Филлипс с семьей поехал в Ярмут навестить родных. Полиция считает, что Филлипс, его жена и двое детей в результате аварии потеряли память и заблудились. Ведутся поиски...

14 февраля 1976 г. (стр. 4):

Камберленд. — Миссис Фиона Коггинс, вдова, жившая на Смитроуд в Восточном Камберленде, объявлена сегодня утром пропавшей. Ее племянница, миссис Гертруда Херси, обратилась в полицию, заявив, что ее тетя отличалась плохим здоровьем и не питала склонности к путешествиям. Шериф принимает меры, но вряд ли на данном этапе...

27 февраля 1976 г. (стр. 6)

Фалмут. — Джон Фаррингтон, фермер, всю жизнь проживший близ Фалмута, найден мертвым в сарае своим зятем Фрэнком Викери. Викери сказал, что Фаррингтон лежал лицом вниз в стогу, зажав в одной руке вилы. Медицинский эксперт графства Дэвид Райс считает, что причиной смерти может быть кровоизлияние в мозг...

20 мая 1976 г. (стр. 17):

Портленд. — Лесничество графства Камберленд оповещены о возможности появления в районе между городами Джерусалемс-Лот и Фалмут стаи бродячих собак. В течение этого месяца несколько овец там были найдены мертвыми с разорванными шеями или животами. Иногда овцы оказывались расчлененными. Старший лесничий Аптон Прюитт сказал: «Как вам известно, подобная ситуация нетипична для южного Мэна»...

29 мая 1976 г. (стр. 1)

Джерусалемс-Лот. — Тайнственное исчезновение семьи Дэнниела Холлуэя, въехавшей недавно в дом на Таггарт-стрит в этом маленьком городке. В полицию

обратилась бабушка Холлуэя, встревоженная тем, что никто не отвечает на ее телефонные звонки

Холлуэй, его жена и двое детей переехали в новый дом в апреле и говорили друзьям и родственникам о «странных звуках», которые они слышали по ночам.

В последние несколько месяцев Джерусалемс-Лот стал эпицентром странных...

4 июня 1976 г. (стр. 2)

Камберленд. — Миссис Элен Тремонт, вдова, проживающая в собственном домике на Бэк-Стэджд-роуд в Западном Камберленде, доставлена сегодня утром в госпиталь с сердечным приступом. Она сказала нашему репортеру, что услышала, как кто-то скребется в окно над ее кроватью, когда она смотрела телевизор. Подняв голову, она увидела смотрящее на нее лицо.

«Оно ухмылялось, — сказала миссис Тремонт. — Это было ужасно. Я никогда в жизни так не пугалась. А боялась я постоянно, с тех пор, как в миле от меня, на Тагарт-Стрит-роуд, пропала целая семья».

Миссис Тремонт имела в виду семейство Дэниела Холлуэя, исчезнувшее на прошлой неделе. Полиция заявляет, что возможная связь между этими происшествиями...

2

Высокий мужчина и мальчик прибыли в Портленд в середине сентября и пробыли в тамошнем мотеле три недели. К теплу они привыкли, но влажность была для них избыточной после сухого климата Лос-Сапатоса. Они много времени проводили в бассейне и часто поглядывали на небо. Мужчина каждый день читал портлендскую «Пресс-Геральд», и теперь газета была свежей, не пожелтевшей от времени или от собачьей мочи. Он читал прогноз погоды и искал все, касающееся Джерусалемс-Лот. На девятый день их пребывания в Портленде в Фалмуте пропал человек. Его пса нашли мертвым во дворе. Полиция вела расследование.

Рано утром 6-го октября мужчина встал и вышел во двор мотеля. Большая часть туристов уже разъехалась по домам, в Нью-Йорк, и Нью-Джерси, и Флориду, и Онтарио, и Квебек, и Калифорнию. Туристы уехали, оставив свои доллары, и позволили обитателям штата спокойно наслаждаться лучшим сезоном.

Тем утром в воздухе чувствовалось что-то новое. От шоссе не так сильно несло бензином. Не было дымки на горизонте, не стлался туман у подножия деревьев. Утреннее небо было высоким и чистым, в воздухе веяло прохладой. Индейское лето кончилось.

Мальчик подошел и встал рядом.

Мужчина сказал:

— Пора.

3

Был уже почти день, когда они подъехали к повороту на Джерусалемс-Лот, и Бен смутно вспомнил день, когда он приехал сюда, чтобы изгнать одолевавших демонов, и рассчитывал на успех. Тогда было теплее, чем сейчас, ветер был не таким сильным, да и индейское лето только начиналось. Он вспомнил двух мальчишек с удочками. Небо сейчас было ярко-голубым и холодным.

Радио в машине объявило, что пожарный индекс приближается к пятерке, предпоследней отметке. Значительных дождей в Южном Мэне не было с начала сентября. Водителей просили не бросать окурки за окно; затем передали интервью с парнем, прыгнувшим с водонапорной башни от несчастной любви.

Они доехали по дороге 12 до Джойнтнер-авеню. Бен сразу увидел, что светофор отключен. В нем больше не было надобности.

После этого они въехали в город. Машина шла медленно, и Бен вновь почувствовал прежний страх, натягивающийся на небо, как старое, уже тесное, пальто. Марк сидит рядом, держа пузырек со святой водой, привезенный из Лос-Сапатоса. Его дал им отец Гракон.

Со страхом вернулась и память, разрывающая сердце.

Они проехали мимо магазина Спенсера. Витрины были пусты и покрыты толстым слоем пыли. Автобусная станция опустела. На окнах кафе «Экселент» было выставлено объявление о продаже, и все столики исчезли, может быть, перенесенные в более преуспевающее заведение. Дальше на улице все еще висела вывеска: «Барлоу и Стрэйкер. Лучшая мебель». Но витрина была пуста, там лежал только грязный ковер. Бен вспомнил Майка Райерсона в ящике в задней комнате, и от этого воспоминания у него пересохло во рту.

У перекрестка Бен затормозил. Наверху он увидел дом Нортонов, заросший высокой пожелтевшей травой у фасада, где еще стояла кирпичная печь для барбекю. Некоторые окна в доме были разбиты.

Дальше был парк. Памятник героям войны почти скрылся в зарослях кустарника. Бассейн засыпали осенние листья. Зеленая краска на скамейках облупилась. Горка для катания повалилась набок, задрав ноги, как мертвая антилопа. В песочнице валялась забытая каким-нибудь ребенком кукла с торчащей рукой. В ее черных глазенках-пуговицах отражался темный, безумный ужас, как будто она, пока лежала здесь, подслушала все страшные тайны города. Может, так оно и было.

Он поглядел вверх и увидел дом Марстенов. Его ставни все еще были закрыты, глядя на город с мрачным злорадством. Сейчас он был безвреден, но после темноты...

Дожди уже смыли причастие, которым отец Каллагэн запечатал его. Они могли снова завладеть домом, если хотели. Сделали ли они это? Устраивают ли они там свои церемонии и встречи и поминают ли того, кто дал силу их Хозяину?

Он смотрел туда в каком-то оцепенении.

Марк разглядывал дома. В большинстве их занавески были плотно закрыты; в других окна открывали зрелище пустых, заброшенных комнат. Бен подумал, что они не кажутся покинутыми — нет, из обитатели словно затаились и ждут.

— Они там, — сказал Марк дрожащим голосом. — В этих домах, прямо сейчас: За занавесками. В кроватях, и в шкафах, и в подвалах. Прячутся.

— Успокойся, — сказал Бен.

Город остался позади. Бен свернул на Брукс-роуд, и они поехали назад к дому Марстенов, который еще сильнее зарос травой и кустами.

Марк указал куда-то, и Бен присмотрелся. Среди травы была протоптана тропинка. Через лужайку к самому крыльцу. Он почувствовал тяжесть в груди. Самое худшее все же случилось.

За Бернс-Роуд, недалеко от кладбища Хармони-Хилл, Бен остановил машину, и они вышли. Вместе они углубились в лес. Под их ногами сухо хрустела хвоя. Пахло ягодами можжевельника, где-то скрипели поздние кузнечики. Они нашли в лесу маленькую поляну.

— Старожилы говорят, что это началось здесь, — сказал Бен. — Тогда, в 51-м. Дул западный ветер. Они думали, что кто-нибудь просто бросил окурочек. Один окурочек. Потом занялось, и никто уже не мог ничего сделать.

Он вынул из кармана пачку «Пэлл-Мэлл», задумчиво поглядел на эмблему и сорвал целлофан. Потом достал сигарету и зажег. Она показалась ему удивительно приятной, хотя он не курил все эти месяцы.

— Они владеют этими местами, — сказал он. — Но могут их лишиться. И некоторые из них погибнут... или сгинут. Это точнее. Но не все. Понимаешь?

— Да, — Марк кивнул.

— Они не очень-то хорошо соображают. Потеряв убежище, они станут искать новое. Тогда их и можно будет подловить. Быть может, все кончится с первым снегом. А может и нет. Никакой гарантии. Но без этого... если не выгнать их, то вообще не будет никаких шансов.

— Да.

— Это может оказаться опасным.

— Я знаю.

— Но им требуется огонь, — сказал Бен. — Огненное очищение. Как ты думаешь?

— Да, — опять повторил Марк.

Бен встал.

— Пора ехать.

Он бросил горящую сигарету в груды сушняка и сухих листьев. Вскоре над зеленеющим можжевельником вытянулась вверх тонкая струйка дыма, и ветер принялся раздувать ее. В двадцати футах была большая куча валежника.

Они смотрели на дым, зачарованные.

Он густел. Взметнулся язык пламени. Их сушняка стало раздаваться легкое потрескивание.

— Сегодня им будет не до овец, — сказал Бен. — Сегодня им придется побегать. А завтра...

— Мы с тобой, — сказал Марк, сжав кулак. Лицо его не было больше бледным; на него вернулся румянец. Глаза мальчика сверкали.

Они вышли к дороге и сели в машину.

А в лесу на маленькой поляне все сильнее разгорался огонь, раздуваемый дующим с запада осенним ветром.

ВОССТАВШИЙ КАИН

ВОССТАВШИЙ КАИН

С залитой майским солнцем улицы Гэриш шагнул в полумрак общежитского холла; глаза его не сразу приспособились к смене освещения, и бородатый Гарри показался призраком, бестелесным голосом:

— Вот сука, а?! Ты представляешь, что это за сука?!

— Да, — произнес Гэриш, — это было действительно сильно. Теперь он мог разглядеть бородатого: тот чесал угреватый лоб, на носу и щеках поблескивали капельки пота. На нем были сандалеты и рубашка со значком, оповещавшим мир, что Хоуди Дуди — извращенец. Бородатый ощерился, выставив неровные желтые зубы:

— Ну, я должен был спихнуть этот экзамен еще в январе. И все время говорил себе, что я должен это сделать, и как можно быстрее. А потом еще одна переэкзаменовка — ну, думаю, все. Плохи мои дела. Я думал, что вылечу, ей-богу!

Комендантша стояла в углу, у почтовых ящиков. Необычайно высокая, чем-то неуловимо напоминающая Рудольфа Валентино. Одной рукой она пыталась запихать на место спадающую бретель бюстгалтера, другой прикалывала к стенду какую-то очередную ведомость.

— Это было сильно, — повторил Гэриш.

— Я хотел у тебя списать, но этот тип, он все видит, ей-богу, все! Вот ведь сукин сын... Ты как думаешь, заработал ты свое «А»?

— Возможно, я провалился, — спокойно сообщил Гэриш. Бородатый подпрыгнул на месте:

— Ты думаешь, ты ПРОВАЛИЛСЯ?! ТЫ?! Но...

— Я пойду приму душ, ладно?

— Да-да, конечно... Конечно. Это был твой последний экзамен, Корт?

— Это был мой последний экзамен, — произнес Гэриш и пошел к лестнице. Старые ступени. Запах нестиранных носков. Его комната на пятом этаже... На четвертом навстречу шел очкастый заморыш, прижимавший к груди, как Библию, справочник по высшей математике. Шевелящиеся губы — логарифмы, что ли, запоминает? — абсолютно пустые глаза. Корт проводил его взглядом. Заморыш куда лучше смотрелся бы мертвым. Он был призраком, тенью на стене. Тень качнулась еще пару раз и исчезла. Сквозь замызганное окно было видно, как Квин и еще один идиот с волосатыми, как у гориллы, ногами играют в мяч. Гэриш взобрался на пятый и пошел через холл. Пиг Пэн уехал два дня тому назад. Четыре экзамена в три дня, все схвачено, за все заплачено. Пиг Пэн это умеет. Вещи собрал быстро и аккуратно, оставил лишь своих красоток на стене, пару грязных носок и керамическую скульптурку: мужик на унитазе, пародия на «Мыслителя» Родена. Гэриш повернул ключ в замке.

— Корт! Эй, Корт! — через холл приближался Роллинс, староста этажа, молодой человек с ослиными тупостью и упрямством, недавно пославший одного приятеля на деканскую комиссию за пьянку. Роллинс был высок, хорошо сложен и всегда выглядел лощеным.

— Корт! Ты все сделал?

— Да.

— Не забудь вымыть пол в комнате и заполнить опись.

— Да.

— Я в тот четверг забросил бланк тебе под дверь, так?

— Да.

— Если меня не будет, тоже кинь под дверь опись и ключ, договорились?

— О'кей.

Роллинс взял его руку и быстро, энергично сжал. Его кожа была сухая и шероховатая, рукопожатие давало такие ощущения, как сжимание в ладони пригоршни соли.

— Хорошо тебе провести лето, парень.

— Да.

— Смотри, не перетруждайся.

— Нет.

— Как говорится, употребляй — но не злоупотребляй.

— Буду. И не буду.

Роллинс секунду-другую выглядел озадаченным, затем рассмеялся:

— Ну ладно, пока! Он хлопнул Гэриша по плечу и зашагал обратно, остановившись по дороге у чьей-то двери с требованием приглушить музыку. Гэриш отчетливо видел его в могиле, холодного, белого, с мухами, залепившими глазницы. Безучастного ко всему. Как эти мухи. Ты будешь жрать мир или мир будет жрать тебя — в любом случае все о'кей, все идет по плану. Гэриш долго смотрел в спину уходящему Роллинсу, затем зашел в комнату.

Без обилия вещей, загромождавших все пространство в бытность здесь Пэна, комната выглядела стерильной. Ничем не прикрытые диванные подушки на кровати соседа оказались потрепанными и грязными. Две девки из журнала «Плейбой» улыбались застывшими улыбками манекенов, тупо уставившись в пространство.

Та половина комнаты, где обитал Гэриш, не изменилась — все тот же военный порядок: бросьте монетку на натянутое по струночке покрывало, и она отскочит. Это слегка напоминало барак и сильно действовало на нервы Пигги. Английский мажор с налетом снобизма и фразерства, он называл Гэриша «человеком в футляре». На стене — лишь один большой плакат. Хамфрей Богарт. На нем подтяжки и по пистолету в каждой руке. Когда Гэриш купил этот плакат в книжной лавке колледжа, Пигги не преминул заметить, что и пистолеты, и подтяжки символизируют импотенцию. Гэриш беспокоился, не так ли это, хотя никогда ничего не читал о Богги. Он подошел к двери сортира, открыл ее и вытащил Магнум 352, который отец, советник министерства, подарил ему на прошлое Рождество.

Оптический прицел Гэриш купил сам в марте. Конечно, хранение оружия в комнате едва ли допускается правилами общежития, даже если оно охотничье. И патроны вам вряд ли дадут — но так ли сложно обойти все эти

трудности? На складе колледжа бардак, очевидно, инвентаризация давно не проводилась. Гэриш прятал свой Магнум в леске за футбольным полем — водонепроницаемый чехол исключал любые неприятности — и забрал его рано вчерашним утром, когда все спали.

Гэриш сидел на кровати, сжимая ствол в руках, на лбу его выступила испарина. Со своего сиденья Мыслитель понимающе глядел на него. Гэриш встал, медленно пересек комнату и резким движением смахнул со стола фигурку. Она разлетелась на мелкие поблескивающие осколки, и тут же раздался стук в дверь. Гэриш сунул пистолет под кровать: — Войдите!

Это был Бейли в своих вечных подштанниках. Вокруг пупка — черная свалывшаяся шерсть. У Бейли не было будущего. Он должен жениться на тупой квочке и наплодить кучу тупых детей. Затем умереть — от рака или, например, от почечной недостаточности.

— Как твой экзамен, Корт?

— Все нормально.

— А у меня завтра. Нельзя ли забрать твои записи?

— Утром я сжег их с прочим хламом.

— А-а-а... ну, жаль... О, Боже! Это Пигги сделал?, — он уставился на останки Мыслителя.

— Понятия не имею.

— Но зачем? Зачем ему это было нужно?! Мне нравилась эта штуковина. Я хотел ее купить у Пигги, и вот пожалуйста...

У Бейли были мелкие и резкие, как у крысы, черты лица. Потертые неопределенного цвета подштанники сидели косо. Гэриш отчетливо видел, как он умирает от холецистита. С кислородной подушкой. И желтым лицом. «Я помогу тебе», — подумал Гэриш.

— Слушай, а если я этих баб стащу, Пигги не слишком обидится?

— Думаю, не слишком.

— О'кей.

Бейли прошел через комнату, шлепая по полу босыми ногами, осторожно обходя керамические осколки, и отколол фотографии.

— А твой плакат с Богартом тоже неплох. Хоть он и без сисек, но кое-что висит другое, ха!

Бейли посмотрел на Корта, ожидая, что тот улыбнется. Когда этого не произошло, он спросил:

— Надеюсь, ты не собираешься выбрасывать эту картинку?

— Нет. Я собираюсь всего лишь принять душ.

— О'кей. Ну, хорошо тебе провести лето, если больше не увидимся.

— Спасибо.

Бейли повернулся, продемонстрировав отвисшую задницу своих подштанников, и пошел к выходу. В дверях он остановился:

— Так у тебя еще одна четверка, Корт?

— Ну да.

— Молодец. Увидимся в следующем году, пока?

Он вышел и закрыл дверь. Гэриш посидел немного, затем вытащил пистолет, разобрал его и почистил. Он поднес дуло к глазу и долго смотрел на маленький кружок света. Ствол был чист. Он собрал оружие.

В третьем ящике бюро лежали три тяжелые коробки с амуницией. Гэриш открыл окно, подошел к двери, запер ее на ключ, вернулся к окну и выглянул во двор.

Яркая, поросшая зеленой травой площадка была полна гуляющих студентов. Квин со своим другом-дебилем все еще гоняли мяч. Они сновали туда-сюда, как ошпаренные кипятком тараканы.

— Давай я тебе кое-что расскажу, Богги, — сказал Гэриш, — Господь обозлился на Каина, потому что тому казалось, что Бог — вегетарианец. Его брат был осведомленнее. Бог сляпал мир по образу и подобию своему, и если не ты жрешь мир, то мир жрет тебя. И тогда Каин спросил своего брата: «Почему ты не сказал мне?» А брат ответил: «Почему ты не слушал?» Каин сказал: «О'кей, теперь-то я услышал». Он убил брата своего и сказал: «Эй, Господи! Ты хочешь мяса? Тебе жаркого, или ребрышек, или бифштекс из Авеля, или чего?» И Бог смазал ему пятки салом и выгнал из Эдема. Вот так... И что ты по этому поводу думаешь?

Богги молчал. Гэриш поудобнее устроился у окна, опершись локтями о подоконник, следя за тем, чтобы блеск ствола не был замечен снаружи. Он посмотрел в прицел.

Напротив находились корпуса женского общежития Карлтока, более известные как «сучарня». Гэриш перевел прицел на большой сверкающий «Форд». Рядом с машиной студентка, блондиночка в джинсах и голубой майке-топ мило беседовала со своей мамой. Папа, лысеющий краснорожий тип, запихивал сумки в багажник.

В дверь постучали.

Гэриш подождал.

Постучали опять.

— Корт? Я принес тебе кое-что за твой плакат. Открывай давай!

Бейли.

Корт промолчал. Девчонка с мамой над чем-то весело смеялись, не зная, что все они — микробы, инфузории в луже, суесящиеся без смысла и толка... Папа присоединился к ним, и они стояли, смеясь, под ярким солнцем — семейный портрет на перекрестье прицела.

— А, ну тебя к драной матери, — ругнулся Бейли. Босые ноги зашлепали по холлу.

Гэриш нажал курок. Магнум толкнул его в плечо. Хороший крепкий толчок, говорящий о том, что оружие расположено верно. Шевелюра блондиночки отлетела вместе с половиной головы.

Мама продолжала по инерции улыбаться еще мгновение, затем, зажав ладонью рот, пронзительно закричала. Гэриш выстрелил. Ладонь и голова исчезли в кровавом месиве. Отец семейства, бросив сумки, обратился в бегство. Корт поймал его на прицел и выстрелил в спину.

Опустив пистолет, Гэриш смотрел в окно. Квин, сжимая в руках мяч, таращился на девчонкины мозги, размазанные по надписи «СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА» на асфальте. Он не шевелился. И все вокруг стояли не двигаясь, словно вдруг окаменели. Кто-то настойчиво постучал, затем дернул дверную ручку.

— Корт? С тобой все в порядке, Корт? Мне кажется, кто-то...

— Ешь и пей досыта, Боже милостивый! Ешь!, — воскликнул Гэриш и выстрелил. Он промахнулся, и Квин бросился бежать. Не беда: вторым выстрелом Гэриш сразил его, и тело пролетело еще пару метров, прежде чем упасть.

— Корт Гэриш застрелился! — заорал Бейли. — Роллинс! Роллинс, быстрее сюда!

Ноги зашлепали по холлу. Теперь все бросились бежать. Гэриш слышал их крики. Слышал топот ног по ступеням. Он взглянул на Богарта. Богги сжимал свои пистолеты, глядя в пустоту сквозь Корта. На полу поблескивало то, что прежде было Мыслителем. Интересно, чем сейчас занимается Пигги? Спит, смотрит телевизор или ест обильный вкусный ужин. Жри весь этот мир, Пигги. Ты проглотишь его, не поморщившись.

— Гэриш!, — это Роллинс барабанил в дверь, — Гэриш, открой!

— Там закрыто, — кричал Бейли, — он был не в себе, он застрелился, я точно знаю!

Гэриш выставил ствол в окно. Парнишка в полосатой майке, спрятавшись за кустом, напряженно вглядывался в окна общежития. Было заметно, что он хочет бежать, но ноги не слушаются... «Жри, Господи!», — пробормотал Гэриш и нажал курок.

ОТРАЖЕНИЕ СМЕРТИ

ОТРАЖЕНИЕ СМЕРТИ

— В том году мы его переносили; ну и намучались же, однако! — говорил мистер Карлин, пока они взбирались по ступеням. — Перетаскивали, конечно, на руках. Иначе и нельзя. Мы застраховали его от повреждения у Ллойда, прежде чем выносить из комнаты... Единственная компания, которая стала страховать на указанную нами сумму.

Спенглер молчал. Его собеседник — явный дурак, а Джонсон Спенглер давно усвоил одну простую истину: единственно возможный способ общаться с дураком — игнорировать его.

— Застраховали на четверть миллиона долларов, — закончил мистер Карлин, когда они взойшли на второй этаж. Рот его искривился в усмешке, напоминающей оскал: — И влетело же нам это в копеечку!

Он был низенький, кругленький, хотя и не слишком толстый, в очках. Загорелая лысина сверкала, как начищенная. Со стен бесстрастно взирали резные амуры из красного дерева.

Спенглер осматривал длинный коридор, стены, лепнину, драпировки холодным глазом профессионала. Да, Самуэль Клаггерт закупал вещи в неограниченных количествах, но качество при этом хромало. Как многие другие самоучки, выбившиеся в магнаты в конце 1800-х, он был скорее ломбардщиком, чем истинным коллекционером. Слезливые новеллы, собрания непонятно чьих сочинений в дорогих переплетах, осколки древностей и современных глиняных монстров объединяют такого рода люди под именем Искусства.

Стены сплошь были увешаны подделкой под марокканские драпировки — слишком обильно и некстати. Бесчисленные мадонны сжимали на руках бесчисленных младенцев. Авторы, конечно, неизвестны. Стаи ангелов летали во всех направлениях; всюду были расставлены нелепые, в помпезных завитушках, канделябры. Картину завершала полунепристойная, с улыбающейся нимфеткой, люстра.

Конечно, не за этим приехал старый пират в частный музей имени Самуэля Клаггерта (экскурсия для взрослых — доллар, для детей — 50 центов в час, ежедневно). Если это контора на 98% состоит из хлама, то хотя бы по теории вероятности имеются 2% действительно ценных вещей. И это был так: ружье Кумба над камином в кухне, странная штучка — камера обскура — в гостиной, а главное...

— Зеркало Де Ивера было убрано из нижнего зала после одного неприятного... происшествия, — говорил мистер Карлин, — Конечно, и раньше бывало всякое: резкие слова, предубеждения, желание уничтожить зеркало — но это была единственная попытка действительно взять, да и разбить его. Мисс Сандра Бейтс пришла сюда с камнем в кармане. К счастью, ее замысел не удался; она плохо прицелилась, камень скользнул по краю, и зеркало осталось невредимо. У мисс Бейтс был брат...

— Впечатляет, не правда ли? — мистер Карлин кинул на собеседника странный, чуть искоса, быстрый взгляд. — Была английская герцогиня в 1709... и пенсильванский торговец коврами в 1746... не говоря уж...

— Я ознакомлен с историей, — холодно повторил Спенглер. — Это моя работа, стало быть, в моих интересах знать все о предмете. Теперь вопрос подлинности...

— Подлинности! — мистер Карлин издал короткий сухой смешок. Сдавленный скрипящий звук, как если бы кто-то потер друг о друга кости в шкафу под лестницей. — Все проверено экспертами, мистер Спенглер.

— Как и Страдивари.

— Ну да, — вздохнул мистер Карлин. — Но, знаете ли, там не шла речь о характерных эффектах... странных эффектах, присущих зеркалу Де Ивера, и только ему!

— Да, пожалуй. — терпеливо ответил Спенглер. Он помнил, что теперь болтовне служителя не будет остановки — раз уж затронули его любимую тему, словесный поток неизбежен. — пожалуй, да.

Однако Карлин не стал продолжать, и на третий и четвертый этажи они взошли молча. По мере приближения к крыше становилось все жарче, в темных верхних галереях стояла почти невыносимая духота. Стал явственно ощущаться столь знакомый Спенглеру запах — плесень и древесные жучки, давно умершие мухи и истлевшая ткань... Запах веков, который Джон Спенглер вдыхал всю свою сознательную жизнь, неотъемлемая принадлежность музеев и мавзолеев. Так должна пахнуть, наверное, земля на могиле юной девственницы, похороненной лет сорок тому назад.

Экспонаты здесь были свалены в беспорядке, что усиливало ассоциацию с ломбардом. Мистер Карлин вел своего спутника сквозь бесконечные ряды портретов, помпезных золотых клеток для птиц и уродливых скелетов старых велосипедов. Они подошли к стене, к которой была прислонена старая стремянка. Вверху виднелась дверь с пыльным висячим замком.

Слева скульптура Адониса с пустыми, без зрачков, глазами. На протянутой руке висит желтый знак «вход строго воспрещен».

Мистер Карлин достал связку ключей из кармана пиджака, повозившись, выбрал нужный и стал взбираться по лестнице. На третьей ступеньке он остановился. Лысина слабо поблескивала в полутьме, голос был глух:

— Я не люблю это зеркало. Никогда не любил. Я боюсь глядеть в него. Понимаете, боюсь, что рано или поздно гляну в него и увижу... то же, что и они.

— Они ничего не видели, кроме своего отражения, — ответил Спенглер.

Мистер Карлин хотел что-то возразить, но передумал, покачал головой и стал устраиваться поудобней, чтобы вставить ключ в замок. Он дергал ключ, вертел головой и бормотал:

— Должен подходить... Сейчас... Ах, черт!

Замок неожиданно открылся и слетел с петель. Мистер Карлин хотел удержать его и едва не упал с лестницы сам. Спенглер ловко поймал стремянку и взглянул на мистера Карлина: тот, смертельно бледный, с трясущимися губами, крепко уцепился за лестницу.

— Вы, кажется, слегка нервничаете? — мягко спросил Спенглер. Но ответа не последовало: казалось, его собеседник абсолютно парализован. — Спускайтесь, пожалуйста. Пока вы не упали.

Карлин медленно полез вниз. Он цеплялся за каждую ступеньку, как человек, висящий над пропастью. А когда, наконец, ноги его ступили на пол, задержался, будто под ним был пропущен электрический ток. Включился и голос:

— Четверть миллиона. Четверть миллиона долларов — страховка, чтобы перенести эту штуку снизу вверх. Они применяли специальный блок, чтобы поднять ее на чердак. Вот сюда. — быстро говорил Карлин. — И я надеялся... сперва неотчетливо и смутно, потом до отчаяния надеялся, что чьи-нибудь пальцы соскользнут, или протрется веревка, или сломается механизм. И эта чертова штукавина разобьется, разлетится на тысячи осколков...

— Факты. — перебил его Спенглер. — Только факты. Попробуем обойтись без дешевых новелл, без страшных сказок и всей этой бури эмоций. Первое. Джон Де Ивер — английский мастер нормандского происхождения, изготавливавший зеркала в елизаветинскую эпоху. Он жил и умер без приключений. Никаких пентаклей на полу, запаха серы и таинственных бумаг в кровавых пятнах. Ничего даже приблизительно похожего. Хоть сколько-нибудь шокирующего. Факт второй: его зеркала сделались изюминкой любой коллекции из-за великолепного мастерства, тончайшей шлифовки, легкого увеличивающего и искажающего эффекта. По этим характерным особенностям легко определить руку мастера. Третий факт. Только пять зеркал Де Ивера в настоящее время сохранились, два из них в Америке. Они бесценны. Факт четвертый: ваше зеркало и то, что было уничтожено в Лондоне, приобрели дурную славу

из-за совпадений и преувеличений, чьей-то, возможно, некомпетентности и...

— Факт пятый: вы редкостный ублюдок, Спенглер, вы это понимаете?!

Спенглер со вздохом посмотрел в бесстрастные глаза Адониса. Придется запастись терпением. Карлин продолжал:

— Я вел экскурсию детей, среди которых был брат Сандры Бейтс. Он посмотрел в это зеркало, в ваше «тончайшей шлифовки» зеркало, Спенглер. Было ему лет около шестнадцати, школьник еще. Я рассказывал о мастерстве и бесценности, совсем как вы, потом перешел к свойствам стекла, когда Бейтс перебил меня: «А что это за пятно в левом верхнем углу? Повреждение?». Один из ребят спросил его, о чем он говорит; Бейтс начал объяснять, затем остановился. Он приблизился к зеркалу, натянув ограждающий шнур, почти касаясь стекла. Затем оглянулся, как если бы то, что он видел, было отражением кого-то — кого-то в черном — за левым плечом мальчика. «Похоже, это человек», — задумчиво произнес он, — «но я не вижу лица... А теперь он ушел». Вот и все. А потом...

— Продолжайте-продолжайте, — устало сказал Спенглер. — Конечно, вы хотите сказать мне, что это был Жнец — весьма логичное объяснение, не так ли? Избранные люди видят отражение смерти, и так далее, и тому подобное. Из вас выйдет хороший рассказчик; воскресные газеты охотно напечатают эту захватывающую историю. Теперь поведайте мне об ужасных последствиях встречи со Жнецом; и не дайте мне раскрыть рта, чтобы объяснить все разумно... Что там с мальчиком? Задавила машина? Выбросился из окна? Или что?

Мистер Карлин нервно хихикнул:

— Вам лучше знать, Спенглер. Вы же дважды повторили, что... как это... а, «ознакомлены с историей Де Ивера!» Не было никаких ужасных происшествий. Никогда и никаких. Вот почему зеркало Де Ивера не приобрело скандальной славы, как например, бриллиант «Кохинор» или гробница Тутанхамона. И воскресные газеты не возь-

мутся за эту тему... Вы, должно быть, считаете меня дураком?

— Да. — ответил Спенглер. — А теперь нельзя ли подняться наверх?

— Конечно. — Мистер Карлин вскарабкался по лестнице и толкнул дверь. Она со скрипом открылась, нехотя, словно преодолевая сопротивление каких-то призраков по ту сторону. Карлин исчез в чердачной тьме, растворился в тенях. Спенглер последовал за ним. Адонис проводил его холодным безжалостным взглядом.

На чердаке было невыносимо душно. Маленькое грязное окошко под потолком едва пропускало свет, тут и там виднелась паутина, все было покрыто толстым слоем пыли. Зеркало в деревянной раме было поставлено под углом к солнечным лучам, и на дальней стене поблескивал жемчужный блик отражения. Мистер Карлин не смотрел на зеркало. Упорно, старательно не поднимая глаз.

— Вы никогда не протирали его? — спросил Спенглер, впервые заметно раздраженный.

— Я... я берег его, как зеницу ока, — невыразительным тихим голосом произнес Карлин. — Если оно будет оставаться открытым, все время открытым, то возможно...

Но Спенглер не обращал на его слова внимания. Он снял пиджак, сложил его пуговицами внутрь, и с предельной осторожностью, едва касаясь выпуклой поверхности стекла, стряхнул пыль. Затем отошел и посмотрел в зеркало. Оно было великолепно, гениально, подлинный Де Ивер. Руку мастера узнаешь сразу. Пыльная полутемная комната, сам Спенглер, фигура Карлина вполоборота — все в зеркале было четким, ясным, практически трехмерным. Легкое увеличение давало чуть искажающий эффект, почти четвертое измерение картины, приобретающей необычайную глубину и выразительность. Однако... Спенглер почувствовал новый прилив раздражения:

— Карлин.

Карлин молчал.

— Вы законченный кретин. Вы идиот. Зачем было говорить мне, что девчонка не повредила зеркало?!

Ответа не последовало.

— В левом верхнем углу трещина, — продолжал Спенглер. — Видите? Так что, девчонка попала в стекло? Говорите же, ради всего святого, говорите!

— Вы видите Жнеца, — ответил Карлин. Голос его был тих и бесстрастен. — Никакой трещины в зеркале нет. Поднесите к нему руку... О, Боже...

Спенглер стянул рукав пиджака и осторожно поднес манжет к левому верхнему углу зеркала.

— Вы видите, ничего сверхъестественного. Я прикасаюсь к нему...

— Прикасаетесь? И что, вы нащупываете трещину?

Спенглер медленно опустил руку и посмотрел в зеркало. Все в нем выглядело чуть более искаженным; пыльные углы комнаты, казалось, готовы соскользнуть куда-то в четвертое измерение...

Пятно исчезло. Поверхность была безукоризненно гладкой. Спенглер неожиданно ощутил приступ страха — и тут же презрение к себе за то, что поддался слабости.

— Похоже на Жнеца, не правда ли? — спросил мистер Карлин. Он был бледен как мел и не отрывал глаз от пола. На шее спазматически подергивался какой-то мускул. — Это фигура в капюшоне, стоящая сзади вас... как это выглядит?

— Это выглядит как трещина в стекле, — твердо ответил Спенглер. — И, поверьте, ничего более.

— Мальчик Бейтс был высоким и, знаете, таким крепким, — быстро заговорил Карлин. Его слова падали в душную тьму комнаты как камни в темную воду. — Как футболист. И в свитере с надписями. Мы были на полпути к верхним выставочным залам, когда...

— Мне не по себе от этой жары, — произнес Спенглер. Он вытащил из кармана платок, вытер пот. Казалось, по поверхности зеркала прошла мелкая рябь... или все это плывет перед глазами?

— Затем паренек сказал, что он хочет глоток воды... глоток воды, ради всего святого... — Карлин повернулся и уставился на Спенглера диким взглядом полубезумца. — Но как я мог знать?!

— Где у вас уборная? Мне кажется...

— Его свитер... Он мелькнул в лестничном пролете, когда мальчик сбежал по ступеням... когда... — ... кажется, я болен...

Карлин потряс головой, словно отгоняя наваждение, затем вновь устался в пол, пробормотал:

— Да-да, конечно. Третья дверь слева, как опуститесь на второй этаж. — Он взглянул вверх с мольбой и отчаянием: — Но Боже, как я мог ЗНАТЬ тогда?!

Но Спенглер уже ступил на стремянку. Под его весом что-то треснуло, и на секунду Карлин подумал — понадеялся — что лестница упадет. Но этого не произошло. Сквозь проем в полу Карлин видел, как Спенглер медленно спускался, прижимая ладонь ко рту...

— Спенглер!

Поздно. Ушел.

Карлин прислушался к эху шагов; оно становилось все тише и тише и, наконец, затихло. Карлин вздрогнул. Он попытался двинуться к лестнице, но ноги не слушались. Этот мелькнувший свитер ребенка... Боже!

Будто невидимая рука чудовищной силой сжала его голову и повернув ее к зеркалу. Сам того не желая, Карлин устался в колеблющиеся глубины Де Ивера.

Там ничего не было.

Лишь отражение комнаты, пыльные углы подрагивают, словно все готово провалиться в неведомую бездну, в таинственную Вечность... Отрывок полузабытого стиха Теннисона всплыл в сознании Карлина, и он пробормотал: — «Мне навевают тени страх», — сказала леди...»

Он не мог оторвать взгляда от зеркала, спокойная глубина притягивала и манила. Слева от рамы чучело буйвола пялило на него свои плоские обсидиановые глаза.

Мальчик хотел воды, фонтан находился на первом этаже; он спустился по ступенькам и...

Никогда.

Никуда не вернулся.

Как герцогиня, что решила сходить в гостиную за ожерельем. Как коммерсант, который пошел к своему экипажу — и оставил после себя лишь пустую коляску и пару запряженных в ней лошадей.

И зеркало Де Ивера было в Нью-Йорке с 1897 по 1920, когда Джуди Кратер...

Карлин смотрел как зачарованный в колышущуюся глубину. Сзади, внизу глядел в пустоту бесстрастный Адонис.

Он ждал Спенглера, как семья Бейтсов своего сына, как муж герцогини — возвращения своей жены из гостиной... Он напряженно глядел в зеркало и ждал... И ждал... и ждал...

С о д е р ж а н и е

СУДЬБА ИЕРУСАЛИМА	6
Перевод В.Эрлихмана	
ВОССТАВШИЙ КАИН	410
Перевод О.Лежниной	
ОТРАЖЕНИЕ СМЕРТИ	418
Перевод О.Лежниной	

Литературно-художественное издание

**Стивен Кинг
СУДЬБА ИЕРУСАЛИМА**

Выпуск 5

Сдано в набор 12.01.93. Подписано в печать 20.02.93.
Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 125 000 экз.
Заказ № 1138.

**ТОО «Татьяна» г.Санкт-Петербург,
ул.Салтыкова-Щедрина, д.14, пом.2.**

**Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74**

**Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г.Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.**

***Василиса премудрая и прекрасная
в сказках победила врагов и несчастья.***

**ИЧП «Фирма Василиса»
и Российское телевидение показывают
лучшие фильмы нашей Родины всех жанров.**

Любовные трагедии:

«Нелюбовь»,
«Темные аллеи»
(по мотивам повестей И. Бунина).

Мелодрамы:

«Очень верная жена»,
«Проснуться в Шанхае»,
«Одна на миллион»,
«Ой, вы, гуси»,
«Улыбка»,
а для детей «Собачье счастье!».

**Детективы
и приключения:**

«Номер люкс для генерала с девочкой»,
«Дом свиданий»,
«Джокер»,
«Клан».

Сказки и фантастика:

«Алиса в стране чудес»,
«Ариэль»
(по мотивам романа А. Беляева).

Комедии:

«Агенты КГБ тоже влюбляются»,
«Эффект Дориана» — внимание, вы увидите
достоверную историю про то, как одного мужчину
разлюбили сразу две женщины, и какие он перенес
зключения, чтобы они его снова полюбили, при участии
колдунов и ведьм, которые сами не ведают, что творят.

**Мы уверены, что наше отечественное кино
выживет и победит, как сказочная Василиса.**

**И в этом только мы, соотечественники,
можем помочь друг другу.**

***"Возьмемся за руки друзья;
возьмемся за руки друзья, ей богу!"***

Булат Окуджава

**Контактный телефон ИЧП «Фирма Василиса»
по рекламе и прокату фильмов**

253-51-89

THE INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR THE EXCHANGE OF STUDENTS FOR TECHNICAL EXPERIENCE (IAESTE)

IAESTE — крупнейшая международная Ассоциация, объединяющая свыше 60 стран, более 800 университетов и академий мира, около 6000 фирм и компаний, имеющая консультативные отношения с агентствами ООН: UNESCO, ECOSOC, UNIDO.

IAESTE — неполитическая, неправительственная, некоммерческая организация, основанная в 1948 году, развивающая международное взаимопонимание и сотрудничество.

IAESTE — международные научно-технические семинары и конференции.

IAESTE — банк данных с информацией о специалистах технических вузов России и зарубежных стран, прошедших обучение и стажировки на зарубежных фирмах. Ваш наилучший выбор в кадровой политике.

IAESTE — организация обучения и рабочих стажировок студентов и молодых специалистов за рубежом.

IAESTE — эффективная реклама в информационных бюллетенях, справочниках, проспектах IAESTE, распространяемых в 60 странах мира по 8000 фирм и компаний.

IAESTE — интенсивные языковые курсы и тематические стажировки за рубежом.

Если вы заинтересованы в постоянных и взаимовыгодных контактах, мы ждем Вас в Российском представительстве IAESTE по адресу:

**113054 Москва, Стремянный переулок, 28,
корп. 3, к. 338
Телефон: 236 41 38, Факс: 230 25 28 (IAESTE)
Телекс: 412110 MIRBS SU IAESTE**

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

КРЕДИТЫ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕПОЗИТЫ

ФАКТОРИНГ

ЛИЗИНГ

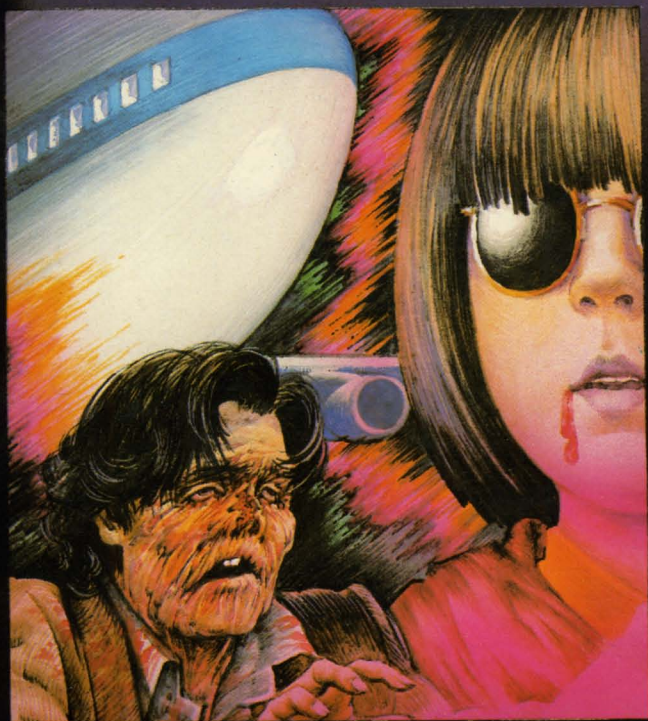
ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ

и др.

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г. Жуковский М.О.,
ул. Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске
мы опубликуем
фантастические повести
Стивена Кинга
«Лангольеры» и «Туман»,
в которых рассказывается
о борьбе людей с нашествием
гигантских тварей.